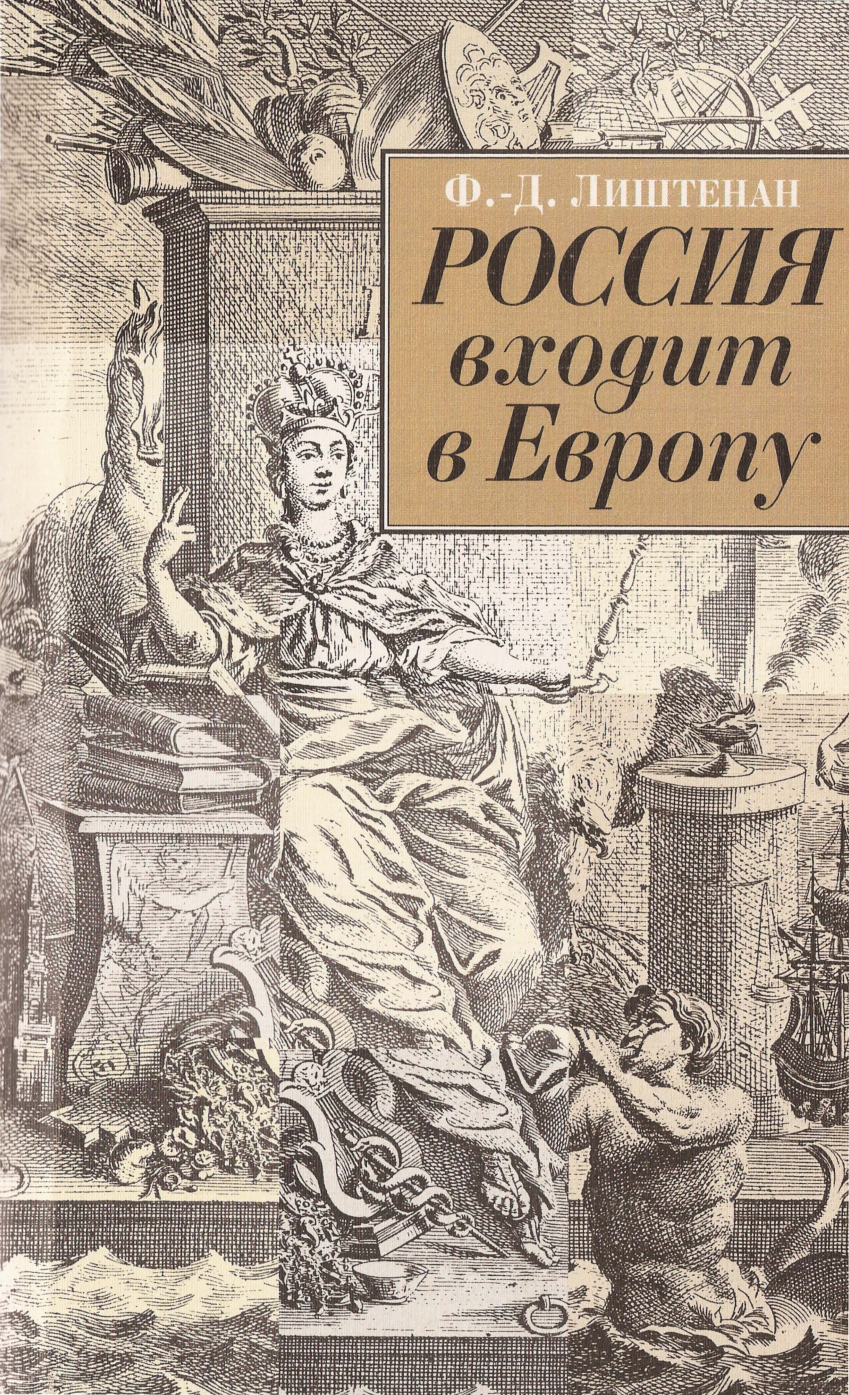

Ф.-Д. ЛИШТЕНАН
*РОССИЯ
входит
в Европу*

ФРАНСИНА-ДОМИНИК ЛИШТЕНАН
Россия входит в Европу

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Серия основана в 1997 году

Под редакцией Е. В. Пермякова

ВЫПУСК

5

МОСКВА

О · Г · И

2 0 0 0

FRANCINE-DOMINIQUE LIECHTENHAN

La Russie entre en Europe

Elisabeth Ire
et la Succession d'Autriche

1740–1750

C N R S
E D I T I O N S
1 9 9 7

ФРАНСИНА-ДОМИНИК ЛИШТЕНАН

Россия входит в Европу

Императрица Елизавета Петровна
и война за Австрийское наследство

1740–1750

МОСКВА

О · Г · И

2 0 0 0

Перевод с французского В. А. Мильчиной

Редакторы Е. Э. Лямина, К. Г. Боленко

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин» при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции и Посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication Pouchkine avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France en Russie.

В оформлении переплета использована гравюра из книги Т. Сэмона и М. Ван Гоха «Современная история, или Нынешнее состояние России» (перевод с английского и голландского на немецкий Э. Рейхарда). Альтона и Лейпциг, 1751.

ЛИШТЕНАН Франсина-Доминик. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. — М.: ОГИ, 2000. — 408 с. Пер. с фр. В. А. Мильчиной.

ISBN 5-900241-28-9

© CNRS Editions, 1997

© В. А. Мильчина, перевод с французского, 2000

© Е. В. Пермяков, серия «Материалы и исследования по истории русской культуры», 1997

© ОГИ, оформление, 2000

Оглавление

Введение 13

Часть первая **Европейский театр**

Глава первая

Россия и начало войны за Австрийское наследство 23

Реакция Пруссии и Франции
на воцарение Елизаветы Петровны 26
Двойной дипломатический прагматизм:
Людовик и Фридрих 29

Глава вторая

Интересы «разъятой Европы» (1742–1744) 32

Предательство кальвиниста:
Бреславский договор (1742) и его последствия 34
Год одураченных — 1743 39
Петербург: последствия Второй силезской войны 43
Елизавета Петровна переходит на сторону Саксонии и Австрии 47

Глава третья

Макиавеллизм и государственные интересы 54

Елизавета — посредница или третейский судья,
разрешающий спор между народами Европы 56
Фридрих бросает вызов:
Дрезденский договор (1745) и мир с Марией-Терезией 61
На помощь «Священной Римской
империи германской нации» приходят русские 65

Глава четвертая

Политика напоказ (1746–1748) 70

Разница в финансовом положении посольств 73
Подготовка Петербургской конвенции (1747) и ее первые последствия 76
Маршрут русского вспомогательного корпуса 82
Подготовка Ахенского мира 85
Россия и «фиктивный» Ахенский мир 89

Оглавление

Часть вторая **Система двора**

Глава пятая **Наследство Петра Великого 95**

- Засилье немцев 99
- «Прагматические раздоры» 103
- Иерархия двора 106
- Новый наследник 109

Глава шестая **Шпиономания и предательства 111**

- Дело Ботты 115
- Брачная политика 121
- На войне как на войне 124
- Око за око, зуб за зуб 130

Глава седьмая **Люди «строптивные, подавленные, сбитые с толку» 134**

- Женский люд 139
- Круги общения 144

Глава восьмая **Царица против воли, императрица на свой манер 149**

- Политическая зрелость 153
- Призрак переворота 157
- Двойное нарушение отцовской воли 160

Глава девятая **Беспорядок и пустота 166**

- Охота на человека 168
- Конец героев 175

Оглавление

Часть третья

Передел дипломатического пространства

Глава десятая

Геометрия Севера 183

- Швеция, Дания, Россия и Голштиния 190
- Северная политика Елизаветы Петровны 192
- Контрнаступление канцлера Бестужева 198

Глава одиннадцатая

Отлично разыгранная шахматная партия 203

- Последствия Прагматической санкции 207
- Возрождение Фридриховой системы 210
- В поисках новых союзников 214
- Перемены в дипломатической системе 221

Глава двенадцатая

Протокольные сложности 227

- Статьи международного права 230
- Протокол: традиции и исполнение 233
- Конец эпохи 237
- Свобода выскочек 244

Заключение 255

Приложения

- Аксель фон Мардефельд.
Записка о важнейших персонах при дворе русском (1747) 269*
- Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн.
Общий отчет о русском дворе (1748) 289

Хронология 327

Библиография 355

Указатель имен 393

Список условных сокращений 407

*Памяти Вацлава Орликовского —
эта книга о России*

Введение

1740-е годы стали переломным этапом в истории России. Если в начале десятилетия эта страна хранила нейтралитет, а потом выступала посредницей в европейских конфликтах: в войне за Австрийское наследство и в Силезских войнах, то в 1746 году Елизавета Петровна, дочь Петра I, решила вступить в войну на стороне Англии и Саксонии. С этого времени русские цари постоянно вмешивались в европейские дела. Что же до периода, предшествовавшего образованию русско-австро-саксонско-английской коалиции, то в эти годы посланцы воюющих стран, дипломаты и царедворцы, вели в Петербурге беспримиренную борьбу, пытаясь привлечь недоверчивую Елизавету на свою сторону.

Царствование дочери Петра (1741–1761/62) оценивается историками, как европейскими, так и российскими, неоднозначно. Личность императрицы и ее канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, равно как и их внешняя политика, становились предметами самых разноречивых комментариев и характеристик. Полемика шла как между современниками императрицы, так и между позднейшими исследователями. Обсуждался, во-первых, вопрос о том, как оценивать внутреннюю политику императрицы: если сторонники Елизаветы полагали, что она завершила реформы, начатые ее прославленным родителем, и подготовила почву для просвещенного царствования Екатерины II, то наблюдатели менее восторженные утверждали, что при Елизавете в России снова взяли верх чисто русские, московские нравы. Во-вторых, активно обсуждался вопрос о том, законна ли была власть Елизаветы и пристало ли женщине править такой могущественной державой, как Россия. Некоторые авторы отождествляли русскую «гинекократию» 1725–1761 годов с возвращением к старине: противники Петра Великого видели в этом несомненное достоинство, сторонники же западного пути развития — катастрофу. Наконец, чрезвычайно важным и не менее спорным представлялся всем, кто писал о Елизавете, вопрос о ее внешней политике; однако если роли, которую сыграла Россия в Семилетней войне, посвящено бесчислен-

ное множество работ, то о ее участии в войне за Австрийское наследство написано куда меньше¹. Способствовало ли вступление России в войну прекращению боевых действий или же, напротив, Россия «бездейтельно смотрела на быстрый рост политического могущества Пруссии»? В 1742–1744 годах Елизавета — союзница Франции и Пруссии, с 1746 года она принимает сторону Австрии и Англии; российские войска входят в Центральную Европу; возникает и получает распространение миф о России как просвещенной монархии, — как ни странно, в исследованиях, посвященных 1740-м годам, все эти факты до сих пор не были подвергнуты обстоятельному анализу.

Дипломатические отношения между Западом и Россией неоднократно рассматривались в диссертациях, написанных в конце прошлого столетия, однако эти исследования не получили продолжения, так как после Второй мировой войны западные специалисты почти не имели доступа в архивы восточноевропейских стран. Вдобавок в пору расцвета структурных методов история дипломатии, чересчур мелочная и фактографическая, считалась недостойной внимания серьезных исследователей. Между тем донесения посланников 1740-х годов — донесения, в которых рассуждения о политике и культуре перемешаны с экономическими выкладками и наблюдениями над жизнью общества, — в высшей степени заслуживают нашего внимания. С самого начала войны за Австрийское наследство французы, пруссаки, австрийцы и англичане пытались сделать Елизавету посредницей в отношениях между их странами; когда же дело зашло слишком далеко, каждый из монархов: Фридрих II и Людовик XV, Мария-Терезия и Георг II — в свой черед предпринимал попытку привлечь ее на свою сторону в качестве союзницы. Их представители в Петербурге интриговали, заручаясь поддержкой царедворцев и фаворитов. Интриги эти в конечном счете привели к тому, что русские батальоны были направлены на берега Рейна, а русский двор прервал дипломатические отношения с Версалем (в 1748 году), а затем и с Пруссией (в 1750 году). За короткий промежуток времени (не больше трех лет) вследствие дипломатической революции соотношение сил в Европе коренным образом изменилось: вновь возникли крупные коалиции, в одной из которых нашлось место для России.

В этой сложной обстановке анекдоты, мелкие детали, слухи приобретали первостепенную важность, а нередко приводили к последствиям куда более серьезным, чем сами политические события, которые они предвещали или отражали. В исторических анекдотах

---

¹ Перечень работ, о которых идет речь, см. в разделе «Библиография».

² Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 592.

запечатлены усилия, которые предпринимали тогдашние политические деятели ради достижения мира, на поверку оказывавшегося весьма непрочным. Фридрих II ввел новый распорядок — приказал своим представителям «стенографировать» их жизнь в чужой стране. Любая реплика, любой обмен взглядами свидетельствовали об изменениях атмосферы при русском дворе, раздираемом противоречиями между миролюбием императрицы и политическими амбициями канцлера, который для укрепления своих позиций стремился к союзу с Англией и Австрией. В 1740-х годах то, что происходило в Петербурге, повторяло в миниатюре события социальной и интеллектуальной жизни, происходившие на европейской политической сцене; в России, не принимавшей участия в войне, разыгрывались те же конфликты между европейскими нациями, которые в большом мире приводили к военным столкновениям (предлогом для них служил дележ наследства — в данном случае австрийского); каждую из воюющих сторон воплощали дипломаты, сотрудники соответствующих посольств³. При этом существовавшие прежде союзы распадалась и уступали место новым коалициям. Всякое событие этого периода было теснейшим образом связано с действиями дипломатов, чье существование, в свою очередь, напрямую зависело от двора с его системой знаков и правил, с его законами и церемониалом, в котором изо дня в день принимали участие послы и посланники, умевшие изъясняться на особом наречии, по видимости прозрачном по отношению к собственным государям, уклончивом, лживом, темном по отношению к чужакам. Вопросы войны и мира решались одновременно и на полях сражений, и в европейских столицах; мы рассмотрим, как это происходило, на примере Петербурга, столицы государства, которое в пачале конфликта, охватившего практически всю Европу, сохраняло нейтралитет. Ведь дипломаты всегда и повсюду действуют одинаково. Каким же образом они влияли на ход европейской истории, которая, чем пристальнее мы в нее всматриваемся, кажется нам все более двусмысленной, ибо свидетельства главных участников тогдашних событий в силу своей разнородности дают основания для самых несхожих интерпретаций?

---

³ «Посол схож в некотором смысле с комедиантом, каковой выступает на театре перед публикой и исполняет великие роли; должность сия возвышает его над природным его званием и приравнивает в определенном роде к властителям земли, ибо наделяет его правом за них представлять и в частных сношениях с ними находиться, так что ежели не сумеет он вести себя достойно их, то прослышет бесприменно дурным актером; обязанность же сия есть подводный камень, о кой многие переговоры спотыкаются, ибо не понимают, в чем именно она заключается» (Caillères F. de. De la manière de négocier avec les souverains, de l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyez et des qualitez nécessaires pour réussir dans ces emplois. Paris, 1716. P. 35–36).

Понятие «дипломатический корпус» возникло около 1750 года — тогда же, когда начало складываться представление о Европе как о едином целом; посланники, ясно сознававшие свои привилегии и свои права, составляли особую группу и зачастую действовали по собственному усмотрению, нарушая инструкции и приказы своих государей. Дипломаты подчинялись особым законам, изменявшимся в зависимости от места службы⁴. Принадлежность дипломатов к особой касте была выгодна государям: нередко дружеский разговор с посланником враждебной державы приносил гораздо больше сведений, чем мог добыть самый ловкий шпион; дипломаты передавали через своих собратьев сообщения деликатного свойства, выполняли по просьбе коллег мелкие поручения. Дипломатический представитель мог способствовать сближению своего двора с двором державы-соперницы либо, напротив, их максимальному удалению друг от друга. На официальных приемах, а тем более на конгрессах эта внутренняя жизнь дипломатического корпуса была почти незаметна: здесь все подчинялось этикету, и послы ограничивались выполнением представительских функций. Самые же важные события происходили в кулуарах дворцов, во время роскошных празднеств, а также во время частных визитов.

Изучение такой микроструктуры, как русский двор, и такой группы действующих лиц, как посланники и их «партии», нуждается в разнообразии подходов. Требовалось не просто прочесть дипломатические депеши, но сопоставить описания одного и того же события в донесениях разных дипломатов. Так, послания англичан и саксонцев были прочтены параллельно с письмами и донесениями (неизданными) французов, пруссаков и австрийцев. В результате выяснились некоторые механизмы, управлявшие в рассматриваемый период европейской политикой. Стало ясно, каким образом официальная политика, которую строили кабинеты и канцелярии, соотносилась с отраженной в донесениях тайной дипломатией, тесно связанной с местными условиями⁵. Полномочные министры Людовика XV, Фридриха II, Марии-Терезии, Фридриха-Августа II или Георга II профессионально играли две различные роли — дипломатических представителей и шпионов; на публике дипломат выполнял (насколько возможно) все, что предписывал церемониал

---

⁴ См.: *Pecquet A. De l'art de négocier avec les souverains. La Haye, 1738. P. 104.* Уже в этом сочинении дипломаты именуются «независимым сообществом», члены которого держатся друг с другом «соответственно политике их государей, но неизменно учтиво и порядочно, даже если государи их в состоянии войны пребывают».

⁵ См.: *Pagès. La diplomatie secrète au XVIIIe siècle // Revue de synthèse historique. 1911, juin. T. XXII. P. 311–316.*

чужестранного двора, за кулисами же нарушал правила, интриговал, обнажая при этом свои собственные слабости. Таким образом создавалась вторая, тайная система: на великом европейском театре, подчинявшемся строгим и неизменным законам международного права, начинала разыгрываться невиданная прежде, импровизированная комедия. Активное вмешательство дипломатов, деятельных участников интриг и заговоров, постоянно возникавших в елизаветинской России вследствие ее специфического положения на международной арене, придало русскому двору новый облик. Задником, декорациями и рамой для того спектакля, который разыгрывали иностранные дипломаты, служила сама Россия с ее историей, государственным строем, географическими условиями, экономическими возможностями, религией, нравами и их восприятием в западном мире; подчас декорации эти оказывали на действия политиков весьма заметное и одновременно весьма неожиданное влияние.

Хронологические рамки нашего исследования заданы самим ходом событий: от воцарения Елизаветы до разрыва с прежними союзниками, сделавшимися ее соперниками на балтийских берегах. Разрыв этот отрезал империю, служившую Фонтенелю образцом просвещенной монархии, не только от Франции — родины идей Просвещения, но даже и от Пруссии, ставшей этим идеям второй матерью. В 1740-е годы отношение к России сделалось проблемой в равной мере и политической, и философской; именно в силу этого обстоятельства мы сочли себя вправе ограничить наши архивные разыскания донесениями французов, пруссаков и австрийцев. Дело в том, что в сознании англичан мифическая фигура Петра Великого, ставшего (помимо воли) творцом европейской модели Прогресса, не занимала такого большого места. Саксонские и английские посланники в Петербурге вели меньше интриг, поэтому их переписка не так увлекательна; вдобавок эти дипломаты занимали более устойчивое положение и потому были теснее связаны с внутренней политикой России, которая в данном исследовании специально не рассматривается. Нас интересовал образ России, который под влиянием прессы и книг, интеллектуальных веяний и системы взглядов монархов и их представителей складывался в умах современников-иностранцев. Философы-просветители прославляли Россию как страну чудес, очевидцы же описывали царство безнадежного варварства.

Елизаветинская Россия известна по воспоминаниям Манштейна и Штелина — немцев, находившихся в русской службе, по мемуарам Неплюева и Болотова, Екатерины II и Е. Р. Дашковой, по материалам из архива князя Воронцова и «Истории России» С. М. Соловьева; мы же постарались взглянуть на елизаветинскую

эпоху с другой точки зрения — изобразить ее глазами иностранных дипломатов, опираясь прежде всего на неопубликованные донесения двух «самых ловких посланников, какие только существуют в Европе»⁶, — прусских дипломатов Акселя фон Мардефельда и Карла Вильгельма фон Финкенштейна (их пространные описания России опубликованы в «Приложениях»).

Прусские документы имеют особенно большую ценность. Многолетняя переписка между Фридрихом II и его представителем в России Мардефельдом изобилует подробнейшими сведениями о жизни русского общества. Чтобы как-то систематизировать этот огромный материал, король приказал Мардефельду, к этому времени уже покинувшему свой пост в Петербурге, подвести итоги своего пребывания в России. Так на свет появилась «Записка о важнейших персонах при дворе русском». Дипломат описал в ней систему русскую двора, перечислил борющиеся в Петербурге партии и группировки, уточнил роль русских министров и иностранных посланников и, естественно, не преминул нарисовать портрет императрицы. Если прочие дипломаты в большинстве своем отделялись карикатурными набросками, Мардефельд предложил своему государю анализ русского национального характера, как он проявляется в повседневном быту; вывод, сделанный прусским дипломатом, неутешителен: русские приводят его в замешательство и отчаяние. Прусский король остался весьма доволен запиской своего представителя и повелел незамедлительно ознакомить с нею преемника Мардефельда — Финкенштейна. Тот возвратил оригинал министру иностранных дел Подевилеусу (которому было приказано запечатать рукопись и отдать ее на хранение в Секретный архив), однако прежде «в величайшей тайне» изготовил ее «собственноручную копию». Именно из этого документа исходил Фридрих II, давая новому посланнику инструкции, призванные помочь самостоятельно избирать линию поведения, «если так сложатся обстоятельства, что ни времени у него не будет, ни возможности приказаний королевских дожидаться касательно предметов важных».

Финкенштейн, прибывший в Россию через полгода после отъезда своего предшественника, относился к императрице, ее министрам и вообще ко всему русскому народу с величайшим презрением; прожив в Петербурге всего одиннадцать месяцев, он воспользовался первым же предлогом (перлюстрацией его писем), чтобы попросить короля отозвать его из северной столицы. Финкенштейн, друг детства Фридриха, его конфидент и советник, знал, как нужно

---

⁶ Характеристика эта принадлежит человеку, знавшему дипломатическое ремесло не понаслышке, — французскому министру иностранных дел маркизу д'Аржансону; см.: *D'Argenson. Journal et Mémoires*. Paris, 1862. T. IV. P. 439.

говорить с королем и как следует излагать ему суть того или иного дела; мнение Финкенштейна о России сыграло не последнюю роль в том, что Фридрих стал относиться к этой стране еще хуже, чем прежде. «Общий отчет о русском дворе», сочиненный Финкенштейном, более пространен и подробен, чем записка Мардефельда. По «Отчету» Финкенштейна видно, какое большое влияние оказало на его автора чтение давних и современных антирусских сочинений; Финкенштейн явственно стремится отмежеваться от своего почтенного предшественника и рисует картину России особенно черными красками. Разбирая (в соответствии с полученной инструкцией) состояние русской армии, он, хотя и стремится успокоить короля насчет русской военной мощи, не может скрыть владеющего им страха. В каждой строке «Отчета» видно, как сильно Финкенштейн презирает русских и как сильно он их боится. Кроме того, сам стиль «Отчета» и даже его лексика свидетельствуют о полной неспособности Финкенштейна помешать ухудшению дипломатических отношений между Россией и Пруссией (которое в конечном счете и привело к полному их разрыву в 1750 году).

Между позициями Мардефельда и Финкенштейна есть существенные различия. Мардефельд не видит больших перспектив у нации, которую он считает отставшей в своем развитии, скорее азиатской, чем европейской, хотя и привлекательной благодаря личности императрицы и некоторых министров; свою записку он заканчивает выразительным советом относительно того, как следует пруссакам держать себя с русскими: «Наблюдать с пристойностью некоторое равенство, дабы не желали они у нашего двора отнять превосходство». Напротив, Финкенштейн, проведенный в России всего одиннадцать месяцев, рисует монархию разом страшную и грозную, которая способна обрести второе дыхание в том случае, если сильный государь, подобный Петру I, вступит на ее престол и совершит то, чего, по мнению прусского посланника, не может совершить женщина, — выведет свой народ из того бедственного положения, в котором он пребывает. Мардефельд полагал, что России следует оказывать помощь, своего рода техническую поддержку, с тем чтобы уберечь ее от переворота, способного изменить ее внешнеполитическую ориентацию. Преемник его, напротив, рассматривает только крайности: либо Россия станет еще более слабой и придет в окончательный упадок, либо ей суждено расцвести и стать сильной, Западу же ни в том, ни в другом случае не следует вмешиваться в ее дела. Оба мнения весьма характерны; обоим было суждено большое будущее. Из чего бы ни исходили прусские дипломаты, из заветных убеждений или из политической конъюнктуры, сочинения их представляют собой ценнейшее историческое свидетельство.

Введение

Впрочем, донесения дипломатов — не единственный источник нашей работы; мы использовали также путевые заметки, книги по истории России, мемуары и дневники, отрывки из прессы. Мы исследовали поведение иностранных дипломатов и государей, которых они представляли, пользуясь методами истории литературы, истории культуры, истории ментальностей и исторической социологии, и надеемся, что калейдоскопическая картина, которую рисуют их донесения и другие тексты той эпохи, поможет по-новому осветить войну за Австрийское наследство, первые годы царствования Елизаветы Петровны и, прежде всего, окончательное вступление России в семью европейских государств.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР

*Невообразимый хаос*¹.

---

¹ Фридрих II к Подевильсу, 8 ноября 1745 // РС. В. IV. S. 332.

Глава первая

РОССИЯ И НАЧАЛО ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

В 1740–1742 годах жизнь дворов крупнейших европейских держав существенно переменилась; главные действующие лица войн за Испанское и за Польское наследство сошли со сцены, уступив место новым, молодым монархам и целой плеяде министров-«ревизионистов». 31 мая 1740 года на отцовском троне воссел Фридрих II, музыкант и литератор, очень скоро удививший окружающих неожиданно воинственным нравом. Австрийский же престол после смерти императора Карла VI (скончавшегося в октябре 1740 года) согласно Прагматической санкции должна была занять его дочь Мария-Терезия — именно это ее право и оспорили соседние монархи, в результате чего началась война за Австрийское наследство, продлившаяся целых восемь лет и охватившая весь европейский континент. Кончина императора заставила прусского короля оставить свои «мирные забавы»; Фридрих признавался Вольтеру, что променял театры, актрис и балеты на порох и пушки. В то время «старая политическая система совершенно преобразилась; точь-в-точь, как тот камень из сна Навуходоносора, который оторвался от горы, ударился в истукана из четырех металлов и раздробил эти металлы все до одного»². Воспользовавшись смятением, которое охватило Европу, Фридрих ринулся в бой и аннексировал Силезию (декабрь 1740 года)³. Франция и Испания приня-

---

² Письмо к Вольтеру от 26 октября 1740 г. (*Œuvres complètes*. Т. XCI; *Correspondance*. Т. VII. Genève, Oxford, 1970. P. 341 (памек на Книгу Даниила, 2, 34).

³ Представитель Людовика XV в Берлине, Валори, утверждал, что войну за Австрийское наследство развязала Мария-Терезия и вся ответственность за дальнейшие события лежит на ней, однако французский дипломат признавал, что завоевания Фридриха II подлили масла в огонь. См.: *Valori G.L.H. Mémoire des négociations du Marquis de Valori*. Paris, 1820. P. 186.

ли сторону курфюрста Баварского, избранного императором под именем Карла VII⁴, и — хотя и не без колебаний — заключили союз с Пруссией против юной наследницы Габсбургов⁵. Что же касается Франции, то смерть кардинала де Флери (январь 1743) совершенно переменила ее внешнюю политику, и по воле повзрослевшего Людовика XV Версаль стал поддерживать католические нации. Георг II, самый старший из государей великих держав, в феврале 1742 года был вынужден отправить в отставку своего министра Уолпола, скомпрометированного в глазах английского общества своей франкофилией. Август III (известный также под именем Фридриха-Августа II) получил — благодаря деятельной поддержке России — польскую и саксонскую короны, и назначил своим первым министром Брюля, заклятого врага пфальцграфов и Гогенцоллернов⁶.

Неустойчивая обстановка в германской империи привела к созданию коалиции, в которую входили Франция, Испания и Бавария; на противоположной стороне сражались Великобритания и Нидерланды, а между ними метались кальвинистская Пруссия, католическая Австрия, «духовные князья»⁷, преданные венскому двору, и лютеранская Саксония, чей перешедший в католичество король правил также и католической Польшей. Наконец, в войну могла вступить и еще одна держава, внушавшая одновременно и страх, и надежды, — православная Россия. Таким образом, война за Австрийское наследство, непосредственной причиной которой были Прагматическая санкция и территориальные споры между германскими государями, имела все шансы превратиться в конфликт мирового масштаба, не уступающий войнам, которые вела Аугсбургская лига, или войне за Испанское наследство. Война грозила охватить не только всю Европу, но также Америку, Индию и даже державу, располагавшуюся, подобно Турции, на двух континентах, — Россию.

Императрица Анна Ивановна скончалась в том же году, что и Карл VI⁸. Наследнику престола Ивану VI к этому време-

---

⁴ См.: *Le Roy Ladurie E. L'Ancien Régime. Paris, 1991. P. 311.*

⁵ *Arneth A. von. Maria-Theresias erste Regierungsjahre. Vienne, 1863. B. I. S. 5.*

⁶ *Herrmann E. Andeutungen über die russische Politik des Reichsgrafen Heinrich von Brühl // Archiv für sächsische Geschichte. N.f. 1876. B. II. S. 47.*

⁷ *Valori G.L.H. Op. cit. P. 185.*

⁸ Узнав о смерти царицы, Фридрих якобы воскликнул: «Бог нам покровительствует, а судьба помогает»; см.: *Мартенс Ф. Ф. Собрание тракта-*

ни исполнилось два месяца; регентшей при нем (после недолгого регентства фаворита Анны Ивановны Бирона) была его мать, которую поддерживал фельдмаршал Миних, верный друг Пруссии. Договор об оборонительном союзе, согласно которому Россия обязалась при начале военных действий предоставить Пруссии 5000 человек вспомогательного войска, был подписан в тот самый день, когда в Петербург пришла весть о захвате Силезии. Что следовало предпринять России — воспротивиться или выступить в роли посредницы? Юный император «удовольствовался» неофициальным протестом; петербургский договор остался в силе.

Тем не менее ясности в отношениях между Россией и Пруссией не прибавилось; прежде они никогда не воевали, но международное положение 1740 года грозило превратить бывших союзников в соперников. Между тем не прошло и года, как из Петербурга пришло известие о государственном перевороте, возведшем на престол Елизавету, дочь Петра I. Известие это вызвало у одних серьезные опасения, другим же внушило самые радужные надежды. Фридрих, исключенный из сообщества европейских наций, увидел в России — молодой стране с колоссальной протяженностью и огромным населением — идеальную союзницу. На то у него имелись и геополитические, и стратегические причины. Недаром отец перед смертью завещал ему хранить дружеские отношения с Москвией⁹. Перед Россией открывались самые разные возможности: новые власти в Петербурге могли поддержать Пруссию, а могли, напротив, приняв сторону Австрии и Саксонии, сжать ее в тиски¹⁰. Именно в эту пору монарх из рода Гогенцоллернов осознал необходимость создать общеевропейскую систему, которая соединяла бы Лондон (или — смотря по обстоятельствам — Париж) с Берлином и Санкт-Петербургом и, охраняя его собственные территориальные завоевания, противостояла Габсбургам.

тов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1880. Т. V. С. 317.

⁹ *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 315.

¹⁰ Фридрих опасался этого всю жизнь: см., например, его «Размышления о военных талантах и характере Карла XII» (*Œuvres historiques de Frédéric le Grand*. Berlin, 1847), сочиненную в 1759 году, когда Пруссия вела кровопролитную войну против России и Австрии. В судьбе шведского собрата прусский король находил очень много общего со своей собственной судьбой.

Реакция Пруссии и Франции на воцарение Елизаветы Петровны

Франция стояла у истоков государственного переворота, в результате которого в конце 1741 года российская корона досталась дочери Петра I. Кабинетом короля двигало вовсе не сочувствие молодой женщине, которую некогда прочили в невесты Людовику XV. Под предлогом помощи дочери Петра французские политики стремились внедрить своих доверенных лиц в окружение русской императрицы и таким образом восстановить гегемонию Франции на севере Европы¹¹. Для достижения этой цели версальский кабинет натравливал на Россию соседнюю Швецию: со смерти Карла XII две страны постоянно оспаривали одна у другой части территории. Война со Швецией, полагали в Версале, ослабит и без того непрочную российскую власть, представленную императором-младенцем Иваном VI и регентшей Анной Леопольдовной, которую французы считали ставленницей немцев. Возведя на престол Елизавету, французы рассчитывали отстранить от русского двора как советников немецкого происхождения — Остермана, Миниха, Левенвольде, — так и «габсбургскую» партию. Таким образом, при русском дворе повторялись в более скромных масштабах те распри, которые раздирали после смерти Карла VI всю Европу. Успех операции зависел от посланника Людовика XV маркиза де Ла Шетарди. Он должен был разжигать конфликт в Финляндии; если бы война там разгорелась не на шутку, русским пришлось бы перебросить войска из Петербурга на театр военных действий и оставить столицу беззащитной. Подготовка к государственному перевороту велась и внутри императорского дворца; французский дипломат, светский человек и дамский угодник, не жалел подарков и денег, а кроме того, употребил все свои таланты соблазнителя, чтобы уверить празднوليбивую Елизавету в ее благородном призвании¹². Узнав о приближении шведской армии, 3 000 гвар-

---

¹¹ См. «Записку» маркиза де Ла Шетарди // Сб. РИО. Т. 105. С. 55–56.

¹² «Ла Шетарди посещает государыню еще чаще и уснащает свои медоточивые речи всеми цветами красноречия, каким владеет он в совершенстве» (отчет о государственном перевороте, составленный Мардефельдом по приказу Фридриха 17 января 1742 г. — GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 49). Исполняя приказ своего короля, данный тем в письме от 1 июня 1740 г.,

дейцев Преображенского полка собрались, дабы уговорить Елизавету «взять бразды правления в свои руки»¹³. С отвагой, «достойной дочери Петра Великого», она в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года встала во главе отряда из 300 гренадеров и пешком, «со штыком наперевес и с гранатами в карманах»¹⁴, направилась в императорский дворец. Заговорщики ворвались в спальню регентши и ее супруга, бросили взрослых и детей в сани и развезли по частным квартирам. Все, кто правил страной при Анне Леопольдовне, как немцы, так и русские, были немедленно арестованы и заключены в Петропавловскую крепость¹⁵. Ни единой капли крови пролито не было; новая императрица отдала приказ вывезти семью прежнего императора за пределы России.

Министрам Остерману, Миниху и Левенвольде смертную казнь заменили на пожизненную ссылку в Сибирь вместе с женами и конфискацию имущества. Ла Шетарди в течение нескольких месяцев оставался в фаворе: императрица советовалась с ним обо всем, от пустяков до таких важных дел, как назначение министров¹⁶. Маркиз умело напоминал Елизавете о моральном и материальном вкладе Людовика XV в восстановление справедливости и порядка в России: Версаль осчастливил Россию и рассчитывал на признательность со стороны царицы¹⁷.

Известие о долгожданном перевороте вызвало во Франции большую радость; Флери поспешил отправить новой императрице поздравительное послание. Казалось, что прошлые конфликты и те унижения, которым подвергло французское пра-

---

Мардефельд писал все свои донесения по-французски (см. его письмо к королю от 18 июня 1740 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 42E. Fol. 14).

¹³ Мардефельд к Фридриху, 29 декабря 1741 г. // Ibid. Fol. 383.

¹⁴ Английский посланник Финч к лорду Гиндфорду, 26 ноября 1741 г. // Ibid. Fol. 394.

¹⁵ Переворот описан подробно (и не без преувеличений) в донесениях Ла Шетарди (Сб. РИО. Т. 96. С. 651 и след.), в письмах саксонского посланника Петцольда (Сб. РИО. Т. 6. С. 401 и след.) и в «Отрывке из дневника г-на де Морамбера (1741–1756)» (AAE. M et D. Russie, 1735–1759. Т. I. Fol. 193).

¹⁶ Мардефельд к Фридриху, 16 января 1742 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 44A. Fol. 36; Отрывок из дневника Морамбера // Ibid. Fol. 195.

¹⁷ Ла Шетарди к Амелю, 5 декабря 1741 г. // Rambaud A. Recueil des Instructions données aux Ambassadeurs et Ministres de France depuis 1648–1789: Russie. Paris, 1890. Т. I. P. 610.

вительство родителей Елизаветы, навсегда забыты. «Король, — сообщал министр, — издавна мечтал увидеть на русском троне дочь Петра Великого — монарха, чью память французы будут чтить вечно». Кардинал беззастенчиво льстил императрице и уверял, что пол ее величества «не может помешать различить в ней великие и героические доблести ее августейшего родителя»¹⁸. Петру официально приписывались достоинства, прославляемые философами, дочери — добродетели, чудесным образом унаследованные от отца. В России такой оборот дела смутил служилую знать, выдвинувшуюся благодаря Петровой Табели о рангах, и вызвал ненависть старинного боярства, которое интриги Ла Шетарди оттеснили на второй план. При дворе возникла антифранцузская партия, тайным вождем которой стал Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

В Берлине известие о воцарении Елизаветы Петровны восприняли со сдержанным удовлетворением: Фридрих рассчитывал, что Россия сохранит нейтралитет или встанет на сторону Пруссии, а значит, смена власти не повредит его планам относительно Силезии¹⁹. Прусский король забыл обо всех своих предубеждениях против русской нации и поспешил поздравить дочь Петра I²⁰. Хотя сын Фридриха-Вильгельма охотно отмежевался бы от Франции, чье присутствие на севере Европы становилось, на его вкус, чересчур заметным, аргументы он использовал те же самые, что и французы: король выражал надежду, что теперь, когда «Россия вновь сможет распоряжаться собой», отношения между прусским и русским двором «сделаются такими же, какими были при жизни Петра Великого»²¹. Фридрих приветствовал возрождение мифа о державе, управляемой великим царем, воскрешение иллюзии, создание миража, крайне полезного в той ситуации, когда интересы Гогенцоллернов, Бурбонов и Габсбургов столкнулись в очередной раз. И французы, и пруссаки хотели видеть в союзницах страну просвещенную, сильную, современную, прогрессивную.

---

¹⁸ Ла Шетарди к Амело, 15/26 марта 1742 г. // AAE. CP. Russie. T. 39. Fol. 149.

¹⁹ Подевилльс к Мардефельду, 23 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 405–406. См. также: PC. B. I. S. 438 sq.

²⁰ См.: *Liechtenhan D.* Frédéric II dans un espace franco-russe // *Philologiques* IV. Paris, 1996.

²¹ Те же мысли король повторяет в другом письме к Мардефельду от 26 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91, 43A. Fol. 425.

Если раньше они изображали Россию в самых черных красках, то теперь, следуя собственным сиюминутным потребностям, придумывали идеальную страну, управляемую необыкновенным монархом. Четверть века отношения между Пруссией и Францией, с одной стороны, и Россией, с другой, были холодными и сдержанными, теперь же стороны сочли необходимым забыть о многом — о войнах со Швецией и Турцией, о войне за Польское наследство и о том влиянии, которое эти конфликты оказали на дипломатические отношения; очередной мираж, порожденный вступлением на престол молодой и красивой женщины, позволял устранить все трудности. Предполагалось, что новая императрица сумеет переустроить свою страну по заветам родителя, возродит доверие к ней и тем позволит ей наконец занять подобающее место на европейской сцене. Фридрих первым предложил новой императрице дружбу и попросил возобновить договор между двумя странами об оборонительном союзе²². Философ из Сан-Суси строил политику с дальним прицелом; он сознавал, что, встав на путь модернизации, Россия непременно сделается частью европейской системы. Оборонительный и наступательный союз против Австрии был призван не только обуздать чересчур деятельную Марию-Терезию, но и способствовать дальнейшему расширению прусских владений. А Россия при этом прикрывала бы Пруссию на восточном фланге.

*Двойной дипломатический прагматизм:
Людовик и Фридрих*

Прусский король порекомендовал своему дипломатическому представителю сблизиться с главными участниками переворота — лейб-медиком Елизаветы Лестоком, голштинцем Брюммером, канцлером Воронцовым и, разумеется, с неизбежным Ла Шетарди. Рекомендации эти были, впрочем, совершенно излишними: названные лица и без того общались самым тесным образом. Гогенцоллерн не отдавал себе отчета в том, что в Петербурге его мечта о тройственном союзе Франции, Пруссии

---

²² Письмо от 23 декабря 1742 г. // GStA. Rep.XI. Russland 91. 43A. Fol. 405. Предложение Фридриха звучало очень необычно потому, что прежде инициатива всегда исходила от России; так, в частности, было в 1726 году, когда, оскорбленные презрительным отношением Франции, русские сблизились с Австрией.

и России уже начала осуществляться в миниатюре прежде всякого вмешательства монархов; в этом случае личные отношения опережали большую политику. «Доброе согласие» между Францией и Пруссией, которого так жаждал Фридрих, уже сложилось на русской почве, и ему предстояло оказать существенное влияние на ход войн, сотрясавших Европу. Вскоре дружеские отношения посланников вошли в противоречие с позициями их правительств; монархи, как в Париже, так и в Берлине, вели двойную игру. Прагматические соображения побуждали их отзываться о Елизавете так же восторженно, как и о ее отце, однако отношение к России оставалось столь же настороженным, что и прежде. Фридрих рассуждал об «исконном непостоянстве и жадности русского народа» — пороках, которые на его взгляд, были в особенности присущи министрам и придворным²³. Временами в душе автора «Анти-Макиавелли» пробуждался древний страх перед Москвией, он боялся возвращения огромной северной страны к варварству и с ужасом представлял себе дикие орды, заполняющие Германию. Тем не менее в 1742 году его письма к Мардефельду исполнены оптимизма, король надеется, что Россия будет развиваться и вольется в достигшую стратегического равновесия Европу. Флери, напротив, был уверен, что Россия очень скоро «вновь погрузится в хаос, от которого ее начал избавлять Петр I»²⁴. Версаль льстил дочери Петра, не строя далеких планов. Елизавете предстояло способствовать росту влияния Франции на севере Европы, однако французы полагали, что пресловутое культурное отставание «Московии» не позволит ей участвовать в жизни цивилизованного мира наравне с другими странами. Версаль надеялся извлечь пользу из непрочного положения русского правительства; угроза нового переворота была призвана ослабить позиции Габсбургов, которые в нужный момент не смогли бы получить помощь с востока²⁵. В России французы видели всего-навсего географическое и политическое захолустье.

---

²³ Фридрих к ле Шамбрье, 9 января 1742 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 125.

²⁴ Ла Шетарди к Амело, 15/26 марта 1742 г. // AAE. CP. Russie. T. XXXIX. Fol. 149.

²⁵ Те же мысли высказывал маркиз д'Аржансон: «Согласен я также и с суждениями Вашими касательно России: все, что способствовать будет уменьшению монаршей власти в России и возвращению этой державы к прежнему варварству, послужит к пользе держав, с нею соседствующих.

В первое время различие в политических подходах разных монархов не слишком проявлялось в поведении их представителей при русском дворе: Мардефельд и Ла Шетарди сообща противостояли противнику, воплощенному в лице посланников английского короля и венгерской королевы, будущей австрийской императрицы. В Петербурге, где международные конфликты воспроизводились в миниатюре, пруссаки и французы тесно сотрудничали и сообща искали новые пути; философические и стратегические соображения их государей, требования «реальной политики» с трудом прилагались к нравам двора, только что пережившего очередной государственный переворот. Монархи и министры, знавшие русский двор только понаслышке, не учли, что в столице России действовали особые законы и даже дипломаты, прибыв сюда, начинали приноравливаться к особенностям жизни в этой стране, раздираемой борьбой между старинными традициями и новшествами, которые железной рукой ввел Петр Великий. Французскому и прусскому посланникам случалось не доверять или завидовать друг другу, однако их связывала одна общая цель — любой ценой воспрепятствовать вмешательству России в дела Европы, а ради этого ничем не оскорблять самолюбия российской императрицы и ее придворных. Однако ход военных действий очень скоро расстроил все их хитроумные планы и разрушил согласие, царившее между французами, русскими и пруссаками.

Ибо рост могущества и влияния, которым держава сия обязана была ловкости царя Петра I, лишь к тому привел, что венский двор усилился в ущерб спокойствию целой Европы» (Д'Аржансон к Дальону, 6 мая 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 219).

Глава вторая

ИНТЕРЕСЫ «РАЗЪЯТОЙ ЕВРОПЫ»²⁶ (1742–1744)

Не успела Россия избавиться от диктатуры проавстрийских министров, как на их место вознамерились встать французы²⁷. Добродушная и миролюбивая Елизавета желала скорейшего прекращения войны со шведами. Она настаивала на соблюдении условий Ништадтского мира (1721), но отказывалась уступить южную Финляндию, ибо полагала, что без нее «невозможно будет обеспечить безопасность Санкт-Петербурга»²⁸. Будущее Франции на Балтике полностью зависело от Ла Шетарди, которому было поручено вести переговоры. Министр Людовика XV Амело де Шайу с немалым легкомыслием вверил все дела так называемому специалисту; меж тем маркиза, бывшего, возможно, любовником императрицы и выбиравшего по ее просьбе министров для первого ее правительства, тесные узы связывали не только с Францией, но и с Россией. На предварительном этапе мирных переговоров со Швецией (1742), где Ла Шетарди официально представлял Францию, а неофициально — Россию, это сильно затрудняло ход дела. Ла Шетарди путался в собственных хитростях и никак не мог примирить требования своей «любовницы» с пожеланиями своего же короля²⁹. Мардефельд, рассчитывавший извлечь

---

²⁶ Из письма Фридриха II к графу Альгаротти, 17 января 1741 г. // *Correspondance de Frédéric Second avec le comte Algarotti*. Berlin, 1837. P. 28.

²⁷ Английский посланник сообщает 15 декабря 1741 г.: «Французский посол по-прежнему исполняет обязанности первого министра; все ему угождают, янычары — его лучшие друзья» (*D'Argenson. Journal et Mémoires*. Paris, 1863. Т. III. P. 435, note).

²⁸ Рескрипт Кантемиру, русскому посланнику в Париже, от 6 февраля 1742 г. // Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. I. С. 179; Фридрих к Ле Шамбрье, 9 января 1742 г. // *GStA. Rep. XI. Frankreich* 89. Fasc. 125.

²⁹ См. сочинение «Маркиз де Ла Шетарди о канцлере Бестужеве» (позднейшее название), датированное апрелем 1748 г. // *ААЕ. СР. Russie*. Т. VII supplément. Fol. 86–88.

пользу из двусмысленного положения своего собрата, посовещивал Фридриху действовать более гибко и более лицемерно — на словах выражать известную солидарность с позицией Франции, на деле же попытаться уменьшить влияние француза на императрицу. В качестве аргумента посланник привел вечную угрозу: «Если Версальский двор будет деспотически повелевать двором петербургским, для противодействия этому влиянию нам потребуются немалые усилия и значительные денежные суммы»³⁰. Вести эту двойную игру с Ла Шетарди, внешне поддерживая француза и путая карты остальным дипломатам, с тем чтобы выиграть время и навредить Франции, предстояло самому прусскому дипломату. Мардефельд идеально подходил на эту роль: он умел вовремя отступить в тень, «дабы не внушить ни малейшего подозрения» посланнику Людовика XV, но при этом, действуя заодно с английским посланником, ловко расстраивал планы неугомонного маркиза. Впрочем, у его системы имелся один существенный недостаток — ослабляя позиции Ла Шетарди, он способствовал усилению местных политиков, среди которых имелись ярые сторонники Австрии (прежде всего, вице-канцлер Бестужев). Несмотря на дипломатические неудачи Ла Шетарди, власть его над Елизаветой Петровной в 1742 году была велика, как никогда; от него зависела вся политика на севере Европы, а значит, и судьба Пруссии.

В принципе Фридрих II мог заключить союз с тремя державами: со Швецией, которая в эту пору представляла собою своеобразный придаток Франции; с Саксонией, которая была теснейшим образом связана с Польшей и потому являлась, так сказать, духовным протекторатом Людовика XV; с Россией, которая желала мира на севере. Спустя несколько месяцев после переворота выяснилось, что императрица ленива, беспечна, но вовсе не глупа; наблюдательная, недоверчивая, она придерживалась принципа «разделяй и властвуй» и стремилась исподволь уменьшать свободу действий Ла Шетарди, дабы не дать ни одной из партий взять верх при дворе. Однако государственные дела ее утомляли, и она охотно передоверила их целой армии советников — интриганов и карьеристов, которые ничем не уступали французскому маркизу. Довольно скоро они разделились на две партии: первую составляли сторонники Габсбургов, вторую — сторонники Бурбонов. Пруссия могла усилить позиции

---

³⁰ Мардефельд к Фридриху, 27 января 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 44A. Fol. 57.

тех или других — при условии, что не станет задевать Англию, которая до 1744 года сохраняла нейтралитет в войне за Австрийское наследство и почти не участвовала в борьбе за петербургский двор. Вопреки ожиданию, представитель Фридриха, человек ловкий и прекрасно знающий местные нравы, оказался объектом пристального внимания всех этих кланов и их иностранных покровителей. Встревоженный согласием (на самом деле мнимым) между французами и пруссаками, Бестужев решил поссорить их и тем самым усилить свою партию, преданную интересам Австрии. Поскольку Ла Шетарди оставался особой неприкасаемой, Бестужев принялся за Мардефельда и обвинил его в стремлении восстановить на престоле малолетнего Ивана VI: Елизавета оскорбилась и потребовала отзыва прусского дипломата. Дело грозило кончиться разрывом дипломатических отношений. Но тут на помощь Пруссии пришел климат; конфликт произошел осенью, когда дороги были практически непроходимы. Представитель Фридриха мог покинуть российскую столицу не раньше, чем через полгода, а за это время ему удалось успокоить гнев императрицы. Вскоре никто уже не вспоминал об отзыве Мардефельда. Он остался на своем посту, но затаил обиду, причем главным виновником своих бедствий счел маркиза де Ла Шетарди с его «медоточивыми» речами³¹. Сохраняя наружное спокойствие, Мардефельд тем не менее посылал в Берлин жалобные письма. Фридрих делал вид, что не понимает его намеков. Он мечтал о сближении с императрицей из дома Романовых, потому что считал ее особой бездеятельной и не заинтересованной во вмешательстве в европейские дела³². Видя в Елизавете исключительно орудие для осуществления собственных планов, Фридрих намеревался, ссылаясь на ее поддержку, вынудить западные державы подписать договор, подтверждавший его права на Силезию.

*Предательство кальвиниста:
Бреславский договор (1742) и его последствия*

Французы были настороже. Стремительный рост влияния Пруссии в Центральной Европе пробуждал в их душе старые страхи: они опасались, что властолюбивый, стремительный

---

³¹ Мардефельд к Фридриху, 17 января 1742 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 53A. Fol. 49.

³² Фридрих к Подевилъсу и Барку, 11 апреля 1742 г. // РС. В. II. S. 358.

Фридрих создаст в Германии «мощную протестантскую партию», возродит антикатолическую коалицию (подобную Ганноверской коалиции 1726 года), в которую войдут Голландия и Англия, и тем самым увеличит влияние Англии на континенте³³. Прусский король начал войну с того, что захватил Силезию (область, представлявшую немалый интерес в стратегическом и экономическом плане), выставляя в качестве предлога необходимость освобождения тамошнего лютеранского населения; таков был его ответ на Прагматическую санкцию³⁴. Монарх очень молодого государства, Фридрих решил выступить по отношению к старому континенту в роли третейского судьи. Он подтолкнул Францию к перевооружению, но сам не гарантировал французам ровно ничего — ни солидарности, ни вооруженной поддержки. Территориальные аппетиты Гогенцоллерна пугали его соседей; имея в своем распоряжении Бранденбург, Силезию, два крохотных государства (Везель и Гельдерн), он вполне мог пожелать расширить свои владения за счет южных соседей. Бавария, находящаяся под покровительством Версаля, помешала бы ему в осуществлении этих замыслов, и тогда ему пришлось бы искать союзников в лице морских держав: «Под предлогом общей принадлежности к протестантизму они объединятся в эту роковую лигу и обрекут нас на все ужасные последствия подобного союза»³⁵. Амело и Морепа опасались также компромиссов, на которые могут пойти прусский король и венгерская королева; особенную тревогу им внушали мирные переговоры, начатые этими двумя монархами весной 1742 г.³⁶

Ла Шетарди получил приказ внимательно наблюдать за поведением своего прусского коллеги, за всеми его поступками и жестами, а главное — за его отношениями с саксонским и австрийским посланниками (Саксонию и Австрию с недавних пор связывал договор об оборонительном союзе). Особое внимание следовало уделить и британскому дипломату; Амело надеялся таким образом выяснить истинное отношение

---

³³ *D'Argenson. Op. cit. T. III. P. 24.*

³⁴ *Baumgart P. Friedrich der Grosse als europäische Gestalt // Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 4. Analecta Fridericiana. Berlin, 1987. S. 16.*

³⁵ Ла Шетарди к Амело, 23 июля 1742 г.; Амело к Дальону, 9 августа 1742 г. // *Сб. РИО. Т. 100. С. 290, 311.*

³⁶ Амело к Ла Шетарди, 5 июля 1742 г. // *Сб. РИО. Т. 100. С. 266.*

Фридриха к англичанам, которых, по слухам, этот король, чья «гордыня и капризы» грозили нарушить европейское равновесие, звал «бешеными». Веря в правильность своих расчетов, Амело рекомендовал Ла Шетарди внушать подобные чувства Мардефельду, который — по крайней мере на словах — прислушивался к советам французского коллеги³⁷. Получилось так, что в 1742 году судьбы европейской дипломатии решались в Петербурге. Не принимая непосредственного участия в военных действиях, Россия тем не менее в любой момент могла поддержать одну из конфликтующих сторон, могла присоединиться к защитникам Прагматической санкции — к морским державам или к Австрии, могла выступить против Фридриха, против Людовика, а может быть, и против них обоих. Прусский король, объятый страхом, ускорил переговоры о мире с Марией-Терезией, а та, встревоженная продвижением войск под командованием де Ноая, предпочла пожертвовать Силезией и графством Глац ради того, чтобы избавиться от одного из своих противников. Предварительный договор был подписан в Бреслау 11 июня 1742 года; в результате французы и австрийцы остались на полях сражений лицом к лицу, что привело Людовика XV и его министров в немалое замешательство.

Рассчитывая на гипотетическую поддержку Елизаветы, Версаль вознамерился отстранить опостылевшего Гогенцоллерна от северных дел. Ведь Фридрих вел себя так, как будто забыл, что Бель-Иль в начале 1741 года, еще не получив на то согласия своего министра (Флери подписал официальный документ лишь в мае того же года), заключил с Пруссией договор о союзе. По приказу Амело, отвечавшему, впрочем, его собственным убеждениям, Ла Шетарди обвинил философа из Сан-Суси, прежде считавшегося франкофилом, в предательстве интересов Франции. Воспользовавшись присутствием французских войск на германской территории, утверждал французский дипломат, прусский король поспешил свести счеты со своими соседями, в частности с Фридрихом-Августом Саксонским, возведенным на престол Ягеллонов при активном участии России. В долгой беседе с глазу на глаз Ла Шетарди предупредил Елизавету о возможном разделе Польши, который будет произведен против воли России³⁸. Следующим же

---

³⁷ Амело к Ла Шетарди, 13 сентября 1742 г. // Сб. РИО. Т. 100. С. 367.

³⁸ Ла Шетарди к Амело, 30 июля 1742 г. // Сб. РИО. Т. 100. С. 304–305.

объектом притязаний Гогенцолерна делается Российская империя: рано или поздно прусский король пожелает присоединить к своим владениям Курляндию и окажется, таким образом, в двух шагах от Петербурга. Елизавета, однако, выслушала устрашающие речи своего благодетеля с большим спокойствием и в панику не впала. Больше того, она предпочла сблизиться с потенциальным противником Версаля, высказалась за мир в Германской империи и подписала в свой черед Бреславский договор, дабы «скрепить» доброе согласие и дружбу между Пруссией и Австрией³⁹. Молодая императрица предпочитала не военные, а дипломатические способы разрешения конфликтов; она желала прекращения «войны, начатой вопреки желанию России»⁴⁰. Елизавета хорошо усвоила уроки Бестужева и охотно исполняла роль «наследницы величайшего государя всех времен», сам же Бестужев тем временем внимательно наблюдал за интригами французов и пруссаков, подмечал их слабости, придумывал способы им отомстить.

Ла Шетарди допустил грубую ошибку, недооценив значение петровской легенды. Он надеялся манипулировать женщиной, плохо приспособленной к решению государственных задач; в действительности же ему пришлось дело с российской императрицей — надменной, убежденной в собственном величии и согласной доверять бразды правления лишь тем, кто разделяет это ее убеждение. Рассуждения маркиза о незащищенности русских границ оскорбляли Елизавету; Ла Шетарди слишком часто напоминал императрице о том, чем она обязана Франции, слишком усердно подчеркивал важность своего пребывания в российской столице и в конце концов стал раздражать государыню. Еще одна ошибка: француз напрасно пугал дочь Петра очередным дворцовым переворотом, который положит конец ее царствованию. Это была ахиллесова пята Елизаветы: она жила в постоянном страхе перед возможным возвращением на престол малолетнего Ивана, однако по свойствам своего характера предпочитала не думать о неприятных предметах; тот же, кто ей на них указывал, напоминал ей о ее слабостях и тем приводил в ярость. Ни Амело, ни Морепа, ни Людовик XV не понимали, как велики перемены, происшедшие в России, не осознавали, что она превратилась в великую

---

³⁹ *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 131–132.

⁴⁰ Там же. Т. V. С. 353.

державу. Они полагали, что российская императрица будет питать к ним вечную признательность за организованную их стараниями скандинавскую коалицию⁴¹. В этом деле Ла Шетарди отстаивал только интересы Франции; он-то первым и ощутил, что прежняя тактика, сводившаяся к сеянию розни между потенциальными союзниками, успеха не приносит. Удача покинула маркиза: он не смог помешать подписанию Бреславского договора, способствовавшего сближению Австрии, Пруссии и России. Что же касается договора, заключенного в Або (1743), то он оказался катастрофичным и для Швеции, и для Франции; из-за неловкости французского дипломата, а также из-за двусмысленности его статуса часть Финляндии до реки Кюмени отошла к России, а отношения между Парижем и Петербургом были напрочь испорчены. Банальная интрига, затеянная Бестужевым, вынудила Версальский кабинет отозвать незадачливого Ла Шетарди; летом 1742 года, к радости российских политических кругов, он покинул Петербург⁴².

Фридрих, с удовлетворением наблюдавший за ходом дел на востоке, постарался извлечь пользу из ошибок Ла Шетарди еще прежде его отставки. Мардефельд, сохранявший по видимости дружеские отношения с французским посланником, получил приказ распустить слухи о скором перевооружении Пруссии, чтобы проверить, как отреагируют на это русские придворные круги⁴³. План короля был тщательно продуман: сначала заручиться согласием министров Елизаветы и членов ее совета, убедиться в прочности своих позиций, а затем приступить к ратификации договора об оборонительном союзе. Мардефельд засуетился и немедленно отписал своему повелителю донесение самого лестного свойства: русские питают к «королю-герою» безграничное уважение, смешанное с боязнью. Пруссии не стоит опасаться русской армии, напротив, русские рассчитывают на мощь прусских войск, способных обратить в бегство «природных врагов России»⁴⁴. Успокоенный, Фридрих разработал новый план: натравить Францию на Англию, нейтрализовать западный фронт, а затем в союзе

---

⁴¹ *Antoine M.* Louis XV. Paris, 1989. P. 382.

⁴² *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. XI. С. 262 и след.

⁴³ Фридрих к Мардефельду, 20 апреля 1743 г. // РС. В. II. S. 394.

⁴⁴ Мардефельд к Фридриху, 7 мая 1743 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. A 3d. Fol. 47.

с Россией переустроить дела в Империи таким образом, чтобы роль Австрии в ней свелась к нулю. Фридрих надеялся — в соответствии с петербургским договором 1740 года — использовать для защиты своего тыла русские регулярные войска или прибегнуть к помощи казаков и калмыков, численностью от четырех до пяти тысяч человек⁴⁵. Убедить Елизавету в том, что таким образом «она совершит славное дело — возвратит Германии мир и спасет эту страну от грозящего ей гнета»⁴⁶, предстояло Мардефельду. Российская императрица отчасти поддавалась на уговоры и дала согласие в принципе, но ни одной бумаги не подписала. Впрочем, в присылке казаков она отказала наотрез — возможно, из боязни, что это «дерзкое и опасное племя познакомится с манерами и обычаями цивилизованных держав европейских»⁴⁷.

Год одураченных — 1743

Узнав о подписании Бреславского договора, французы поняли, что бывший друг Фридрих их предал: теперь в Германии только они одни сражались с армией Марии-Терезии, избавившейся от своего злейшего врага. Ощувив прилив новых сил, австрийские войска отвоевали у Франции Богемию (декабрь 1742 года); Карлу VII пришлось бежать из его собственного курфюршества — Баварии (1743); в битве при Деттингене (июнь 1743 года) австрийцы наголову разбили армию Ноайя. Войска французского короля отступили к Рейну и покинули германский театр военных действий. Прежний союзник потерял в глазах Фридриха всякую привлекательность, однако прусский король все-таки не решался порвать с ним. Прусская армия рисковала очутиться в том же положении, что и армия Ноайя; расправившись с французами, австрийцы наверняка постарались бы лишить Фридриха его завоеваний. Людовик XV счел, что в германских делах Франции следует сохранять нейтралитет и предоставить германским народам «драться между собой и вырывать куски добычи друг у друга»⁴⁸.

---

⁴⁵ Мардефельд к Подевилъсу, 23 февраля 1743 г. // GStA. Rep. 96. F. 55B. Fol. 73.

⁴⁶ Фридрих к Мардефельду, 30 августа 1743 г. // PC. B. II. S. 412.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Фридрих к Подевилъсу, 25 августа 1743 г. // PC. B. II. S. 378.

В этом-то и заключалась вся двусмысленность франко-прусских отношений: только государственный интерес мог заставить эти два народа с разной историей и разной верой действовать сообща. Решившись порвать с французами (доказательством чего служил Бреславский договор), Фридрих, однако, испугался, когда Франция оставила поле боя; французы, впрочем, все равно осуждали его за предательство. В этом роковом 1743 году обе стороны, и пруссаки, и французы, чувствовали себя обманутыми, но положение прусского короля было гораздо сложнее: в отличие от Людовика XV, Фридрих был очень далек от решения всех своих германских проблем. По собственной вине поссорившись с французами, он поставил сам себя в положение жертвы, навлек на себя всеобщую ненависть. Мучимый настоящей манией преследования, Фридрих постоянно размышлял о «великой вражде», которую якобы питали к нему в Версале. Прусский король ощущал себя зажатым в тиски: «с одной стороны Россия, с другой — Швеция, сделавшаяся еще более могущественной» благодаря политике Людовика XV, желавшего исключить Пруссию из числа главных европейских держав; хуже того, Фридрих чувствовал «известную зависимость» от Бурбонов⁴⁹. Диалог с Францией расстроился, потому что обе заинтересованные стороны страдали от сходной изоляции, от той «взаимозависимости», которая установилась по вине Бель-Иля, а затем лишь усугубилась из-за противоречивой политики французских министров⁵⁰. Оставалось прибегнуть к помощи России, по-прежнему сохранявшей нейтралитет в отношении европейских дел; и Франция, и Пруссия могли обрести в ее лице либо союзницу, либо посредницу, либо врага.

Поэтому Фридрих в свой черед принялся завоевывать доверие дочери Петра Великого⁵¹. В отсутствие Ла Шетарди в Петербурге на первое место выдвинулись англичане. После государственного переворота, возведшего на престол Елизавету,

---

⁴⁹ Ле Шамбрь к Фридриху, 2 февраля 1743 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 129. Non fol.

⁵⁰ Людовик XV решил даже использовать в своих интересах добрые отношения Фридриха с Вольтером; философ был послан в Берлин, дабы упрочить союз между двумя народами, в тот самый момент, когда официальные отношения двух держав окончательно испортились. См.: *Mervaud Chr. Voltaire et Frédéric II*. Genève: Oxford, 1985. P. 147.

⁵¹ Фридрих к Подевивильсу, 15 января 1743 г. // PC. B. II. S. 312.

Георг II и его подданные вели в российской столице свою собственную игру: они избегали обсуждения военных вопросов, напоминали о трехвековых экономических связях Англии и России и постоянно подчеркивали выгоды, получаемые Россией от торговли с Англией⁵². Их заботило прежде всего сохранение морских путей на Севере; ради этого они шли на сближение с Петербургом — сближение, очень беспокоившее Францию⁵³. Кроме того, Лондон возобновил договор с Елизаветой об оборонительном союзе (1742). Видя все это, Фридрих решил для налаживания отношений с русской императрицей прибегнуть к помощи Георга II, доводившегося ему дядей; его не пугало даже то обстоятельство, что сближение с английским королем еще больше отдалит его от Версаля, где после смерти Флери восторжествовала старинная англофобия. Ла Шетарди в Петербурге заменил Дальон — мужлан, совершенно не нравившийся Елизавете, что ничуть не увеличило шансы Людовика XV преуспеть при русском дворе. Место оставалось свободным: заключив союз между Россией и Пруссией, двумя «юными», развивающимися нациями, Фридрих разрешил бы многие территориальные проблемы. Действовать следовало быстро, точно и умно. 30 августа философ из Сан-Суси написал своему посланнику: «Пришла пора любви: Россия будет моей сегодня или никогда»⁵⁴. Старый Мардефельд знал, что ему надлежит делать — с одной стороны, убеждать Елизавету в «естественной общности интересов» России и Пруссии, а с другой, «разжигать в представителях других дворов зависть и беспокойство по сему случаю»⁵⁵. Прусский король руководствовался принципом «разделяй и властвуй»; он стремился разжигать вражду между Францией и Англией, не позволять ни той, ни другой брать верх и, главное, «непрестанными трудами» упрочивать «узы, связующие Пруссию с Россией», с тем чтобы он, Фридрих, был почитаем в Петербурге «более всех прочих» и мог «распоряжаться там по своему усмотрению»⁵⁶. Фридрих пошел для достижения этой цели

---

⁵² См.: *Lubimenko I. Les Relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand*. Paris, 1933.

⁵³ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 114.

⁵⁴ Фридрих к Мардефельду, 30 августа 1743 г. // РС. В. II. S. 411.

⁵⁵ *Ibid.* S. 412.

⁵⁶ Фридрих к Мардефельду, 20 октября 1744 г. // РС. В. IV. S. 306, 411–412.

на некоторые уступки: в отличие от французского короля, он охотно признал за Елизаветой титул императрицы, а следовательно, и право старшинства русских дипломатов в Потсдаме. Амело пришел в отчаяние и немедленно возвратил Ла Шетарди в Петербург, дабы свести на нет политику «этих двух трусов, которые боятся друг друга»⁵⁷. Диагноз был поставлен совершенно правильно: победитель битвы при Мольвице в самом деле страшился огромной славянской страны; от предков он унаследовал инстинктивный ужас перед русским нашествием. Елизавета же видела в прусском короле самого опасного из соседей: ее пугали и его поразительные военные успехи, и его дипломатическое непостоянство, позволявшее ему то становиться на сторону французов, связанных союзническими узами с Турцией и Швецией, то принимать сторону австрийцев, теснейшим образом связанных с Брауншвейгским домом.

Ла Шетарди, желавший вернуться в Петербург, разработал, исходя из этих обстоятельств, новый (впрочем, весьма химерический) план — объединение разных держав во славу одного монарха, стоящего «выше предрассудков», — Людовика XV⁵⁸. Французский дипломат хотел возвратиться к системе Петра I, некогда отвергнутой Регентом и Дюбуа; суть ее заключалась в создании франко-русского союза, в котором участвовала бы также ослабленная и покорная Швеция. Дании, «позорно предавшейся Англии», о столь блестящей будущности мечтать не приходилось. Заключенный в тиски со всех сторон, не имея поддержки ни от России, ни от Австрии, ни от Швеции, Фридрих уже ничем не сумел бы помешать действиям французов в Германии. Благодаря России Франция сделалась бы главной хозяйкой на севере Европы, и, совершив этот «отвлекающий маневр», смогла бы вновь «диктовать законы Германской Империи»⁵⁹, как это было некогда, в 1648 году... Габсбурги заслужили эту справедливую кару — ведь это они «показали русским дорогу к берегам Рейна»⁶⁰! Строя столь хитроумные планы, Ла Шетарди не забывал и об Англии: Георгу II, который «больше думает о своем курфюршестве, чем

---

⁵⁷ Амело к Ла Шетарди, 18 января 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 165.

⁵⁸ Записка, составленная маркизом де Ла Шетарди 2 августа 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 52–55.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Речь идет о 1735 г., когда шла война за Польское наследство.

о своей короне», предоставлялось умирать от ненависти и зависти. Ла Шетарди послал свой красноречивый меморандум в Версаль; он не сомневался в том, что Елизавета, достойная дочь своего отца, поддержит французский план, оставалось только убедить канцлера, вице-канцлера, фаворита, наперсницу⁶¹... Однако ни Людовик XV, ни Амело не откликнулись на утопические предложения Ла Шетарди; у них была своя иерархия ценностей, в которой Россия занимала одно из последних мест, и пересматривать ее они не собирались. В этом случае, как и во многих других, официальная дипломатия не считалась с мнением посланников, прекрасно знавших обстановку на местах. Ла Шетарди получил приказ уговорить императрицу ничего не подписывать и не предпринимать «без согласия Франции»⁶². Государи, один за другим желавшие подчинить Россию своему влиянию, не понимали характера и устремлений Елизаветы: она хотела, чтобы ее страна вошла в европейскую систему, была признана за равную, несла свою долю ответственности. Версаль и Потсдам, вместо того, чтобы помогать друг другу, стремились друг друга нейтрализовать; формальные союзники, Франция и Пруссия страдали от недоверчивости и завистливости своих монархов и от бездарности их министров. Дипломаты же на местах приспосабливались к обстоятельствам и начинали действовать на свой страх и риск. Ла Шетарди, Дальбон и Мардефельд научились преодолевать разногласия, вместе противостоять крепнувшему австро-британскому союзу, однако для этого им зачастую приходилось, не боясь возможного недовольствия своих государей, действовать без их ведома. В качестве оправдания дипломаты всегда могли сослаться на медлительность почты и на безжалостную цензуру русских.

Петербург: последствия Второй силезской войны

В марте 1744 года Франция положила конец дипломатическим интригам, объявив войну Англии и Австрии. Людовик XV отправил в отставку Амело де Шайу и взял управление иностранными делами в свои руки — версальская политика

---

⁶¹ «Мы возвратимся к той системе, которую пытался создать Петр I во время пребывания своего во Франции, — а это довод более чем убедительный для царицы, приходящейся ему родной дочерью» (Там же. С. 55).

⁶² Амело к Ла Шетарди, 27 февраля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 201.

резко изменила направление⁶³. Нейтралитет сохраняла одна Россия; в ее власти было склонить чашу весов в пользу Англии, Австрии или Франции. Получалось, что исход этого конфликта, о причине которого — борьбе за австрийский престол — никто уже практически не вспоминал, зависит от Петербурга. Французы, «ввязавшиеся во вторую Столетнюю войну»⁶⁴, в течение нескольких месяцев одержали благодаря полководческому таланту Морица Саксонского целый ряд побед в принадлежавших Габсбургам Нидерландах. Напротив, на рейнской границе дела шли далеко не так прекрасно. Людовик XV, прибывший туда на помощь французской армии, тяжело заболел. Судя по всему, король был уже при смерти, его соборовали, и лишь полковому хирургу чудесным образом удалось вернуть его к жизни⁶⁵. В ожидании полного выздоровления Людовика его кабинет разработал план новой коалиции — на сей раз с Пруссией, Швецией и Россией⁶⁶; готовить почву для сближения между двумя давними антагонистами, пруссаками и французами, следовало в Петербурге. Дальон, окончательно сменивший Ла Шетарди на посту французского посланника в России, занялся — при посредничестве Мардефельда, по видимости весьма податливого, — «соблазнением» прусского короля; он предлагал Фридриху поддержать правое дело, советовал ему взять сторону императора Карла VII⁶⁷, так сказать, начать все сначала. Король поддался на уговоры; скорее всего, не последовало бы возражений и со стороны Швеции, но поведение Елизаветы, никак не проявлявшей симпатии ни к одной из воюющих сторон, оставалось загадкой. Усилиям версальского кабинета, славшего российской императрице роскошные подарки, каждодневным трудам французских дипломатов противостояла «реальная политика» прусского короля, которого заботили исключительно его собственные территории. Ободренный договором об оборонительном и наступательном союзе, который он подписал

---

⁶³ Король занимался иностранными делами вместе с первым помощником по имени Ла Порт дю Тей. Рене-Луи д'Аржансону, брату военного министра, управление иностранными делами было вверено лишь в 1745 году.

⁶⁴ *Le Roy Ladurie E.* Op. cit. P. 440.

⁶⁵ *Antoine M.* Op. cit. P. 376.

⁶⁶ GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 137. Non fol. (анонимный текст 1744 г.).

⁶⁷ Ла Шетарди к Амело, 29 марта — 9 апреля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 349.

с Францией в июне 1744 г.⁶⁸, Фридрих завоевал Богемию, и в сентябре его войска вошли в Прагу. Таким образом он вторгся в королевство, сохранявшее нейтралитет, и угрожал территориальной целостности Саксонии, захват которой, собственно, и являлся его заветной целью⁶⁹. Тем самым прусский король бросал вызов и Парижу, и Петербургу. Людовик, напуганный подобной дерзостью, умолял своего странного союзника «отложить мщение до лучших времен»⁷⁰. Получалось, что, берясь защищать интересы германского императора на международной арене, Фридрих на самом деле только вредит ему. Протесты против действий прусского короля раздавались отовсюду, в том числе и из дворца русской императрицы. Маркиз д'Аржансон, новый министр иностранных дел Франции, пришел к выводу, что из всех европейских монархов Фридрих навлекает на себя самую острую ненависть. Если бы французы пожертвовали Фридрихом, его противники оказали бы им некоторые услуги, «на что, разумеется, они бы никогда не пошли, не будь ненависть их [к этому государю] так велика»⁷¹. Путаная и умозрительная дипломатия Версаля и агрессивная политика Берлина не облегчали жизни их представителям, которые не успевали следовать за всеми переменами в планах своих повелителей. Очень скоро отношения между Мардефельдом и Дальюном испортились, общее дело (привлечь Россию на свою сторону) отошло на второй план. Противники Пруссии в германском мире объединились в обширную коалицию, и французы опасались, что, не порвав с Фридрихом, они подвергнутся нашествию (впрочем, в ту пору маловероятному) русского вспомогательного корпуса. Против захвата Богемии не выступила только Англия; тем не менее и она тревожилась

---

⁶⁸ Дополнение к инструкциям Дальюну — ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 154 sq.

⁶⁹ Еще в 1742 г. он признавался своему «дражайшему лебедю» графу Альгаротти: «Я видел Дрезден в волшебном фонаре, но не знаю, когда попаду туда снова. Поскольку я не люблю ничего делать наполовину, я уеду отсюда лишь довершив начатое. А уж затем, после установления мира, я возвращусь к изящным искусствам, а Берлин — к наслаждениям». — *Correspondance de Frédéric Second avec le comte Algarotti*. Berlin, 1837. P. 31 (письмо без даты, по-видимому, от начала января 1742 г.).

⁷⁰ Донесение Дальюна от 12 января 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVI. Fol. 28.

⁷¹ Ле Шамбрье к королю, 12 марта 1745 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 143. Non fol.

за неприкосновенность Ганновера — курфюршества, принадлежавшего английским королям. Георг II не расторг договора о взаимной помощи, подписанного в 1742 году с Фридрихом; однако английский король делал вид, что не помнит о своих военных обязательствах перед неумным племянником. Выполнить их Георгу было бы крайне затруднительно: британским генералам приходилось тратить все силы на сопротивление французам в Нидерландах и Америке.

Фридрих тем временем, несмотря на сближение между австрийцами и саксонцами⁷², одерживал победу за победой. Казалось, Мария-Терезия обречена; ей оставалась одна-единственная надежда — на то, что в войну вмешается Россия. Австрийская императрица согласилась признать за своей российской соперницей право на императорский титул и побудила Генеральные штаты империи (Reichsstände), последовать ее примеру; подобное признание, прозвучавшее из уст наследницы Габсбургов, изменило иерархию наций и правила старшинства⁷³. Вне себя от радости, Елизавета сразу стала гораздо внимательнее прислушиваться к мнению представителей венгерской королевы. Бестужев, главный защитник австро-британских интересов⁷⁴, развернул пропагандистскую кампанию невиданной мощности: он рисовал императрице страшные картины близкого завоевания России войсками Фридриха, за которыми очень скоро последуют войска маршала Саксонского, некогда претендовавшего на курляндский престол, или армия Конти, имеющего виды на Польшу⁷⁵. Напрасно Мардефельд и Дальон пытались опровергнуть эту клевету; за отсутствием официальных подтверждений их аргументы звучали малоубедительно. В конце 1744 года ни у того, ни у другого не осталось никаких надежд на поддержку со стороны Елизаветы и ее фаворитов.

---

⁷² Согласно Венскому договору 1743 г.

⁷³ Еще до Марии-Терезии так же поступил и Фридрих, однако роль Пруссии в этой дипломатической иерархии была, разумеется, более скромной. См.: *Rousset de Missy J. Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans, suivant leurs différens caractères [...] pour servir de supplément à l'Ambassadeur et ses fonctions* de Mr de Wicquefort. Amsterdam, 1746.

⁷⁴ GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 137. Non fol. Ср. письмо Бестужева к Воронцову от 11 августа 1744 г. // Архив князя Воронцова. Т. II. С. 18–24.

⁷⁵ Мнение генерал-фельдмаршала графа Салтыкова // Архив князя Воронцова. Т. IV. С. 130–131. См. также: *Bois J.-P. Maurice de Saxe*. Paris, 1992. P. 148 sq., 297; *Antoine M. Op. cit.* P. 393.

*Елизавета Петровна
переходит на сторону Саксонии и Австрии*

Осенью 1744 года, хотя и не без потерь, австрийско-саксонские войска изгнали Фридриха из Богемии. В конце того же года Австрия, Саксония, Англия и Соединенные провинции подписали Варшавский союзный акт против общего врага, Пруссии, и — но только на втором этапе — против ее тогдашней союзницы Франции. Имени Елизаветы среди подписавших договор не было. Бестужев уже давно втайне делал все возможное, чтобы вовлечь Россию в эту коалицию, но никак не осмеливался открыто признаться в этом императрице. Тем временем, впрочем, он сумел убедить ее в необходимости провести демонстративную мобилизацию войск на западных границах империи⁷⁶. Фридрих воспользовался случаем и перешел от уговоров к прямым просьбам о помощи. В письме к «сестре» он изобразил себя спасителем Германской империи. Венгерская королева, писал Гогенцоллерн, «попала законы, царившие в Германии», унизила императора, избранного законным порядком; он, прусский король, вмешался в дело ради того, чтобы установить «надежный и справедливый мир». Поддержав его, Фридриха, Елизавета Петровна будет способствовать всеобщему примирению в германской империи и вообще на европейском континенте⁷⁷.

Фридрих снова переменял распределение ролей; теперь он вообразил, что именно ему следует надзирать за порядком в Европе. Дипломатическое или военное вмешательство российской императрицы, прежде всего предоставление 5000 человек вспомогательного войска, обещанных в 1740 году Анной Леопольдовной, восстановило бы, утверждал прусский король, спокойствие в Европе, умиротворило пыл Фридриха-Августа и Марии-Терезии. Весь мир, писал Фридрих (ведь конфликт французов и англичан распространился уже и на Америку, и на Индию), ждет, когда российская императрица «объявит о том, какой линии намерена она держаться в нынешних обстоятельствах». От нее зависит «восстановить все-

---

⁷⁶ Допросные пункты Ивану Лестоку // Архив князя Воронцова. Т. IV. С. 169.

⁷⁷ Фридрих к Мардефельду, 6 декабря 1744 г. // РС. В. III. S. 333–335.

общий покой либо продлить войну»⁷⁸. Однако Фридрих совершил ошибку, слишком настойчиво упоминая о договоре, подписанном Анной Леопольдовной; таким образом он как бы признавал законность прав Брауншвейгского дома на российский престол и тем самым подвергал сомнению права Елизаветы⁷⁹. Ответом ему служило ледяное молчание; роль третейского судьи или посредницы утратила для российской императрицы всякую притягательность. Фридрих, испытав острое разочарование, решил выместить свой гнев на саксонском короле, чье вторжение в Богемию вместе с армией Марии-Терезии представляло собой, по мнению возмущенного Гогенцоллерна, самый настоящий *casus foederis*⁸⁰; королева Венгрии и король Саксонии стремились «задеть» его, Фридриха, и, движимые «яростью, ненавистью и ревностью», натравить весь мир на прусское королевство⁸¹. Прусские войска были уже готовы захватить Дрезден: в глазах российской императрицы такой шаг выглядел недопустимым попранием прав народов. Вице-канцлер Воронцов подал Елизавете записку, в которой попытался отговорить ее от вмешательства в военные действия на стороне Саксонии; он ссылаясь на то, что Фридрих может истолковать подобный шаг как объявление войны⁸². Бестужев придерживался противоположного мнения. Мардефельд изо всех сил старался успокоить русских, Дальон смотрел на происходящее с деланным равнодушием. Все ожидали, на что же в конце концов решится императрица.

Французы не могли больше спускать Фридриху его выходки; не помышляли они больше и о союзе с дочерью Петра. Если раньше Людовик и его министры сулили Елизавете

---

⁷⁸ Фридрих к Мардефельду, 6 февраля 1745 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 49A. Fol. 83.

⁷⁹ Фридрих к Мардефельду, 26 марта 1745 г. // PC. B. IV. S. 87.

⁸⁰ Случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору (*лат.*).

⁸¹ «...ни их угрозы, ни решительные меры, кои могут они предпринять, меня переменить мнение не заставят. Я более не в силах терпеть наглость саксонцев, и ежели они меры не знают, по справедливости следует, чтобы испили они до дна чашу моего гнева» (Фридрих к Мардефельду, 30 ноября 1744 г. // PC. B. III. S. 329–330).

⁸² «Слабейшее рассуждение при нынешнем случившемся неприятельском состоянии между королем Прусским и Польским, яко курфюрстом Саксонским» (Архив князя Воронцова. Т. II. С. 94).

«славу», то теперь не считали нужным скрывать презрение к варварству, царящему в ее «так называемой империи» и стали искать способы нейтрализовать ее силой. Рассматривался даже вариант с вмешательством Порты — вечного сообщника в борьбе против Габсбургов⁸³. Французы рассчитывали на то, что «чрезвычайный страх перед турками» парализует «Московию» и помешает ей вступить в войну за Австрийское наследство. Ле Шамбрё — разумеется, со всевозможными риторическими предосторожностями — довел эти слухи до сведения своего потсдамского повелителя; никакими доказательствами он, впрочем, не располагал⁸⁴. Восточный козырь, конечно, значил много, однако если на словах эта угроза была обращена против Габсбургов, на деле от нее пострадали бы в первую очередь Германская империя и Пруссия, особенно если бы Россия рассталась со своим нейтралитетом. Тем не менее к предупреждениям Ле Шамбрё никто не прислушался. Фридриху было не до султана, его волновала прежде всего чересчур уравновешенная политика Франции в отношении Саксонии, смысла которой он понять не мог. Отношения между Версалем и Потсдамом, союзниками поневоле, снова испортились, и не последнюю роль в этом играло загадочное безразличие России, по видимости не принимавшей в происходящем никакого участия.

В начале 1745 года австрийские войска захватили Силезию. «Излишества и зверства» австрийцев разоряли Германию⁸⁵. Фридрих, которого такой поворот дела застал врасплох, все еще ожидал помощи с востока или, по крайней мере, протеста со стороны державы, подписавшей Бреславский трактат. В Петербург, к верному Мардефельду, летели одна за другой отчаянные депеши. Мардефельд, впрочем, ясно видел, что дела Пруссии безнадежно плохи; саксонский министр иностранных дел Брюль, человек хитрый и коварный, открыто отстаивал интересы Марии-Терезии; без ведома Франции он сблизил свой двор с морскими державами⁸⁶. Мардефельд тщетно пытался предуп-

---

⁸³ Вульфеншерн к Ланмари, 26 января 1748 г. // AAE. CP. Russie, 1735–1759. Supplément. T. VII. Fol. 45.

⁸⁴ Ле Шамбрё к королю, 25 ноября 1746 г. // GStA. Rep. IX. Frankreich 89. Fasc. 145. Non fol.

⁸⁵ Фридрих к Мардефельду, 26 сентября 1745 г. // PC. B. IV. S. 289–290.

⁸⁶ Брюль, очень ловко перехватывавший письма прусского короля и его министров, равно как и письма французских дипломатов, постоянно на-

редить своего короля об интригах саксонского посланника Петцольда, который вместе с австрийским и английским коллегами делал все возможное, чтобы привлечь Россию на свою сторону. У этих дипломатов имелся вдобавок очень мощный союзник в самом русском правительстве; то был канцлер Алексей Бестужев-Рюмин, человек, совершенно преданный «прагматическому делу»⁸⁷. Вплоть до рокового 1746 года, когда (в мае месяце) австрийская и российская императрицы подписали договор об оборонительном союзе, призванный на первых порах облегчить войну с Портой, союзницей Франции, Фридрих все еще рассчитывал на помощь Елизаветы Петровны или, по крайней мере, на ее легендарную бездеятельность⁸⁸. Мардефельд, наблюдавший за расстановкой сил на международной арене сквозь призму русского двора, смотрел на вещи более трезво. Посланник Фридриха отдавал себе отчет в том, что его повелителя ненавидят все. Он сознавал, что бездеятельная Елизавета постепенно подпадает под власть политиков, враждебных Пруссии. Наконец, уже по отношению русских министров и придворных к своей собственной особе Мардефельд видел, как с каждым днем уменьшаются шансы Пруссии на успех. Король же смотрел на вещи в мировом масштабе, причем исключительно с прусской — в крайнем случае, с общегерманской — точки зрения. Невзгоды Мардефельда его не интересовали; а между тем в них таился глубокий смысл. В эти годы (1744–1745) Фридрих пребывал во власти колебаний; приступы глубочайшего отчаяния, когда король был готов отречься от всех своих намерений, сменялись припадками гордыни. Между тем отступить ему было некуда: он превратил бывшее мелкое курфюршество Бранденбург в великую державу; он ввязался в сражения, грозившие ему потерей состояния и жизни. Теперь ему оставалось либо победить (а для этого требовалось «возродить» союз с Россией), либо обречь свою страну на гибель:

правлял всю эту корреспонденцию в Вену, где ее расшифровывали. См.: Претлак к Ульфельду, 6 ноября 1748 г. // HHStA. Russland II. Berichte 31 (июль–декабрь 1748). Fol. 69.

⁸⁷ Письма Ле Шамбрье от 13 сентября 1745 г. и 11 июля 1746 г. // GStA. Rep. IX. Frankreich 89. Fasc. 145. Non fol. Бестужев еще в 1743 г. выступал за оказание Саксонии военной помощи; см. его записку от 13/24 сентября 1743 г. в изд.: Сб. РИО. Т. 102. С. 453–469.

⁸⁸ См. письмо Ле Шамбрье к королю от 4 декабря 1744 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 145. Non fol.

«Я перешел Рубикон и теперь одно из двух: либо отстою я свое могущество, либо все, включая самое звание пруссака, вместе со мною погибнет. Если противник выступит против нас, мы наверняка разобьем его, либо все до единого отдадим жизнь во славу родины и королевского дома»⁸⁹.

Подобная позиция затрудняла переговоры, мешала нормальной работе посланников повсюду, но особенно в России — молодой державе, чувствовавшей себя не слишком уверенно на международной дипломатической сцене. Дочери Петра Великого не нравились ни слишком быстрое усиление ее прусского соседа, ни вытекавшее из этого нарушение равновесия в европейской политике. Однако в роли «третейского судьи», которую на словах по очереди навязывали ей монархи, на самом деле заинтересованные лишь в ее военной помощи, она чувствовала себя неуверенно⁹⁰.

Новое происшествие — смерть избранного императором Карла VII, наступившая 20 января 1745 года, — нанесла «жесточайший удар по общему плану этой войны»⁹¹. Фридрих и Людовик потеряли алиби, оправдывавшее их действия; необходимо было срочно подыскать другого кандидата, между тем распространился слух, что пфальцграфы и французский король желают посадить на венский престол Фридриха-Августа. Стремясь разработать «совсем новый план для нашей нынешней политики»⁹², д'Аржансон отправил Валори в Дрезден; французский дипломат должен был предложить саксонскому курфюрсту помощь короля и его союзников: шестидесятитысячная армия не только «укрепила» бы положение Фридриха-Августа, но и помогла бы ему завоевать императорский титул⁹³.

---

⁸⁹ Фридрих к Подевилъсу, 29 апреля 1745 г. // PC. B. IV. S. 134.

⁹⁰ «Глядя, как саксонцы жалуются ей на происки иностранных держав, можно подумать, будто императрица российская — главный судья Европы» (Мардефельд к Фридриху, 4 апреля 1745 г. // GStA. Rep. 96. 55E. Fol. 84).

⁹¹ Valori G.L.H. *Mémoire des négociations du Marquis de Valori*. Paris, 1820. P. 211. Французский дипломат называет покойного императора «государем, чья кончина вызывает искреннее сожаление, ибо славился он добродетелями и талантами».

⁹² D'Argenson. Op. cit. T. V. P. 54. В своих «Записках» д'Аржансон утверждает, что на следующем этапе планировалось освобождение Саксонии от «московитского ига».

⁹³ Valori G.L.H. Op. cit. P. 211. См. также письма Валори, перехваченные русскими и переданные австрийцам: HHStA. Russland II. Berichte 26 (1745). Fol. 129 sq.

Под властью короля-императора Саксония обрела бы стабильность, превратилась в островок покоя в центре Европы, что, по всей вероятности, облегчило бы мирные переговоры и позволило положить конец разорительной войне. Оставалось только предугадать реакцию Елизаветы Петровны и Фридриха. Стерпит ли российская императрица объединение трех престолов (австрийского, саксонского и польского) под властью одной и той же особы? По настоянию д'Аржансона Людовик XV пишет «сестре» письмо с просьбой поддержать его кандидата, Фридриха-Августа: французский король «заигрывает» с Елизаветой, надеясь «поразить» ее честолюбивый ум⁹⁴. Расчет, однако, оказался неточен. Императрица продолжала хранить молчание. Венчание Фридриха-Августа тройной короной грозило отодвинуть Россию — правители которой видели в своей державе «Третий Рим», а в себе самих — единственных законных наследников Цезарей, — на второй план. Вдобавок это уменьшило бы влияние России в Центральной и Восточной Европе. Елизавета не собиралась вступать в переговоры, которые в конце концов вынудили бы ее согласиться на слияние Германской империи с вечной противницей России, Польшей⁹⁵. Тогда д'Аржансон, не пожалев даже денег на подкуп, решил попытать счастья с Фридрихом. Тот благодаря бдительному Мардефельду уже знал о позиции Елизаветы и наотрез отказался поддерживать кандидатуру саксонского курфюрста. Вскоре он убедился, что поступил правильно. Прочтя перехваченное письмо Людовика XV к Елизавете Петровне, прусский король понял, что Франция его предала, а Саксония, начавшая сложную игру с Бурбонами, Романовыми и Габсбургами, вообще не принимает его всерьез. Донесения Мардефельда, который подробнейшим образом описывал деятельность своего саксонского коллеги Петцольда и секретаря саксонской миссии в Петербурге Функа, окончательно раскрыли королю глаза. По словам Мардефельда, оба саксонца заискивали перед австрийскими дипломатами и одновременно любезничали с французами, которые на словах поддерживали их уси-

---

⁹⁴ *Ram baud A.* Recueil des Instructions données aux Ambassadeurs et Ministres de France depuis 1648–1789: Russie. Paris, 1890. T. I. P. 465.

⁹⁵ Мардефельд к Фридриху, 20 апреля 1745 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 49A. Fol. 218.

лия и тем доказывали свою двуличность. Отношения между Фридрихом и Людовиком в очередной раз грозили кончиться разрывом.

Тем временем прусским войскам приходилось сражаться против австрийцев и баварцев, объединившихся сразу после кончины Карла VII. Загнанный в угол, Фридрих решил, действуя сообща с Георгом II, ускорить мирные переговоры, а интересы Франции принести в жертву. Он писал в Петербург Мардефельду: «Либо очень скоро при содействии Англии я заключу мир, либо война разгорится с новой силой»⁹⁶. В конце концов, хотя и не так скоро, как ему хотелось, и при содействии других союзников, прусский король достиг своей цели.

---

⁹⁶ Фридрих к Мардефельду, 6 мая 1745 г. // РС. В. IV. S. 146.

Глава третья

МАКИАВЕЛЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

В начале войны за Австрийское наследство Франция (в союзе с Испанией) сражалась, как некогда Людовик XIV, с англо-голландской коалицией, которой деятельную помощь оказывала могущественная Австрия. Ориентация на союз с протестантскими государствами (Нидерландами, Швецией, германскими княжествами), который со времен Франциска I, Генриха IV, а затем Ришелье обеспечивал Франции безопасность на севере и северо-западе⁹⁷, уступила место непрочному союзу с Пруссией: первым договор с Фридрихом подписал Бель-Иль (1741), а затем, в 1744 году, несмотря на колебания Людовика XV, союзнические отношения с Пруссией подтвердил д'Аржансон. Тем не менее Фридрих по-прежнему оставался в изоляции; особенную опасность для него представляла коалиция Вены и Дрездена, в равной мере страдавших от своего неукротимого соседа, постоянно претендовавшего на австрийские и саксонские земли. Во время двух Силезских войн прусский король имел в лице Франции и Англии потенциальных союзниц. В 1742 году, устав от сражений и желая установления мира в Германии, он подписал договор с Марией-Терезией, а с Георгом II заключил договор об оборонительном союзе. Оба эти документа, подписанных в Бреслау, призваны были обеспечить Фридриху неприкосновенность завоеванных территорий. В глазах французов, однако, они лишь подтвердили репутацию Фридриха как «предателя», при первой возможности поспешившего выйти из игры. Впрочем, прусский король дал обещание никогда не нападать на Бурбонов⁹⁸.

---

⁹⁷ См.: *Le Roy Ladurie E.* Op.cit. P. 14, 311.

⁹⁸ В самом деле, он отказал в помощи англичанам, когда Людовик XV объявил им войну; с его точки зрения, *casus foederis* в этом случае отсутствовал, поскольку Францию довели до вступления в войну «явственные

Позиция Франции в 1744–1746 годах приводила в замешательство и ее друзей, и ее врагов, вызывала недоверие, а порой и ненависть. Что было тому причиной — оптимистическая политика министра иностранных дел д'Аржансона, получившего прозвище «скотина д'Аржансон», или же «секретная королевская дипломатия» Людовика и его приближенных: дочери короля «госпожи Инфанты», Ноайя, Морепя и прежде всего Коити? Д'Аржансон, «неисправимый идеолог», наделенный критическим умом, вел дела «по тщательно разработанному плану»⁹⁹, иными словами, донесений посланников он практически не читал. Маркиз по-прежнему не терял надежды переустроить Германию, поставив в центр Саксонию и Пруссию; он был уверен, что Россия — варварская страна, представляющая угрозу для Северной Европы и что ее следует сдерживать «посредством стран, расположенных на берегах Балтики»¹⁰⁰. Эта политика расходилась с более гибкими убеждениями Людовика XV, который ради мира в Европе был готов сотрудничать с Елизаветой.

Таким образом, и в Версале, и в Потсдаме система давала трещину, причем расхождение между королями и их министрами, заметное и в королевских резиденциях, становилось особенно очевидным в том микрокосме, какой представлял собою русский двор. В самих кабинетах в конце концов возобладал государственный интерес: Людовик принял сторону Пруссии, скрепил их союз более официальным способом¹⁰¹, присоединив к нему Швецию, наследный принц которой (дядя преемника Елизаветы¹⁰²) только что женился на сестре Фридриха II,

---

и постоянные оскорбления» со стороны Георга II и его министров. Фридрих заявил этим последним, что Пруссия начнет военные действия лишь в случае, если Англия подвергнется прямому нападению. См.: *Valori G.L.H.* Op. cit. P. 187.

⁹⁹ *Antoine M.* Op. cit. P. 381; *Antoine M., Ozanam D.* Le secret du roi et la Russie jusqu'à la mort de la tsarine Elisabeth en 1762 // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France, Années 1954–1955*. P. 69–93; см. также о крушении политики д'Аржансона: *Bély L.* Les Relations internationales en Europe. Paris, 1992. P. 504 sq.

¹⁰⁰ *Antoine M.* Op. cit. P. 382.

¹⁰¹ *Antoine M.* Op. cit. P. 365, 370.

¹⁰² Согласно французской традиции, братья Адольф-Фридрих (наследный принц, а позже король шведский) и Фридрих-Август (голландский герцог-администратор) именуются «кузенами» великого князя Петра Федоровича (как любые не прямые родственники); см.: *Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse; die gottorfische Frage in des russischen Aus-

Ульрике. Дальон в очередной раз получил недвусмысленное указание действовать «в самом большом согласии и теснейшем союзе» с Мардефельдом и вместе с ним препятствовать образованию тройственного союза между Австрией, Россией и Саксонией. Оба дипломата попали в ловушку. Петцольд и его секретарь Функ знали о колебаниях французских политиков и умели правильно держать себя с политиками прусскими; они льстили Дальону, избегали Мардефельда, во всех сложных случаях ссылались на русских, которые в эту пору все еще хранили нейтралитет. Тем более непроницаемой и неуловимой казалась политика Саксонии. Дальон по-прежнему надеялся осуществить планы своего кабинета и разрывался между предписанной ему солидарностью с прусским коллегой и исторической, естественной приязнью к саксонцам. Мардефельд, против которого была развернута настоящая клеветническая кампания (враги прусского посланника ворошили прошлое и упрекали дипломата в том, что в предыдущее царствование он был близок к Брауншвейгской чете и к их министрам-немцам), перестал осторожничать в своих донесениях и уже совершенно открыто писал о том, что никаких надежд на союз с Россией у Пруссии не осталось. Коалиция, которая объединила саксонского курфюрста с Марией-Терезией и Елизаветой и к которой осенью 1744 года присоединился Георг II ¹⁰³, была направлена прежде всего против Фридриха. Этот договор мог быть возобновлен в любой момент, причем он представлял опасность также и для Людовика XV, который по-прежнему вел войну против англичан.

*Елизавета — посредница или третейский судья,
разрешающий спор между народами Европы*

Вопрос о отправке в Западную Европу «русского подкрепления» обсуждался с начала 1745 года. Елизавета реагировала уклончиво и выставила условие, впрочем весьма обнадеживаю-

---

senpolitik, 1741–1773. Neumünster, Wachholtz, 1984. S. 291. Русская же традиция предполагает именование обоих братьев дядьями российского великого князя (поскольку первых отделяет от общего предка Христиана-Альбрехта одно поколение, а второго — два).

¹⁰³ Анонимная записка от 16 октября 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 351–352. Начало этого сближения относится к декабрю 1742 г., когда был заключен договор об оборонительном союзе (см.: Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. IX (X). С. 112 и след.).

щей: при необходимости она выступит в поддержку Ганновера и Саксонии, но откажет в помощи Марии-Терезии — императрице-сопернице. Получалось, что российская государыня по-прежнему еще не решила, кому окажет военную поддержку, и у обоих королей, французского и прусского, еще теплилась надежда склонить ее на свою сторону. Бурбон и Гогенцоллерн сознавали, что за это им придется заплатить дорогой ценой — признать за дочерью Петра Великого, которую они оба презирали, право быть посредницей в делах Европы (роль славная и, с точки зрения обоих королей, Елизаветой вовсе не заслуженная). Идея эта родилась в ходе переписки между королями и их представителями в Петербурге, но было件нятно, что из тактических соображений первыми о посреднической миссии России должны заговорить французы. И Ле Шамбрье, и Фридрих, совершенно восхищенный открывающимися перспективами, хорошо представляли себе дальнейший ход действий: следует «полностью покорить сей [русский] двор», а затем «длительное время содержать оный в бездействии, дабы [...] помешать ему взять сторону противников наших»¹⁰⁴. С этой целью его христианнейшее величество Людовик XV признал — не без колебаний — за дочерью Петра Великого императорский титул; Фридрих продолжал толковать ей о славной миссии «всеобщего примирения» и уверять ее, что из всех европейских монархов она, Елизавета, «для него союзница наидрагоценнейшая»¹⁰⁵. Весна и лето 1745 года прошли в попытках пленить российскую государыню; оба короля заклинали своих посланников, Дальона и Мардефельда, не отступать от намеченного, действовать «сообща и на основании одних и тех же принципов» и делиться друг с другом любой информацией, какой бы незначительной она ни казалась¹⁰⁶. Прежде всего, в их обязанности входило объяснить миролюбивой Елизавете, на каких основаниях Фридрих ввел войска в Моравию и Богемию; оба посланника, каждый в свой черед, поспешили уверить императрицу, что сделано это было исключительно ради поддержания в Германии спокойствия и порядка. Елизавета слушала спокойно, но своего мнения не

¹⁰⁴ Ле Шамбрье к Фридриху, 12 марта 1745 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 143. Non fol.

¹⁰⁵ Фридрих к Елизавете, 6 декабря 1744 г. // РС. В. III. S. 336.

¹⁰⁶ AAE. CP. Russie. T. XLV. Fol. 37.

высказывала; не терявший бдительности Бестужев умело внушал ей недоверие к рассказам пруссака и француза.

Тем временем и в Потсдаме, и в Париже начали смотреть на положение дел новыми глазами. С точки зрения Людовика, главным нарушителем европейского спокойствия оставалась Англия; поддерживая притязания Марии-Терезии, Георг II лишь сильнее разжигал пламя конфликтов¹⁰⁷. Фридрих разделял эту точку зрения постольку, поскольку Георг, курфюрст Ганноверский, препятствовал его захватническим планам. Оба короля, и Людовик, и Фридрих, сознавали, что Лондон имеет влияние на Петербург, но не умели ни понять причины этого влияния, ни оценить его масштабы. Людовик XV продолжал воздействовать на Елизавету обольстительными речами; он написал ей патетическое послание, в котором уверял, что взялся за оружие с одной-единственной целью — восстановить мир в Европе. Русской императрице, которая, благодаря своему нейтралитету, идеально подходила на роль посредницы между воюющими державами, предоставлялось сделать выводы самостоятельно. Письмо его христианнейшего величества, уснащенное лестными обращениями¹⁰⁸, выдавало владевшее им отчаяние и страстную жажду помощи:

«Всякий монарх в пределах своих владений лишь к тому стремиться может, чтобы собственных своих подданных осчастливить, Вам же дано составить счастье королей и народов. От того, Государыня, подданные Ваши лишь сильнее любить Вас и почитать станут, наше же царствование сделается лишь более счастливым, когда благословения, кои возносят обитатели Вашей державы, в единый сольются хор с благословениями народов европейских»¹⁰⁹.

Иначе говоря, судьба Бурбонов зависела от решений монархини из дома Романовых, которую Людовик XV некогда не пожелал взять в жены! Король изъяснялся с фонтенелевской напыщенностью: человечество наградит молодую государыню, дочь Петра Великого, повелительницу народа, извле-

---

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Например: государыня, «более всех прочих моего уважения достойная», монархиня, которой «народы обязаны будут величайшим из благодеяний».

¹⁰⁹ Людовик XV к Елизавете, 19 апреля 1745 г. (письмо, включенное в «Дневник» де Морамбера) // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. I. Fol. 192 sq. ; копию см.: GStA. Rep. XI. Russland 91. 49A. Fol. 408.

ченного из небытия стараниями ее венчанного родителя, титулом третейского судьи, которому доверено разрешить спор между народами Европы, — «благороднейшим из титулов, какие могут принадлежать коронованной особе, и единственным, коего недостает Вашему славному Величеству»¹¹⁰. Эти обольстительные — но совершенно неофициальные — речи плохо вязались и с ходом военных действий, и с политикой французского кабинета, благоприятствовавшей скандинавским странам и Турции. Петербург всегда возражал против вмешательства французов в восточные дела и настороженно следил за их политикой на севере. Вместо ответа представитель императрицы в Париже подверг критике избранную Людовиком терминологию: сделавшись «третейским судьей», Россия неминуемо должна будет поощрить одну из сторон в ущерб другой и утратит свою независимость. Русский посланник высказался в том духе, что его страна предпочитает не принимать активного участия в европейских войнах, а на просьбу Людовика не ответил вовсе ничего¹¹¹. Сама же Елизавета хранила молчание. Прусский король, первым получавший информацию о развитии событий, встревожился еще сильнее, чем прежде. Он твердо знал, что вмешательство России в германские дела — его последний шанс и без этого ему нечего надеяться закрепить за собой захваченные территории и незамедлительно заключить мир, необходимый его измученной армии. Мардефельд выбивался из сил, Дальон утверждал, что «проповедует то же, что и прежде», однако двум дипломатам становилось все труднее говорить в унисон; первого интересовала Германия, а второго — Европа. Русские быстро поняли, что эти два интереса могут вступить в противоречие. Несмотря на всю блистательную диалектику Мардефельда и Дальона, на примере их взаимоотношений русские политики без труда могли догадаться о том, что согласие между Парижем и Берлином — вещь хрупкая и недолговечная.

Французы с осени 1745 года со страхом ожидали крутого поворота в политике Фридриха. Д'Аржансон колебался, не зная, стоит ли предпочесть дружбе с Саксонией ненадежный союз с Пруссией; Людовик пытался успокоить Россию и вел

---

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ле Шамбрье к королю, 15 марта 1745 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 143. Non fol.

себя крайне предупредительно со всеми монархами. Впрочем, без всякого успеха. Король-философ, забыв о том, что еще совсем недавно избрал Людовика XV главным своим союзником, жаловался Мардефельду на то, что французы им пренебрегают, что они превыше всего ставят собственные интересы и вот-вот предадут немецких друзей¹¹². Тем временем Людовик обдумывал, пока еще никому об этом не объявляя, план новой коалиции, в которую входили бы его страна, Пруссия, Швеция и Россия и которая стремилась бы «защищать слабых от угнетения, тирании и насилия со стороны держав, злоупотребляющих своею мощью»¹¹³. Иначе говоря, защищать права народов предлагалось не кому иному, как России и Пруссии. Одна из статей договора, впрочем, предусматривала в случае необходимости замену России на Порту, ее исконного врага. Фридрих вполне мог бы присоединиться к плану Людовика, но он предпочел действовать по собственной прихоти, путать карты потенциальным союзникам, приносить дружественную Францию в жертву своим заклятым врагам Австрии и Саксонии. Политика Фридриха отличалась непредсказуемостью: в зависимости от настроения он то уважал чувства своего французского собрата, то оскорблял их; Людовик же, разрывавшийся между официальной и «тайной» дипломатией (так называемым «секретом короля»), слишком открыто распределял роли между монархами и разрабатывал слишком «материалистические» проекты коалиций... Фридрих использовал (или думал, что использует) Петербург и Париж для подчинения себе всей Германии, Людовик же, со своей стороны, рассчитывал с помощью Берлина и Петербурга сохранить свое господство в Центральной Европе и на берегах Балтийского моря (расчет ничуть не менее умозрительный). Предложение Версаля о создании четверного союза (Франция, Пруссия, Швеция и Россия) звучало как своеобразное пари; с точки зрения Дальона, наблюдавшего за происходящим из Петербурга, выиграть это пари было еще возможно; Елизавета могла бы согласиться на союз с Пруссией, если бы Фридрих вел себя правильно, но могла бы и вступить в коалицию с Саксонией, если бы Людовик устранился от решения германского

---

¹¹² Фридрих к Мардефельду, 26 сентября 1745 г. // PC. B. IV. S. 290.

¹¹³ Письмо Людовика XV из Турне, 21 июня 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVI. Fol. 457.

вопроса¹¹⁴. Выжидательная тактика французского кабинета и явная непоследовательность французов в решении немецких проблем превращали его христианнейшее величество в сообщника экспансионистской политики Бранденбургского дома.

Фридрих бросает вызов:

Дрезденский договор (1745) и мир с Марией-Терезией

Под давлением Австрии, а затем и Англии (не говоря уже о неустанном воздействии Бестужева) Елизавета пришла к выводу, что Пруссия нарушила Бреславский договор, что ее нападение на Фридриха-Августа следует квалифицировать как *casus foederis*. Посланник Марии-Терезии Розенберг сообщил Елизавете, что если Россия не примкнет к Варшавскому союзному акту, его, Розенберга, незамедлительно отзовут из Петербурга. Боясь, как бы ее двор не покинули одновременно австрийский, английский, голландский и датский послы (страхи, внушенные ей канцлером Бестужевым), императрица согласилась назначить при дворе совет, который должен был дать ответ на следующий вопрос: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, долее в усиление приходить допускать или не сходственное ли будет королю польскому, яко курфюрсту Саксонскому, по действительному настоящему с ним случаю союза помощь подать и каким образом?»¹¹⁵ Ответ напрашивался сам собой, однако в тот раз императрица так ни на что и не решилась. К решению ее подтолкнула очередная просьба Фридриха о помощи (пруссский король ссылался при этом на договор 1740 года). 14 октября 1745 года императрица снова собрала свой совет («Конференцию»); она открыто обвинила Гогенцоллерна в том, что он напал на Саксонию по причине союза этой последней с Австрией. Будучи человеком бессовестным, сказала она, прусский король может однажды напасть и на Россию. Императрица приказала отправить войска в Курляндию и пригрозила, в случае если пруссаки не отступят во владения своего

---

¹¹⁴ Письмо Дальона, 6–12 июля 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. 47. Fol. 23.

¹¹⁵ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI. С. 356. См. также: Письма великого канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина к вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Т. II. С. 120 (письмо Бестужева к Воронцову от 4 октября 1745 г.).

короля, оказать Фридриху-Августу военную помощь¹¹⁶. Русское правительство решило резко изменить курс и отказаться от прежних связей, которые теперь могли его только компрометировать, именно потому, что Франция и Пруссия действовали несогласованно, вели двойную игру. Несмотря на предупреждения Мардефельда и Ле Шамбрье, Фридрих не принимал всерьез «старое московское пугало», которым страшали его прусские дипломаты; король был уверен, что «прикончит» Саксонию прежде, чем вести об этом дойдут до далекого Петербурга¹¹⁷. Победы прусской армии, утверждал Фридрих, убедительно доказывают возникновение в центре Европы новой военной державы; следовательно, именно он, король прусский, обязан защищать международное право, охранять добрососедские отношения между европейскими странами. Что заставляло Фридриха вести подобные речи — бестактность, лицемерие, простодушие? Как бы там ни было, философу из Сан-Суси все равно не удавалось разрубить тот гордиев узел, которым сделалась для него война за Австрийское наследство (наследство, о котором ни одна из воюющих сторон уже и не вспоминала).

Мария-Терезия и Фридрих-Август ставили «то на Россию, то на Францию»¹¹⁸, а те, со своей стороны, не принимали Пруссию всерьез. Стоило Версалю отречься от Фридриха, и австро-саксонские войска очень скоро отвоевали бы Силезию, а затем захватили бы и саму Пруссию¹¹⁹. Загнанный в ловушку, но убежденный в непревзойденности своего стратегического гения, король-философ решил действовать в одиночку и стремительно. Победы при Гогенфридберге и Кессельсдорфе только укрепляли его в первоначальном намерении: он добьется всего, чего пожелает, если незамедлительно начнет мирные переговоры. Он был готов на любые уступки, кроме территориальных. Проявив свойственную ему практическую сметку, он в очередной раз сделал резкий поворот: Швеция уже при-

---

¹¹⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI. С. 357. Письмо аналогичного содержания было отправлено к русскому посланнику в Потсдаме, дабы он известил прусского короля об этих решениях.

¹¹⁷ Фридрих к Подевилеусу, 31 июля 1745 г. // РС. В. IV. S. 245.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Valori G.L.H. Op. cit. P. 220. Инструкции, адресованные австрийскому чрезвычайному посланнику Претлаку, содержат именно такой сценарий. См.: HHStA. Russland II. Instruktionen 206 (1721–1755). 7b. Fol. 1–6 (октябрь 1745 г.).

няла его сторону; выжидательная политика Людовика была ему на руку в том, что касалось Саксонии, но приводила Пруссию к изоляции внутри Германии. Поднявшись на вершину военной славы, Фридрих мог позволить себе без промедления заключить мир. Переговоры начались в Ганновере без ведома Франции. Георг II признал законным завоевание Фридрихом Силезии, Фридрих же взамен обязался вывести войска из Богемии и Саксонии. Если верить запискам Валори, французского посланника в Берлине, французский кабинет, зная о финансовых трудностях прусского короля, предложил ему 500 000 ливров, лишь бы он не отказывался от своих обязательств перед Францией. Ведь избавившись от прусской угрозы, Мария-Терезия смогла бы увеличить численность своих войск в Нидерландах и в Италии. Фридриха французское предложение оскорбило, он счел сумму смехотворной и объявил, что «отрекается от друзей столь бессильных и неблагодарных»¹²⁰. Французский дипломат, желая избежать скандала, в своем донесении сильно смягчил реакцию короля¹²¹. Умный посланник в очередной раз помешал двум монархам разорвать отношения между их державами. Тем не менее Дрезденский договор (декабрь 1745 года) закрепил за Бранденбургским домом захваченные Фридрихом силезские территории, Фридрих же в ответ признал германским императором герцога Тосканского, супруга Марии-Терезии.

Это разрушило все планы Франции. Благодаря своим победам в Богемии и Саксонии Фридрих в течение какого-то времени был для Людовика XV полезным союзником, однако он вновь — и уже не в первый раз — предал интересы коалиции. Он переметнулся на сторону королевы Венгерской, отныне супруги императора. Чрезмерная независимость прусского короля, перешедшая в нарушение всех договоренностей касательно судьбы империи, испортила всю игру д'Аржансону, чья дипломатия была направлена лично против Марии-

---

¹²⁰ Valori G.L.H. Op. cit. P. 240. До этого Фридрих жаловался на опустошенность своей казны, намекал, что не отказался бы от субсидий; по-видимому, во французском предложении его не удовлетворила прежде всего незначительность предлагаемой суммы, «достойной разве что великого герцога Дармштадского».

¹²¹ «Если бы я не прибегал неоднократно к этому способу, два государя давно бы рассорились, к великой невыгоде обоих. Впоследствии прусский король был мне за то искренне благодарен» (Valori G.L.H. Op. cit. P. 241).

Терезии и в меньшей степени против католической Австрии. Союзу с Версалем прусский король предпочел *свой собственный* мирный договор; он начал переговоры о всеобщем мире без ведома Бурбонов. Сначала обещание сохранять нейтралитет дали ему германские князья (добиться этого не составляло труда); затем Фридрих разработал план договоров об оборонительном союзе с Голландией и Англией. Французский король и его министры поняли, что Берлин сделал ставку на Англию, исконного врага Франции, преследовавшего Людовика и его маршалов не только на континенте, но и в колониях. Доверие к Фридриху было подорвано; в Версале решили свести отношения с ним к «соблюдению простых приличий» — исключительно для того, чтобы не доводить дело до дипломатического скандала. Несмотря на победы маршала Саксонского в Нидерландах, Версаль не мог обойтись без прусского короля, без его ума, без его завораживающего, непостижимого характера, в силу которого Фридрих был не только просвещенным монархом, но и тонким стратегом, мастером переговоров о мире (он блестяще провел их и в Бреслау, и в Дрездене). Несмотря на крайнюю щекотливость своего положения, Людовик решил выждать; в погоне за «ручательствами пустыми и бесполезными», полагал он, король-философ «готов променять славу на подтирки», а заключив в конце концов мир, вообще «впадет в спячку»¹²². Тем хуже для него. Французы предоставили прусскому королю действовать на свой страх и риск; русский вспомогательный корпус, о котором упоминал в донесениях Дальон, мог двинуться в центр Европы и приблизиться к не слишком надежно защищенным границам Бранденбурга. В этом случае, считали французы, Фридриху придется заниматься исключительно своими восточными делами, и он не станет ввязываться в сражения на севере или объединяться с Англией против Франции. Несмотря на эти утешительные прогнозы, Людовик и его министры чувствовали себя пойманными в ловушку: попытайся они сблизиться с австрийцами или саксонцами, это вызвало бы неодобрение Пруссии, которая в отместку тотчас попросила бы помощи у Георга II¹²³. Французам приходилось по-прежнему обхаживать предателя Фридриха даже после того, как он перестал принимать участие в войне за Австрийское наследство.

---

¹²² D'Argenson. Op. cit. T. IV. P. 370.

¹²³ Ibid. T. IV. P. 374.

*На помощь
«Священной Римской империи германской нации»
приходят русские*

Новый план Гогенцоллерна заключался в следующем: Францию от участия в европейских делах временно отстранить, Саксонию и Австрию нейтрализовать, а Георга II сделать посредником в мирных переговорах¹²⁴. России, нации второго сорта, отводилась исключительно роль пугала. Однако несмотря ни на неучастие Пруссии в военных действиях, ни на новую политику прусского короля, война продолжалась. Английский король надеялся положить ей конец, увеличив давление на Францию. Невзирая на интересы своего племянника, Георг II сблизился с Россией. Мардефельд уже давно бил тревогу, он не мог не видеть оживления в лагере противника, не мог не замечать все учащающихся встреч между англичанами, австрийцами, голландцами и саксонцами. Прусский посланник по-прежнему полагал, что единственный надежный союзник для Пруссии — это Франция. Дипломат выбивался из сил, пытаясь образумить своего короля: «По моему несовершенному разумению, невозможно Вашему Величеству порвать с Францией»; морские державы «в явственном согласии» с дворами венским и дрезденским выказывают «крайнее свое к ней недоброжелательство»¹²⁵. В лице Дальона Мардефельд имел надежную опору. Француз продолжал выставлять напоказ дружбу с прусским коллегой: добрые отношения двух дипломатов призваны были доказать сомневающимся, что и отношения Людовика с Фридрихом безоблачны, как прежде. Однако этому противоречил резкий поворот в политике д'Аржансона — охлаждение к Пруссии, о котором в Петербурге прекрасно знали. Русские политики терялись в догадках. В чем здесь дело: в том, что Людовик и Фридрих ведут двойную игру? Отдалились они друг от друга или по-прежнему единым фронтом противостоят морским державам и Австрии?

Неожиданная развязка не заставила себя ждать; Елизавета и члены ее совета сочли, что России пора наконец вступить в войну, однако сделать это надлежит на западе, во Фландрии.

---

¹²⁴ Фридрих к Мардефельду, 2 сентября 1745 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 49B. Fol. 49.

¹²⁵ Мардефельд к Фридриху, 26 июня 1745 г. // Ibid. Fol. 425.

Пруссия в войне уже не участвовала, и Россия решила атаковать одну лишь Францию, однако было очевидно, что подспудная цель акции иная — вывести Фридриха из равновесия, заставить его ввязаться в бой и тут-то уж уничтожить его окончательно. Не Дальону, а Мардефельду Бестужев объявил, что Россия отказывается от роли посредницы в войне за Австрийское наследство¹²⁶. Предлогом к выступлению войск послужила политика французов на востоке; связи Франции с Портой, которая со своей стороны предложила в качестве посредницы себя, не позволяли России действовать дипломатическими методами¹²⁷. Елизавете претила сама мысль о сближении с этой еретической нацией, не говоря уже о ее присутствии за столом переговоров. Дочерью Петра Великого овладел старый страх — страх, что ее, жительницу Московии, отнесут к числу варваров, поставят на одну доску с врагом христианского мира (предрассудок, бытовавший на Западе в течение нескольких столетий)¹²⁸. Зная психологию императрицы, предугадать ее реакцию было нетрудно; однако сделать это могли только настоящие знатоки России, к числу которых принадлежали Дальон и Мардефельд¹²⁹. Прежде всего Елизавета желала, чтобы представители других европейских держав видели в ней равню, и уже во вторую очередь императрицу интересовало, поручат ли ее стране роль посредницы на переговорах. Однако непредвиденное соперничество с Турцией, которую, оказывается, тоже прочили в посредницы, оскорбило Елизавету и отвратило ее от Франции.

Осенью 1745 года императрица пригласила Дальона к себе и официально объявила ему, что решила принять участие в военном конфликте. Она сказала, что не хочет никому угрожать: Людовик XV «волен поддерживать своих союзников

---

¹²⁶ Дальон к д'Аржансону, 6/17 апреля 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLV. Fol. 289.

¹²⁷ См.: *Raxis de Flassan G.* Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. Paris, 1809. T. V. P. 251.

¹²⁸ См.: *Liechtenhan F.-D.* Le Russe, ennemi héréditaire // *Revue historique*. 1991. T. CCLXXXV, fasc. 1. P. 77–103.

¹²⁹ Французский кабинет, между тем, не принимал ситуацию всерьез: «Ни одно правительство не умеет так мастерски действовать напоказ, как правительство русское, однако, если присмотреться повнимательнее, Россия всегда остается всего лишь наблюдательницей. Впрочем, русские очень ловко оборачивают это себе на пользу; ни о чем другом они и не помышляют» (*Valori G.L.H.* Op.cit. P. 267).

так, как ему заблагорассудится», но зато и она «вправе помогать тому, кому пожелает»¹³⁰. Французский дипломат сделал вид, что изумлен, но вынужден был смириться с разрывом отношений между Россией и его страной.

Д'Аржансон не понял психологию русских, не учел их обидчивости и острой нужды в деньгах, о которой тщетно извещал его французский посланник в Петербурге. Дальон понял всю глубину катастрофы и сумел отдать должное прусскому коллеге, который своим сдержанным и умным поведением помог ему с достоинством снести удар. Если бы не торопливость их повелителей, посланники, пожалуй, могли бы спасти положение или, по крайней мере, помешать самому худшему — выступлению русского вспомогательного корпуса¹³¹. Впрочем, в официальной переписке Дальон не смел напрямую упоминать о грубых ошибках, допущенных его начальниками, которые попытались разыграть одновременно турецкую, русскую и прусскую карты, — попытка, по самой своей сущности обреченная на провал; гораздо откровеннее французский посланник критиковал политику его кабинета в разговорах с Мардефельдом, которые тот в донесениях пересказывал Фридриху.

Дальон и Мардефельд занимались в Петербурге тем же, чем и их коллеги в Берлине, Вене или Лиссабоне: поддерживая сугубо человеческие отношения между собой, они пытались смягчить грандиозные начинания своего начальства. В Петербурге макиавеллизм и попечение о государственных интересах уступали порой место диалогу, но нередко политическая жизнь сводилась к интригам и ударам ниже пояса. Бестужев и его клан, оставаясь маргиналами в международной политике, принимали сторону той из воюющих держав, которая больше заплатила; независимость их была весьма относительной. Французский и прусский посланники, несмотря на разногласия их дворов, действовали сообща и никогда не отказывали друг другу в поддержке. В конечном счете, дело шло об их чести и больше того, об их жизни. Однако странный дуэт терпел неудачу за неудачей; решения принимались без ведома

---

¹³⁰ Письмо Дальона от 22 октября/2 ноября 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVII. Fol. 262.

¹³¹ Письмо Дальона от 27 апреля/8 мая 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVI. Fol. 350.

двух посланников. Отрезанные от мира, подвергающиеся слежке, они уже не могли оказывать влияние на европейские дела¹³². В первую очередь русско-саксонско-англо-австрийский клан ополчился на Мардефельда. Всемогущий канцлер Бестужев безгранично доверял посланникам Саксонии, Англии и Австрии, и они всегда могли рассчитывать на его поддержку. Если бы они одолели Мардефельда, Дальон наверняка лишился бы поста следом за своим собратом. Оба дипломата терпели бесконечные унижения и становились жертвами клеветы; с некоторых пор им был заказан доступ не только к императрице, но и к членам ее совета. Таким образом, хотя номинально Мардефельд и Дальон оставались на своих постах, фактически они утратили возможность исполнять свои обязанности. Положение Мардефельда сделалось наконец настолько невыносимым, что он послал своему повелителю письмо, где молил короля порвать с Францией, а его, Мардефельда, отозвать из Петербурга¹³³.

Этот сигнал тревоги, донесшийся с востока, заставил Фридриха очнуться: он понял, что рискует и сам оказаться в положении своего посланника, если не наведет порядок в своих отношениях с воюющими сторонами, а значит, и с Россией. В Дрездене он добился того, чего хотел, и подписал выгодный для себя договор; настала пора повести себя более миролюбиво, отказаться от наступательной политики. Чтобы продемонстрировать добрые намерения Берлина относительно Саксонии, Австрии и России, считал Фридрих, все средства хороши¹³⁴. Девизом Фридриха сделались нейтралитет и миролюбие. Однако вступление в войну русского вспомогательного корпуса заставило Фридриха, невзирая на его демонстративный нейтралитет, снова сблизиться с Францией; географическое поло-

---

¹³² Дальон к д'Аржансону, 23 июля 1746 г. // Ibid. T. XLIX. Fol. 27–28.

¹³³ Письмо от 17 мая 1746 г. // GStA. Rep. XI. Russland C 2d. Fol. 39.

¹³⁴ «Система моя неизменно в том состояла и поныне состоит, чтобы, поскольку будет то в моих силах, свято хранить верность миру, заключенному в Вене с дворами венским и саксонским, в нынешнюю войну не мешаться, со всеми соседями, да и вообще со всеми дворами, с коими прежде был мой королевский дом в сношениях, жить в мире, главное же, сохранять самое полное согласие с Россией, вести с нею, ежели возможно, дружбу, и не совершать ни единого поступка, каковой мог бы навлечь на меня справедливый с ее стороны упрек в том, что я от сего образа мыслей отступил» (GStA. Rep. 96. 55F. S.d. [по-видимому, май 1746 г.]).

жение его страны было таково, что она подверглась бы русскому нашествию первой. Без тыловой помощи французов прусская армия, ослабленная долгой войной, не смогла бы оказать сопротивления русским. Со своей стороны, д'Аржансон видел в Пруссии преграду — по крайней мере, психологическую, — способную остановить наступление захватчиков с востока.

В 1745–1746 годах облик Европы изменился не к выгоде прежних союзников, Франции и Пруссии. Французы, хотя и одерживали победы во Фландрии, оставались в изоляции, Фридрих боялся агрессии со стороны России, которую Георг II и Мария-Терезия втянули в войну. Казалось, что Елизавета полностью взяла их сторону¹³⁵. На союз с Саксонией и Польшей ни Гогенцоллерн, ни Бурбон рассчитывать не могли. Швеция сильно пострадала от войны в Финляндии, и реальной поддержки от нее ожидать не приходилось. Италию раздирали противоречия между Карлом-Эммануилом и Филиппом V. В Северной Америке и на Антильских островах французы сражались с английским флотом. Последний шанс представляла собою Порта, впрочем, погрязшая во внутренних распрях; однако ее вмешательство вряд ли пришлось бы по нраву Фридриху и его кабинету, которые не желали разжигать в Германской империи дополнительные очаги конфликта¹³⁶. Получалось, что, за неимением других союзников, Париж и Берлин вынуждены снова пойти на сближение. Французские и прусские министры завели речь об исторических недоразумениях, дипломаты — о совершенных в прошлом роковых ошибках; примирение не заставило себя ждать. Пытаясь спасти положение, оба двора в очередной раз прибегли к своим посланникам в Петербурге. Судьба Европы — чему быть, войне или миру? — решалась в столице России в то время, когда русский вспомогательный корпус перевооружался в Курляндии.

---

¹³⁵ Претлак к Ульфелдцу, 30 августа 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27. Fol. 47.

¹³⁶ Ле Шамбрьё к королю, 13 июня 1746 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 154. Non fol.

Глава четвертая

ПОЛИТИКА НАПОКАЗ (1746–1748)

Со времен Ливонской войны Ивана Грозного русский, или «московитский», солдат пользовался среди европейцев грозной славой: выносливый, сильный, непрехотливый, не страдающий излишней щепетильностью, он казался непобедимым. Западные монархи довольно скоро отдали себе отчет в существовании на краю Европы мощной и грозной державы, в распоряжении которой имеются неисчислимые полчища солдат — татар, калмыков, казаков, действующих с крайней жестокостью¹³⁷. Победы, одержанные Петром Великим, утвердили в умах европейцев этот образ, влияние которого заметно, в частности, во всех сочинениях Фридриха II. В 1733 году Франция совершила ошибку и недооценила мощь России; в ходе войны за Польское наследство русские солдаты дошли до берегов Рейна. Победы русской армии в русско-турецкой войне 1735–1739 годов окончательно закрепили репутацию русских как превосходных воинов¹³⁸. Стало ясно, что с ними нужно быть настороже, и Версаль принял это к сведению¹³⁹.

Новое вмешательство России в дела Европы превратилось из теоретической возможности в реальную угрозу весной 1746 года; 22 мая 1746 года обе императрицы подписали союзный договор, в котором присутствовал пункт о взаимной помощи (предыдущий договор такого рода между Россией и Австрией подписали в 1726 году Екатерина I и Карл VI). Официально русский вспомогательный корпус был призван оказать помощь Саксонии и Англии, ведущим войну против

---

¹³⁷ См.: *Liechtenhan D.* Le Russe, ennemi héréditaire // *Revue historique*. 1991. Т. CCLXXXV, fasc. 1. P. 77–103.

¹³⁸ Письмо Дальона от 27 января/7 февраля 1747 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. L. Fol. 57.

¹³⁹ *D'Argenson*. Op. cit. Т. IV. P. 437.

Франции. Россия должна была держать наготове 30 000 вспомогательного войска, которому Австрия обязалась давать «порции и рации, а именно порции по фунту мяса на день, а хлеба или ржаной муки на месяц по шестьдесят фунтов [...] считая все по весу голландскому»¹⁴⁰. Договаривающиеся стороны обязались во все продолжение конфликта предоставлять на военные нужды по 300 000 фунтов в год. Русские войска получили право свободного прохода по территории Империи. В договоре, открыто направленном против Франции, имелись секретные статьи о взаимной помощи в случае нападения на одну из договаривающихся сторон Порты, Персии и Пруссии; в случае, если нападение последует со стороны Пруссии, Россия обязалась выставить вдвое больше войска (60 000 человек) как на суше, так и на море¹⁴¹. Нападение со стороны Пруссии было квалифицировано в договоре как *casus foederis*.

Людовик воспринял известие о договоре спокойно: он знал, что «орды варваров» дойдут до берегов Рейна не так уж скоро. Фридрих же, хотя официально договор затрагивал его страну в меньшей степени, чем Францию, с ужасом представлял себе, как русская армия разоряет его территорию, истребляет и без того поредевшее после пятилетней войны население. Даже в самом лучшем случае такой оборот дела сковал бы часть прусских войск, в худшем же он привел бы к новому конфликту. Чувствуя себя окруженным, пойманным в ловушку, Фридрих решил держаться полного нейтралитета и не соглашаться ни на какие союзы; когда Франция предложила ему вступить в коалицию со Швецией и с Данией, прусский король отвечал «с презрением и недоверчивостью, не удержавшись даже от шуток весьма дурного вкуса»¹⁴². Фридрих не хотел прогневить русских, ибо до сих пор не знал, по каким направлениям их войска будут двигаться на запад. Несмотря на Дрезденский договор, он опасался действий Марии-Терезии — и не напрасно; когда впоследствии стали известны тайные статьи русско-австрийского договора, выяснилось, что он был совершенно прав. Посредством договора с Россией Мария-Терезия стремилась нейтрализовать своего чересчур активного соседа, отрезать его от союз-

---

¹⁴⁰ *Мартеис Ф. Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 147 и след., 153; Т. IX (X). С. 150.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 170–173. См. также ноту Пфеффеля, статьи 3 и 4 // *AAE. M et D. Russie, 1735–1759. T. XXXIV. Fol. 27 sq.*

¹⁴² *Valori G.L.H.* *Op. cit.* P. 268.

ницы-Франции, а тем самым, к выгоде Лондона, ослабить эту последнюю. Такая политика произвела самое благоприятное действие на Фридриха-Августа (саксонского курфюрста и польского короля) и на Георга II (английского короля и ганноверского курфюрста), а равно и на нидерландский кабинет: 8 ноября 1847 года все они подписали Петербургскую конвенцию, которая окончательно лишила Фридриха II покоя. Он все сильнее боялся вторжения русской армии на территорию Германии. Если поначалу вступление русских войск казалось лишь теоретической угрозой, то благодаря подписанным договорам угроза эта приняла окончательный и совершенно официальный характер. Французы и пруссаки попали в ловушку, и их союз, своего рода брак по расчету, сделался необходимостью, условием выживания. Впрочем, разная удаленность от России грозила привести Берлин и Париж к новой ссоре.

В первое время французы посмеивались над излишней предусмотрительностью, чтобы не сказать трусостью, Фридриха¹⁴³. Французский кабинет волновали другие заботы: можно ли будет в случае нападения противника на Францию рассчитывать на помощь прусского короля, которого «непредсказуемый» характер и «боязливый ум»¹⁴⁴ делали весьма ненадежным союзником? Вести из России укрепляли Людовика XV во мнении, что торопиться с решениями не стоит. Мардефельд и Дальон сходились в одном: Россия истощена неурожаями, двор разорен страстью Елизаветы к роскошеству. Императрица постоянно путешествует, переезжает из резиденции в резиденцию. Она тратит фантастические суммы на украшения и наряды, а фаворитов и царедворцев щедро одаряет безделушками, посудой и картинами; казна пуста. Финансовые проблемы оказали решающее влияние на изменение политического курса России. Именно перспектива получить за отправку в Европу вспомогательного корпуса огромную сумму (около 300 000 ливров в год из английской казны) побудила Елизавету отказаться от своих миролюбивых принципов и вступить в войну¹⁴⁵. А взятки и подарки, полученные ее министрами и придворными, довершили дело.

---

¹⁴³ *D'Argenson*. Op. cit. T. IV. P. 370.

¹⁴⁴ *Valori G.L.H.* Op. cit. P. 183.

¹⁴⁵ *Марпенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 150. См. Петербургскую конвенцию, подписанную Россией, Австрией и Англией, к которым позже присоединится Саксония.

Разница в финансовом положении посольств

Французские дипломаты получали весьма солидное жалование. Ла Шетарди, а затем и Дальон, имели 48 000 ливров в год на собственные нужды, а на все их дополнительные расходы выделялась отдельная, заранее определенная сумма¹⁴⁶. Мардефельд не располагал и половиной подобного бюджета и вынужден был постоянно выпрашивать деньги у начальства; сумма, предназначавшаяся на его собственное устройство, тщательно отделялась от общей суммы жалования. Фридрих предоставлял своему посланнику самостоятельно распоряжаться выделяемыми ему деньгами, но взамен посланник должен был предоставлять ему подробнейшие отчеты. До 1745 года при необходимости король выделял дипломату и дополнительные суммы. В год, когда Фридрих «обольщал» Елизавету, жизнь Мардефельда была вполне сносной: он получал больше 50 000 экю, которые ему рекомендовали тратить «осмотрительно»¹⁴⁷. В 1744 году Фридрих отпустил на нужды своего посланника в России еще больше — целых 150 000 экю: мир в Германии стоил жертв¹⁴⁸. Деньги предназначались на подарки русским министрам, и пускать их в ход нужно было с умом, «дабы не упустить тот критический момент, когда будет вам неотменно необходимо к средству сему прибегнуть»¹⁴⁹. Так, суммы, предназначенные Бестужеву, следовало вручить ему только «в самом крайнем случае», а не тратить их понапрасну. Все эти наставления вынуждали Мардефельда распределять деньги с величайшими предосторожностями, пускать их в дело, лишь если другого выхода не оставалось. Между прочим, доброе согласие и сотрудничество Дальона и Мардефельда проявлялось и в финансовой сфере; насколько их правительства не умели действовать в унисон и распределять обязанности

---

¹⁴⁶ Сумма эта могла быть увеличена в десять раз за счет чрезвычайных вознаграждений. По случаю побед королевской армии или важных событий в королевской фамилии послы получали дополнительные суммы, размер которых варьировался от 1 500 до 6 000 ливров. Счета Дальона см.: ААЕ. СР. Russie. T. XLV. Fol. 16–20. См. также: Zévort E. Le Marquis d'Argenson. Paris, 1880. P. 16 (Зевор, однако, склонен преуменьшать суммы, получаемые дипломатами).

¹⁴⁷ Письмо Фридриха от 28 сентября 1743 г. // РС. В. II. S. 427.

¹⁴⁸ Фридрих к Подевилеусу, 20 октября 1744 г. // РС. В. III. S. 302.

¹⁴⁹ Фридрих к Мардефельду, 28 сентября 1743 г. // РС. В. II. S. 427.

между собой, настолько блестяще владели этим искусством их представители. Оба посланника руководствовались общей стратегией; они, если можно так выразиться, систематически «бомбардировали» приближенных императрицы ливрами и экю. Впрочем, прусский министр, зная прижимистость своего государя, зачастую довольствовался тем, что вдохновлял на подарки своего французского коллегу, сам же старался тратить деньги как можно более экономно¹⁵⁰. Стратегия у обоих дипломатов была одинаковая, а практический, или, точнее сказать, психологический подход — разный. Мардефельд предпочитал дарить подарки друзьям и союзникам (это обходилось дешевле), а с заклятыми врагами Пруссии, канцлером и его кланом, не иметь дела вовсе. Дальон посмеивался над этой «личной склонностью и странным убеждением», которое оставляло ему самому большой простор для маневров. Хотя Морепа и рекомендовал ему вести себя более сдержанно, французский посланник продолжал обхаживать Бестужева; купить расположение канцлера было особенно важно, ведь вице-канцлер Воронцов и без того принадлежал к числу друзей Пруссии¹⁵¹. Тут настал второй силезский кризис, к которому в Петербурге отнеслись резко отрицательно. Чем сильнее возрастало напряжение в прусско-русских отношениях, тем меньше денег выделял Фридрих своему посланнику в Петербурге, и этой скупостью приводил его в отчаяние. Впрочем, у прусского дипломата оставался последний козырь: деньги для Дальона шли из Парижа в Петербург через Берлин (то был единственный надежный путь), что давало Мардефельду возможность частично контролировать траты французского коллеги. Так, он подсказал Дальону, чтобы тот посулил канцлеру Бестужеву и вице-канцлеру Воронцову по 50 000 рублей в случае, если они отговаривают императрицу от подписания Варшавского союзного акта¹⁵². В роковом 1745 году, когда впервые

---

¹⁵⁰ В своих подсчетах он не брезгует самыми мелочными подробностями: «...за дукат обычно дают 2 рубля 25 копеек, что позволит мне подкупать нужных людей без лишнего шума, если же я буду платить рублями или же ассигновками купцам на отпуск товаров, огласки не избежать» (Мардефельд к королю, 30 апреля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55C. Fol. 143).

¹⁵¹ Письмо Дальона от 12 января 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVI. Fol. 28.

¹⁵² Мардефельд — Фридриху, 8 июня 1745 г. // GStA. Rep. 96. 55 E. Fol. 112. Варшавский союзный акт подписали Саксония, Австрия, Англия и Голландия.

всерьез встал вопрос о предоставлении Россией вспомогательного корпуса, француз увеличил ставки и пытался «исподволь, ни в коем случае не подавая виду, привести в действие пружины, могущие ежели не способствовать союзу нашему с Россией, то хотя бы помешать вступлению русских войск в войну, способы же к этому были мне указаны и предписаны с самых разных сторон»¹⁵³. Способ этот — сугубо финансовый — был превосходен, однако с несравненно большей эффективностью им пользовались английские и австрийские дипломаты, которые ради того, чтобы склонить Елизавету к вступлению в войну, были готовы потратить целые состояния¹⁵⁴. Не случайно австрийский посланник Розенберг признавался, что никогда ему не платили так щедро, как в эти годы!¹⁵⁵

Представитель Георга II Тироули и его секретарь опередили Мардефельда и Дальона и сумели извлечь пользу из бедственного экономического положения России. Они не скупились на взятки, дарили погрязшим в долгах русским министрам мелкие денежные подарки. Английский консул Вольф вел дела Бестужева, от его имени вкладывал деньги в банковские спекуляции. Тот же Бестужев ежегодно получал 16 000 рублей из Лондона¹⁵⁶. Фридрих же сулил противникам «бесчестного министра» всего 3 000 рублей... В 1744 году Ньюкасл отправил своему представителю в Петербурге 100 000 гиней серебром наличными, чтобы «подкупом залучить на свою сторону значительнейших из членов Сената»¹⁵⁷. Франции, разоренной дорогостоящей войной, которую ей приходилось вести в Америке и Индии, было трудно угнаться за столь богатыми соперниками. Фридрих же, прижимистый от природы, не смог понять, какую серьезную роль в петербургском соревновании посланников играли деньги. Слишком уверенный в прочности своего положения после военных побед в Саксонии и Богемии, он воображал, что сможет помешать Елизавете предоста-

---

¹⁵³ Письмо Дальона от 12 января 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVI. Fol. 28. Понятно, что Дальон намекает на Мардефельда.

¹⁵⁴ Претлак к Ульфельду, 5 мая 1746 г. // ННStA. Russland II. Berichte 27 (апрель–июль 1746 г.). Fol. 4. См. также письмо Фридриха к Мардефельду от 26 мая 1745 г. // РС. В. IV. S. 146.

¹⁵⁵ Розенберг к Ульфельду, 2 октября 1745 г. // ННStA. Russland II. Berichte 26. Fol. 429.

¹⁵⁶ Мардефельд к Фридриху, 4 апреля 1745 г. // GStA. Rep. 96. 55E. Fol. 68.

¹⁵⁷ Анонимный текст 1744 г. // Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 137. Non fol.

вить союзным державам вспомогательный корпус, прибегая попеременно то к лести, то к угрозам. Прусский король надеялся, что, захватив курфюршество Фридриха-Августа, сможет прибрать к рукам богатейший Лейпцигский банк, а уж тогда ему хватит денег на то, чтобы подкупить Елизавету (по его мнению, особу легкомысленную и корыстную) и вынудить ее соблюдать нейтралитет. От мечты покорить Саксонию Фридриху скоро пришлось отказаться, да к тому же и русская императрица никогда не принимала наличные деньги; ее интересовали роскошные подарки, поэтому душа ее неизменно склонялась к королю из рода Бурбонов, чьей щедрости она была обязана каретой, секретером, картинами, украшениями... Впрочем, политические ее решения зависели от Бестужева: он определенным образом излагал императрице насущные проблемы, и в результате она принимала те решения, подписывала те декреты, указы и декларации, какие были выгодны ему.

Подготовка Петербургской конвенции (1747) и ее первые последствия

«Коварный Альбион» подкупил русских, они настроили царицу, в глубине души симпатизирующую французам, против Версальского кабинета, а в результате Франция не только погибнет сама, но и погубит Пруссию. Так думал Фридрих, уверенный как в 1742, так и в 1745 году, что должен выбирать между Францией (но союз с нею грозил привести Пруссию к открытому столкновению с Россией) и Англией (но союз с ней нарушил бы всю существующую систему союзов, которая распространялась и на скандинавские страны, и лишил бы Фридриха стабильности на северном фронте). Уставший от сражений, прусский король несколько недель склонялся к союзу с островитянами; они платили России, и та непременно исполнила бы пожелания Лондона. Фридрих был готов пойти на любые уступки, лишь бы дикие орды не вступили на землю его страны¹⁵⁸.

Из переписки короля Пруссии с его посланником в Петербурге видно, что вторжение русской армии сделалось для него своего рода навязчивой идеей. Надо заметить, что донесения Мардефельда он толковал весьма произвольно. До 1745 года он вычитывал из них лишь то, что его устраивало: финансовые

---

¹⁵⁸ Фридрих к Финкенштейну, 18 сентября 1747 г. // РС. В. V. S. 478–479.

проблемы Елизаветы, соперничество ее приближенных, ропот населения. Интриги Бестужева он долгое время всерьез не принимал и даже над ними посмеивался. Мардефельд, понимавший, как велика беспечность его повелителя, и сознававший, что дела идут все хуже и хуже, уснащал свои донесения все большими подробностями; он пытался убедить Фридриха в бесполезности союза с Георгом II, который полностью принял сторону России после того, как канцлер открыл ему глаза на «пангерманистскую» политику Гогенцоллерна, то есть на его желание подчинить себе Ганновер. От Бестужева исходила и та мысль, что Россия утратила роль «посредницы в европейских делах» из-за интриг короля Пруссии¹⁵⁹. К концу 1745 года, крайне встревоженный пребыванием в Курляндии русского вспомогательного корпуса, который в любой момент мог двинуться в Европу на помощь Австрии, прусский король начал говорить о «Московии» в ином тоне. Воинственный король впал в патетику; он толковал о «затруднительном положении», в которое попал по вине русских министров, «покаявшихся его погубить», и утверждал, что снесет опасности и обманы «стоически»¹⁶⁰. Жестоко раскритиковав Мардефельда, король усомнился в справедливости его суждений относительно военной мощи России; Фридрих ставил в вину своему посланнику непонимание того факта, что «в нынешних наших обстоятельствах лишний противник для нас великая обуза»¹⁶¹. А ведь посланник только об этом ему и писал! Король, как будто лишившись памяти, принялся отыскивать причины, заставившие Россию встать на сторону его врагов; ему мерещился «подлый заговор, состряпанный саксонским двором, заклятым врагом Пруссии». Прусский король был уверен, что Фридрих-Август и его первый министр Брюль нарочно разожгли волнения в Польше, чтобы заставить Елизавету принять участие в войне. Между тем спровоцировать изменение позиции России саксонцы могли только ценою разрыва с Францией, а на это они вряд ли бы пошли¹⁶². Ни

---

¹⁵⁹ Мардефельд к Фридриху, 25 февраля 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 60.

¹⁶⁰ Фридрих к Подевилльсу, 8 ноября 1745 г. // PC. B. IV. S. 332.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Ле Шамбрье предупреждал об этом своего короля; см. его письмо к Фридриху II от 3 апреля 1747 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 157. Non fol.

Фридрих, ни Людовик не понимали, какое действие производит на российскую императрицу неслаженность их политики. Елизавете казалось, что их неучтивость, небрежность и даже лицемерие объясняются неуважением к ней самой, к ее сомнительному происхождению. Прусский король вел себя слишком грубо, французский — слишком высокомерно. Императрица поначалу питала уважение к ним обоим и рада была бы заключить с ними союз, но их поведение ее разочаровало. С досады она предоставила все внешнеполитические решения канцлеру, а он, преданный англичанам, был убежден в том, что необходимо немедленно отправить русские войска в Германию и принудить воюющие стороны к заключению мира.

Пойманный в ловушку, прусский король подвел итог двух войн, которые он вел за присоединение к своим владениям территории, ценной в стратегическом и экономическом отношении, и понял, что рискует заплатить за свое новое приобретение чересчур дорого: атаки со стороны России Пруссия не выдержит, ибо «не имеет почти никаких средств, чтобы таковой атаке противиться». После пятилетней войны цены в Пруссии сильно подскочили, и король «не мог собрать армию, потому что негде было солдатам запасть провиантом». Дело дошло до того, что король признался Мардефельду: он «внутреннего запустения куда больше опасается, нежели атак вражеских». Прославленный полководец предпочитал «спустить паруса» и сменить «львиную шкуру на лисью»¹⁶³. Фридрих смирился даже с тем, что отныне Пруссия окажется в числе второстепенных держав, он был готов не заключать никаких союзов, не затевать никаких сражений и придерживаться «системы миролюбия», лишь бы сохранить Силезию. Письмо к Подевилъсу свидетельствует о тех тревогах, которые мучили короля: он чувствовал, что утрачивает власть над происходящим, не может уследить за сложной игрой союзов и договоров. Однажды утром, познакомившись с очередной порцией реляций, депеш и посланий своих дипломатов, король пришел в отчаяние: «Все эти известия вместе составляют невообразимый хаос; затруднения наши возрастают, и кажется мне, что и Север, и Юг готовят нам гибель»¹⁶⁴. Виноватым опять оказался Мардефельд; впервые за шесть лет король обрушивает

¹⁶³ Фридрих к Мардефельду, 13 июня 1746 г. // РС. В. V. S. 110–111.

¹⁶⁴ Фридрих к Подевилъсу, 8 ноября 1745 г. // РС. В. IV. S. 332.

на него недвусмысленные угрозы: если посланник .сделает хоть один неверный шаг, он «поплатится головой»¹⁶⁵. Король заклинает своего посланника немедленно сообщить, не намерена ли Россия разорвать дипломатические отношения с Пруссией. Неофициально этот разрыв уже давно произошел, но король все не хотел в это поверить. Почту, отправляемую из Петербурга, регулярно перехватывали, читали, анализировали. Математик прусского происхождения по фамилии Гольдбах зарабатывал на жизнь, расшифровывая депеши Мардефельда и письма, которые слали ему из Потсдама. На прусского дипломата ополчились все: король осыпал его упреками, Бестужев следил за каждым его шагом, и это окончательно связывало ему руки. К величайшему изумлению своих приближенных, Фридрих изменил всем своим принципам; представив себе, как 60 000 мужиков «принимаются» за него, доставляют ему массу неудобств и причиняют «величайший убыток», он «раскошелился» и снова расщедрился на пенсии и вспомоществования¹⁶⁶. Между тем Мардефельд полагал, что этого недостаточно. Конечно, новая война обошлась бы королю не меньше, чем в миллион экю, но сумма, которую следовало, если верить посланнику, заплатить русским, неприятно поразила Фридриха; сумма эта равнялась 50 000 рублей! Несчастный король не мог поверить, что противники его давали втрое больше, да вдобавок в ливрах или в экю.

В Париже настрой прусского короля вызывал самые нелепые комментарии; его отношения с Англией, зиждившиеся на корысти, подбострасти и ненависти, тревожили Людовика. Д'Аржансон не доверял Фридриху; он считал, что тот прибудняется, чтобы выиграть время¹⁶⁷. Ле Шамбрье в 1745–1747 годах чувствовал себя в Версале крайне неуютно: речи, которые ему доводилось слышать ежедневно, звучали то чересчур заносчиво, то непостижимо беспечно, а между тем Фридрих в Потсдаме сходил с ума от дурных предчувствий. Прусский дипломат известил своего повелителя о цинизме Людовика и его кабинета; иные министры, писал он, «столь высокого мнения о верности Вашего Величества договоренностям с Францией», что предпочитают, чтобы вы «потерпели большие не-

---

¹⁶⁵ GStA. Rep. 96. 55 F (текст, относящийся к началу мая 1746 г.).

¹⁶⁶ Фридрих к Мардефельду, 13 июня 1746 г. // PC. B. V. S. 110–111.

¹⁶⁷ D'Argenson. Op. cit. T. IV. P. 431.

удачи, но остались в дружбе с французской короной и не порвали своего с нею союза»¹⁶⁸. Фридрих, читая это донесение, не мог сдержать своих чувств и отметил на полях: «Превосходная логика!» Выходило, что ради всеобщего мира следует пожертвовать именно Пруссией! Елизавета, несмотря на свою принадлежность к австро-английскому лагерю, войны не хотела; она стремилась лишь припугнуть прусского короля и не дать хода его захватническим планам. Мардефельд пытался убедить в этом своего повелителя, но ничуть не преуспел. Желая успокоить короля, посланник отправлял ему донесение за донесением¹⁶⁹. Дальон попросил д'Аржансона и Валори, чтобы они со своей стороны также попытались образумить Фридриха и уменьшить его страх перед русскими; в конце концов, «они лают, но ведь не кусают»¹⁷⁰. Посланник французского короля в Берлине решил сыграть на честолюбии «героя Севера», воззвать к его просвещенному уму; Фридриху, «величайшему из всех государей, когда-либо правивших народами», располагающему стасорокатысячным войском, нечего бояться московитов; «40 000 пруссаков всегда побьют 80 000 русских»¹⁷¹. Калмыки и казаки, уверял Дальон, ничуть не более грозны и алчны, чем гусары из нерегулярных австрийских отрядов. Пруссия — не единственная страна, истощенная пятилетней войной; неужели морские державы в самом деле «взвоят на свои плечи такой тяжелый груз, как финансовое содержание русской армии?»¹⁷² Однако Фридрих был настолько напуган, что в любой момент мог сделать самый необдуманный ход — в худшем случае внезапно заключить договор с одной из скандинавских стран или вновь сблизиться с Георгом II, и тем сильно осложнить ситуацию.

Дальону не оставалось ничего другого, кроме как прибегнуть к помощи Мардефельда. Тому вскоре предстояло покинуть Петербург и вернуться на родину. Французский посланник предчувствовал, что при дворе, где все настроены против

---

¹⁶⁸ Ле Шамбрье к королю, 11 октября 1745 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 145. Non fol.

¹⁶⁹ Письмо Дальона от 12/23 июля 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLIX. Fol. 27–28.

¹⁷⁰ Письмо Дальона от 13/24 сентября 1746 г. // Ibid. Fol. 116.

¹⁷¹ Дальон к Валори, 8 сентября 1746 г. // Ibid. Fol. 75.

¹⁷² Письмо Дальона от 25 октября/5 ноября 1746 г. // Ibid. Fol. 206.

Франции, ему будет остро не хватать старинного сообщника. Впрочем, Дальон считал, что Мардефельд, будучи вхож к королю, может принести много пользы и в Берлине, «если только перемена климата не заставит его переменить ход мыслей»¹⁷³. Мардефельд, которому к этому времени исполнилось 55 лет, прожил в Петербурге 32 года; человек он был нездоровый, сердечник, и уже не мог уследить за всеми деталями происходящего. Прежде он давал очень точные оценки действиям русских дипломатов, анализировал эволюцию умонастроений в русском обществе, однако приготовления России к войне он всерьез не принял: он и помыслить не мог, что русская казна способна вынести подобную нагрузку. Проход русского вспомогательного корпуса по обескровленным прибалтийским землям, на взгляд Мардефельда, представлял опасность прежде всего для этих территорий, где могли очень скоро начаться народные волнения¹⁷⁴. Конечно, некоторые аргументы Мардефельда звучали анахронично, были почерпнуты из старых источников, из описаний Московии двухсотлетней давности; прусский посланник уверял своего короля, что Елизавета откажется воевать с европейскими странами из опасения, что ее солдаты «войдут в сношения» с цивилизованными нациями и «пойдут войной на свою собственную страну»¹⁷⁵. Страшное заблуждение. В начале весны 1747 года русские войска подошли к лифляндской границе¹⁷⁶. Фридрих отреагировал, по своему обыкновению, стремительно: он почти совсем перестал выделять деньги на содержание посольства Пруссии в Петербурге. В ожидании приезда Финкенштейна, доверенного лица короля, Пруссию в столице России представлял секретарь посольства Варендорф. Несчастный еле-еле сводил концы с концами¹⁷⁷. Он молил короля о снисхождении, однако просвещенного монарха эти жалобы не тронули; бедное и слабое

---

¹⁷³ Письмо Дальона от 8/19 ноября 1746 г. // Ibid. Fol. 224.

¹⁷⁴ Мардефельд к королю, 9 июля 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 254. См. также донесение Герсдорфа от 13 октября 1744 г. и Петцольда от 12 апреля 1745 г. в кн.: *Herrmann E. Geschichte des russischen Staates*. Hambourg, 1849–1853. B. V. S. 89.

¹⁷⁵ Мардефельд к королю, 9 июля 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 254.

¹⁷⁶ Согласно петербургской конвенции 1747 г. они должны были двинуться вперед в январе 1748 года — дата, выбранная без учета северных погодных условий (см.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 143).

¹⁷⁷ Варендорф к королю, 8 октября 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55M. Fol. 5.

посольство в эти смутные времена служило залогом некоторого спокойствия. Варендорфу рекомендовали довольствоваться малым — уничтожать бумаги Мардефельда и держаться особняком, тщательно избегая каких бы то ни было контактов. Король тянул время.

Финкенштейн прибыл в Петербург осенью 1747 года; от него требовалось одно-единственное — добиться, чтобы русский вспомогательный корпус двигался как можно дальше от прусской границы. Новый представитель прусского короля был франкофоб; он сразу невзлюбил Дальона и, обвинив его во всех бедствиях, воспользовался непопулярностью этого посланника, человека хитрого, но грубоватого, чтобы представить в более выгодном свете Пруссию. Присутствие Дальона стесняло Финкенштейна; письма его в Берлин полны бесконечных жалоб. Подевилъс отправил в Париж письмо, в котором попытался уговорить Людовика отозвать злосчастного Дальона, а тот, предчувствуя, что его собираются принести в жертву благополучию Пруссии, сам попросил об отставке¹⁷⁸. Пюизье, преемник д'Аржансона, поддался этому двойному давлению и в декабре 1747 года согласился расстаться с Дальоном; дипломату пришлось немедленно попросить аудиенцию у императрицы и вручить ей отзывную грамоту. Отныне у Франции не осталось в Петербурге полномочного министра; на смену Дальону никого не прислали. Францию, да и то всего несколько месяцев, представлял консул. В конечном счете интриги Финкенштейна ему же и повредили; он оказался в России в полном одиночестве, предоставленный — как и его повелитель-король — самому себе.

Маршрут русского вспомогательного корпуса

Между 1746 и 1748 годами Людовик XV имел в противниках Австрию, Россию, Англию и Нидерланды, а в вынужденных союзниках — боязливого, уставшего от войны короля Пруссии. Другие страны держались в стороне: саксонцы не хотели

---

¹⁷⁸ См.: Финкенштейн к Фридриху, 29 сентября 1747 г. // GStA. Rep. 96. 55H. Fol. 188; Фридрих к Финкенштейну, 7 октября 1747 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 159. Дальон впервые попросил об отставке еще в марте 1746 г., однако в Версале были довольны его деятельностью и депешами и в просьбе ему отказали. См.: Пюизье к Дальону, 7 апреля 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVIII. Fol. 169.

лишаться поддержки Франции, но в польских делах зависели от России¹⁷⁹. Швеция, вообще крайне расположенная к Франции, находилась под давлением Дании, полностью преданной России, так что, несмотря на неоднократные заверения в дружеских чувствах, шведы держались крайне осторожно. Оставались турки, только что закончившие большую войну с Персией; по наущению Франции они могли бы продолжить войну с Россией¹⁸⁰. Однако вскоре выяснилось, что султан Махмуд I желает мира и предпочитает сохранять нейтралитет¹⁸¹. Союз между Швецией, Польшей, Турцией и Францией, создание которого начали было обсуждать заинтересованные стороны, не состоялся потому, что никто из предполагаемых союзников Франции не хотел воевать с Россией. Версаль понял замысел Англии: демонстративные действия русской армии должны до такой степени напугать Фридриха, чтобы он «бросил часть войск на защиту своей дражайшей Пруссии» и позволил Австрии и ее союзникам, не опасаясь агрессии со стороны прусского короля, усилить английские войска, сражающиеся против Франции¹⁸². Выйти из этой переделки можно было только путем мирных переговоров, на победу в битвах надежды не оставалось.

В январе 1748 года 30 000 русских солдат двинулись из Курляндии в направлении Мозеля и Рейна, чтобы разделить враждующие стороны¹⁸³. Шестьдесят галер бросили якорь в балтийских портах¹⁸⁴. Финкенштейн, как прежде Мардефельд, отказывался верить в то, что русский вспомогательный корпус примет непосредственное участие в боевых действиях. Новый посланник проницательно анализировал обстановку внутри страны, однако истинной цели русского вторжения —

---

¹⁷⁹ Финкенштейн к Фридриху, 3 октября 1747 г. // GStA. Rep. 96. 55N. Fol. 200.

¹⁸⁰ Варендорф к королю, 10 января 1747 г. // GStA. Rep. 96. 55N. Fol. 10.

¹⁸¹ Vandal A. Louis XV et Elisabeth de Russie: Etudes sur les relations de la France et de la Russie au XVIII siècle, d'après les Archives du ministère des Affaires étrangères. Paris, 1882. P. 205 sq. Турецко-персидский мир тревожил русских в той же мере, что и нестабильность обстановки в Турции; см.: Михнева Р. Османская империя в международных отношениях середины XVIII века. М., 1985.

¹⁸² Дальон к Пюизьё, 15/26 февраля 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVIII. Fol. 103.

¹⁸³ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. IX (X). С. 151 и след.

¹⁸⁴ Там же. Р. 134 и след.

желания России оставить за собой одну из ключевых ролей в европейской политике — он не понял и потому ввел в заблуждение своего повелителя. Финкенштейн рассуждал так: в России неурожай, деревни истощены, рекрутский набор производится в ущерб помещикам и церкви — главным владельцам крепостных. Значит, морским державам придется заплатить за союз с Россией очень и очень дорого. Неужели они решат, что игра стоит свеч? Неужели сумеют усмирить гордыню Елизаветы и развеять сомнения духовенства, оказывающего на благочестивую императрицу большое влияние? Транспортировка войск из Петербурга в Любек морским путем представлялась невозможной и технически, и из-за климата; проход же их через Пруссию неминуемо создал бы новый *casus foederis*. Оставалось направить их через Польшу либо через австрийскую часть Силезии, однако такой маршрут потребовал бы слишком много времени¹⁸⁵. Несмотря на многочисленные заверения в том, что прусской территории ничто не угрожает, Фридрих засыпал своего представителя в Петербурге тревожными письмами, полными юридических доводов: он знал наверняка, что русская цензура познакомит с его жалобами и мрачными прогнозами канцлера Бестужева¹⁸⁶. Особенно часто повторял Фридрих одно утверждение: со времен подписания Дрезденского договора Пруссия более не принадлежит к числу воюющих держав.

В феврале 1748 года Финкенштейн сообщил королю о составе вспомогательного корпуса под командованием Репнина и Претлака¹⁸⁷ — того самого, которому предстояло сражаться с французами: двадцать три пехотных полка, четыре сотни конных гренадеров, четыре сотни донских казаков, включая прислугу, мастеровых и конюхов. Общая их численность, по мнению Финкенштейна, составляла от 31 600 до 37 500 человек, плюс лифляндский резервный корпус из 6 000 человек¹⁸⁸.

---

¹⁸⁵ См.: ННStA. Russland II. Berichte 28 (1747). Fol. 41, 57.

¹⁸⁶ Впрочем, в переписке Фридрих и Финкенштейн не гнушались также и лезть: «войскам придется пройти через Польшу, австрийскую Верхнюю Силезию, Австрию, Баварию и Империю, — препятствий они на этом пути не встретят, ибо ни у одного государя не достанет мощи им противостоять» (Финкенштейн к королю, 20 февраля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 71).

¹⁸⁷ Финкенштейн к Подевивильсу, 19 марта 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 100.

¹⁸⁸ Финкенштейн к Фридриху, 20 февраля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 66.

Сен-Совёр, французский консул в Петербурге, несколько месяцев спустя назвал более реалистические цифры: 27 600 человек пехоты и 3 000 драгун или казаков; именно это войско продвигалось по территории Польши. Разница в количественных оценках русского вспомогательного корпуса явилась причиной очередного раздора между Версалем и Потсдамом. Пюизьё полагал, что Фридрих лишний раз продемонстрировал свой оппортунизм: преувеличивая численность русского войска, открыто проявляя свой страх, он в конце концов льстил презренным москвитам. Хотя Ле Шамбрё рассыпался в извинениях и объяснениях, упреки, высказанные французским кабинетом, были отнюдь не беспочвенны. В тот самый момент, когда Франция собралась с силами и порвала дипломатические отношения с Россией, прусский король старался выторговать себе право начать переговоры и упросить Россию пустить свои войска в обход прусской территории¹⁸⁹. На всякий случай Фридрих вновь увеличил бюджет своего посольства в Петербурге; посланник его, человек светский, посредством подарков и приглашений мог занять место, которое прежде занимал при дворе Дальон, и тем вновь сблизить Фридриха с его старой союзницей — Россией...

Подготовка Ахенского мира

Отставка маркиза д'Аржансона (январь 1747 года), главного инициатора официальной антирусской политики Франции, позволила изменить направленность французской дипломатии; новый министр иностранных дел, Пюизьё, озабоченный состоянием королевской казны, решил, что в Европе Франции следует заключить мир, а борьбу с противником продолжить в Новом Свете¹⁹⁰. Георг II, а затем Мария-Терезия не возражали. Русские и пруссаки благословляли судьбу. Мардефельд, сохранявший тесные связи с петербургскими друзьями, получил в самом начале предварительных переговоров о заключении мира письмо от Лестока, лейб-медика Елизаветы, в котором тот описывал обстановку в императорском дворце. По его словам, здесь все были в высшей степени довольны удачным началом переговоров.

---

¹⁸⁹ Ле Шамбрё к королю, 11 марта 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 163. Non fol.

¹⁹⁰ Письмо Финкенштейна, 16 апреля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 130.

Елизавета не скрывала своей радости в связи с близящимся окончанием войны. И только «иные особы» ходили по дворцу «как громом пораженные»; от статьи договора, по которой прусскому королю гарантировалась Силезия, у канцлера Бестужева лицо «вытянулось» едва ли не целый аршин!¹⁹¹ Ход переговоров противоречил всей его политике, он ощущал себя в тупике. Канцлер нуждался в деньгах, двор также, получение субсидий сделалось жизненно важным. Вскоре Финкенштейн в крайне оптимистическом тоне сообщил Фридриху о трудностях, с которыми столкнулся русский вспомогательный корпус: из-за непогоды, болезней и дезертирства ряды его сильно поредели¹⁹². Цель всех этих перемещений была «совершенно чужда русскому народу»; участие в войне отдаляло правителей от нации¹⁹³. Оттого, что вспомогательный корпус выступил с опозданием, а двигался очень медленно, австро-английские «благодетели», ощущая несоразмерность сумм, которые они тратят, получаемому результату, усомнились в необходимости продолжать выплаты¹⁹⁴. Россия должна была сохранять свое положение на международной арене, не терять лица, в то время как русские войска продолжали движение вперед, сделавшееся совершенно бесполезным. Бестужев сходил с ума; он судорожно искал способы оправдать свою политику в глазах императрицы, которая так долго отказывалась от участия в войне. Самые доверчивые из фаворитов и придворных начинали замечать, что канцлер «чересчур бахвалится»¹⁹⁵. Тогда Бестужев выдумал прекрасную отговорку: не что иное, как выступление русского корпуса ускорило начало мирных переговоров. Ссылаясь на старые письма Людовика XV и Марии-Терезии, в которых те просили Елизавету быть посредницей в их конфликте, канцлер убеждал свою повелительницу в том, что мир в Европе зависит исключительно от нее¹⁹⁶.

---

¹⁹¹ Лесток к Мардефельду, 4 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. A 3m. Fol. 41.

¹⁹² Ле Шамбрь к Фридриху, 5 июля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 165. Fol. 8.

¹⁹³ Вульфеншперна к Ланмари, 26 января 1748 г. // AAE. CP. Russie. Suppl. T.VII. Fol. 45.

¹⁹⁴ Ле Шамбрь к Фридриху, 26 августа 1748 г. (пересказ разговора Пюизье с Ле Шамбрье) // GStA. Rep. XI. Russland 91. 165. 58 A. Fol. 61.

¹⁹⁵ GStA. Rep. 92. Nachlass Mardefeld. Non fol.

¹⁹⁶ Финкенштейн к Фридриху, 9 февраля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 45.

В надежде завоевать право на участие в ахенских переговорах (последний имевшийся у него козырь!) Бестужев предоставил русскому корпусу продолжать свой путь; Головкин, русский посол в Гааге, получил приказ в любой момент быть готовым отправиться в Ахен.

В Берлине у министра иностранных дел Подевилльса обнаружился новый повод для тревог: ситуация менялась так стремительно, что мирный договор (пусть даже и с пунктом касательно Силезии) мог быть заключен без участия прусских представителей или хотя бы наблюдателей. Нетерпеливость французов раздражала прусского министра, и он известил об этом Валори. Версаль не замедлил ответить (впрочем, достаточно мягко): разве при подписании Дрезденского договора Фридрих не забыл посоветоваться со своими союзниками-французами и тем не подал им «превосходный пример» поспешности?¹⁹⁷ Таким образом Фридриху вежливо намекнули, что ему лучше всего держаться в стороне от переговоров, главные участники которых — Франция и Англия, державы, ведущие между собою спор за господство в Америке. Австриец Кауниц тщетно пытался добиться того, чтобы в обсуждении принял участие и Головкин; ведь петербургская конвенция специально оговаривала присутствие русского посланника на будущих переговорах¹⁹⁸. Со своей стороны Финкенштейн настоятельно советовал своему повелителю сделать все возможное для того, чтобы исключить Россию из переговоров; следовало отомстить русским за то, что они «предали» интересы Пруссии. Отказать русским в участии в ахенских переговорах значило нанести дочери Петра Великого «страшнейшее из оскорблений»; это значило показать Европе все различие между Россией — нацией варварской, второстепенной, и Пруссией, которая хотя и не участвует в подписании ахенского мира, в согласии с одной из его статей законным образом оставляет за собой Силезию¹⁹⁹. Для Елизаветы то был бы страшный удар, который, возможно, заставил бы ее наконец расстаться с Бестужевым и понять, насколько сильно она впала в зависи-

---

¹⁹⁷ Valori G.L.H. Op. cit. P. 277.

¹⁹⁸ Фридрих к Ле Шамбрье, 1 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. 89 Frankreich. Fasc. 164. Non fol.

¹⁹⁹ Финкенштейн к Фридриху, 22 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56 A. Fol. 206–207.

мость от Англии. Прусские политики знали, что хотя Георг II и заплатил России причитающиеся по Петербургской конвенции 100 000 фунтов стерлингов, русская казна все равно пуста; возвращение же вспомогательного корпуса на родину должно было лишь ускорить обнищание крестьянского населения, которое с трудом удовлетворяло собственные скромные нужды и едва ли было способно прокормить еще и солдат. В результате Европа наконец обрела бы покой.

Фридрих и Подевилльс мечтали свести к нулю политическое значение России, уменьшить влияние Австрии и стабилизировать обстановку в Германской империи²⁰⁰, однако их планы натолкнулись на сопротивление других участников Ахенского конгресса. Фокеродт, которому было поручено уладить вопросы, связанные с Силезией, возбудил старые страхи: проход русского вспомогательного корпуса по землям Империи нарушит доброе согласие германских народов и приведет к верховенству Габсбургов²⁰¹. Различия во взглядах между французскими и прусскими государями и кабинетами, министрами и дипломатами объяснялись тем, с какой точки зрения (европейской или германской) они смотрели на происходящее; впрочем, на сей раз эти различия не сказывались на официальной политике. Реакция Версаля не оставила никакой возможности затевать бесполезные дискуссии, а тем более приглашать к участию в разговоре второстепенные державы: «Мы не желаем, чтобы кто бы то ни было посторонний продлевал срок наших переговоров. Англичане хотят скорее покончить со всем этим, хотим этого и мы»²⁰²; страна, которая торгует солдатами, не имеет никакого права «совать нос в наши дела»²⁰³. Присутствие русского представителя в Ахене оправдало бы отправку войск в Европу и могло спутать карты французам; международное признание укрепило бы позиции канцлера, а следовательно, усилило австрийскую партию и в очередной раз настроило Англию против Пруссии, что было вовсе не выгодно Франции.

---

²⁰⁰ Финкенштейн к Фридриху, 22 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56 A. Fol. 206.

²⁰¹ Фокеродт к Финкенштейну, 9 июля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56 A. Fol. 227.

²⁰² Ле Шамбрье к Фридриху, 26 августа 1748 г. (пересказ французской точки зрения) // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 165. Fol. 63.

²⁰³ Ле Шамбрье к Фридриху, 26 августа 1748 г. (пересказ разговора с Пюизье) // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 165. Fol. 61.

Россия и «фиктивный» Ахенский мир

Вспомогательный корпус между тем неотвратно продолжал движение вперед. Людовик ответил на это шапгажом: его войска не покинут ни одной голландской деревни, если москвиты не уйдут из Центральной Европы. К этому заявлению он присовокупил официальный отказ допустить представителя Елизаветы на Ахенский конгресс²⁰⁴. Когда в июле 1748 года все участники конгресса собрались в Ахене, они покорились этому требованию и переговоры начались без Головкина, который по-прежнему ожидал своего часа в Гааге. Получалось, что Россия, хотя война затронула ее меньше, чем все другие европейские страны, оказалась единственной проигравшей стороной.

Ахенский мир привел европейские кабинеты в легкое замешательство; французы этот «фиктивный мир», сочтенный «глупостью», не одобрили. Хотя они и побеждали на всех фронтах, исключая Империю, никакого существенного расширения французской территории в результате этой войны не произошло²⁰⁵. Правда, удалось сохранить престиж короля и отстоять Квебек; впрочем, Фридрих, непреклонный «европоцентрист», а точнее сказать, «германоцентрист», был очень возмущен таким решением вопроса: «Бельгия в обмен на Америку»²⁰⁶. Одним словом, Ахенский конгресс не решил всех проблем; война не прекратилась окончательно, а лишь приостановилась на время, заключенный мир был очень непрочен. Становилось очевидным, что, как бы ни оскорбляли французы дочь Петра I, Франции необходимо внести ясность в свои отношения с Россией. В декабре 1747 года Пюизье доказал, что не собирается отступать от избранной жесткой линии: он отозвал Дальона из Петербурга, оставив в качестве представителя Франции консула Сен-Совёра²⁰⁷. Дальше последовали

---

²⁰⁴ Фокеродт к Финкенштейну, 23 июля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 240.

²⁰⁵ *Le Roy Ladurie E.* Op. cit. P. 312–313. Валори приводит и еще одну причину недовольства французов — голод на юге страны.

²⁰⁶ Валори подчеркивает расхождения, существовавшие между Францией и Пруссией (*Valori G.L.H.* Op. cit. P. 277).

²⁰⁷ Фридрих к Ле Шамбрье, 20 августа 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 164.

новые унижения; французский министр иностранных дел иронически объявил посланнику русской императрицы Гроссу: «Честнее было бы открыто объявить Франции войну»²⁰⁸. Восхищение дочерью Петра Великого (впрочем, весьма относительное) сменилось досадой и презрением. В июне 1748 года Версаль на несколько лет полностью порвал отношения с Россией; Сен-Совер возвратил ключи от посольства и отбыл на родину, даже не испросив аудиенции.

Фридриху же удалось — хотя и с большим трудом — избежать той ловушки, в которую сами загнали себя Людовик и Елизавета. Интересы государства заставляли его поддерживать отношения с грозным соседом. Финкенштейну было поручено умерить гнев императрицы, по возможности возложив всю ответственность за случившееся на канцлера Бестужева. Впрочем, все старания прусского дипломата были напрасны: Бестужев избежал «заслуженного наказания» и сохранил свое главенствующее положение²⁰⁹. Поскольку после отъезда Сен-Совёра прусский представитель остался в Петербурге в одиночестве, Фридрих вновь принялся за прежние спекуляции: в поисках выхода из того сложного положения, в которое он попал, он напряженно размышлял над ролью и местом России в европейской политике. Благодаря дипломатическому опыту 1740–1748 годов и вступлению русского вспомогательного корпуса в Европу, Россия снова, как и в Петровскую эпоху, предстала европейцам в виде двуликого Януса — она пугала изблизи, оставаясь же в далеких степях, казалась безобидной. Прусский король опасался возможных союзов своих противников с этой огромной и могущественной державой, пока еще не вызывавшей большого доверия; он боялся Романовых — ведь однажды они уже предали его, вступили в Европу, подошли вплотную к прусским землям. В глубине души друг Вольтера презирал Россию (которую не случайно именовал Московией), но боялся ее и желал исключить ее из сообщества европейских наций. В 1749 году союз Пруссии с Россией и Францией (иногда — но, из-за колебаний и уверток Фридриха, ненадолго — союзницей Пруссии становилась и Англия) распался; причин тому имелось несколько: неумелость русских

---

²⁰⁸ *Ram baud A. Op. cit. T. I. P. 486.*

²⁰⁹ Письмо Финкенштейна от 10 сентября 1748 г. // *GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 294.*

дипломатов, несговорчивость Людовика XV после подписания Дрезденского договора, наконец, индивидуалистическая позиция Георга II. Особенно же роковую роль сыграла все крепнувшая уверенность Фридриха в том, что Россия по-прежнему остается варварской страной, способной завоевать страны цивилизованные, подчинить, как некогда гунны или татары, своему господству Европу, а может быть, и Америку. Если бы прусский король сумел наладить конструктивный диалог с Россией, его позиция повлияла бы и на позицию Франции, расположенной дальше от России и потому не так болезненно воспринимавшей связанные с нею проблемы. В 1747 году Гогенцоллерн, уstraшенный присутствием русского вспомогательного корпуса в далекой Курляндии, написал маленькое стихотворение, в котором высказал свой взгляд на происходящее и свои страхи: русские, «рой варваров», «надменные убийцы» вот-вот разобьют германцев, а покорив всю Европу, отправятся «смущать покой другого мира»²¹⁰...

В этот переломный момент Финкенштейн оказался в Петербурге один, лишенный союзников среди дипломатов; подобно Мардефельду, он не всегда мог повторять слово в слово то, что предлагал ему король. В течение семи лет ситуация на международной арене воспроизводилась в миниатюре при русском дворе, и оба прусских посланника, поддерживаемые представителями Людовика XV, смягчали большую европейскую политику, придавали ей бóльшую гибкость. Монархи заключали союзы, защищали свои территориальные или семейственные интересы, но не считали необходимым наблюдать за тем, что происходит при русском дворе, вникать в логику российской императрицы, которая прекрасно знала о предубеждениях, питаемых европейцами против нее и ее народа. Переписка французских и прусских посланников показывает, что дипломатическая жизнь той эпохи развивалась параллельно на двух уровнях: официальная линия (если она вообще не исчезала полностью в результате споров между королями и их министрами) не всегда находила одобрение у дипломатов, работавших на местах; посланникам приходилось действовать вразрез с приказаниями своих повелителей или исправлять их

---

²¹⁰ *Frédéric II. Poésies diverses*. Berlin, 1760. P. 33; см. также: *Frédéric II. L'Essai sur les formes du gouvernement // Oeuvres posthumes*. Berlin, 1788. T. VI. P. 44–45.

ошибки. В течение восьми лет судьба европейского континента зависела от отношений между французами и англичанами, австрийцами и пруссаками, отношения же эти сводились преимущественно к взаимной ненависти; больше того: в этот период обострились также отношения между разными государствами германского мира. Страны с общими границами поневоле затевали сложную игру, вступали в коалиции и подписывали договоры, причем Россия, которая вначале упорно сохраняла нейтралитет, а потом резко изменила позицию и приняла сторону морских держав и двух германских государств, Австрии и Саксонии, была в этой системе участницей одновременно и желанной, и нежеланной²¹¹. Благодаря этому судьбы европейской политики отчасти решались в Петербурге; политические, дипломатические и философские течения, разделявшие народы, вовлекали посланников, фаворитов, придворных в водоворот интриг, из которого Елизавета вышла в 1748 году, ничего не выиграв. И тем не менее, в результате этих событий Россия окончательно вошла в Европу. В силу своего географического положения и той особой роли, которую играл русский кабинет во время войны за Австрийское наследство, Санкт-Петербург оказался на пересечении важнейших дипломатических осей. Благодаря некоторым законам дипломатической арифметики именно здесь, при русском дворе, вдали от главных источников конфликта, представители разных европейских держав изменяли ход европейской истории.

---

²¹¹ Мартенс (см.: Указ. соч. Т. IX (X). С. 134–135) путает мифические представления о России и ее реальное влияние на европейскую политику; на самом деле позиция Елизаветы и продвижение русского корпуса не оказали почти никакого воздействия на ход войны и переговоров.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СИСТЕМА ДВОРА

«При этом дворе [...] человек шалест и становится почти таким же молчаливым, как ученик Пифагора»¹.

---

¹ Письмо Мардсфельда от 17 мая 1746 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. C 2d. Fol. 39.

Глава пятая

НАСЛЕДСТВО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Итак, исход европейских событий во многом зависел от того, что происходило в Петербурге и какие меры предпринимали находившиеся там иностранные дипломаты, умело использовавшие мелкие слабости русских придворных и министров. Борьба партий при русском дворе в конечном счете предопределила переход России на сторону Марии-Терезии и морских держав. В продолжение войны за Австрийское наследство придворные партии и группировки расширились и приобрели такое влияние, что стали действовать практически независимо от официальной власти. Донесения французских и прусских посланников, «Записка о важнейших персонах при дворе русском» Мардефельда и «Общий отчет о русском дворе» Финкенштейна рисуют цепь интриг и заговоров, превосходящих своим цинизмом интриги французских придворных группировок, изображенные Сен-Симоном и проанализированные в недавней работе Эммануэля Ле Руа Ладюри².

Система Версаля, описанная в статье Ле Руа Ладюри, основывалась на четком разделении двух осей, горизонтальной и вертикальной; вертикальная ось применительно к французской ситуации 1709 года — это генеалогия принцев, наследников трона Людовика XIV. Между тем русский двор строился на совершенно иных принципах: у Елизаветы — кстати, рожден-

---

² См.: *Mémoire de Mardefeld sur les Personnalités les plus importantes à la Cour de Russie* (GStA. Rep. XI. Russland 91. 54E; новый шифр: GStA. PK, I, HA Geheimer Rat, Rep. XI Auswärtige Beziehungen. Nr 171–175 Moskau (Russland). Konv. 54 E. 16 fol.); *Finckenstein. Relation générale de la Cour de Russie, 1748* (GStA. Rep. XI. Russland 91. 56B. 33 fol.; новый шифр: GStA. PK, I, HA Geheimer Rat, Rep. XI Auswärtige Beziehungen. N 171–175 Moskau (Russland). Konv. 56 B.); тексты Мардефельда и Финкенштейна см. в разделе «Приложения»; *Le Roy Ladurie E. Système de cour* (Versaille, vers 1709) // *Le Territoire de l'historien*. Paris, 1978. P. 275–299.

ной до того, как родители ее сочетались законным браком, — наследников не было; судьба российской короны зависела от превратностей матримониальной политики послепетровской эпохи. Таким образом, система русского двора сводилась к горизонтальной оси — группировкам, члены которых были связаны узами родства или свойства и делились на два основных клана: «бояр», возводивших свой род к Рюрику или Гедимину, и служилого дворянства, возвысившегося в результате петровских реформ³. Клань эти состояли из многочисленных ответвлений, которые сближались друг с другом или отдалялись друг от друга в зависимости от политической обстановки и влияния иностранных посланников. Исключительность российской ситуации объяснялась изданным Петром Уставом о наследии престола, согласно которому царствующий государь, не взирая на традиционный принцип преемственности по прямой нисходящей мужской линии, мог назначать себе наследника по собственной воле, лишь бы он был православного вероисповедания⁴. Плодом этого поспешного решения стали череда государственных переворотов и убийство двух императоров: Ивана VI и Петра III.

Петр Великий скончался внезапно в феврале 1725 года, не успев назначить себе преемника, что вызвало большую тревогу во всех европейских столицах⁵. Естественными наследниками престола были дети царевича Алексея Петровича, сына Петра от первого брака с Евдокией Лопухиной, который в 1718 году был приговорен к смертной казни и скончался в тюрьме от страшных пыток: Петр Алексеевич (1715–1730) и Наталья Алексеевна (1714–1728)⁶. Кроме того, у Петра I остались три дочери от второй жены, Екатерины. Старшая, Анна Петровна (1708–1728), в год смерти отца вышла замуж за

---

³ См.: *Ruffmann K.-H.* Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt // *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*. 1961, № 9; *Confino M.* Histoire et psychologie: A propos de la noblesse russe au XVIII siècle // *Société et mentalités collectives en Russie sous l'Ancien Régime*. Paris, 1991. P. 345–387.

⁴ Мысль о том, что трон должен по справедливости переходить к самому умному, была выдвинута сподвижником Петра Феофаном Прокоповичем (см. его «Правду воли монаршей», опубликованную в 1722 г.).

⁵ Письмо Кампредона от 6 февраля 1725 г. // Сб. РИО. Т. 52. С. 422.

⁶ См.: *Wittram R.* Peter I. Tzar und Kaiser. Göttingen, 1964. В. II. S. 277 sq. (на сегодняшний день лучшая из монографий, посвященных Петру I).

Карла-Фридриха, герцога Голштейн-Готторпского, средней, Елизавете (1709–1761), было в 1725 году всего шестнадцать лет, а младшая, Наталья (1718–1725), умерла через полтора месяца после отца. Оставались еще потомки единокровного брата Петра I, Ивана V⁷: Екатерина Ивановна (1692–1733), вышедшая за герцога Мекленбургского и родившая ему дочь Елизавету-Екатерину-Христину, в православии Анну Леопольдовну (1718–1746), и Анна Ивановна (1693–1740), вышедшая за герцога Курляндского, который умер через несколько недель после свадьбы, и оставшаяся бездетной. Таким образом, за исключением Петра Алексеевича, все, кто имел право унаследовать престол Петра I, были особы женского пола. Все эти царицы и регентши⁸, сменявшие одна другую вплоть до воцарения Екатерины II, создавали собственные партии и группировки, которые вели между собою ожесточенную борьбу⁹.

Вторая жена Петра I, женщина низкого происхождения, была коронована императрицей в 1724 году, еще при жизни великого царя; Петр неоднократно высказывал желание завещать ей престол, но не запечатлел свою волю на бумаге. Решить, кто станет править Россией, предстояло Сенату, члены которого делились на две группы: в одну входили представители старинного боярства, в другую новая знать, обязанная своим возвышением Петру и введенной им Табели о рангах. Среди этих последних наиболее активен был Александр Данилович Меншиков, талантливый военный и бывший любовник царицы; чтобы сразу предупредить любые попытки сопротивления, он приказал гвардейским полкам окружить дворец, где должен был обсуждаться вопрос о передаче престола, и принудил собравшихся подписать манифест о воцарении

---

⁷ Братья были соправителями в 1682–1696 гг., но болезненный и неспособный к государственной деятельности Иван не принимал участия в управлении.

⁸ Мужчины царствовали очень недолго: Петр II (Петр Алексеевич) занимал престол с 1727 по 1730 г. и умер, так и не достигнув совершеннолетия; малолетний Иван VI (Иван Антонович) был императором с октября 1740 по ноябрь 1741 г., причем регентшей при нем с ноября 1740 г. была его мать; наконец, Петр III (Петр Федорович) царствовал шесть месяцев (с января по июнь 1762 г.).

⁹ О вопросах престолонаследия см. непревзойденную работу: *Stökl G. Das Problem der Thronfolgeordnung in Russland // Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates. Berlin, 1982. S. 274–289.*

Екатерины. В течение двух лет ее царствования государством на деле правил Меншиков, карьерист и интриган, жадный до денег и власти, но одаренный на редкость острым умом. Несмотря на все свои старания, полностью подчинить себе беспоконный, разнородный двор Меншиков не смог, но зато сумел расстроить планы Рюриковичей и Гедиминовичей, которые, предчувствуя близкую смерть императрицы, мечтали посадить на престол законного наследника Петра Алексеевича. Фаворит, не теряя времени, обручил этого двенадцатилетнего мальчика со своей дочерью, объявил себя его опекуном и таким образом обеспечил себе право быть регентом при малолетнем царе. После смерти Екатерины Верховный тайный совет, Сенат и Синод опубликовали документ о наследовании престола (так называемый Тестамент): престол переходит к Петру Алексеевичу, от него — если он умирает без наследников — к Анне Петровне и ее наследникам мужского пола, во вторую очередь — к Елизавете Петровне с ее наследниками, и наконец, в третью — к Наталье Алексеевне и ее наследникам. Меншиков намеренно не упомянул в этом документе дочерей Ивана V, хотя, если следовать традиционному порядку, их нужно было называть прежде дочерей первого российского императора. Первые несколько месяцев царствования Петра II Меншиков делал вид, что опирается на Верховный тайный совет, а сам стремился увеличить разлад между кланами и группировками¹⁰. Самую большую опасность представляли для него прямые наследницы Петра: именно они могли примирить между собой старинную и новую знать. Старшая дочь Петра Анна Петровна и ее муж, герцог Голштейн-Готторпский, не выдержав унижений и клеветы, покинули Петербург и отправились в Киль, где и появился на свет их сын, будущий Петр III. Елизавета обручилась с кузеном своего зятя, Карлом-Августом, принцем Голштейн-Готторпским, с 1726 года епископом Любским. Он умер через несколько месяцев после помолвки, и с тех пор Елизавета, несмотря на весьма бурную личную жизнь, замуж так и не вышла. Храня верность Голштинскому дому, она даже наследником своим назначила герцога Голштейн-Готторпского, сына своей сестры; вообще в царствование

---

¹⁰ См.: *Manstein C. H. von. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1772 jusqu'à 1744.* Paris, 1771. P. 1–2; рус. пер.: *Перевороты и войны.* М., 1997. С. 11–13.

Елизаветы привязанность императрицы к Голштинии оказала немалое влияние на внешнюю политику России. Впрочем, беспечный и жизнерадостный прав цесаревны поначалу ввел ее противников в заблуждение; они сочли ее совершенно не способной к государственной деятельности.

Что же касается Петра II, то он, невзирая на юный возраст, очень скоро стал показывать характер; он ненавидел выскочку Меншикова и заигрывал с «боярами»; опираясь на Долгоруких, Голицыных, Салтыковых и Нарышкиных, юный император подписал указ об аресте регента. Меншикова с семейством (в том числе с дочерью, бывшей невестой Петра Алексеевича) сослали в Сибирь. Опала Меншикова стала первым предвестием возвращения к допетровским временам; затем последовал переезд двора в Москву и ряд мер, призванных укрепить власть помещиков. Петр Алексеевич собрался жениться вторично, на сей раз на княжне Екатерине Долгорукой, но внезапно скончался от ветряной оспы (1730). Вновь началась борьба за наследство. Анна Петровна, названная в «Тестаменте» 1727 года второй после Петра Алексеевича, умерла от родов. Новое служилое дворянство, обязанное своим возвышением Петру, делало ставку на Елизавету, однако та, увлеченная светскими забавами и кокетством с многочисленными воздыхателями, не выказывала никакого стремления царствовать¹¹. Клан Долгоруких надеялся возвести на престол княжну Екатерину Алексеевну, невесту скончавшегося императора, однако свадьбу сыграть не успели и никаких прав на трон у княжны Долгорукой не было. В Верховном совете старинная знать составляла большинство; ее представители опасались возможного возврата России к ценностям, введенным Петром I: усилению связей с Западом, переносу столицы в Петербург, ограничению привилегий помещиков в пользу вездесущего чиновничества.

Засилье немцев

Боярская партия решила посадить на трон дочь Ивана V и Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой, — Анну Ивановну, герцогиню Курляндскую, бездетную вдову. Выбор этот оставлял возможность для самых разных спекуляций

---

¹¹ Манштейн пишет, что она считала себя слишком молодой и неопытной и боялась, что, вступив на престол, причинит тем самым вред своим подданным (*Manstein C. H. von. Op. cit. P. 37–38; Перевороты и войны. С. 27*).

и прежде всего позволял выиграть время. Для укрепления своей власти представители старинных родов решили ограничить права государей и восстановить собственные олигархические привилегии: члены Верховного тайного совета сочинили «Кондиции» 1730 года, сводившие власть императрицы к чисто представительским функциям. «Верховники», однако, не учли двух обстоятельств: интересов служилых дворян, людей по преимуществу военных, и характера Анны Ивановны, женщины честолюбивой, которая была согласна пойти на любые уступки с тем, чтобы впоследствии присвоить себе как можно больше власти. Взойдя на престол, она порвала только что подписанные ею кондиции, усилила самодержавную власть, ограничила права Сената, распустила Верховный тайный совет, а для общего управления делами государства учредила Кабинет министров¹². Члены всех этих органов не избирались, а назначались и действовали под надзором Тайной канцелярии. Члены «республиканской партии» — Долгорукие и Голицыны — подверглись опале. Анна выписала из Курляндии своего фаворита Бирона и возвысила новую группировку, в которую входили министры и царедворцы иностранного происхождения: Остерман, Миних, Левенвольде, Корф, Менгден, Кейзерлинг, Бисмарк; многие из них состояли в русской службе с начала века¹³. Этот клан надолго оттеснил от двора Долгоруких, Нарышкиных и Голицыных, которые были отправлены в отдаленные поместья, сосланы в Сибирь или заключены в тюрьму. Единственными русскими, сохранившими некоторую власть при дворе, были канцлер граф Г. И. Головкин (скончавшийся в 1734 году) и его преемник действительный тайный советник князь Черкасский. Все главные должности во всех сферах (армия, внешние и внутренние дела, придворная жизнь, экономика, горное дело и проч.) были в 1730-е годы заняты немцами и уроженцами Прибалтики. При русском дворе доминировала немецкая речь. Впервые в истории России группировка, находящаяся у власти, пользовалась значительной поддержкой иностранных государств, в частности императора Карла VI, который охотно награждал российских министров высшими имперскими титулами. Курляндец Бирон и ему подобные правили «по подсказкам» вен-

¹² Manstein C. H. von. Op. cit. P. 41–42; Перевороты и войны. С. 31–32.

¹³ См.: Locatelli F. Lettres moscovites. Königsberg, 1736. P. 107–111.

ского кабинета. Сторонникам дочерей Петра и Голштейн-Готторпской фамилии — опасных претендентов на престол, именуемых представителями «боковой» ветви, — при дворе места не находилось. Коронация Анны Ивановны прошла без участия Елизаветы.

Русские, страдавшие от гнета полунемецкой, полумосковской самодержавной власти, сохранившей, впрочем, в силе все самые непопулярные меры Петра Великого¹⁴, обозначили этот страшный режим словом «бироновщина»¹⁵. Доносы, преследования, высылки, обложение податями, притеснения, всевозможные формы коррупции сделались повседневной реальностью, касавшейся всех, от дворян до крестьян. Вместо закона в русской жизни царил произвол¹⁶. Заговоры возникали один за другим, однако благодаря деятельности Тайной канцелярии их участников очень скоро арестовывали, судили и приговаривали к самым жестоким наказаниям.

Смерть всякого государя (или государыни) приводила к смене всей придворной иерархии, к крушению карьер и утрате привилегий. В царствование Анны Ивановны проблема престолонаследия несколько не прояснилась. Бездетная императрица, разумеется, стремилась передать корону кому-нибудь из потомков своего отца Ивана V, чтобы не позволить воцариться Елизавете. У Анны Ивановны была племянница, Елизавета-Екатерина-Христина, дочь герцога Мекленбург-Шверинского, в 1733 году принявшая православие под именем Анны Леопольдовны и вышедшая замуж за Антона-Ульриха, принца Брауншвейг-Бевернского, кузена Петра II, племянника

---

¹⁴ Прежде всего в том, что касалось податей; см.: *Wittram R.* Peter I. Tzar und Kaiser. В. II. S. 99 sq.

¹⁵ Впрочем, авторы некоторых (спорных) немецких и американских исследований считают, что режим этот был полезен для страны: *Lipski A. A.* A re-examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // *American Slavic and East European Review*. 1956. № 15; *Lexikon der Geschichte Russlands*. P.p. H.-J. Torke. München, 1985 (книга с удручающе банальным предисловием).

¹⁶ См.: *Mémoire sur la Russie remis à Mr le Ms de La Chétardie par le Sieur de Valdancourt au commencement du règne de l'impératrice Elisabeth, 1741* [Записка о России, поданная г-ну маркизу де Ла Шетарди г-ном де Вальданкур в начале царствования императрицы Елизаветы, 1741] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 49–50; *Relation de l'exécution faite en Russie le 28 octobre 1739* [Отчет о казни, совершенной в России 28 октября 1739 года] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 47 sq.; см. также: *Le Donne J.* Absolutism and Ruling Class. New York, 1991. P. 81–82, 161.

Марии-Терезии Габсбургской и шурина будущего короля Пруссии Фридриха II. С помощью этого брака, устроенного стараниями нового австрийского посла в Петербурге, маркиза де Ботты, потомки Ивана Алексеевича окончательно вошли в число знатнейших родов Европы. Французский двор, как раз в это время намеревавшийся возобновить дипломатические отношения с Петербургом, наблюдал за этими событиями с особой настороженностью¹⁷. Незадолго до смерти императрицы Анны Ивановны, в августе 1740 года, у Брауншвейгской четы родился сын, Иван Антонович, — он-то и был назначен наследником российского престола¹⁸. Поскольку в пору смерти императрицы ему едва исполнилось два месяца, встал вопрос о регентстве. Бирон, сохранявший огромную власть, стал регентом сам, оттеснив Анну Леопольдовну и ее супруга¹⁹. Эта узурпация породила распри среди группировок и, в то же самое время, пробудила в душах дворян патриотический порыв²⁰. Фельдмаршал Миних, президент Военной коллегии, первым перешел на сторону Брауншвейгской четы; с помощью гвардейцев Преображенского полка он произвел дворцовый переворот. По приказу Миниха его адъютант Манштейн арестовал Бирона. Той же участи подверглись и все приближенные регента, в том числе и Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, приговоренный к смертной казни, которую затем заменили ссылкой в Сибирь (впоследствии он с лихвой отплатил за это своим гонителям). 9 ноября 1740 года Анна Леопольдовна была объявлена регентшей, Миних, бывший тогда в силе, стал первым министром, Остерман — главой Коллегии иностранных дел, князь Черкасский — канцлером, а граф М. Г. Головкин — министром внутренних дел в звании вице-канцлера. Таким образом, распределение ролей между немцами и русскими сделалось более сбалансированным, однако соперничество придворных партий и группировок разгорелось с новой силой.

---

¹⁷ Instructions à La Chétardie du 1er juillet 1739 [Инструкции маркизу де Ла Шетарди, 1 июля 1739 г.] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 31.

¹⁸ Curtis M. Op. cit. P. 282 sq.

¹⁹ Manstein C. H. von. Op. cit. P. 355; Перевороты и войны. С. 166–167.

²⁰ Relation de l'exécution faite en Russie le 28 octobre 1739 [Отчет о казни, совершенной в России 28 октября 1739 года] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 47.

«Прагматические раздоры»

Остерман, последовательный сторонник союза между Австрией и Россией, признал Прагматическую санкцию, а следовательно, и право Марии-Терезии на трон Габсбургов. Между тем Миних без ведома министра иностранных дел начал переговоры с Пруссией, чтобы обеспечить неприкосновенность Курляндии и таким образом усилить контроль над Польшей²¹. Договор об оборонительном союзе между Пруссией и Россией был подписан в декабре 1740 года, через несколько дней после того, как войска Фридриха захватили Силезию (о чем в Петербурге никто даже не подозревал).

При русском дворе начался новый раскол: если раньше война шла между старой боярской знатью и служилым дворянством, а затем между немцами и русскими, то теперь вражда разгорелась между сторонниками Австрии и друзьями Пруссии. Иностранные посланники, во главе с представителем французского короля²², подливали масла в огонь и разжигали страсти в угоду политике своих государей, не вдумываясь особенно глубоко в расстановку сил при русском дворе. Под предлогом необходимости сохранить политическое равновесие в Европе, представители воюющих сторон, французы, пруссаки, австрийцы, баварцы и саксонцы беспощадно боролись между собой; каждый желал привлечь русский двор на свою сторону, в результате чего Петербург сделался «средоточием самых противоположных стремлений и надежд»²³. Разлад коснулся даже Брауншвейгской четы, что, по всей вероятности, способствовало удаче очередного переворота. Анна Леопольдовна поддерживала

---

²¹ *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 309. Впрочем, Остерман также не был врагом Пруссии и не скрывал своей дружбы с Мардефельдом (см. письмо Подевиля к королю от 15 августа 1742 г. // *GStA. Rep. XI. Russland 91. 44C. Fol. 1*).

²² Одно из заданий, которое было поручено маркизу де Ла Шетарди, состояло в том, чтобы выявить расхождения в политических взглядах Миниха и Остермана; несмотря на принадлежность последнего к австрийскому лагерю, версальский кабинет признавал за ним острый ум и политическое чутье. Инструкции маркизу де Ла Шетарди от 1 июля 1739 г. см.: *AAE. M et D. Russie, 1735–1759. T. XXX. Fol. 43 (Rambaud A. Op. cit. T. I. P. 351)*; о натянутых отношениях между Минихом и Остерманом пишет также и Манштейн (см.: *Manstein C. H. von. Op. cit. P. 372–373*; *Перевороты и войны. С. 173*).

²³ *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 130.

Миниха, Антон-Ульрих слепо повиновался Остерману и не упускал ни одной возможности вмешаться во внутренние дела России; связь регентши с саксонским дипломатом Линаром также не улучшала обстановку внутри семьи, а главное, уменьшала популярность супругов, и без того весьма относительную²⁴.

Проавстрийский клан действовал в союзе с англичанами, сильными своим экономическим господством в России²⁵. Естественно, что французы поэтому стали искать союза с пруссаками, а за ними потянулись шведы и турки. Несмотря на все старания Мардефельда (пользовавшегося безоговорочной поддержкой Ла Шетарди), захват Силезии привел к отставке Миниха. Остерман добился своего, и малолетний император Иван «подписал» официальное письмо, в котором выражал согласие с Прагматической санкцией и предлагал свои услуги для разрешения внутригерманских конфликтов²⁶. Впрочем, то были одни слова; о непосредственном вмешательстве России в войну речь не шла: обстановка в империи, которой управляли грудной младенец и ненавистная народу регентша, оставалась весьма неустойчивой. Перейдя от слов к делу, власти рисковали вызвать брожение в армии, едва оправившейся от кровавой русско-турецкой войны²⁷. Договор об оборонительном союзе, подписанный незадолго до того с Фридрихом II, расторгнут не был. Позиция России в очередной раз оказалась весьма двусмысленной.

В этот критический момент проавстрийский клан совершил две грубые ошибки. Остерман решил отправить Преображен-

---

²⁴ См.: Мардефельд к Фридриху, 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 430. См. также: *Manstein C. H. von.* Op. cit. P. 385; Перевоороты и войны. С. 177, 181.

²⁵ Несмотря на очень суровые ограничительные меры, применяемые к иностранцам, англичане почти полностью подчинили себе русскую торговлю. Шторх приводит для начала 1740-х годов следующие данные: экспорт — 305 034 фунтов стерлингов, импорт — 77 553, а следовательно превышение экспорта над импортом — 227 481 фунт стерлингов. Шторх объясняет такую большую разницу большой потребностью английского флота в льне, бечеве, пеньке (см.: *Storch H.* Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1797–1803. B. V. S. 225).

²⁶ *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. V. С. 332.

²⁷ В этой русско-австро-турецкой войне (1735–1739) Миних, взявший Азов, Очаков и Яссы, показал себя талантливым стратегом. По Белградскому миру Россия получила Азов (но без права держать там флот) и контроль над запорожскими казаками. Однако главная цель войны — выход России к Черному морю — достигнута не была.

ский гвардейский полк, враждебный новому кабинету, в Финляндию, и тем вызвал ропот в гвардии. Больше того, он замыслил отправить Елизавету в монастырь, а это был лучший способ заставить ее выйти из апатии и начать действовать²⁸. Ла Шетарди, Лесток и Брюммер организовали заговор, имевший целью возвести на престол единственную оставшуюся в живых прямую наследницу Петра Великого. Заговорщики умело играли на патриотических чувствах армии, которой надоела власть немцев, воплощенная в Остермане и Иване Антоновиче — немце по матери (урожденной герцогине Мекленбургской) и по отцу (герцогу Брауншвейгскому); ближайшей русской родственницей императора Ивана VI была бабушка с материнской стороны. Чтобы отвлечь внимание русского кабинета от континентальных конфликтов и уменьшить число полков в столице, Швеция, находившаяся в сговоре с Францией, объявила России войну. Военные действия развернулись на юге Финляндии, некогда завоеванном Петром Великим; заговорщики знали наверняка, что Анна Леопольдовна не уступит ни пяди финской земли и начнет военные действия. Министры-немцы, слишком уверенные в своей безопасности, не сумели вовремя помешать противной стороне привести свои планы в исполнение. Остермана предупреждали о происках врагов, направленных против Ивана и его родителей, но он не отдал приказа арестовать Лестока, главного сообщника Ла Шетарди, с которым справиться было еще труднее, ибо он находился под защитой международного права. Остерман продолжал тешить себя иллюзиями о том, что ни одно русское семейство не поддержит Елизавету. Тем не менее 25 ноября 1741 года последняя представительница рода Романовых взошла на престол; этому способствовали легкомыслие политиков, их ошибочные решения и русско-шведская война²⁹; впрочем, сама Елизавета на протяжении всего своего царствования упорно отказывалась признать, что свергнуть соперницу ей удалось благодаря помощи иностранной — да вдобавок скандинавской — державы³⁰.

---

²⁸ См. письмо к Фридриху от 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 430.

²⁹ Мардсфельд, удивленный успехом заговорщиков, назвал ночь переворота «ночью одураченных»; см. письмо к Фридриху от 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 453.

³⁰ Мардсфельд к Фридриху, 2 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 450.

Иерархия двора

Основные административные должности были снова свободны; теперь предметом зависти и злословия сделалось окружение маркиза де Ла Шетарди: «Переменилось все в России, говорили иные, лишь по имени, ибо нынче попала она в опеку французам»³¹. Переворот, подготовленный французским дипломатом при поддержке прусского единомышленника, привел к образованию при русском дворе новых группировок. Очень скоро было назначено правительство: канцлером сделали старого князя Черкасского, настоящего хамелеона, остававшегося на плаву при всех государях, сменявших один другого после Екатерины I. Черкасский решил, что России не стоит вмешиваться в континентальные конфликты. Стремление сохранять нейтралитет и явно выраженное желание окончить войну со Швецией делали Черкасского идеальным претендентом на высшую государственную должность, а маниакальное пристрастие к соблюдению мельчайших тонкостей этикета и протокола еще больше располагало к нему новую повелительницу. Вице-канцлером и главой Коллегии иностранных дел стал Алексей Петрович Бестужев, многолетний член дипломатического корпуса, бывший посланник в Гамбурге и Копенгагене, прекрасно изъяснявшийся на иностранных языках и демонстрировавший при необходимости величайшую воспитанность. Первая и самая страшная ошибка Ла Шетарди!³² Новый министр очень скоро отмежевался от своего французского благодетеля и стал недвусмысленно демонстрировать свои англо-австрийские симпатии. После Черкасского и Бестужева самой влиятельной особой при дворе считался молодой граф Воронцов, симпатизировавший Пруссии; реальной власти у него не было, но зато он мог похвастать абсолютным доверием государыни. Его единомышленник «франкофил» Петр Иванович Шу-

---

³¹ «Они вечно будут плясать под его [Ла Шетарди] дудку» («Записка» Вальданкура // ААЕ. М et D. Russie, 1735-1759. Т. XXX. Fol. 49-50); см. также «Историю моего времени» Фридриха II (*Frédéric II. Histoire de mon temps*. Leipzig, 1879. Т. V. P. 200 sq.)

³² Амело тщетно предупреждал маркиза: «Я весьма опасаясь, как бы министр этот не принялся внушать государыне своей желание возобновить прежние сношения, и прежде всего с Англией» (письмо от 4 февраля 1742 г. // Сб. РИО. Т. 100. С. 71).

валов получил в свое распоряжение финансовое ведомство, которым всю жизнь управлял, сообразуясь прежде всего со своими собственными интересами. В обновленном Сенате заседали многочисленные царедворцы и фавориты, не обладавшие ни политическим опытом, ни политическими амбициями и движимые одной лишь алчностью³³; государственными делами они занимались по преимуществу у входа в императрицыны покои. Придворные завсегдатаи — братья Разумовские, Шуваловы, прежние фавориты Елизаветы Петровны Лялин и Шубин³⁴ — склонялись, смотря по обстоятельствам, то к «англо-австрийской», то к «франко-прусской» партии. Места в русской придворной иерархии не передавались ни по отцовской, ни по материнской линии; созданная петровскими законами знать, раздробленная, разбитая на партии, меняла взгляды в зависимости от изменения международной политики.

За неимением вертикальной, генеалогической оси придворная система с самого начала царствования Елизаветы усложнилась, распространилась вширь по горизонтали. В первую группу входили особы, приближенные к императрице: ее фавориты Разумовский, Шувалов, Воронцов, Лесток, к которым следует прибавить ее родственников со стороны матери: Скавронских, Гендриковых, Чоглоковых, возведенных в дворянское достоинство Петром I, Екатериной I или самой Елизаветой³⁵. С первых лет царствования новой императрицы эти выскочки не скрывали своих симпатий к французским и прусским дипломатам. Во вторую группировку входили те, кто был в фаворе при Петре I, а также несколько сановников, которые занимали высокие посты при прежних царствованиях, но с переменой власти не подверглись опале: канцлер князь Черкасский, генерал-прокурор Сената князь Трубецкой, обер-шталмейстер князь Куракин, генерал-поручик граф Салтыков, адмирал князь Голицын; эти деятели в первое время избегали общения с иностранными дипломатами. Несмотря на все перемены, при дворе сохранились и немцы:

---

³³ *Brennan J.* Enlightened Despotism in Russia, The Reign of Elisabeth, 1741–1762. New York: Bern, 1987. P. 37 sq. Ср.: Ле Шамбрье к королю, 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 123. Fol. 252.

³⁴ О них см.: *Helbig A. W. von.* Russische Günstlinge. Tübingen, 1802. S. 221 sq.

³⁵ GStA. Rep. 92. Nachlass Heinrich von Preussen. B. IV, 15. Fol. 10–22.

принц Гессен-Гомбургский, секретарь кабинета министров Бреверн, брат опального генерал-фельдмаршала, обер-гофмейстер Миних, а также дипломаты Кейзерлинг, Корф и Гросс. Многие из них не могли устоять перед взятками, на которые не скупились англичане; число подкупленных увеличивалось с каждой неделей, к великой тревоге наблюдавших за этим французов³⁶. Четвертую партию составляли некоторые представители служилого дворянства, стремившиеся подняться вверх по социальной лестнице; назовем, например, солдат гренадерской роты Преображенского полка: за содействие вступлению императрицы на престол они были возведены в дворянское достоинство и награждены поместьями, конфискованными у сановников двух предыдущих царствований, а сама рота получила название лейб-компаний. Эти люди, делавшие карьеру, были заинтересованы в как можно более тесных сношениях с французами — до тех пор, как французы пользовались особыми милостями императрицы. Отдельный, но не слишком активный клан составляли потомки бояр, поклонники московской старины. Елизавета сумела завоевать их расположение тем, что оправдала и возвратила из ссылки оставшихся в живых Долгоруких. Кроме того, симпатии этой группировки (впрочем, не отрицавшие настороженности) вызывала набожность императрицы: ее частые поездки в Киев, в Москву и в Троицкий монастырь служили символом воссоединения старой Руси с петровской Россией. В правительство новой императрицы входили в основном фавориты самого разного происхождения, а также военные, однако по сравнению со своими предшественницами Елизавета сделала шаг вперед: на некоторое время заставила замолчать боярскую олигархию и заручилась поддержкой служилой аристократии. На народ большое впечатление произвело милосердие Елизаветы, которая даровала жизнь своим противникам, приговоренным к смерти, а в 1742 году издала указ об ограниченном применении смер-

---

³⁶ Ле Шамбрьё к королю, 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 123. Fol. 252.

³⁷ Елизавета не отменила смертную казнь, но оставила за собой право изменять приговор; не подлежали смертной казни лица, которым еще не исполнилось 17 лет (по указу от 23 августа 1742 г.). Тем не менее императрица оставила без перемен такие меры, как вырывание поздравлений или отрубание правой руки, наказание кнутом или ссылка в каторжные работы.

тной казни³⁷. Впрочем, интересы народа никем из власть имущих в расчет не принимались и ему приходилось сносить как гнет помещиков, так и тяготы войны, не имевшей прямого отношения к интересам страны³⁸.

Новый наследник

Елизавета объявила, что не выйдет замуж, и назначила своим наследником «дражайшего племянника» Карла-Петера-Ульриха Голштейн-Готторпского, внука Петра Великого. Привязанность императрицы к Голштинии, восходящая к тем временам, когда Елизавета была помолвлена с епископом Любским, произвела большое впечатление на наблюдателей; благодаря бабушке по отцовской линии новый цесаревич имел права на шведский престол³⁹, отчего могло произойти либо слияние двух держав, либо очередная война за наследство. Новый наследник пользовался поддержкой служилого дворянства, в котором большую часть составляли военные, сторонники завоевательной политики, и это вызывало величайшую тревогу в Версале, который по-прежнему хранил верность своим скандинавским союзам. Напротив, старинная знать восприняла назначение Карла-Петера настороженно из-за его протестантского вероисповедания. Впрочем, сразу же по приезде в России юный принц в самой пышной и торжественной обстановке принял православие. Отныне и наследник вместе со своей тетушкой-императрицей служил воплощением истинной России.

Таким образом, если горизонтальная ось русского двора была чрезвычайно разветвленной, вертикальная отличалась крайней непрочностью, ибо единственным законным основанием, на котором она зиждилась, был «Тестамент» Екатерины I, заново введенный в действие ее дочерью. Существовал и другой наследник престола (также законный — но уже по завещанию

---

³⁸ Brennan J. Op. cit. P. 61; Le Donne J. Op. cit. P. 34.

³⁹ В конце концов наследником шведского престола был избран его дядя Адольф-Фридрих Голштейн-Готторпский, что не помешало спорам между двумя странами: «Это избрание поддерживал русский двор, поэтому он считал себя вправе вмешиваться более чем когда-либо в дела Швеции и даже предписывать этому королевству законы, но шведы скоро отделались от этого, и несогласия возобновились еще до истечения года» (Manstein C. H. von. Op. cit. P. 513; Перевороты и войны. С. 239).

Анны Ивановны) — малолетний Иван Антонович, росший в далеких Холмогорах; память об этом живом призраке будоражила умы бунтовщиков, и Елизавета жила в постоянном страхе государственного переворота в пользу Ивана VI. В реальности оба претендента на трон Романовых, и Петр, и Иван, были германскими принцами, родственниками Габсбургов и Гогенцоллернов; этим обстоятельством во многом объясняется повышенное внимание, которое питали к русскому наследству европейские царедворцы и дипломаты. Хотя Ла Шетарди и перехватил инициативу, Германия также не утратила своих позиций в Петербурге; у немцев имелись некоторые основания полагать, что будущее принадлежит им.

Глава шестая

ШПИОНОМАНИЯ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Фридрих пристально следил за всеми событиями, происходившими при русском дворе, знал всех особ, игравших сколько-нибудь важную роль при каждом из последовательно сменявшихся режимов. Верный своему принципу: «У государей нет родственника ближе Государства, чьи интересы они обязаны ставить выше интересов крови»⁴⁰, прусский король нисколько не тревожился о прискорбной участи своего Брауншвейгского кузена; он ограничился тем, что высказал в письме к Мардефельду приличествующие случаю соболезнования. В Версале Людовик XV и его министры не могли скрыть некоторого замешательства: если исходить из салического закона и права первородства, пребывание Елизаветы на престоле казалось не вполне легитимным, а будучи «обыкновенной женщиной», она, разумеется, не имела и права назначать себе наследника, отдавать Петру предпочтение перед Иваном; оба принца, хотя бы благодаря своему полу, имели больше оснований претендовать на престол, но именно поэтому таили в себе больше угроз для стабильности государственной власти. Не слишком хорошо разбираясь в русских делах, версальские политики предоставили развязывать северный узел «специалисту», маркизу де Ла Шетарди: платить за это впоследствии пришлось Швеции. Фридрих также в течение нескольких недель сомневался в победе Елизаветы в войне со шведами, он опасался нового переворота при участии гвардии и очередных перемен во внешней политике России. Личность государыни, ее родовитость и происхождение интересовали прусского короля

---

⁴⁰ Фридрих к Мардефельду, 26 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 425.

очень мало, зато в его письмах постоянно повторяется мысль о необходимости поддерживать уже заключенные межгосударственные союзы, а для этого — избегать переворотов⁴¹.

С весны 1742 года придворная жизнь вошла в обычную колею; императрица любила проводить время в обществе иностранных посланников за игрой в квинтич; француз Ла Шетарди, англичанин Вейч, австриец Ботта и пруссак Мардефельд увивались около Елизаветы, отдавая должное ее изяществу и любезности. Встречались они и в доме канцлера Черкасского. У всех на устах был суд над «немцами», которых вначале приговорили к смерти, а потом, благодаря личному заступничеству Елизаветы, помиловали и сослали в Сибирь; немецкая партия, казалось, была обезглавлена, а австрийская, за которой императрица наблюдала пристально и недоверчиво, имела все основания не проявлять активности⁴². Главенствующую роль играли французы; как не без раздражения замечал Мардефельд, «с французским посланником обсуждались дела как важные, так и пустяковые»⁴³. Фридрих, в душе которого радость боролась с недоверчивостью, подозревал, что долго все это не продлится⁴⁴. Привязанность к Франции проистекала из личной склонности императрицы к Ла Шетарди, которого злые языки называли ее любовником. Елизавета помнила о том, что обязана французскому удачному завершению переворота, помнила о его разумных советах и о непомерных суммах, потраченных им на «покупку» гвардии. Но могла ли она забыть о том, что некогда в Версале предпочли ей польскую принцессу? Помнила она и о том, что именно Франция спровоцировала русско-шведскую войну ради того, чтобы положить конец засилью

---

⁴¹ Вот первая реакция Фридриха на известие о государственном перевороте в России: «Единственное, что может встревожить тех, кто ставит на Россию, есть мысль, что гвардейцы русские, постепенно войдя в роль римской преторианской гвардии, пристрастятся к перемене своих государей, отчего никто на добрые отношения с Россией полагаться не сможет, ибо во всякую минуту ожидать придется нового переворота» (письмо от 23 декабря 1741 г. // Ibid. Fol. 405).

⁴² Письмо Мардефельда от 27 января 1742 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 44A. Fol. 52.

⁴³ Письмо Мардефельда от 16 января 1742 г. // Ibid. Fol. 36.

⁴⁴ Фридрих к Ле Шамбрье, 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 123. Fol. 250.

немцев в России. Два года спустя эта война продолжалась, как и прежде, русские и шведы вырывали друг у друга клочки территории, маркиз же Ла Шетарди показал себя очень скверным посредником. На переговорах в Або Швеция, пользуясь поддержкой Францией, выдвигала «чересчур большие требования»: Елизавета рисковала потерять Карелию. Раздосадованная, императрица пожелала вести переговоры напрямую. Брюммер, Лесток и Трубецкой решили воспользоваться случаем, чтобы показать себя и оттеснить клан Бестужева. Однако французскому посланнику, идейному вдохновителю этой группы, было предписано покинуть Россию⁴⁵. Место освободилось, и претендовавшие на него царедворцы засуетились еще сильнее, чем прежде.

В эти смутные времена двор жил интригами и слухами. Прусскому посланнику пришлось отказаться от некоторых предубеждений и принять новые правила поведения, без соблюдения которых выжить в русской столице, при дворе женщины, окруженной царедворцами, фаворитами, любовниками, было невозможно... Секрет правильного поведения заключался в использовании определенной риторики: ни в коем случае не оправдываться, опровергать сплетни с помощью малозначащих, брошенных походя фраз, развеивать страхи и недоверчивость лестью и комплиментами, отвечать на подозрения подобострастием⁴⁶. Тяжелая обязанность для прусского посланника — человека непосредственного, горячего; однако король безоговорочно одобрил эти правила игры. Ничего не утверждая прямо, а только лишь намекая, посланник должен был уверить членов нового кабинета и, в особенности, герцога Голштинского в том, что они могут рассчитывать на поддержку со стороны короля Пруссии. Через посредство своего посланника Фридрих решил вручить дочери Петра I орден Черного орла — превосходный способ покорить тщеславную Елизавету. Вручение ордена превратилось в празднество в честь прусского короля и стало одной из самых пышных церемоний 1743 года. В полдень Мардефельд в сопровождении подполковника Граппа и секретаря посольства Варендорфа

---

⁴⁵ *Manstein C. H. von.* Op. cit. P. 452–453; *Перевороты и войны.* С. 209–210; Дальон к Амело, 6 июля 1743 г. // Сб. РИО. Т.105. С.39–40.

⁴⁶ Письмо Фридриха от 26 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 43A. Fol. 425.

направился в Зимний дворец. Там он нашел императрицу в окружении не только министров, но и всех придворных сановников. Мардефельд передал Елизавете письмо от своего государя, произнес приличествующие случаю комплименты, а тем временем императрица завладела орденой лентой и тут же сама надела ее на себя; напротив, прикрепить звезду она предпочла в одиночестве и для этого удалилась в соседнюю комнату. Казалось, Пруссия сделала решающий шаг для того, чтобы завоевать то абсолютное расположение и доверие императрицы, каким прежде пользовалась Франция, что же касается Австрии, то создавалось впечатление, что ее окончательно вывели из игры. На торжественном обеде Мардефельд, сидевший по левую руку от императрицы, произносил тосты и осыпал государыню комплиментами. При этом он зорко наблюдал за присутствовавшими министрами и царедворцами, пытаясь определить место каждого из них в придворной иерархии; принц Гессен-Гомбургский сидел по правую руку от императрицы, за ним помещался обер-церемониймейстер Санти, фельдмаршалы и иностранные посланники. Тут же находился и Воронцов, меж тем как его врагу Бестужеву пришлось удовольствоваться местом рядом с обер-гофмейстериней княгиней Голицыной и многочисленными статс-дамами. Там же сидел и Грапп. День окончился посещением французского театра, причем Елизавета до вечера не снимала новую награду⁴⁷. Мардефельда засыпали подарками: Елизавета не поскупилась и употребила на это целых три тысячи рублей⁴⁸. В эту пору, весной 1743 года, Россия и Пруссия наслаждались идиллическими, безоблачными отношениями. Мардефельд получил возможность заняться вещами менее существенными, чем внешняя политика: так, он выслал в Потсдам меха, семечки дыни и черную икру — король от всего этого пришел в восторг. Увы, затишье оказалось непродолжительным: из Вены в Петербург уже были отправлены бочонки токая — любимого напитка императрицы, призванные «подсластить лезть»⁴⁹...

---

⁴⁷ Мардефельд к королю, 10 марта 1743 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 45A. Fol. 95.

⁴⁸ Мардефельд к королю, 7 мая 1743г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. A 3d. Fol. 47.

⁴⁹ Претлак к Ульфельду, 5 мая 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27 (апрель–июль 1746 г.). Fol. 67.

Дело Ботты

Каждый из кланов был связан с кем-нибудь из иностранных посланников, которые все как один получали от своих кабинетов деньги для ведения интриг. Поэтому попытки устроить государственный переворот не заставили себя ждать. Дальон общал Амело: «У нас здесь дел по горло, происходят события серьезнейшие, так что вот-вот смогу я погубить или хотя бы низвергнуть Бестужева и зрелищем этим насладиться вволю»⁵⁰. Для этого нужно было действовать методически и прежде всего устранить союзников вице-канцлера. На помощь французам пришел случай. Австрийский посланник Ботта сблизился с группой «бояр», намеревавшихся возвратить малолетнему Ивану престол, а себе — древние права⁵¹. Заговорщики регулярно собирались и обсуждали, какие меры предпринять; ходили даже слухи, что они подкупили лакея императрицы и с его помощью намеревались ее отравить⁵². Сам Ботта летом 1743 года выехал в Берлин, специально для того, чтобы привлечь внимание русских шпионов к Фридриху, которого издавна обвиняли в симпатии к Брауншвейгскому семейству, и снять какие бы то ни было подозрения с Марии-Терезии⁵³. Дальон воспользовался отсутствием австрийского коллеги, «который мутит умы и сеял семена раздора» посредством бесконечных интриг, и донес на него⁵⁴. Сообщники австрийского посланника были немедленно арестованы; самому Ботта был запрещен въезд в Россию. К заговору оказались причастны члены самых знатных семейств: Лопухины, Головкины, Гагарины и даже супруга обер-гофмаршала М. П. Бестужева, брата вице-канцлера; «снежный ком катится и будет катиться дальше, становясь все толще», — ликовал Дальон⁵⁵. Противники вице-канцлера торжествовали, им уже виделась в мечтах его отставка, а то и ссылка в Сибирь. Расследование было поручено

⁵⁰ Дальон к Амело, 10 августа 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 58.

⁵¹ Письмо Фридриха от 5 октября 1743 г. // РС. В. II. S. 436.

⁵² *Manstein C. H. von*. Op. cit. P. 519; Перевороты и войны. С. 242.

⁵³ *Frédéric II*. Histoire de mon temps. P. 200–201.

⁵⁴ Ibid. См. также: письмо Дальона к Амело от 10 августа 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 58; *Manstein C. H. von*. Op. cit. P. 519–520; Перевороты и войны. С. 241–242.

⁵⁵ Дальон к Амело, 10 августа 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 59.

«заклятым врагам» Бестужева, главе Тайной канцелярии Ушакову, генерал-прокурору Сената Трубецкому и лейб-медика императрицы Лестоку; за кулисами Брюммер, Мардефельд и Дальон плели козни, злословили, хлопотали, стремясь раз и навсегда вывести из игры всех своих врагов. Императрица пришла в ярость и попросила Фридриха по дружбе выдать ей предателя Ботту, а у Марии-Терезии потребовала «самой недвусмысленной сатисфакции». Прусский король выслал Ботту из Бранденбурга и официально присоединился к просьбе Елизаветы, требовавшей, чтобы Габсбурги наказали преступника. Мария-Терезия, напуганная оглаской, которую получило дело Ботты, приняла самые решительные меры: посланника-заговорщика арестовали в Граце, а поведение его было публично названо «подлым преступлением» (*verabscheuungswürdiges Verbrechen*)⁵⁶. Решить судьбу Ботты и вынести ему обвинительный или оправдательный приговор венгерская королева предоставила своей «сестре» Елизавете. Быстротой реакции Дальон спас честь Пруссии; ведь Фридриха, подписавшего в июле 1742 года Берлинский договор, который примирял его с Австрией, было легко обвинить в заговоре в пользу Ивана. Хотя этой опасности удалось избежать, Мардефельд получил от короля приказание удвоить предупредительность по отношению к императрице⁵⁷. Ибо во всей этой истории оставался один темный момент: зачем Ботта ездил в Потсдам, какую роль в заговоре играли Фридрих и прусская партия в России. В итоге полную победу одержали французы, пруссаки победили наполовину; клан Бестужевых, казалось, лишился какой бы то ни было поддержки; Елизавета преисполнилась к Марии-Терезии не только ненависти, но и презрения и, значит, с французской и прусской точки зрения, встала на правильный путь.

В этот момент Версаль снова отправил в Россию Ла Шетарди, снабдив его двумя документами: в одном маркиз был аттестован как частное лицо, другой представлял собой верительную грамоту и здесь Ла Шетарди был назван полномочным

---

⁵⁶ *Waliszewski K.* La Dernière des Romanov, Elisabeth Ire, Impératrice de Russie, 1741–1762. Paris, 1902. P. 254. См. также: *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staates. B. V. S. 75. Недатированное письмо Ботты с извинениями см.: ННStA. Russland II. Varia 236 (1741–1798). Fol. 36–37.

⁵⁷ Дальон к Амело, 13 августа 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 61.

представителем Франции. Сделано это было потому, что в Версале опасались, как бы после крушения предыдущей миссии маркиза переменчивая и злопамятная Елизавета не вздумала ему мстить; придание маркизу статуса частного лица должно было позволить Франции при неблагоприятном исходе событий избежать дипломатического скандала. Если же императрица согласилась бы принять Ла Шетарди в качестве посланника, его бы защищало международное право. Маркизу было поручено заниматься шпионажем и помогать Дальону плести интриги, а при необходимости заменить его. Дело в том, что Дальон не принадлежал к числу любимцев Елизаветы: болтливый, не слишком любезный с придворными дамами, неопрятный, а порой и просто грязный, он недаром получил прозвище «французский дурень» или «обезьянья рожа»⁵⁸. Дальон был неглуп и умел анализировать происходящее, но при этом страдал существенными недостатками: был вспыльчив, бестактен и ни в малейшей степени не обладал талантом царедворца (черта, нравившаяся Мардефельду)⁵⁹. Помимо дипломатии, он занимался и коммерцией — торговал в своем особняке пудрой, помадой и табаком, что приводило в восторг светских модников, но возмущало настоящих торговцев; посланник, не плативший таможенной пошлины, сбивал цены. Одним словом, для спасения чести французской культуры требовался Ла Шетарди⁶⁰.

Летом и зимой 1743 года Мардефельд, Дальон, Ла Шетарди и их неразлучные друзья Лесток, Брюммер, Воронцов, Трубецкой, Румянцев и Ушаков наслаждались своим придворным триумфом, невзирая на трения между Францией и Пруссией, связанные с вопросом о Силезии. Никогда еще взятки и подарки (в том числе роскошный портрет короля) не прибывали в таком количестве из Берлина; дело шло о признании

---

⁵⁸ *Portrait de Dallion* [Портрет Дальона] // ААЕ. СР. Т. I. Fol. 279 (конец 1746 г.).

⁵⁹ По слухам, он однажды сказал Елизавете, что Франция и Россия расположены слишком далеко одна от другой, чтобы причинять друг другу вред... (Ibid.). Претлак немедленно сообщил об этом в Вену (письмо от 21 марта 1745 г. // *IIIStA. Russland II. Berichte* 26. Fol. 154). Опрометчивые слова француза были полностью приведены в номере «*Petersburgische Zeitung*» от 22 марта 1745 г.

⁶⁰ Во всяком случае, так считал сам маркиз. См. его письмо от 14 декабря 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 136–137.

захваченных территорий собственностью Пруссии и о подписании Бреславского договора. Письма, приходившие из Потсдама, показывали, как не терпится королю «покорить» русский двор: «раздувайте огонь против моих врагов или ложных друзей, куйте железо, пока горячо»⁶¹. Фридрих хотел подтолкнуть императрицу и ее кабинет «к тому состоянию, в каком давно уже желал бы их видеть», иначе говоря, к оборонительному союзу. Однако эта благородная цель была неисполнима до тех пор, пока не будет низвергнут Бестужев; Мардефельду предписывалось очернить его «до такой степени, чтобы царица признала его врагом рода человеческого»⁶². В этом деле прусский посланник мог рассчитывать на помощь французов. Европейские дворы враждовали из-за политических целей и мирились ради государственных интересов; напротив, дипломаты делали ставку на собственные дружеские узы, исходили из соображений сугубо прагматических, порой даже действовали вразрез с официально провозглашенной политикой. В Петербурге эта придворная дипломатия приобретала неслыханный размах и заставляла посланников действовать более гибко и более человечно, больше полагаться на собственную интуицию.

Весной 1744 года удача, кажется, сопутствовала партии Мардефельда — Дальюна, усиленной присутствием Ла Шетарди. Фридрих уже распределял роли: Корфа, представлявшего Россию в Стокгольме, следовало убрать; он слишком хорошо разбирался в положении дел на севере и доставил немало неприятностей французам во время переговоров в Або. Теперь он мог снова навредить посланникам союзных держав. Та же участь ожидала Гросса, русского посланника в Париже, и его берлинского коллегу Чернышева. «Чистку» посольств следовало провести одновременно с полным переустройством русского кабинета. Генералу Румянцеву была уготована должность канцлера, Воронцов, по молодости лет, мог претендовать не более чем на вице-канцлерство, генерал-прокурору Сената Трубецкому пришлось бы, согласно плану Фридриха, заняться иностранными делами. Переменчивый нрав прусского монарха заставлял его по-новому расставлять эти фигуры, в которых он видел просто-напросто марионеток; иной раз

---

⁶¹ Фридрих к Мардефельду, 20 августа 1743 г. // РС. В. II. S. 406–407.

⁶² Ла Шетарди к Амело, 12/23 апреля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 264.

оказывалось, что Трубецкой чем-то «не угодил» королю, и его место занимал Воронцов⁶³. Иными словами, Фридрих командовал русским двором — или полагал, что командует. Его послания, полные воодушевления и надежд, резко отличались от куда более сдержанных донесений Мардефельда. В Петербурге тем временем все шло, как прежде, во всяком случае, до расстановки министров по воле прусского короля было очень далеко. Фридрих, недоверчивый, когда события развивались не по его плану, счел необходимым ободрить своего посланника, который, невзирая на все свои придворные успехи, был настроен весьма мрачно. Дело в том, что Мардефельду внушали большие подозрения махинации англичан, австрийцев и саксонцев, у которых появился настоящий предводитель — посланник Георга II Тироули. Со временем стало ясно, что Мардефельд был совершенно прав.

Дело Ботты кончилось ничем. В пору, когда решался вопрос о подписании Берлинского договора, эта интрига могла побудить Россию официально согласиться с закреплением территории Силезии за Пруссией. Все зависело от того, как отнесется Мария-Терезия к своему посланнику, чье участие в заговоре против Елизаветы не было доказано. Французы и пруссаки действовали заодно, когда старались погубить Ботту и тем ускорить падение Бестужева, однако на отношения, какие следовало бы установить между двумя императрицами, и на сроки этой процедуры они смотрели по-разному. Дальон хотел еще сильнее рассорить двух соперниц, Мардефельд, напротив, желал их примирить и тем ускорить получение от царицы желанной подписи под договором. Расходились сообщники и во взглядах на дальнейшую судьбу Бестужева, который по-прежнему ведал иностранными делами. Лесток полагал, что следует пойти на хитрость: он посоветовал прусскому посланнику на время перестать видеть в вице-канцлере врага, вовлечь его в дипломатические переговоры, но при этом постоянно подчеркивать его хорошие отношения с Австрией, «дабы не мог сей обманщик долее притворяться невинным». Дальон же и Ла Шетарди выступали категорически против какого бы то ни было участия русских в переговорах и поддерживали императрицу, которая не хотела подписывать никаких соглашений. Французы твердо рассчитывали на падение Бестужева и потому

---

⁶³ Фридрих к Мардефельду, 19 мая 1744 г. // РС. В. III. S. 144–145.

не были намерены «позволять ему плести козни, как прежде, и в конце концов расстроить все планы»⁶⁴. Как показали дальнейшие события, надежды эти не оправдались.

Прусский король, «лучший друг императрицы и России», делал ставку на другое: на пугавший Елизавету призрак нового государственного переворота. Несмотря на свои родственные связи с Брауншвейгским семейством, он не затруднился предложить императрице сослать Ивана Антоновича в Сибирь, заточить регентшу в монастырь, а Антона-Ульриха отправить в Германию. Такое решение проблемы, безоговорочно поддержанное Версалем⁶⁵, позволило бы обойтись без кровопролития (Фридрих прекрасно понимал, чего боялась царица) и уберегло бы Россию «от козней и происков, которые в противном случае не кончились бы никогда и рано или поздно сыграли бы роковую роль...»⁶⁶. Фридрих давал совет отнюдь не бескорыстно; он стремился обезвредить враждебные ему группировки: клан старинной австрофильской знати, некоторых представителей нового петровского дворянства, привлеченных блеском иностранных титулов, и прежде всего лично Бестужева. Мардефельд испросил у императрицы аудиенцию специально для того, чтобы обрисовать ей устрашающие перспективы и подлить масла в огонь. От имени прусского короля посланник должен был объявить Елизавете, что «австрийцы, англичане, саксонцы, датчане только того и добиваются, как бы низвергнуть ее с российского престола»⁶⁷. Следуя указаниям Фридриха, Мардефельд живописал царице мрачные картины кровавого мятежа, за которым следует ее арест, пытки, ссылка в ледяную Сибирь, где красота ее будет вянуть вдали от мужского общества... Рассказы прусского посланника произвели впечатление на императрицу, и она обсудила вопрос об Иване Антоновиче сначала с членами своего совета (именуемого Конференцией), а затем с Сенатом. Сенаторам было приказано уничтожить всякую память о царствовании малолетнего императора: специальный указ запрещал упоминание имени и титула Ивана в каких бы то ни было

---

⁶⁴ Дальон к д'Аржансону, 3/14 июня 1746 г. // ААЕ. С. Russie. Т. XLVIII. Fol. 296.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Письмо Фридриха от 20 августа 1743 г. // РС. В. II. S. 406.

⁶⁷ Письмо Фридриха от 13 января 1744 г. // РС. В. III. S. 9–10.

документах; дозволялось упоминать только о регентстве его матери или герцога Курляндского — Бирона. Все декреты той поры были отменены. Паспорта, манифесты, акты, патенты и проч., подписанные именем Ивана, были изъяты и свезены в Тайную канцелярию. Напечатанные на русском и иностранных языках книги, касающиеся царствования Ивана, были сданы в Академию наук, а ввоз изданий такого рода жестоко преследовался. Наконец, монеты с изображением малолетнего императора были отданы в переплавку⁶⁸. Однако все эти строгости несколько не повлияли на внешнюю политику России, которая по-прежнему оставалась выжидательной.

Брачная политика

Фридрих, по-прежнему не слишком уверенный в стабильности российской политической обстановки, стремился укрепить позиции будущего Петра III, хотя этому молодому человеку, единственному наследнику престола, если не считать Ивана Антоновича, было в ту пору всего шестнадцать лет. Следовало женить юного герцога на немецкой принцессе. Свою сестру Ульрику король предлагать не стал: побоялся отпускать родственницу в страшную, далекую Россию. Об этом варианте Мардефельду было приказано даже не упоминать⁶⁹. Необходимым требованиям удовлетворяла пятнадцатилетняя принцесса София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская. Она приходилась великому князю дальней родственницей: ее мать была сестрой епископа Любского, того самого, что некогда обручился с Елизаветой, но умер, не дожив до свадьбы. Фридрих делал ставку на привязанность Елизаветы к Голштинскому семейству⁷⁰. Противная сторона могла предложить в качестве невесты только дочь Фридриха-Августа. Однако она не подходила наследнику российского престола из-за своих связей с Польшей. Итак, выбор остановили на принцессе Софии. Вместе с дочерью в Россию прибыла Иоганна-Елизавета, княгиня Ангальт-Цербстская; ей было поручено исполнять

---

⁶⁸ Brückner A. La Famille de Brunswik en Russie au XVIIIe siècle. Pétersbourg, 1876. P. 3–4.

⁶⁹ Фридрих к Мардефельду, 2 ноября 1743 г. // РС. В. II. S. 459.

⁷⁰ Петцольд к Брюлю, 1 февраля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 6. С. 504. По всей вероятности, Брюммер также поддерживал кандидатуру принцессы Софии.

обязанности прусской шпионки до тех пор, пока невеста не повзрослеет настолько, чтобы принять эстафету у матери. Фридрих очень рассчитывал на помощь княгини, которая, как он надеялся, несколько месяцев пробудет при дочери. Он принялся плести сложнейшие интриги и, на время забыв о своем женоненавистничестве, угождать родственницам. Чтобы матримониальная стратегия сработала наверняка, автор «Анти-Макиавелли» согласился отдать Ульрику за наследника шведского престола Адольфа-Фридриха, герцога Голштейн-Готторпского, дядю великого князя и брата княгини Ангальт-Цербстской, — план, который одобрила и русская императрица⁷¹. В Петербурге появления княгини и ее дочери ждали с большим нетерпением. Ла Шетарди и большой приятель Лестока Семен Кириллович Нарышкин выехали к ним навстречу — дабы оберечь дам от возможных контактов с противной стороной... Вдали от Петербурга, не боясь быть подслушанными, они посвятили мать невесты в ее будущие обязанности: прежде всего она будет служить связной — получать от кабинетов Фридриха и Людовика послания, предназначенные исключительно для августейшего взора царицы. Кроме того, княгине предстоит на правах женщины и родственницы намекать Елизавете на козни — подлинные или мнимые, — которые строит ее окружение.

Начало пребывания Ангальт-Цербстского семейства в русской столице складывалось исключительно удачно; невеста совершенно очаровала наследника. Елизавета со слезами на глазах восхищалась сходством между княгиней и ее покойным братом — епископом Любским. Дальон писал, охваченный воодушевлением: «Княгиня держалась как нельзя лучше и с величайшей осторожностью, дабы ничем себя не выдать и устроить так, чтобы прислушивались к ней и впредь»⁷². Однако все эти превосходные планы едва не пошли насмарку: весной 1744 года молодая принцесса тяжело заболела, ее мучили жар и боль в боку; затем заболел великий князь — заразился оспой. Несколько недель он находился между жизнью и смертью, а невесту к нему не пускали — большой удар для сторонников Фридриха. Члены вражеской партии не замедлили воспользоваться случаем; ссылаясь на рассказы священника — «ханжи

---

⁷¹ Письма Фридриха от 30 марта и от 4 апреля 1744 г. // РС. В. III. S. 67, 79.

⁷² Письмо от 16/27 февраля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 199.

и корыстолюбца», — они обвинили Софию, принявшую после перехода в православие имя Екатерины, в неверности и безбожии, чем сильно скомпрометировали ее в глазах набожной Елизаветы⁷³. Со своей стороны Бестужев предложил заменить принцессу Цербстскую Марией-Анной Саксонской. Однако расследование (начатое по инициативе французов и пруссаков) показало, что противники принцессы Софии, вице-канцлер и московский архиепископ, получили большие суммы из Дрездена — а ведь Саксония была в союзе с Австрией. От саксонской невесты царица наотрез отказалась; она еще не забыла дело Ботты. Дочь Фридриха-Августа, по отцовской линии связанная с Габсбургами и с альбертинской линией Веттинов, сблизила бы Петра с его соперником Иваном; в случае ранней смерти или бесплодия великого князя, Иван Антонович оказался бы единственным законным наследником престола Романовых, в чем Елизавета видела угрозу для себя. К счастью для франко-прусского клана, после выздоровления Петра этот вопрос решился сам собой.

Тем временем Ботта не сидел сложа руки. Вернувшись в Вену, он собрал документы, доказывавшие, правдой или неправдой, его невиновность, и составил записку о своей деятельности на посту посланника в 1738–1743 годах; австрийцы представили ее русской императрице и потребовали у нее более солидных доказательств вины дипломата. В случае, если они будут представлены, Ботта изъявил готовность отдать их «на суд немецких юристов и знатоков уголовного права»⁷⁴. Бестужев пламенно защищал маркиза. Царица пришла в смущение, и члены проавстрийского клана почувствовали, что настала благоприятная пора для нового сближения России с Австрией. Мария-Терезия несколько раз посылала в Петербург письма с извинениями; изъявления почтения со стороны монархини из рода Габсбургов были лестны для Елизаветы, а чувствительное сердце не позволяло ей обвинять посланника, в чьей виновности она не была уверена⁷⁵.

---

⁷³ См.: GStA. Rep. XI. Russland 91. 46A. Fol. 223; см. также: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. С. 77 и след.; *Alexander J. T. Catherine the Great, Life and Legend.* Oxford, 1989. P. 27–28, 34.

⁷⁴ Фридрих к Мардефельду, 5 января 1744 г. // PC. В. III. S. 2.

⁷⁵ Недатированное письмо, сохранившееся в Венском архиве, опубл. в изд.: *Waliszewski K.* Op. cit. P. 254; см. также: *Herrmann E.* Op. cit. B. V. S. 75.

На войне как на войне

Летом 1744 года австро-английская группировка Бестужева стала брать верх над сторонниками союза с Пруссией. Сближение двух императриц встревожило прусского короля; проанализировав отношение русских посланников к прусским дипломатам во всех европейских столицах, Подевилльс пришел к выводу, что в Петербурге происходят серьезные изменения. Бестужев и его сообщники выигрывали время, плетя интриги вне пределов России: инструкции, даваемые дипломатам, казалось, «решительно противоречили» политике самой Елизаветы, скорее профранцузской (а следовательно, и пропрусской). Фридрих требовал гибели своего ненавистника; система, созданная стараниями «его партии» (которая до поры до времени была и партией Людовика XV), могла в любой момент рухнуть из-за «мошеннических проделок»⁷⁶ этого русского, которому Мардефельд, в союзе с Ла Шетарди и Дальоном, должен был немедленно «объявить войну»⁷⁷. Однако противник их, стремившийся как можно скорее «спустить на воду свою собственную партию», действовал оперативнее; чтобы сохранить свое положение при дворе, ему необходимо было добиться устранения двух ненавистных ему особ — Ла Шетарди и Мардефельда, а потом «восстановить систему, выгодную для Англии»; между тем Бестужев был не из тех, кто долго выбирает средства⁷⁸. Успех француза Ла Шетарди означал дипломатическую и моральную победу Людовика XV, его немилость — триумф Георга II; в очередной раз мелкие придворные происшествия служили отражением соперничества великих держав⁷⁹.

Французские дипломаты сами ускорили свое падение: весной 1744 года Дальон и Ла Шетарди повздорили из-за денег и подрались. Любимец императрицы, возведший ее на трон, был ранен в руку, соперник его щеголял «с подбитым глазом». Об этой скандальной истории писали газеты, судачили при-

---

⁷⁶ Фридрих к Мардефельду, 18 апреля 1744 г. // РС. В. III. S. 96.

⁷⁷ Фридрих к Мардефельду, 4 ноября 1743 г. // РС. В. II. S. 461. Фридрих употребит те же самые выражения и в письме от 26 января 1744 г. (Ibid. В. III. S. 17–20).

⁷⁸ Фридрих к Мардефельду, 26 ноября 1743 г. // РС. В. II. S. 476.

⁷⁹ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI. С. 263.

дворные; плоские оправдания маркиза никого не убедили⁸⁰. Русскую столицу наводнили карикатуры. Такой союзник, слабый и смешной, никому не был нужен. Ускорил падение Ла Шетарди и его двусмысленный статус (и не посланник, и не частное лицо).

Людям Бестужева удалось — возможно, при помощи секретаря французского посланника — перехватить донесения Дальона и Ла Шетарди. Первый сообщал в Версаль о том, что очень скоро Бестужев и секретарь кабинета Бреверн будут уволены, ибо станет совершенно очевидным их пособничество Брауншвейгскому семейству. Оба, и Бестужев, и Бреверн, тотчас поднесли Елизавете письмо с опровержением этих обвинений и жалобой на иностранных дипломатов, которые осмеливаются «ставить под сомнение их преданность императрице» и вмешиваться во внутренние дела России; они пользовались случаем вновь повторить, что готовы «дать разрезать себя на мелкие кусочки ради Ее Императорского Величества и истинных ее интересов»⁸¹. Патетический тон министров тронул императрицу, однако не заставил ее принять решительные меры против французов. Тем не менее почва была уже подготовлена, и теперь требовалось только дожидаться новой оплошности противников, чтобы окончательно убедить государыню: доверять следует не кому иному, как Бестужеву. В письмах, перехваченных в следующий раз — и даже не шифрованных, — Ла Шетарди очень метко характеризовал придворные группировки и партии, определял роли, которые играют люди, их возглавляющие, преследуя вполне очевидную цель — доказать своему начальству, что его присутствие в русской столице совершенно необходимо и на пост полномочного министра следует назначить именно его⁸². Вице-канцлер, истолковав каждую фразу этого письма во вред писавшему

---

⁸⁰ Ла Шетарди утверждал, что производил физические опыты «с порохом перед печкой и по сему поводу держал в руках сосуд, полный пороха, сосуд же этот по его неосторожности лопнул и осколки поранили маркизу руку, до такой даже степени, что он боится лишиться мизинца» (Бернес к Ульфелд, 24 декабря 1743/4 января 1744 г. // NHStA. Russica, alter Bestand. Fasc. 14a. 1743. Non fol.).

⁸¹ Мардефельд к королю, 28 февраля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55C. Fol. 43–44.

⁸² Если верить позднему признанию дипломата, он хотел в письменной форме «просветить русских насчет той роли, которую сыграть намеревался» (Претлак к Ульфелд, 24 декабря 1743/4 января 1744 г. // NHStA. Russica I. Fasc. 14a. Non fol.).

и, следовательно, к собственной пользе, обвинил своего врага в намерении образовать собственную группировку и вмешаться в дела тайной канцелярии, что привело Елизавету, и без того недовольную двусмысленным статусом своего благодетеля, в крайнее раздражение. Бестужев обнаружил и нечто более серьезное: в своих зашифрованных донесениях Ла Шетарди описывал императрицу в весьма нелестных тонах, как женщину недалекую, легкомысленную и «управляемую», окруженную министрами, которых очень легко подкупить. Хуже того, он не обошел молчанием и любовные похождения царицы, вплоть до ее отношений с духовными особами⁸³. Вице-канцлер предъявил эти разоблачительные документы (общим числом 69) во время заседания Императорского совета, или Конференции, в присутствии императрицы. Оскорбление, таким образом, было нанесено публично. По зрелом размышлении Елизавета приказала в двадцать четыре часа выслать Ла Шетарди из Петербурга, причем маркиз был назван «бригадиром французской армии»⁸⁴ — ведь в качестве посланника французского короля он находился бы под защитой международного права и его высылка неизбежно спровоцировала бы европейский скандал. Версаль дезавуировал высланного — взгляды маркиза де Ла Шетарди как частного лица не имели никакого политического значения; для проформы, впрочем, лишь только он оказался во Франции, маркиза, равно как и его секретаря, арестовали. Морепа поспешил аккредитовать при петербургском дворе Дальона и присвоить ему звание полномочного представителя Франции и жалование посла. Ему выслали верительные грамоты, где Елизавета именовалась императрицей (титул, который

---

⁸³ См. письмо Мардсфельда к Фридриху от 26 мая 1744 г.: «Жена камер-юнкера Лялина [...] се величеству донесла, что архимандрит Троицкого монастыря — истинный Геркулес в делах любовных, что ликом схож он с соловьем из Аркадии, да и тайные достоинства красоте не уступят, так что государыня пожелала сама испробовать и нашла, что наперсница рассудила верно, вследствие чего даровав архимандриту звезда ордена св. Андрея Первозванного с брильянтами, а в ней драгоценное изображение, и так высоко он вознесся, что подарено ему [...] двадцать тысяч рублей наличными, хотя деньги здесь величайшая редкость и почти никому не платят, отчего все кругом стенают» (GStA. Rep. 96. 55C. Fol. 178).

⁸⁴ *Rimbaud A.* Op. cit. T.I. P.437 sq.; Extrait du journal du sieur Morambert (1741–1756) // AAE. M et D. Russie, 1735–1759. T. I. Fol. 196.

к этому времени уже признали за дочь Петра I Австрия, Англия, Пруссия и даже избранный император Карл VII, но в котором до сих пор отказывал ей большой блюститель церемониальных тонкостей Людовик XV).

В конечном счете Елизавете вышла из всей этой истории победительницей и потому хотела забыть о неприятном инциденте. Между тем все консульства и посольства России получили официальное сообщение о «злодеяниях» француза, подписанное главою Коллегии иностранных дел. Для пущей важности Бестужев признал, что перехватом и расшифровкой писем Ла Шетарди занималась не только Тайная канцелярия, но и он, вице-канцлер, собственной персоной. У этой провокации имелась и другая цель; реакция придворных и дипломатов на высылку Ла Шетарди позволяла определить их принадлежность к дружескому или враждебному лагерю. Бестужев торжествовал: он не только устранил своего главного врага и ослабил его партию, но и сумел узнать истинные чувства некоторых дипломатов, до той поры державшихся в высшей степени сдержанно, таких, как посол Карла VII Нейгауз, посланник Фридриха-Августа II Герсдорф или представитель шведского короля Барк, чьи симпатии к французскому клану проявились в полной мере лишь в связи с высылкой Ла Шетарди⁸⁵. Ла Шетарди был главным, но не единственным противником Бестужева; теперь предстояло удалить с политической арены его единомышленников. Маркиза арестовали на следующий день после обеда, на который он пригласил Мардефельда, Брюммера, Лестока, Румянцева и Трубецкого — всех, кто составлял основу франко-прусской группировки⁸⁶. В течение ближайших двух лет все они один за другим попались в сети, расставленные канцлером.

---

⁸⁵ Тироули, поскольку Англия и Франция находились в состоянии войны, воздержался от комментариев, но рассыпался в комплиментах великодушию Елизаветы; австриец Гохгольцер признался, что был в курсе всех махинаций француза; саксонец Герсдорф был, казалось, смущен и придерживался строгого нейтралитета; швед Барк в «горестном изумлении» сожалел о поведении Ла Шетарди и обещал прекратить какие бы то ни было отношения с французским посольством. Посланник Карла VII, Нейгауз, узнав о происшествии, задрожал всем телом, тяжело вздохнул, забормотал что-то невнятное и едва не упал (Архив князя Воронцова. Т. I. С. 459, 613).

⁸⁶ Мардефельд к королю, 23 июня 1744 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 46A. Fol. 223.

Происшествие с Ла Шетарди не прошло даром и для великого князя и его невесты, которые также общались с французом накануне ареста. Подробности интимной жизни Елизаветы, приведенные в донесениях французского дипломата, свидетельствовали о том, что сообщивший их информатор происходит из ближайшего окружения императрицы; судя по некоторым фактам, этим информатором был не кто иной, как княгиня Ангальт-Цербстская. Бестужев воспользовался случаем, чтобы разоблачить ее политические пристрастия, расписать — в сильно преувеличенном виде — ее шпионскую деятельность в пользу короля Пруссии, и влияние, которое она оказывала на императрицу; Елизавета обиделась и вскоре после свадьбы великого князя отослала его тещу из России⁸⁷. Молодая великая княгиня осталась в Петербурге, однако ее отношения с императрицей были также далеки от безоблачных. Елизавета устраивала ей сцены; царственного гнева не избежал и великий князь, которому тетушка ставила в вину его неприспособленность, безбожие, непопулярность в народе⁸⁸ (обвинения, в которых нетрудно разглядеть почерк Бестужева).

Репрессии между тем продолжались; Воронцова вынудили предъявить частные письма, адресованные ему Мардефельдом. В нарушение всякой логики, Ла Шетарди, его «сообщников» и даже великого князя с молодой супругой обвинили в том, что они готовили переворот в пользу Ивана Антоновича. Самые именитые члены группировки, прежде всего Лесток и Екатерина, бросились к ногам императрицы и пытались уверить ее в своей невиновности; вина во всем бывшего французского посланника, они тоже, на сей раз для собственной защиты, стали эксплуатировать «брауншвейгскую» тему. Пропрусские советники Елизаветы (Воронцов, Трубецкой, Ушаков), повторяя аргументы своего противника, принялись уговаривать Елизавету выслать как можно дальше Анну Леопольдовну и ее сына; без этого, говорили они, императрица никогда не сможет чувствовать себя в безопасности. В результате за

---

⁸⁷ Елизавета так сильно ненавидела княгиню Ангальт-Цербстскую, что даже нарочно ускорила свадьбу племянника, с тем чтобы побыстрее избавиться от матери его невесты; см. письмо лорда Гиндфорда к лорду Гаррингону, 2 марта 1745 г. // Сб. РИО. Т. 102. С. 231–232.

⁸⁸ Письмо Мардефельда от 26 декабря 1745 г. // GStA. Rep. 96. 55E. Fol. 215.

неосторожность маркиза де Ла Шетарди расплатилась Брауншвейгская фамилия, которую из Раненбурга Рязанской губернии перевели в Холмогоры близ Архангельска⁸⁹. Удаление Брауншвейгского семейства было не очень выгодно Бестужеву, потому что лишало его главного козыря, источника угроз и средства для шантажа; с другой стороны, при таком исходе прав оказывался в конечном счете Фридрих II — ведь это он присоветовал «сестре» поступить именно так. Как ни велики были обрушившиеся на нее напасти, «франко-прусская» партия при русском дворе все еще продолжала существовать. Мардефельд, которого Бестужев «ненавидел от всего сердца» — и который, заметим, отвечал ему тем же⁹⁰, — устоял, несмотря на все козни противника. Предусмотрительный пруссак сжег все свои бумаги и, во избежание неприятностей, попросил прислать из Берлина новый шифр⁹¹. Поскольку версальский кабинет принес Елизавете официальные извинения, Бестужев, не смущаясь тем, что в данный момент прусский король, вечный сообщник Франции, держался весьма осмотрительно, свалил всю вину на него. Он распустил слух, что Ла Шетарди останавливался в Потсдаме, чтобы затеять там вместе с прусским кабинетом новые интриги. Очевидно, что обвинение было построено по той же модели, что и в деле Ботты⁹². Однако Мардефельд, сохраняя непоколебимое спокойствие, с документами в руках опроверг легенду о пребывании

---

⁸⁹ Brückner A. Op. cit. P. 9–24.

⁹⁰ Письмо Мардефельда от 4 августа 1744 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 46B. Fol. 12.

⁹¹ Фридрих к Мардефельду, 5 июля 1744 г. // PC. B. III. S. 214–215. Через некоторое время после описанных событий хитрый дипломат написал королю: «Заметив, что письма, мне адресованные, хотя бы и заклеенные, вскрывают, беру на себя смелость смиреннейше просить Ваше Величество приказать, чтобы их не только заклеивали, но и обвязывали веревочкой поверх клея, дабы вышеуказанной неприятности избежать» (Мардефельд к королю, 20 апреля 1745 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 49A. Fol. 268).

⁹² Спустя несколько лет Фридрих писал по этому поводу: «Следовало поступить с маркизом Боттой точно так же, как поступила Франция с вами. К несчастью, в обстоятельствах столь щекотливых государи обязаны возлагать ответственность за случившееся на частных лиц; согласитесь, что когда обрушились на вас в Санкт-Петербурге гонения, каковых не удалось вам избежать, не в интересах французского двора было принимать сие на свой счет и открыто ссориться с Россией» (Фридрих к Ла Шетарди, 1 апреля 1749 г. // PC. B. IV. S. 469).

Ла Шетарди в Берлине; внешне все встало на свои места, но отношения между Версалем, Потсдамом и Петербургом были отравлены взаимными подозрениями.

Око за око, зуб за зуб

Летом 1744 года франко-прусскую группировку поразил страшный удар; Елизавета наконец решила назначить преемника канцлеру Черкасскому, умершему два года назад, и этим преемником (отчасти под влиянием истории с Ла Шетарди) стал не кто иной, как Бестужев. Пост вице-канцлера получил Воронцов, которого это назначение обязывало держаться более скромно и соблюдать известный нейтралитет. Все надежды врагов Бестужева на его скорое падение развеялись как дым. Фридрих тотчас изменил курс; из Берлина поступило указание «сделать из нужды добродетель» и «извлечь из бедствия, которого мы не в силах избежать, всю пользу, какую только возможно». Мардефельду, который несколько месяцев вел с Бестужевым ожесточенную борьбу, теперь было велено завоевывать, по мере возможности, дружеское расположение и доверие новоназначенного канцлера, «нечувствительно смягчать» его отношение к королю Пруссии⁹³. У Мардефельда, конечно, оставался надежный и послушный союзник в лице Дальона; француз, довольный тем, что наконец обрел пост с большим жалованием, во всем слушался прусского собрата⁹⁴. Впрочем, поскольку на Дальоне лежала тень от прегрешений его предшественника, сам же он был человек недалекий, союз с ним не столько помогал Мардефельду, сколько его компрометировал. Резкая перемена в поведении обоих дипломатов, которые внезапно стали держаться с Бестужевым донельзя почтительно и льстиво, показалась подозрительной. При дворе и вообще среди знати Мардефельда и Дальона начали сторониться, их перестали приглашать на официальные церемонии. Ни разу за время своей службы в Петербурге прусский и французский посланник не оказывались в такой изоляции. А между тем представителю прусского короля не в чем было себя упрекнуть. Нарушая предыдущие

---

⁹³ Подевилльс к Мардефельду, 18 августа 1844 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 46B. Fol. 42–44.

⁹⁴ Шметтау к королю из Меча, 17 сентября 1744 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 46B. Fol. 112.

приказания своего государя, он никогда публично не нападал на Бестужева; он ограничивался мелкими интригами, тонкими намеками, пересказом слухов и сплетен. Главное свое дело он видел в том, чтобы завязывать отношения с придворными, пользовавшимися расположением императрицы, и привлекать их на свою сторону. Впрочем, будучи человеком не слишком светским, Мардефельд не умел покорять новых людей и предпочитал иметь дело с проверенными союзниками. Успеха он мог бы добиться лишь в том случае, если бы склонил на сторону Пруссии богатейшее английское посольство, а для этого ему следовало хотя бы для видимости отречься от союза с французами. Пойти на такой шаг и сделать ставку одновременно на обоих потенциальных союзников Пруссии Мардефельд не решился, соперничать же с Тироули ему не позволял недостаток средств. С Дальюном они по крайней мере полюбовно разрешили финансовую проблему. Когда дело шло о крупных политических интригах, прежде всего о сохранении завоеванных территорий, Фридрих умел идти на компромиссы и не ссорился ни с Людовиком XV, ни с Георгом II, однако в мелочах он был не силен. Экономия обходилась чересчур дорого: оттого, что Фридрих пытался возместить недостаток денег, выделяемых для посланника в Петербурге, обилием хитростей, Мардефельд жил в русской столице в полной изоляции.

Случай избавиться от неудобного посланника представился Бестужеву очень скоро; помощь в этом деле ему охотно оказал Розенберг, новый австрийский посол, с завистью взиравший на роскошный особняк, где располагалось прусское посольство. За обедами во дворце враги Мардефельда между прочим упоминали о его дружбе с Остерманом и Минихом, прозябавшими в сибирской ссылке, о сомнительной роли Фридриха II в делах Ботты и Ла Шетарди, о родственных узах между Гогенцоллернами и Брауншвейгским домом... По самым невинным поводам в этих беседах всплывало имя малолетнего Ивана. После нескольких недель подобной «обработки» царица не выдержала и потребовала отозвать Мардефельда. Прусский кабинет выразил протест; никаких доказательств, которые неопровержимо свидетельствовали бы о том, что посланник Фридриха виновен в предательстве и шпионаже, русская сторона предоставить не могла. Возражения, однако, никакого действия не возымели. Чтобы выиграть время, пруссаки притворились, будто уступают требованиям Елиза-

веты. Подевилъс предложил на место Мардефельда кандидатуры, неприемлемые для Бестужева, например, бывшего секретаря посольства Фокеродта, который говорил по-русски, был лично знаком с Петром I и потому мог рассчитывать на особенно доброе отношение его дочери. Живя в Пруссии, Фокеродт вел переписку с Лестоком и потому был в курсе всех петербургских интриг, что также давало ему большие преимущества. Неудивительно, что на предложение заменить Мардефельда Фокеродтом из Петербурга ответили отказом: столь тесные связи с русской элитой помешали бы новому посланнику сохранять нейтралитет. «Проделки Бестужева» — откомментировал ситуацию искушенный в дипломатических делах Подевилъс. Он не сомневался, что теперь канцлер подкапывается под лейб-медика Елизаветы — Лестока⁹⁵.

В Берлине поняли, что на должность прусского посланника требуется человек, который сочетал бы большой дипломатический опыт с (мнимой) неосведомленностью в русских придворных делах. Этим требованиям вполне соответствовал другой кандидат — прусский посланник в Стокгольме Карл Вильгельм Финк фон Финкештейн. Поскольку он превосходно разбирался в обстановке на севере Европы, он сумел бы за несколько недель свыкнуться с политическими и дипломатическими обычаями русского двора. Однако Мардефельд, в глубине души страстно желавший покинуть опостылевший и враждебный Петербург, уехал оттуда не сразу: путешествия по зимним российским дорогам были сопряжены с множеством опасностей, и отъезд пришлось отложить до весны 1746 года, то есть до того самого времени, когда Елизавета начала готовиться к возобновлению русско-австрийского договора об оборонительном союзе, заключенного в 1726 году. Наступал конец трудного, но увлекательного периода, когда были возможны самые разные дипломатические союзы. Жизнь французского и прусского посланников в Петербурге сделалась невыносимой: за каждым их шагом следили, о каждом жесте доносили, каждое подозрительное слово брали на заметку. Приемы при дворе и аудиенции у императрицы сделались для Мардефельда и Дальона сущей пыткой; никто не желал иметь с ними дела, и даже лучшие друзья не осмеливались общаться с ними на публике.

---

⁹⁵ Фридрих к Подевилъсу, 3 декабря 1745 г. // РС. В. IV. S. 358–359.

Наветы, обвинения в шпионаже (впрочем, не столь уж необоснованные), оплошности самих посланников разрушили единство франко-прусского лагеря, посеяли рознь между иностранными дипломатами и русскими сановниками, настроили Сенат против Людовика и Фридриха. Ла Шетарди, один из главных организаторов переворота, возведшего Елизавету на престол, уже покинул Россию; за ним собирался последовать его единомышленник Мардефельд. Начинался новый период, и система двора, прежде открытая для любых социальных и политических влияний, должна была претерпеть изменения, упроститься в ущерб франко-прусскому союзу и тем, кто его поддерживал. Русский двор эволюционировал в направлении, обратном тому, в каком развивалась политика всей Европы.

Глава седьмая

ЛЮДИ «СТРОПТИВЫЕ, ПОДАВЛЕННЫЕ, СБИТЫЕ С ТОЛКУ»⁹⁶

Соперничество между русскими людьми, принадлежавшими к разным слоям знати, осложнилось из-за связей Романовых с двумя династиями, претендовавшими на русский престол: Голштинским и Брауншвейгским домами. Берлин и Париж весьма неумеренно вмешивались в решение этого внутреннего вопроса, делая ставку разом и на возможное возвращение Ивана Антоновича, и на преждевременное восхождение на престол великого князя Петра Федоровича. Бестужев же и его партия, поддерживаемые Лондоном и Веной, после дела Ботты избегали обсуждения этой щекотливой темы, а если и обращались к ней, то только для того, чтобы обернуть ее во вред своим противникам. Когда разразился скандал с Боттой, они очень вовремя осадили назад, а затем, выждав, отомстили, добившись высылки Ла Шетарди и отзыва Мардефельда.

Австро-британский клан, твердо вознамерившийся «взять верх», решил начать с устранения Лестока и Брюммера: их «головы» должны были «слететь незамедлительно»⁹⁷. Если прежде при русском дворе наибольшим влиянием пользовались Австрия, а затем Франция, то после 1744 года пальма первенства перешла к Англии. Представители Марии-Терезии, памятуя о деле Ботты, вели себя более чем сдержанно и прятались за спинами своих британских коллег. Фридриху предстояло сделать выбор: либо уступить требованиям англичан, предав тем самым французских союзников и своих русских друзей⁹⁸, либо продолжать хранить верность (относительную) Людовику XV и тем поставить самого себя в крайне затруднительное положение.

---

⁹⁶ Из письма Фридриха к Финкенштейну от 26 августа 1747 г. // РС. В. V. S. 471.

⁹⁷ Фридрих к Мардефельду, 25 января 1744 г. (со слов Финкенштейна, в эту пору посланника в Стокгольме) // РС. В. III. S. 20.

⁹⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI. С. 255 и след.

Лесток и Брюммер — новые жертвы австро-британской партии — дополняли друг друга. Брюммер пользовался репутацией человека последовательного, покладистого и преданного своим друзьям (качества, если верить Дальону, в России чрезвычайно редкие). Флегматичный и невозмутимый, он умел умирять чересчур живого Лестока. Пылкий француз говорил откровенно со всеми, включая императрицу, и нередко даже злоупотреблял своей непосредственностью. Он играл при дворе очень важную роль, ибо пересказывал своей августейшей пациентке все придворные слухи, впрочем, охотно видоизменяя их в соответствии с собственными симпатиями и антипатиями⁹⁹. Тесно связанные с женским кланом, в который входили родственницы императрицы, Лесток и Брюммер составляли костяк франко-прусской группировки при русском дворе. Оба пользовались абсолютным доверием Ла Шетарди и Мардефельда, а позже Дальона и Финкенштейна, хотя Лесток, более отважный, более умный, да и более могущественный, вызывал больше симпатий. Единомышленники собирались в доме Брюммера, обсуждали способы борьбы с переменчивым нравом чувствительной Елизаветы и коварством общего врага — Бестужева и поддерживающего его австро-английского клана. Как и его друзья-дипломаты, Лесток, единственный, кто осмеливался выступать против канцлера, пережил пик своей славы в 1743–1744 годах. В эту пору Елизавета решила даже включить его в число участников Императорского совета, что не могло не встревожить противников француза. Не смея в открытую спорить с царицей (она не терпела несогласных), Бестужев принялся настраивать против него других сановников. Отговорить Елизавету от назначения на столь высокий пост иностранца попытался фельдмаршал Долгорукий, но царица «заткнула ему рот», возразивши, что «без г-на Лестока не сидела бы она на русском престоле, да и сам Долгорукий томился бы в темнице»¹⁰⁰. На заседаниях совета Лесток попытался развить бурную деятельность, но чувствовал себя там очень одиноко: остальные члены совета прислушивались к его мнению только из почтения к государыне, а втайне обдумывали способы окончательно его скомпрометировать...

За исключением Воронцова и Румянцева, положиться Лестоку было практически не на кого. Генерал-прокурор Сената

⁹⁹ Дальон к Амело, 17/28 мая 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 287.

¹⁰⁰ Дальон к Амело, 25 июня 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 32.

князь Трубецкой казался французам «храбрейшим и предприимчивейшим из всех, кто в этой стране обитает»¹⁰¹, Фридрих же, не доверявший никому из представителей старинного русского дворянства, утверждал, что у Трубецкого непостоянный нрав и дело с ним иметь невозможно¹⁰². С годами прокурор отдалился от тех соотечественников, которые мечтали посадить на трон малолетнего Ивана Антоновича и править государством от его имени. Знатное происхождение Трубецкого заставляло его сторониться тех, кто возвысился в царствование Петра I, не говоря уже о людях столь сомнительных, как лейб-медик Лесток и гофмаршал великого князя Петра Федоровича Брюммер, однако общая ненависть к Бестужеву способствовала их сближению. Надежного союзника (также недооцененного прусским королем) имели заговорщики в лице главы Тайной канцелярии Ушакова. Пруссак допускали грубейшую ошибку, презирая потомков бояр и делая ставку исключительно на деятелей петровского времени, чья цивилизованность на поверку нередко оказывалась мнимой.

В начале елизаветинского царствования, в 1742 году, Лесток, Мардсфельд и Ла Шетарди поддерживали Бестужева в его стремлении занять высокую государственную должность; другие русские кандидаты не справились бы с управлением иностранными делами. У Бестужева же, некогда члена русского посольства, отправленного Петром I на Утрехтский конгресс, имелся обширный дипломатический опыт; он прекрасно говорил по-немецки и по-французски, знал не понаслышке западные нравы. Казалось, что именно он сможет продолжать политику великого царя, вести Россию по пути прогресса и способствовать ее окончательному вхождению в европейскую систему. Елизавета, однако, отнеслась к кандидатуре Бестужева весьма прохладно. Однако в конце концов разум одержал победу над чувствами¹⁰³.

Алексей Петрович Бестужев и его старший брат Михаил Петрович составляли непобедимый дуэт. Род Бестужевых-Рюминых происходил, по легенде, от англичанина Беста, в 1403 году

---

¹⁰¹ Там же. Французы предпочитали иметь дело со старинной русской знатью, несмотря на ее очевидные симпатии к Габсбургам. Они надеялись, что русские «возвратятся к своим прежним принципам и станут вновь тем, чем были до Петра Великого» (Ле Шамбрье к королю, 29 декабря 1741 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 123. Vol. 252).

¹⁰² Фридрих к Мардсфельду, 11 февраля 1744 г. // РС. В. III. S. 28–29.

¹⁰³ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI. С. 116, 127–128.

явившегося в Москву служить великому князю Василию Дмитриевичу. Братья Алексей Петрович и Михаил Петрович числились в союзниках многих военных — тайных сторонников Брауншвейгского семейства, а следовательно, и многих представителей старинной знати. Особенно большую опасность представлял старший брат, профессиональный дипломат и обер-гофмаршал, злоязычный интриган, который умело привлекал или покупал сообщников без всякого разбора, ибо ценил в собственном клане не столько качество, сколько количество. В 1744 году обе группировки, и бестужевская, и лестоковская, находились примерно в равной силе, поэтому каждая из партий постоянно пополнялась за счет перебежчиков из противоположного лагеря, озабоченных собственной карьерой. Разобраться во всем этом было чрезвычайно трудно. Фридрих жаловался своему генерал-фельдцейхмейстеру Шметтау: «Что до нынешней российской системы, то составить о ней мнение весьма затруднительно, ибо система эта поминутно меняется и черное в ней превращается в белое»¹⁰⁴. Фридрих, не оставлявший намерения вмешаться во внутренние дела России, мечтал если не погубить Алексея Петровича Бестужева-Рюмина окончательно, то по крайней мере расстроить его «дуэт» со старшим братом. Разве участие его жены, урожденной Головкиной, в заговоре Ботты было недостаточным основанием для того, чтобы отдалить от двора мужа? Анну Петровну Бестужеву приговорили к наказанию кнутом и высылке в Сибирь; для озабоченного собственной карьерой супруга это было прискорбное пятно в биографии, и он был весьма заинтересован в том, чтобы смыть его доблестной службой за границей. По наущению прусского посланника Лесток стал уговаривать Елизавету послать Михаила Петровича Бестужева-Рюмина в Берлин — только при дворе Фридриха подозрительный дипломат находился бы под надежным контролем. Король считал, что безопаснее иметь противника в непосредственной близости. Императрица вначале согласилась, но через полгода, доверяясь, как и всегда, собственной интуиции, предпочла перевести Михаила Петровича в Саксонию¹⁰⁵ — конечно, это было не так удобно для членов франко-прусской группировки, однако частично они своей цели добились и торжествовали: «Удар убийственный и для него, и для брата, и для приспешни-

¹⁰⁴ Фридрих к графу фон Шметтау в Мец, 31 августа 1744 г. // РС. В. III. S. 261–262.

¹⁰⁵ См.: Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder. Т. II. S. 325.

ков их [...] ожидать можно оттого всяческих выгод, ибо он был душою этой партии»¹⁰⁶. Фридрих, однако, желал большего: отставки канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, его ссылки в Сибирь, может быть, даже его смерти. Король знал о том, что императрица не вполне доверяет Бестужевым, и полагал, что настала пора этим воспользоваться. Он дал своему посланнику недвусмысленное указание — с Алексеем Петровичем не церемониться¹⁰⁷. Осторожный Мардефельд умолял своего государя не торопиться. Как можно отречься от того, кого ты сам же три года назад предлагал? В 1744 году единственным, кто мог реально претендовать на место Бестужева, был Трубецкой, однако много ли выиграла бы Пруссия от такой замены? Фридрих внял доводам посланника: генерал-прокурор Сената имел те же недостатки, что и Бестужев, а ума и дерзости у него было, пожалуй, даже больше; вполне могло случиться так, что «со временем он сделался бы еще опаснее, чем граф»¹⁰⁸. В самом деле, что опаснее, ум или коварство? Фридрих мечтал о том, чтобы посадить на место канцлера Российской империи человека безвольного, марионетку, которая исполняла бы все указания, поступающие из Пруссии и Франции (а то и из одной только Пруссии).

В дальнейшем, однако, события сложились благоприятно не для франко-прусской группировки, а для «неправедного министра», который очень скоро показал свое истинное лицо — лицо человека расчетливого, грубого, чрезвычайно умного и, несмотря на недостаток гибкости, непобедимого. Бестужев превосходно владел искусством не принимать решений и не исполнять обещаний. Порой он ссылался на то, что был пьян и не помнит, о чем шла речь накануне, порой начинал заикаться и не доканчивал невыгодную для себя фразу¹⁰⁹. Дальону и Мардефельду, озабоченным налаживанием контактов в русской среде, пришлось довольствоваться общением с деятелями второго плана. В 1744 году, когда многое еще казалось возможным, прусский король, беря пример с англичан, даже отказался от своей «заветной экономии»¹¹⁰ и решил раскошелиться. Он дарил фаворитам

---

¹⁰⁶ Ла Шетарди к Амело, 1/12 марта 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 216.

¹⁰⁷ Фридрих к Мардефельду, 26 января 1744 г. // РС. В. III. С. 17–18.

¹⁰⁸ Фридрих к Мардефельду, 17 февраля 1744 г. // РС. В. III. С. 33–34.

¹⁰⁹ См. портрет графа А. П. Бестужева-Рюмина в изд.: *Lebenslauf des vor-maligen Grosskanzlers Grafen Alexej Bestuschef-Rjumin* // *Magazin für eine neue Historie und Geographie*. Hamburg. 1769. S. 415–432.

¹¹⁰ Ла Шетарди к Амело, 15/26 марта 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 230–231.

Елизаветы щедрые подарки, осыпал дарами и милостями Кирилла Григорьевича Разумовского, брата фаворита; молодые русские дворяне, отправлявшиеся в Европу, были желанными гостями в Потсдаме (равно как и в Версале). На Западе закрывали глаза на поведение русских за границей: попойки, дуэли, любовные похождения. На помощь «своей» партии пришел Карл VII: он признал за Елизаветой императорский титул, присвоил Брюммеру, Лестоку и Алексею Разумовскому титулы графов «Священной Римской империи германской нации» — дабы увеличить их преданность германским интересам. Первых двух нечего было и убеждать, в случае же с Разумовским, начисто лишенным политического таланта, награды пропали даром. Единственным достоинством морганатического супруга Елизаветы было его абсолютное нежелание вмешиваться в государственные дела. Бестужев тем временем воспользовался случаем, чтобы заклеить вмешательство иностранных держав во внутренние дела России и бросить тень на отмеченных Карлом VII. «Императрица может и сама наградить своих подданных», — ворчал он, оскорбляя самолюбие Разумовского (очень гордого своим новым титулом). Брюммер и Лесток, заподозрив неладное, постарались избежать огласки; боясь оскорбить Елизавету, которой было приятно возвышение ее любовника, они отложили объявление о своих новых титулах на будущее. Еще одна отсрочка...

Женский люд

Летом 1744 года Бестужев был сделан канцлером, а его прежнюю должность — должность вице-канцлера — получил граф Воронцов, что было хорошо для франко-прусской группировки, но отнюдь не компенсировало ущерба, причиненного первым назначением. Женатый на двоюродной сестре императрицы, Воронцов легко мог иметь доступ к императрице еще до заседаний Императорского совета. Анна Карловна Воронцова, женщина умная и любезная (хотя и любящая позлословить), презирала Бестужева за грубость и невоспитанность; сам Воронцов был человек честный — быть может, даже чересчур честный — и вдобавок робкий; кроме того, новое назначение связывало чете Воронцовых руки, заставляло их действовать с большей осмотрительностью. Фридрих еще осенью 1745 года видел в Воронцове «одного из лучших своих друзей»¹¹¹ и передавал через него Ели-

---

¹¹¹ Фридрих к Мардефельду, 10 сентября 1745 г. // РС. В. IV. S. 278.

завете свои частные соображения, подтверждавшие его официальные декларации. Михаил Илларионович Воронцов, полагал король, — собеседник бескорыстный и сдержанный, но полезный. Увы, и этот расчет был ложным: единственный русский «адвокат» Фридриха в Петербурге не имел при дворе никакой реальной власти; Бестужев старался не посвящать Воронцова, второго человека в правительстве, в государственные дела; канцлер сообщал вице-канцлеру далеко не всю информацию, а ту, какую сообщал, нередко искажал. В 1745 году Бестужев даже ухитрился лишить Воронцова доступа к императрице. Тогда вице-канцлер принял неожиданное решение: осенью он отправился в многомесячное путешествие по Западной Европе и побывал в Австрии, Пруссии, Голландии и Франции. Посещая европейские дворы самой разной политической ориентации, он рекомендовался чрезвычайным послом своей страны и надеялся таким образом приобщиться к международной политике. В Вене и Гааге Воронцова постарались, посредством лести и подарков, удержать как можно дольше: его отсутствие в Петербурге развязывало руки Бестужеву¹¹². Напротив, для франко-прусской группировки отъезд Воронцова оказался губительным, как в плане придворных связей, так и в отношении дипломатическом¹¹³.

Воронцов отправился в путешествие с женой. Анна Карловна, урожденная Скавронская, возглавляла женскую группировку, которую составляли племянницы Екатерины I. Зачастую придворные дамы имели на императрицу больше влияния, чем ее министры, из которых одни были прежде ее любовниками, а другие в любовники не годились, и потому она обращалась с ними, как с лакеями. Эти женщины, которые несмотря на свое низкое происхождение, в 1720-е годы оказались на самой вершине придворной иерархии, играли с Елизаветой в ту пору, когда она была еще ребенком, поощряли ее ранние любовные увлечения, устраивали ей свидания с поклонниками, причем происходило все это во дворце, под неусыпным надзором тайной полиции Анны Ивановны. Императрица питала к ним искреннюю благодарность и — знак высшего доверия с ее сторо-

---

¹¹² Претлак к Ульфельду, 5 мая 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27 (апрель–июль 1746 г.). Fol. 66.

¹¹³ <Le marquis de La Chetardie à propos du grand chancelier Bestouchev> [Маркиз де Ла Шетарди о канцлере Бестужеве], апрель 1748 г. // ААЕ. СР. Russie. T. VII. Suppl. Fol. 86–88.

ны — даровала им почетное право чесать ей пятки перед сном. После отъезда Воронцова франко-прусская партия потеряла своего «впередсмотрящего», надежного лазутчика, знавшего обо всем, что происходило в императорском дворце. Анна Карловна, командовавшая этим семейным двором, имела право в любое время входить в покои императрицы и выслушивать ее признания. Вплоть до самого отъезда за границу графиня Воронцова хранила верность посланникам Фридриха II и Людовика XV. Избегая принимать слишком непосредственное участие в политических интригах, она довольствовалась пассивной ролью «связной» — либо пересказывала там и сям «мудрые советы» своего мужа, либо приуготовляла Елизавету к их восприятию. Европейское путешествие заставило ее примкнуть к другой партии. В Петербурге в ее клан входила, среди прочих, Екатерина Андреевна Чернышева (урожденная Ушакова), дочь главы Тайной канцелярии, жена графа Петра Григорьевича Чернышева, русского посланника в Берлине в 1742–1746 годах. Надменная, любящая роскошь, графиня не одобряла скромности потсдамского церемониала и воспринимала ее как личное оскорбление, причем вскоре чувство это превратилось в глубокую ненависть к королю Пруссии. Графиня Воронцова была ничуть не меньше оскорблена французскими нравами: ведь ее, двоюродную сестру императрицы, лишили в Версале права сидеть на табурете в присутствии короля¹¹⁴. Обе дамы начали вносить разлад во «франко-прусскую» партию: одна ненавидела Фридриха, другая осуждала Людовика. Графини отпускали нелестные реплики на счет западных государей — грубиянов, относящихся без должного почтения к достоинству русской императрицы, и их рассказы сыграли не последнюю роль в перемене, которую претерпели политические симпатии Елизаветы в мае 1746 года.

Еще одна двоюродная сестра императрицы, Мария Семеновна Гендрикова, вышедшая замуж за камергера Чоглокова, была сделана обер-гофмейстериной великой княгини Екатерины; же не наследника она оказывала те же услуги, что некогда самой Елизавете, — покровительствовала ее тайным любовным похождениям, впрочем, не делая из них большого секрета. До отъезда Воронцова в путешествие Чоглокова была его любовницей

---

¹¹⁴ В ту пору единственными иностранками, которые обладали этим правом, были испанские принцессы; однако русские дамы не желали принимать это в расчет.

и принадлежала к франко-прусской партии, однако властолюбие и круг знакомств сделали ее начиная с 1746 года сторонницей Бестужева и его клана. Другая Гендрикова некоторое время состояла в браке с неким Самойловым, авантюристом, которому по случаю женитьбы присвоили звание бригадира и чин камер-юнкера; счастливый супруг очень скоро убедился в неверности молодой жены и собрался ее поколотить, в гневе совсем забыв о ее августейшей родственнице. Елизавета, сама того не зная, повела себя как настоящая феминистка: немедленно развела супругов и выгнала негодяя-мужа из дворца. Легкомысленная и неумная, Гендрикова, однако, в обмен на пустяковые подарки оказывала некоторые мелкие услуги клану Лестока: сообщала имена приглашенных к императорскому столу, передавала письма и проч.

Отъезд Воронцовых лишил франко-прусскую партию существенной поддержки: их отсутствие усилило опасную соперницу — жену канцлера, первую статс-даму Анну Ивановну Бестужеву. Если верить «Запискам» барона Фридриха фон дер Тренка, авантюриста и заклятого врага Фридриха II, государством управляла в первую очередь именно она¹¹⁵. Тренк, знаменитый своими любовными похождениями, не обошел своим вниманием и супругу канцлера. Анна Ивановна, урожденная Беттигер, была единственной, кто вызвал симпатию прусского юнкера, бранившего русский двор за скудость интересов и познаний. Тем не менее он описывает Бестужеву, не жалея яду и впадая в очевидные преувеличения. Так, он утверждает, что правила Россией и самолично решала, быть в стране войне или миру, именно Бестужева, канцлер же был якобы лишь марионеткой в руках жены, женщины умной и хитрой, державшейся более величаво, чем императрица. Тренк считает их брак несчастливым, поскольку в характере канцлера сочетались такие разнородные свойства, как хитрость, эгоизм, слабость и скарденность. Анна Ивановна была полностью предана англичанам, щедро оплачивавшим ее услуги. 1000 дукатов, которые получила от Дальона ее соперница княгиня Трубецкая, или 4000 рублей, которыми поделился Мардефельд с мужем княгини, генерал-прокурором Сената, не шли ни в какое сравнение с тысячами фунтов стерлингов, пополнявшими семейный бюджет Бестужевых. А д'Аржансон еще укорял своего посланника за неразумную трату денег на людей, которые «мнят,

---

¹¹⁵ *Trenck F. von. Merckwürdige Lebensgeschichte. Berlin, 1786. B. I. S. 164 sq.*

что находятся на содержании у французского королевства»¹¹⁶... Куда ни глянь, экономная политика министров лишила посланников какой бы то ни было свободы действия.

Некоторые женщины становились статс-дамами благодаря весьма своеобразным родственным связям: Елизавета любила покровительствовать родственницам своих любовников. С невесткой фаворита Ивана Ивановича Шувалова, Маврой Егоровной Шуваловой, своей давней любимицей, Елизавета обсуждала политические вопросы и нередко прислушивалась к ее советам. Однажды Мавра Егоровна обнаружила, что муж изменяет ей с дочерью канцлера, и возненавидела все семейство Бестужевых. Между тем любвеобильный муж, Петр Иванович Шувалов, управлял всеми финансами Российской империи; он ввел монополии и откупа, часть которых отошла в его собственное пользование; благодаря принадлежавшим ему табачным откупам, северным рыбным промыслам, лесам Шувалов составил себе огромное состояние. Чтобы ревность жены не помешала его карьере, он представил виновником адюльтерной истории самого канцлера, бесчестного отца, который якобы продал ему, Шувалову, свою дочь за большие деньги. Дело замяли, любовная связь распалась, но скандал ослабил позиции обоих государственных мужей: на публике Елизавета любила демонстрировать величайшую стыдливость¹¹⁷. Окончательно рассорившись с канцлером, терзаемый сожалениями и нечистой совестью, Шувалов примкнул (по расчету) к франко-прусской партии, в чем его деятельно поддерживала жена, всегда готовая дать бой Бестужеву¹¹⁸. Клан Шуваловых, Румянцевых и Трубецких, хотя и становился нередко предметом анекдотов, после 1744 года составлял главную опору для Фридриха, которому приходилось оплачивать эту поддержку кружевами, табакерками, бутылками, не говоря уже о звонкой монете.

Впрочем, в том, что касалось отношений с женским племенем, Берлин и Париж действовали по-разному. Фридрих не

---

¹¹⁶ Ла Шетарди к Амело, 15 февраля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 184–185.

¹¹⁷ Петцольд (саксонский посланник) к королю Фридриху-Августу, 29 октября 1742 г. // Сб. РИО. Т. 6. С. 448–449. См. также: О повреждении прав в России князя М. Щербатова... Факсимильное издание. М., 1983. С. 62–63.

¹¹⁸ Всякая их встреча сопровождалась оскорблениями, упреками и бранью; см. письмо Финкенштейна от 11 августа 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56B. Fol. 48–50.

считал необходимым подкупать подруг императрицы и тратил деньги только на подарки самым заметным из придворных, особенно если знал, что они стоят на его стороне. Сама идея заигрывания с двором, где все решают женщины, была ему глубоко отвратительна; он не слушал советов Мардефельда и презирал женское окружение императрицы — третью по счету силу, распоряжавшуюся в Зимнем дворце, после фаворитов и иностранных посланников. Пруссак тратил деньги с оглядкой, а в стране, где со времен Екатерины I власть принадлежала женщинам, такое поведение было неуместным. Французы тоже не проявляли особой щедрости, но они понимали, что в первую очередь следует угождать дамам и через них завоевывать расположение царицы; д'Аржансон после долгих колебаний все-таки пошел на подкуп ближайших подруг Елизаветы. Супруга генерал-аншефа Румянцева, «статс-дама, пользующаяся особыми милостями императрицы», и княгиня Долгорукая, урожденная Голицына, «принадлежащая к самому лучшему придворному обществу», получали от французов вознаграждения от 4000 до 6000 ливров серебром наличными¹¹⁹. С помощью фавориток французы стремились привлечь на свою сторону старинную знать, что же касается родственниц императрицы, не блещущих родословной, то их французские дипломаты сторонились, что лишний раз свидетельствует о прохладном отношении Версаля к петровской служилой аристократии. Для Берлина, напротив, разница между новой и старой знатью большого значения не имела. Такое распределение интересов и денег могло бы составить силу франко-прусского союза. Однако обилие мелких придворных интриг сбивало дипломатов с толку и мешало им действовать слаженно.

Круги общения

Система кланов распространялась, среди прочего, и на приглашения в частные дома. Все события светской жизни контролировались Бестужевым. Если иностранный посланник давал ужин или бал, он посылал список приглашенных канцлеру. Следовало ни на минуту не забывать о системе группировок¹²⁰

---

¹¹⁹ Дальон к д'Аржансону, 8/18 марта 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 136.

¹²⁰ Тренк (Op. cit. В. I. S. 164) говорит о «Familienfaktionen» — семейных группировках.

и, приглашая друзей или членов бестужевского клана, обходить стороной единомышленников Воронцова или Лестока... Головоломная задача для иностранца, особенно если в число гостей входила сама императрица. В результате вечера проходили очень скучно, на всех лицах было написано уныние, придворные танцевали «серьезно, как на похоронах»¹²¹. Французы и пруссаки стали поэтому устраивать приемы реже, что вызывало неудовольствие Елизаветы, жадной до развлечений и гастрономических радостей¹²². В отношениях между собой дипломаты пренебрегали расстановкой сил на политической арене: они посещали друг друга даже в те периоды, когда их страны находились в состоянии войны или когда между их государями возникали конфликты. Мардефельд регулярно встречался с новым английским посланником Гиндфордом, который позже стал крестным отцом сына Финкенштейна. Дальон тоже ценил общество британского дипломата — человека образованного и веселого; отношения между англичанином и французом сделались настолько тесными, что газеты (по всей вероятности, с легкой руки Бестужева) постоянно уделяли им особое внимание; «журналисты» подмечали мельчайшие детали очередного обеда, пользовались любой возможностью порассуждать на дипломатические темы — и, разумеется, исказить существующую картину. Выведенный из терпения д'Аржансон попросил Дальона встречаться с британским коллегой на какой-нибудь нейтральной территории, желательно вдалеке от чужих глаз, чтобы не давать больше пищи газетчикам¹²³. Дальон просьбу выполнил охотно, ибо ни бюджета посольства, ни собственных сбережений посланника на петербургскую светскую жизнь уже не хватало¹²⁴.

У Бестужева имелась собственная свита, привязанная к канцлеру не столько из честолюбия, сколько из корысти. На первом месте в этой группе придворных стоял Разумовский. Обер-егермейстер плохо разбирался в политике, не знал ни одного иностранного языка¹²⁵, любил тратить деньги и льнул к самым бога-

---

¹²¹ Претлак к Ульфельду, 5 мая 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27 (апрель–июль 1746 г.). Fol. 64.

¹²² *Trenck F. von der.* Op. cit. B. I. S. 164 sq.

¹²³ Письмо д'Аржансона от 29 октября 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLIX. Fol. 48.

¹²⁴ Письмо Дальона от 6/17 мая 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVIII. Fol. 228.

¹²⁵ Мардефельд к королю, 6 февраля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55C. Fol. 48–49.

тым (например, к Гиндфорду) в надежде пополнить свой кошелёк¹²⁶. Черкасов, правая рука канцлера, произвел впечатление даже на хладнокровного Дальона: «человек до чрезвычайности грубый и безжалостный», он, по мнению французского посланника, особенно виртуозно владел искусством «пользоваться слабостями государыни»¹²⁷. В этом же ряду следует назвать и Петра Семеновича Салтыкова, «старого дурака и болтуна»¹²⁸, который своими шумными ссорами с обер-егермейстером вселял надежды — впрочем, совершенно напрасные — в сердца франкофилов. В союзниках Бестужева долгое время числился и камергер Чоглоков (что же касается его жены, то она приняла сторону канцлера несколько позже); в задачу Чоглокова входило надзирать за великим князем, примечать его слабости и изобретать способы возратить престол Ивану. Князь Иван Андреевич Щербатов превосходно владел искусством финансовых махинаций. Бывший русский посланник в Англии, он контролировал денежные расчеты между Лондоном и Петербургом: здесь дело шло о крупных суммах, о сомнительных сделках, о тайных финансовых вложениях, на фоне которых не слишком дорогие подарки и не слишком крупные суммы, подносимые французами, выглядели легковесно и несерьезно. Бестужев помог Щербатову сделаться сенатором, чем укрепил свои позиции в борьбе с Лестоком. Наконец, в партию канцлера входил самый цвет армии, что особенно много значило в военное время. Генералы Бутурлин, Апраксин и Ливен принадлежали к проавстрийскому лагерю (исключение на этом фоне составлял старый князь Репнин, придерживавшийся иных взглядов). Все эти генералы начали свое восхождение по служебной лестнице еще при Петре; оказывая мелкие услуги Розенбергу или Гиндфорду, сообщая им украдкой кое-какие сведения о состоянии и размещении войск, они зарабатывали себе существенную прибавку к жалованию. К концу войны за Австрийское наследство поведение русских, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, определялось прежде всего их финансовыми отношениями, однако никакие подарки не могли радикально изменить основ-

---

¹²⁶ Троттен к Ла Салю, 6 октября 1747 г. // ААЕ. CP. Russie. T. L. Fol. 356.

¹²⁷ Письмо Дальона, около 22 марта/2 апреля 1745 г. // ААЕ. CP. Russie. T. XLVI. Fol. 160.

¹²⁸ Претлак к Ульфельду, 29 августа 1746 г. // ННStA. Russland II. Berichte 27. Avril–juin. Fol. 10.

ную расстановку сил: власть принадлежала клану Бестужева. Хотя и Людовик, и Фридрих читали донесения своих посланников, они не смогли вникнуть в особенности русской психологии, не смогли оценить местный девиз: «зима была долгая, а это на языке Московии означает: дайте мне взятку»¹²⁹. А Фридрих из-за ухудшения отношений с Австрией продолжал урезать и без того не слишком большие суммы, какие выделял на подкуп Бестужева в благословенных 1743 и 1744 годах...

«Молодой двор» составлял особый мир. Карл-Петер-Ульрих, герцог Голштинский, хотя и превратился в великого князя Петра Федоровича, не пользовался любовью своих будущих подданных. Он приехал в Петербург в 1742 году; в ту пору это был очаровательный юноша, почти ребенок — к великой радости представителей всех кланов, которые полагали, что наследником легко будет управлять. Однако очень скоро выяснилось, что великий князь пошел по плохой дорожке: в свои девятнадцать он выглядел таким «изнуренным и высохшим», что напоминал более всего «ходячий скелет». Тощий, «как палка», «с головой не больше яблока и ногами не толще сургучных палочек»¹³⁰, он, однако же, не чуждался ни игры, ни вина, а точнее, водки, которую потреблял в неумеренных количествах. Он превосходно чувствовал себя в компании всякого сброда — унтер-офицеров из Голштинии, женщин дурного поведения. При этом он не выказывал никакого желания продолжать свой род. При дворе ходили слухи, что брак великого князя заключен только на бумаге, что в первую брачную ночь пришлось прибегнуть к помощи Разумовского. Наследник Романовых поклонялся Фридриху II и приходил в неописуемый восторг от каждой его победы¹³¹. Он сам мастерил марионеток и устраивал в своих покоех кукольные представления во славу обожаемого героя. Бестужева великий князь ненавидел и высказывался о нем в самых нелестных выражениях. Недолгобливал он и Разумовского, который однажды не потрудился встать при появлении его высочества. Петр Федорович обнажил шпагу против морганатиче-

---

¹²⁹ Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 222 (следует подчеркнуть явно уничижительное употребление слова «Московия»).

¹³⁰ Претлак к Ульфелдлу, 5 мая 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27 (апрель–июль 1746 г.). Fol. 65.

¹³¹ Mémoires de la princesse Daschkoff. Paris, Mercure de France, 1966. P. 33, 35; Дашкова Е. Р. Записки: 1743–1810. Л., 1985. С. 28, 39.

ского супруга своей тетушки: ведь в придворной иерархии тот стоял ниже великого князя. С этого дня наследник и фаворит, которых с трудом развели, сделались злейшими врагами¹³².

Подобные инциденты должны были бы радовать франко-прусский клан, однако своими излишествами и нескромностями Петр Федорович мешал им добиться главной, заветной цели — уничтожения бестужевского кружка. В глазах недоброжелателей молодой двор представлял собою оплот Пруссии в Петербурге; великий князь публично демонстрировал пренебрежение к русской нации, оскорблял духовенство, проявлял неуважение к священнейшим обрядам православной церкви, лакомился сладостями во время службы, не кланялся вовремя, богохульствовал на людях и нарочно сердил императрицу¹³³. Екатерину, замешанную в деле Ла Шетарди, с весны 1744 года держали в стороне от придворной жизни, и она проводила время, читая книги и постоянно страдая от недомоганий психосоматического характера. Письма великой княгини родным должны были непременно проходить через Коллегию иностранных дел. Немецких слуг у нее отобрали, а стоило ей привязаться к русской фрейлине или придворному, как им тотчас приискивали другое место или вовсе увольняли¹³⁴. Великокняжеская чета была окружена шпионами; Репнин, воспитатель наследника, а затем Чоглоков не сводили глаз с Петра и Екатерины и брали на заметку каждое их слово, каждый их жест. В душе сочувствуя франко-прусскому лагерю, их императорские высочества не имели ни малейшей уверенности в завтрашнем дне и жили в постоянной тревоге, опасаясь, что Елизавета вот-вот лишит племянника наследства или внезапно умрет и тем самым даст шанс на победу сторонникам Ивана VI.

---

¹³² Так, во всяком случае, виделись их отношения Далью — см. его донесение от 19/30 мая 1747 г. // ААЕ. СР. Russie. T. L. Fol. 170.

¹³³ См.: *Fleischhacker H. Porträt Peters III // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. B.V. N.F. 1957. S. 127–189*; см. также «Инструкции» Бестужева от 11 мая 1746 г. // Архив Воронцова. Т. 2. С. 98–110.

¹³⁴ См. об этом в начале «Записок» Екатерины и в прологе книги: *Madariaga I. La Russie au temps de la Grande Catherine. Paris, 1987.*

Глава восьмая

ЦАРИЦА ПРОТИВ ВОЛИ, ИМПЕРАТРИЦА НА СВОЙ МАНЕР

Основания трона Романовых были по-прежнему непрочны; двойственный статус самой императрицы, которая обеспечивала преемственность, ибо чтит петровские традиции, но губила самодержавие, ибо вела неподобающий образ жизни, создавал почву для соперничества, интриг и козней. Клан Бестужева втайне вел двойную игру: в императорском дворце канцлер извъял безграничную преданность Елизавете и ее официальному наследнику, имея же дело с посланниками Георга II и Марии-Терезии, связанными с Брауншвейгским семейством родственными узами, он всерьез рассматривал возможность возвращения на престол малолетнего Ивана Антоновича. Представители франко-прусской группировки себе такой вольности позволить не могли; после дела Ботты, к которому Фридрих оказался в той или иной мере причастен, хотя роль его так и осталась недоказанной, после скандала с Ла Шетарди, последствия которого сказались даже на репутации великой княгини, сторонники Франции и Пруссии могли действовать единственным образом — клясться императрице Елизавете Петровне в том, что они ее верные слуги. По причине скудости средств франко-прусская группировка постепенно свелась к организаторам переворота 1741 года и нескольким их единомышленникам, а точнее сказать, единомышленницам.

Странные шатания фаворитов и придворных императрицы объяснялись не в последнюю очередь ее импульсивным темпераментом. Елизавета согласилась взойти на престол, который некогда занимал ее отец, отнюдь не сразу, она долго колебалась, поскольку не питала особого пристрастия к государственным делам. Она обожала пышные церемонии, роскошь, почести, знаки внимания со стороны подданных, но ненавидела принуждение. Смотря по настроению, она то занималась делами, то откладывала их в сторону, называя государственную дея-

тельность «самой пустой вещью в мире»¹³⁵. Чувственная, ленивая, вспыльчивая, она предоставила управление страной Бестужеву, однако порой в самые неподходящие для канцлера моменты ставила его на место и, например, созывала свой совет (Конференцию). Важнейшую роль в борьбе группировок играли любовники и фавориты императрицы. В 35 лет Елизавета вела весьма бурную жизнь. На первом месте оставался красавец Алексей Разумовский, обладатель прекрасного голоса. Ходил слух, что императрица тайно обвенчалась с Разумовским, однако, «чтобы дать ему передохнуть», с удовольствием выслушивала и «славословия других своих поклонников»¹³⁶. Она выбирала любовников, не обращая внимания на их происхождение, — за телосложение, голос, умение складно говорить комплименты. Унтер-офицеры, камергеры, духовные особы — все могли на короткое время стать предметом ее увлечения¹³⁷. Не лишённая чувства благодарности и на свой лад хранившая верность своим воздыхателям, Елизавета щедро награждала их и тем сеяла рознь между претендентами на августейшее внимание. Бывший прапорщик Семеновского полка Алексей Яковлевич Шубин участвовал во всех забавах юной Елизаветы; он оставался ее любовником до начала 1730-х годов и за эту связь был сослан Анной Ивановной в Сибирь. В 1743 году его произвели в генерал-майоры — по всей видимости, не за одни только военные таланты. Другой участник Елизаветинных забав, голштинiec Карл Сиверс, познакомился с цесаревной около 1735 года в кабачке и сделал головокружительную карьеру, возвысившись от фореjтора и лакея до камер-юнкера и гофмаршала. Часто веселая компания, состоявшая из императрицы и ее прежних и нынешних любовников¹³⁸, отправлялась из Зимнего дворца в какую-нибудь из загородных резиденций; государственные дела в таких случаях откладывались на неопределенное время. Императрица не терпела

¹³⁵ Письмо Дальона от 2 июля 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 36–37.

¹³⁶ Мардефельд к королю, 6 февраля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55C. Fol. 48–49.

¹³⁷ Мардефельд к королю, 26 мая 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55C. Fol. 178.

¹³⁸ Д. А. Шенелев, М. И. Воронцов, И. И. Шувалов, А. М. Девьер (португалец по происхождению), П. В. Лялин и К. Сиверс. См.: *Бенца* А. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 230. О любовниках и фаворитах Елизаветы см. также статью П. В. Долгорукого — по обыкновению, весьма недоброжелательную — в его «Записках» (Dolgoroukov P. Mémoires. Genève, 1867. Т. I. P. 467 sq.).

никакого принуждения, она, к великому огорчению своих приближенных (прежде всего, тех, кто принадлежал к франко-прусской группировке), преследовала одну-единственную цель — на свой страх и риск доставлять себе как можно больше удовольствия. При этом она вредила своему здоровью: в донесениях, отправлявшихся в Потсдам, Версаль, Лондон или Вену, посланники живописали во всех подробностях ее мелкие и крупные недомогания, проблемы с пищеварением, простуды и, главное, ее пристрастие к алкоголю¹³⁹. Забавы царицы тревожили ее подданных; еще в 1743 году Ла Шетарди упрекал Елизавету за «стремление испробовать все, что только может приблизить ее конец». Не умея внушать приближенным почтение к себе, она впадала в страшные приступы гнева и отличалась непредсказуемостью реакций.

Русский двор блистал роскошью, но благополучие это было мнимым. Придворные разорялись на покупке драгоценностей; сановникам первых двух классов вменялось в обязанность устраивать развлечения для императорского семейства, прежде всего маскарады, которые государыня особенно любила. Балы начинались в шесть вечера; до десяти часов гости танцевали или играли в карты. В десять императрица, великий князь и великая княгиня усаживались за стол и ужинали в обществе нескольких фаворитов; остальные гости ели стоя. Затем танцы начинались вновь и продолжались до часу или двух ночи. Елизавета не требовала никаких особых знаков внимания: она не хотела, чтобы ее провожали к выходу, чтобы при ее появлении в гостиной присутствующие вставали. Единственное, что неизменно соблюдалось, — это почтение к чинам и званиям¹⁴⁰ (Россия уже тогда, за век до Кюстина, была империей фасадов). Тем не менее самые дерзкие авантюристы ухитрялись преуспеть при русском дворе. Превосходное описание жизни во дворце оставил один из таких авантюристов, барон фон Тренк. Людей небогатых и скромных царедворцы презирали, оттесняли или вовсе выгоняли. Заслуги, способности, должности — все это отступало на второй план в сравнении с внушительным внешним видом. Богатство выражалось в золотом и серебряном шитье, бриллиантовых перстнях и каретах, запряженных чистокровными лошадьми. К излишествам любого рода высшее об-

¹³⁹ Dolgoroukov P. Mémoires. T. I. P. 475.

¹⁴⁰ Waliszewski K. Op. cit. P. 51.

щество относилось с безграничной снисходительностью: пьянство считалось явлением само собой разумеющимся, на разврат смотрели сквозь пальцы или же с сочувственной улыбкой. Большим успехом пользовалось умение мастерски — то есть не гнушаясь плутовством — играть в карты. Придворные не чуждались грубой брани даже в присутствии иностранных дипломатов, зато по отношению к себе они, пусть даже возведенные в дворянство совсем недавно, требовали величайшей учтивости.

Главным залогом успеха была обходительность¹⁴¹. Ла Шетарди приобрел такую большую популярность при дворе именно по причине своего безукоризненного воспитания, Дальон же, грубый и необаятельный, хоть и не говорил с кем попало, своими откровенными речами приблизил поражение французской партии. Австрийцы поняли, как много значат для упрочнения дипломатических отношений внешность и воспитание, и прислали в Петербург нового посла, Претлака — образец учтивости и галантности¹⁴².

Придворные дамы и статс-дамы — за исключением ближайших родственниц государыни — отличались полной невзрачностью и даже уродством. Елизавете была нестерпима мысль, что какая-то из подданных может превзойти ее в элегантности, — задача в самом деле нелегкая, ибо императрица, по свидетельствам современников, обладала изяществом и умела себя подать, например, надевала мужское платье, чтобы подчеркнуть красоту и стройность ног¹⁴³. Никому из дам не разрешалось копировать платья и прически ее величества; увидев нечто подобное, царица впадала в ярость и могла сорвать с дерзкой соперницы парик или даже отрезать у нее волосы. Впрочем, несмотря на такие приступы гнева, Елизавета вообще выказывала к женскому полу большое сочувствие; если супруги начинали тяжбу или разъезжались, она всегда брала сторону жены. Особенно же резко осуждала она тех мужей, которые били своих жен, — что в ту пору передко случалось в России даже в самых знатных семействах. Елизавета, как и ее отец, была лишена социальных предрассудков; она охотно общалась с женщинами самого низкого происхождения,

---

¹⁴¹ *Trenck F. von der. Op. cit. S. 162–164.*

¹⁴² Бестужев к Воронцову, 1 января 1746 г. // Архив князя Воронцова. Т. II. С. 139; *HHStA. Russica* 34. 1746. Fasc.149. Fol. 63.

¹⁴³ Письмо Мардсфельда от 7 декабря 1744 г. // *GStA. Rep. XI. Russland* 91. 46B. Fol. 295. О том же пишет и Екатерина II в своих «Записках».

которых ценила за острую речь¹⁴⁴. Царица помогала проституткам и неимущим, она внесла изменения в законы, с тем чтобы освободить женщин от таких наказаний, как вырывание ноздрей или отрубание правой руки; впрочем, женщины все равно могли быть подвернуты наказанию кнутом и урезанию языка, особенно если их обвиняли в оскорблении ее величества¹⁴⁵. Елизавета внесла изменения и в законодательство, касающееся супружеских пар; в случае, если мужа судили и объявляли виновным, вынесенный ему приговор не распространялся на жену; если мужа отправляли в ссылку, брак считался расторгнутым и жена получала причитавшееся ей состояние¹⁴⁶.

Политическая зрелость

Елизавета поощряла возвышение по социальной лестнице вне строгих правил, что имело и хорошую, и дурную сторону. Царицу, утомленную бесконечными балами и бессонными ночами, окружало целое сонмище карьеристов и выскочек обоего пола, домогавшихся августейших милостей, а она усматривала в этом свидетельство своей популярности!¹⁴⁷ На свой лад царица была не лишена коварства: она любила сеять рознь между приближенными и таким образом пресекать любые попытки неповиновения. Ей правилось сталкивать канцлера с его заместителем Воронцовым, разжигать в душах подданных зависть и ревность, всякий раз по-новому рассаживать гостей за столом, поощрять подарками то одного, то другого царедворца, подмигивать одному и милостиво улыбаться другому. Такую тактику она полагала «выгодной для поддержания порядка в своих владениях»¹⁴⁸. Императрица умела льстить своим хулителям; она щедро дарила представителей старинной знати, относившихся к ней, дочери Петра I, недоверчиво

---

¹⁴⁴ Ла Шетарди к Амело, 2 июля 1743 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 37.

¹⁴⁵ Наталья Федоровна Лопухина, одна из главных обвиняемых по делу Ботты, была, к несчастью, весьма хороша собой, и это, возможно, отягчило ее участь: она не избежала ни кнута, ни урезания языка; двадцать лет спустя Шанш д'Отрош упомянул в своей книге о постигшем ее наказании и даже проиллюстрировал его гравюрой Ленренса.

¹⁴⁶ *Waliszewski K.* Op. cit. P. 168.

¹⁴⁷ Ла Шетарди к Амело, 22 марта/2 апреля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 234–235.

¹⁴⁸ Письмо Дальона от 22 февраля/3 марта 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVI. Fol. 120.

и враждебно, знаками внимания и почетными должностями. Зато с наследником престола она обращалась весьма строго. Молодой двор очистили не только от иностранцев и от людей, приятных великой княгине (вспомним историю удаления из Петербурга камер-лакея Чернышева¹⁴⁹), но и от тех русских, которых имели репутацию людей, настроенных чересчур западнически, например, лишили прибыльной должности камергера Александра Михайловича Голицына. При наследниках Петра и прежде всего при его младшей дочери придворная карьера начала зависеть от обстоятельств столь прозаических и элементарных, что военные и административные таланты подданных перестали играть в процессе возвышения сколь-нибудь существенную роль. Иррациональные условия плодили зависть, соперничество и, естественно, не могли не парализовать государственную деятельность. Царица показывала себя «во всем недостойной обязанностей и занятий истинной правительницы»¹⁵⁰. Ею владело одно-единственное желание — чтобы ее не тревожили делами, но чтобы при этом не страдала ее репутация. В сношениях с иностранцами она выступала ревностной защитницей этикета, требовала должного почтения к собственной персоне.

При всем своем празднотребии Елизавета всегда помнила, что она дочь Петра Великого и что ее страна обязана поддерживать международное равновесие. До 1745 года она стремилась к тому, чтобы Россия сохраняла нейтралитет и выступала посредницей в отношениях между европейскими державами; она лишь скрепя сердце подписала договоры с Австрией об оборонительном союзе и не скрывала своих симпатий к Франции и Пруссии. Известия о победах Фридриха в Силезии и Богемии и о счастливом для Франции исходе битвы при Фонтенуа привели ее в восторг; в ознаменование этих радостных событий к столу всякий раз подавались вина лучших марок. Во время Петергофского празднества летом 1745 года царица держалась с Мардефельдом и Дальоном так любезно, что «опечалила и смутила» посланников четверного союза, которым Бестужев уже пообещал необходимую военную помощь. Императрица поступала так нарочно, стремясь разозлить красавца Претлака, на ее вкус чересчур слащавого, и добилась своего:

¹⁴⁹ См.: Сочинения Екатерины II. СПб., 1907. Т. 12. С. 86–87, 237–240.

¹⁵⁰ Мнение Дальона, 19/30 мая 1747 г. // ААЕ. СР. Russie. T. L. Fol. 170.

австриец «совершенно изменился в лице и похож стал на ипсхондрика, который вот-вот отдаст Богу душу»¹⁵¹. Получив «известие о великой победе» над саксонцами и австрийцами при Гогенфридберге (июнь 1745 года) Елизавета с нескрываемой иронией прочла его вслух по-французски и по-немецки, а затем принялась вместе с Брюммером и Лестоком насмеяться над «прусскими пилюлями, которые пришлось, должно быть, не по вкусу» венгерской королеве и ее министрам¹⁵². К общему веселью присоединились и их императорские высочества. Члены противоположного лагеря испытали неслыханное унижение. Уязвленный Бестужев не знал, куда деться от стыда и злости.

После этого сторонники австро-британского союза принялись за работу с удвоенной силой. Прямыми обвинениями и завуалированными намеками, в равной степени обидными для императрицы, канцлер сумел удалить от нее всех тех, кто не разделял его пристрастий, а сам сделался ей совершенно необходим. Секрет Бестужева был очень прост: он всячески поощрял лень царицы и ее тщеславие. Канцлер освобождал Елизавету от всех государственных дел и давал ей возможность спокойно предаваться забавам и наслаждениям¹⁵³. Получалось, что, сменив первого министра, она обрекла бы себя на изменения в ритме жизни, на исполнение неких докучных обязанностей. К концу первого десятилетия своего царствования Елизавета стала отводить делам куда меньше времени, чем в начале. В 1742–1744 годах ей еще случалось председательствовать на заседании Императорского совета, присижать в Сенат. Однако очень скоро, наскучив пустопорожними разглагольствованиями, она передоверила все это Бестужеву, который в ту пору еще был вице-канцлером, но по причине преклонного возраста Черкасского уже играл в государстве важнейшую роль¹⁵⁴. После 1745 года чем глубже Европа увязала в войне, разразившейся из-за Прагматической санкции, тем энергичнее Елизавета, не допускавшая мысли о вмешательстве России в военные действия и желавшая выиграть время, уклонялась от решения даже самых простых

---

¹⁵¹ Мардефельд к королю, 22 июня 1745 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 49B. Fol. 15.

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Письмо Ла Штарди от 22 марта/2 апреля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 234–235.

¹⁵⁴ Чтобы с большей легкостью исполнять свои государственные обязанности и не тратить на это слишком много времени, Елизавета учредила «кон-

вопросов¹⁵⁵. Сначала — задача отнюдь не легкая — нужно было к ней «пробиться», а затем — дело совсем безнадежное, вроде поисков философского камня — на четверть часа «завладеть ее вниманием»; рассеянная, беспечная, боящаяся всего, что «сколько-нибудь напоминает серьезный разговор»¹⁵⁶, она находила бесчисленное множество предлогов для того, чтобы избежать деловых бесед. Не менее трудно было и передать ей письмо: она то отказывалась его принять, утверждая, что теперь не время, то забывала прочесть. Мардефельд всегда имел наготове два конверта, помеченных разными числами, чтобы, вручая царице послание Фридриха, не заслужить упрека в пренебрежении своими обязанностями. Если какое-либо письмо, адресованное Елизавете, терялось, вина всегда падала либо на иностранных посланников, либо на русских министров. Дальон жаловался: «Самые разумные вещи здесь не исполняются [...], исполняются же самые неразумные, ибо всякий выскочка, имеющий власть, может творить в здешнем краю едва ли не все, что пожелает»¹⁵⁷. Чем напряженнее становилась международная обстановка, тем труднее было получить доступ к императрице. Она отправлялась в бесконечные паломничества, отказывалась выслушивать жалобы или советы своих и чужих политиков; даже ее доверенным лицам и фаворитам не удавалось поговорить с нею о делах. Чтобы добиться ее подписи на документах, Бестужев вынужден был прибегать к самым фантастическим и хитроумным уловкам. Нередко царица отменяла уже назначенные аудиенции — не столько по злему умыслу, сколько из лени.

Тем не менее Елизавета желала быть подобной своему отцу, стремилась играть главенствующую роль в жизни Европы. Праздная, но отнюдь не глупая, она выжидала до последнего, перед тем как сделать окончательный выбор и вступить в войну за Австрийское наследство на стороне австро-британского

ференции министров», призванные контролировать действия Сената; сенаторы при этом утратили большую часть своих привилегий, особенно во второй половине елизаветинского царствования, после основания в 1755 г. Уложенной комиссии, призванной пересмотреть свод законов.

¹⁵⁵ Письмо Дальона от 14/25 января 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 41.

¹⁵⁶ Письмо Ла Шетарди или Дальона, 5/16 апреля 1744 г. // Сб. РИО. Т. 90. С. 257.

¹⁵⁷ Дальон к д'Аржансону, 17/28 июня 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 320.

союза, причем, по всей вероятности, государственный интерес она в данном случае ставила выше своих собственных пристрастий. Сыграло свою роль и поведение французов и пруссаков: непочтительность Версаля, невнимательность Потсдама. Хотя императрица и предоставила канцлеру полную свободу, она тем не менее умела расстраивать его планы. Она не вполне доверяла первому человеку в своем правительстве; несмотря на явное отвращение, которое он ей внушал¹⁵⁸, она всегда спокойно выслушивала его речи, но никогда не принимала скоропалительных решений. Французы долго строили все свои расчеты на политической наивности молодой женщины, причем особенные выгоды из этой ложной посылки надеялся извлечь Ла Шетарди. Дальон был уверен, что императрица ни на что не способна и что дела с ней лучше не иметь, — позиция, с которой не желал согласиться версальский кабинет. Д'Аржансон подозревал Елизавету в том, что она ведет двойную игру, и, прикрываясь канцлером, оставляет последнее слово за собой. Мардефельд же делал ставку на вялость и томность царицы: он держался с Елизаветой в высшей степени учтиво, делал вид, что ему доставляет величайшее удовольствие играть с нею в карты, но при этом не сводил глаз со своего главного противника, Бестужева, в котором и он сам, и его государь, Фридрих, видели настоящего и единоличного главу правительства. Между тем будущее показало, что прав был д'Аржансон (хотя его и прозвали Скотиной): последнее слово царица оставляла за собой; условия ставила именно она.

Призрак переворота

Все слои общества охватили тревога и неудовлетворенность¹⁵⁹. В Москве участились поджоги¹⁶⁰, губернии страдали от неурожаев и эпидемий. Недостаток продовольствия ощущался даже

---

¹⁵⁸ Дальон к д'Аржансону, 15/26 февраля 1746 г. // Ibid. Fol. 103.

¹⁵⁹ «Несомненно одно, а именно что в стране очень сильно недовольство, от слабости кабинета и от дурного управления губерниями происходящее. Сильнее всего ненавидят обер-егермейстера, и достойно удивления, что в стране столь деспотической, как эта, смеют высказываться столь свободно насчет фаворита» (Финкенштейн к королю, 25 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 210).

¹⁶⁰ Начались они в 1745 г.; см.: Финкенштейн к королю, 14 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 197.

в столице, где, например, вдруг пропала соль¹⁶¹. В Кронштадтском порту фрегаты, рассчитанные на 500–600 человек, не могли выйти в плавание из-за отсутствия достаточного количества солонины. Повсюду вот-вот могли начаться бунты; принимаемые против этой опасности меры были зрелищны, но не слишком действенны: Сенат и Синод собирались на заседания, царица устраивала публичные молебны, однако о том, чтобы изменить формы и порядок государственного управления, не было и речи. Придворные поджидали падения фаворитов в надежде присвоить особняки, поместья, утварь этих несчастных; система строилась на круговой поруке молчания¹⁶². В этих трудных обстоятельствах многие подданные Елизаветы стали склоняться к тому, чтобы посадить вместо нее на трон Ивана Антоновича, православного наследника допетровской эпохи. Ребенок, не причастный к злоупотреблениям власти, стал средоточием надежд как крепостного крестьянства, так и старинной знати, желавшей вернуть времена Боярской думы и собственных привилегий.

Внезапная смерть бывшей правительницы Анны Леопольдовны (1746) разбудила в душах власть имущих старые тревоги. Что делать с телом покойной? Тайно предать его земле в Холмогорах или же устроить регентше похороны, достойные ее происхождения? Анна не входила в число потенциальных претенденток на трон Романовых и потому не представляла для Елизаветы реальной опасности; было принято не лишнее лицемерия решение — перевезти тело в Петербург и похоронить Анну Леопольдовну как представительницу императорского дома, хотя и без объявления государственного траура. Два дня гроб с телом Анны был выставлен для прощания, а затем бывшую регентшу предали земле в Александро-Невском монастыре в присутствии императрицы и великой княгини Екатерины Алексеевны. Комедия эта имела двойную цель. С одной стороны, Анна Леопольдовна была правительницей при своем малолетнем сыне; для народа именно она олицетворяла государственную власть. Предполагалось, таким образом, что после торжественных похорон о малолетнем Иване все забудут. С другой стороны, народ должен был

---

¹⁶¹ Финкенштейн к королю, 25 февраля 1746 г. // GStA. Rep.96. 55F. Fol. 60.

¹⁶² Финкенштейн к королю, 25 июня 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 210.

вздохнуть спокойно, уверившись, что после смерти Анны Леопольдовны «засилье иностранцев» и германофильская политика — о каких бы германцах, прусских или австрийских, ни шла речь — России больше не грозят. Дальон, впрочем, несколько не заблуждался относительно истинного значения церемонии и вдобавок сомневался в ее действенности: утратив родителей-немцев и оставшись сиротой, Иван тем самым делался вполне русским и получал больше шансов возвратить себе престол; даже если бы мальчик (которому в год смерти матери исполнилось шесть лет) так никогда и не покинул Холмогор, его именем мог рано или поздно воспользоваться самозванец, некий новый Лжедмитрий¹⁶³. Впрочем, дело заключалось не столько в самой особе малолетнего царя (его однажды можно было бы устранить окончательно), сколько в поведении официального наследника, великого князя Петра Федоровича¹⁶⁴. Именно из-за его странностей люди и при дворе, и вдали от двора продолжали ожидать воцарения прямого наследника престола.

Дальон, большой энтузиаст правильного, нормативного государственного устройства, видел причину всех зол в законах наследования, установленных Петром I. По праву первородства шестнадцатилетний цесаревич имел больше прав на престол, чем его тетушка (вдобавок рожденная прежде, чем ее родители вступили в законный брак). Молодой великий князь не раз заявлял о своем намерении после восшествия на престол внести изменения в законы и Табель о рангах; в результате многочисленные родственники Екатерины I, сделавшие в царствование Петра и в послепетровское время превосходную карьеру, могли бы лишиться должностей и состояния. Если же великий князь остался бы без потомства, престол, согласно его собственной воле, перешел бы к Ивану, последнему из Романовых¹⁶⁵, а этот последний, весьма возможно, пожелал бы восстановить донетровскую систему, чем неминуемо вы-

---

¹⁶³ Дальон к Амелю, 22 марта/2 апреля 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLXVIII. Fol. 160; Дальон к д'Аржансону, 10/21 июня 1746 г. // ААЕ. СР. T. XLVIII. Fol. 307–314.

¹⁶⁴ *Saldern K. de. Histoire de la vie de Pierre III, Empereur de toutes les Russies, présentant, sous un aspect important, les causes de la révolution arrivée en 1762. Francfort-sur-le-Main, 1802.*

¹⁶⁵ *Conjectures de Dallion [Предположения Дальона], 19/30 мая 1747 г. // ААЕ. СР. Russie. T. L. Fol. 170.*

звал бы протест со стороны служилого дворянства. Непостоянная и ленивая императрица, наследник с дурной репутацией — на таких союзников ни Мардефельд, ни Дальон делать ставку не могли, Иван же, даже если бы пришел к власти, покровительствовал бы противоположному лагерю; таким образом, прусскому и французскому посланникам приходилось рассчитывать лишь на горстку податливых придворных, которые, впрочем, в любую минуту могли впасть в немилость. Французский дипломат писал не без досады: «Эта страна не походит на другие: она движется назад и нечувствительно пребывает в изначальном хаосе»¹⁶⁶. Пытаясь постичь сложную иерархию русского двора, посланник Людовика XV приходил в недоумение. Он, воспитанный в почтении к происхождению и заслугам, постоянно сталкивался здесь с карьеризмом и паразитизмом, причем систему это особенно усложняло то обстоятельство, что вершину иерархической лестницы занимала женщина.

Бестужев управлял двором, терпеливо снося обиды и попреки от государыни; ослабив позиции своих противников, он успешно сопротивлялся всяким попыткам изменить придворную систему либо ввести новых лиц в круг особ, приближенных к царице. Система эта, какой ее выстроил канцлер, не имела никакого отношения к реальному управлению государством, она была замкнута на самой себе; поскольку императрица не исполняла своих обязанностей, дворец превращался в «дисфункциональное» пространство, где правили зависть, интриги и недоверчивость¹⁶⁷.

Двойное нарушение отцовской воли

Елизавета сознавала, что способна следовать определенным принципам, определенным правилам игры. В отличие от своих приближенных, каждый из которых был подкуплен той или иной из воюющих сторон, сама она не принимала никаких залогов дружбы. Обмен подарками совершался исключительно на основе полной взаимности. Слабость Елизаветы, помимо

---

¹⁶⁶ Дальон к Пюизё, 5/16 декабря 1747 г. // ААЕ. СР. Russie. T. L. Fol. 448.

¹⁶⁷ «Здесь возвышаются гораздо быстрее, чем в любой другой стране. Но так же стремительно и падают, ибо почти никогда, в особенности же при нынешней императрице, люди не соответствуют званиям» (письмо Дальона от 22 февраля/3 марта 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 120).

лени, заключалась в другом — в ее неумеренном благочестии. Не отличаясь в личной жизни особым целомудрием, она тем не менее тщательно исполняла все предписания православной религии, истово молилась и доходила порой до такого исступления, что лишалась чувств. В этом отношении она была совсем не похожа на своего агностика-отца. Петр упразднил патриаршество и обложил налогами монастырские владения¹⁶⁸, Елизавета же отступила от петровского курса на секуляризацию духовных вотчин, вернула доходы с монастырских земель в ведение Синода, без устали осыпала духовных лиц подарками; при ней были выстроены новые монастыри и церкви. Памятничества царицы в Троицу, Киев и Переяславль обходились казне в огромные суммы, особенно в тех случаях, когда путешествие преследовало не только религиозные цели. Весьма высокопоставленные духовные особы в благодарность за эротические подвиги получали возможность постройки или реставрации новых церковных зданий; купола покрывались позолотой, а карманы заинтересованных лиц наполнялись деньгами¹⁶⁹. Разумовский нисколько не заблуждался относительно истинных причин подобных прогулок, однако он делал вид, что полностью разделяет благочестивые настроения своей государыни, и, также принося в дар церкви крупные суммы, укреплял не только власть православной церкви, но и свою собственную — в ущерб великому князю. Всякому же, кто относился к набожности царственной четы с иронией или просто без должного почтения, придворная карьера была заказана, в чем не замедлил убедиться Ла Шетарди. Дальон сокрушенно замечал: «Здесьняя страна похожа на такую, где властвует инквизиция»¹⁷⁰. Императрица, полагал французский дипломат, желает с помощью церкви укрепить свою власть и в то же самое время «набросить покров на иные предметы». Дальон, сторонник Голштинского дома и поклонник (в теории) реформ Петра Великого, предвидел, что Россия «вот-вот погрузится в первобытное свое состояние, ибо духов-

---

¹⁶⁸ См.: *Wittram P. Op. cit.* Т. II. Р. 175.

¹⁶⁹ Мардефельд к королю, 26 мая 1744 г. // *GStA. Rep.* 96. 55C. Fol. 178; д'Аржансон к Дальону, 9 января 1745 г. // *AAE. CP. Russie.* Т. XLVI. Fol. 22. Ср. выше примеч. 83 к части второй.

¹⁷⁰ Письмо Дальона от 19/30 апреля 1746 г. // *AAE. CP. Russie.* Т. XLVIII. Fol. 193.

ное сословие не может в ней владычествовать без помощи невежества и суеверия»¹⁷¹. Посланник, который за пять лет, проведенные в Петербурге, досконально изучил тамошнюю обстановку, сомневался в успешном завершении реформ, которым насильно подверг страну Петр I; страна двигалась назад, что, впрочем, в тревожном 1746 году было для иностранцев не столь уж огорчительно: «Не европейским нациям оплакивать это попятное движение России»¹⁷². В глубине души представитель Людовика XV желал исключения России из европейской системы. Царствование Елизаветы, как и сама ее личность, производили двойственное впечатление: если смотреть извне, она, вне всякого сомнения, шла вперед, однако изнутри ее подавляли вековые традиции. Царица, чей психологический тип можно определить как экстравертивный и интравертивный одновременно, воплощала в себе всю нацию, разрывающуюся между ускоренной европеизацией, произведенной Петром, и своей собственной природой, которая не была ни вполне азиатской, ни вполне европейской.

Отличалась Елизавета от отца и в другом отношении: она не знала счета деньгам и не умела ограничивать потребности двора, чей бюджет уже в первый год царствования обошелся казне в миллион с лишним рублей¹⁷³. Петр I был царем экономным, даже скупым; дочь его, напротив, отличалась чрезмерной щедростью¹⁷⁴. Дворяне, допущенные ко двору, беззастенчиво пополняли свой бюджет за счет золотой посуды, безделушек, миниатюр, которые перепродавали богатым купцам или иностранцам¹⁷⁵. Начиная с зимы 1742 года казна была пуста; в эту пору, когда любые союзы представлялись еще вполне возможными, Мардефельд сообщал в Потсдам о катастрофическом положении дел: офицеры не получают жалованья, Военная

---

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Ibid.

¹⁷³ Недатированное (не позже 11 апреля 1744 г.) письмо Мардефельда // GStA. Rep. 96. 55B. Fol. 39–40. Об управлении финансами см.: *Brennan J. Op. cit.* P. 143.

¹⁷⁴ Даже в тех случаях, когда сталкивалась с воровством. В письме к Фридриху от 21 декабря 1744 г. Мардефельд утверждает, что из-за хищений доходы казны уменьшились за три года на 500 000 франков, или на миллион с лишним рублей (GStA. Rep. 96. 55D. Fol. 153).

¹⁷⁵ Мардефельд к Фридриху, 21 декабря 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55D. Fol. 153.

коллегия израсходовала все выделенные ей средства, Адмиралтейство задолжало казне 50 000 рублей¹⁷⁶. Фридриха это озадачило и встревожило. Вскоре царице стало не хватать денег на оплату нарядов и драгоценностей; она решила уменьшить суммы, выделяемые на содержание двора, и, не сокращая числа приемов, сделать их более скромными и менее дорогостоящими. Императорский дворец славился очень скверным столом; блюда здесь подавались самые обыкновенные, ничем не примечательные, вина — отвратительные. Зато богатые дворяне угощали превосходно: шампанским, французскими винами, устрицами, оливками, каперсами¹⁷⁷... В первые месяцы 1746 года финансовое положение двора стало особенно ужасным. Торговцы отказывались отпускать товары в кредит, главный дворецкий по фамилии Фухс попросил отставки и позволения возвратиться на родину: за неимением средств он был не в состоянии закупать провизию, необходимую для приготовления кушаний на 300 персон (ежедневная норма императорского дворца)¹⁷⁸. Сорок камер-пажей обходились казне, без стоимости ливрей, в 24 000 рублей в год, иначе говоря, по 600 рублей на одного пажа; впрочем, самим пажам из этих денег, как правило, не доставалось ни копейки, однако им были обеспечены стол, одежда и кров — по тем временам уже немало¹⁷⁹. Огромные суммы уходили на содержание загородных резиденций императрицы (Петергофа, Царского Села). Из-за задержек с выплатами жалованья и пенсий даже молодой двор вынужден был порой рисковать жизнью, обитая в домах с провалившимся полом и разрушенным потолком¹⁸⁰. Доходы великого князя сократились с 400 000 до 80 000 рублей в 1744 году, а затем до 8000 рублей в 1746 году; меж тем наследник вовсе не желал с этим смириться, он «бранился», «ругался» и твердил во всеуслышание, что «проклинает тот день, когда приехал в Россию»¹⁸¹.

---

¹⁷⁶ Мардефельд к Фридриху, 8 ноября 1742 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 53A. Fol. 138.

¹⁷⁷ Мардефельд к Фридриху, 9 апреля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55B. Fol. 69. Французы, насколько нам известно, не выражали ни малейших претензий к этому столу. Что касается самой Елизаветы, то она предпочитала традиционные украинские и русские блюда.

¹⁷⁸ Мардефельд к Фридриху, 3 апреля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55B. Fol. 40.

¹⁷⁹ Мардефельд к Фридриху, 3 мая 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 155.

¹⁸⁰ См.: Записки императрицы Екатерины. С. 63 и след.

¹⁸¹ Мардефельд к Фридриху, 3 мая 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 155.

Государственная казна пустела из-за дурного управления Бестужева¹⁸² и Черкасского, но также и из-за крайне скверного состояния, в котором оставила ее Анна Леопольдовна¹⁸³. Бухгалтерский учет велся от случая к случаю, многие документы отсутствовали вовсе; бумаги то и дело переводились из одной коллегии в другую; некоторые недостатки ликвидировались за счет денежных средств сомнительного происхождения, за которые, по всей вероятности, кто-то получал огромные проценты. Вскоре величина государственного долга перестала поддаваться учету. Данные о доходах поступали с опозданием на пять лет; министры бились за кредиты и особые бюджеты, причем победителями из этой битвы неизменно выходили Иностранная и Военная коллегии. Еще до того, как императрица приняла решение об участии России в военных действиях, к которым привел спор за Австрийское наследство, на армию уходило больше 6 миллионов рублей в год¹⁸⁴. Стране угрожала своего рода злостная дефляция; напуганные величиной прямых и косвенных налогов¹⁸⁵, мелкие собственники и крестьяне предпочитали не тратить деньги¹⁸⁶, а прятать их; ежегодно из обращения исчезало более одного миллиона рублей. Если верить Мардефельду, количество фальшивых копеек, изготовленных в Саксонии, было так велико, что едва ли

---

¹⁸² Впрочем, самого себя он при этом не обижал: по данным С. М. Троицкого, Бестужев владел 4225 душами и получал годового жалованья 7000 рублей (на тысячу рублей больше, чем Воронцов), к которым прибавлялись взятки от представителей самых разных держав (*Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 258*). Мардефельд, со своей стороны, утверждал, что Бестужев получает 16 000 рублей в год; см. его письмо от 4 апреля 1745 г. // GStA. Rep. 96. 55E. Fol. 68.

¹⁸³ Мардефельд к Фридриху, 3 апреля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55B. Fol. 40.

¹⁸⁴ По данным Мардефельда, который включал сюда расходы на флот, сухопутную армию, кадетов, гвардейцев и полки, возвращавшиеся из Персии (*Ibid.*).

¹⁸⁵ В 1744 г. податные сборы принесли казне 5 миллионов рублей (из них больше 60 000 рублей поступили от крестьян); 2 миллиона рублей приносили винные откупа, 1 миллион — таможенные сборы; торговля в целом (соль, железная руда, поташ, лекарственные травы, смолы, китовый жир, сукно плюс доходы от караванов, прибывавших из Китая) давала 1 538 000 рублей. Еще 120 000 рублей приносила продажа гербовой бумаги (*Ibid.*).

¹⁸⁶ Финкенштейн к Фридриху, 25 февраля 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 60.

не сравнялось с количеством подлинных монет; за время, прошедшее с 1712 по 1746 год, из 35 миллионов рублей, отчеканенных на монетном дворе, в обращении осталось всего 3 миллиона! ¹⁸⁷ 32 миллиона рублей были спрятаны в чулках, а владельцы их, то ли сознательно, то ли нет, расплачивались фальшивыми деньгами. *Se non è vero, è ben trovato...* [Если это и неправда, то хорошо придумано — *итал.*]. К концу царствования Елизаветы государственный долг исчислялся 8 147 924 рублями... ¹⁸⁸ Однако императрица не желала, чтобы ей докучали подобными пустяками. Ведь при Петре I все было в порядке, говорила она, забывая о прижимистости своего отца ¹⁸⁹. Она так никогда и не узнала о том, как на самом деле хозяйствовали ее министры; правда не доходила до императрицы, стоявшей на вершине государственной пирамиды: ведь «талант русских», по замечанию шведского посланника Вульфеншерны, заключался в умении «пресмыкаться перед властью имущими» ¹⁹⁰. Бестужев, хотя и не контролировал ситуацию в целом, нисколько не заблуждался насчет истинного положения дел; говорят, однажды в порыве откровенности он сказал Разумовскому: «Быть может, однажды и вы, и я сгинем в Сибири, вслед за беднягой Минихом, который был куда лучше нас обоих» ¹⁹¹. Многозначительные слова. Как бы независимо ни держался канцлер, самодержавная правительница сохраняла свою власть и над ним; жизнь всех: придворных, министров, фаворитов — полностью зависела от Елизаветы; все они боялись ее произвола, сама же она боялась дворцового переворота. В Петербурге осевшая система, описанная Ле Руа Ладюри применительно к Версалию, не действовала, потому что никто, включая саму государыню, не был уверен в собственной участи; всякий знал, что положение его временно и непрочное.

---

¹⁸⁷ Мардефельд к Фридриху, 15 июня 1746 г. // GStA. Rep. 96. 55F. Fol. 230.

¹⁸⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XII. С. 608.

¹⁸⁹ Мардефельд к Фридриху, 3 апреля 1744 г. // GStA. Rep. 96. 55B. Fol. 39.

¹⁹⁰ Вульфеншерна к Ланмари, 26 января 1748 г. // AAE. CP. Russie. Supplément. T.VII. Fol. 45.

¹⁹¹ Свидетельство Троттена от 15 ноября 1747 г. // AAE. CP. Russie. T. L. Fol. 412.

Глава девятая

БЕСПОРЯДОК И ПУСТОТА

Постепенно жизнь дипломатов при русском дворе сделалась трудной, даже мучительной, ибо чем дальше, тем меньше становилось у них возможностей прямого контакта с императрицей. Бестужев сумел устроить так, что вокруг Елизаветы образовалась пустота, а сама Елизавета создала такую же пустоту вокруг великого князя, средоточия надежд (впрочем, с каждым днем все более зыбких) франко-прусского лагеря¹⁹². Иностранцев от молодого двора последовательно отлучали. Были уволены камергер Бецкой, побочный брат принцессы Гессен-Гомбургской, Дуллертинкер, племянник Брюммера и друг детства великого князя, камердинер Крамер, историк Штелин, торговец Шрайбер, обер-егермейстер Бредаль и егерь Бастьен; некоторых из них отправили назад, на родину. Та же участь постигла и немецких фрейлин Екатерины: их заменили русскими девушками, не знающими ни одного иностранного языка. Должность обер-гофмейстера молодого двора была доверена Чоглокову — человеку, который превыше всего неизменно ставил власть и почести. Князь Василий Аникитич Репнин, снисходительный наставник и внимательный собеседник, оставил это важное в стратегическом отношении место и возглавил войска, отправляющиеся во Фландрию.

Иностранцам, сохранившим за собою придворные или административные должности, также приходилось несладко. Многие ученые, члены Петербургской Академии наук: Делиль, Эйлер, Геллерт, Гмелин — предпочли оставить Россию и вернулись на родину, где их ждал куда более скромный достаток, но где они были избавлены от придирок президента

---

¹⁹² Письмо Дальона от 17/29 апреля 1747 г. // ААЕ. СР. Russic. T. L. Fol. 124; см. также: *Herrmann E.* Op. cit. B. V. S. 209.

Академии Кирилла Разумовского, брата фаворита. Впрочем, жалование им в 1740-е годы платили крайне нерегулярно, а подчас и вовсе забывали это сделать.

В 1742–1748 годах покинули Россию и очень многие военные иностранного происхождения; их свободу ограничивали так сильно, что этого не могли вынести даже такие гибкие, ко всему приспособляющиеся люди, как авантюрист Фридрих фон Тренк. Наемник, вступавший в русскую службу, будь то солдат или офицер, непременно должен был дать письменное обязательство никогда не покидать ее¹⁹³. Задолго до того, как русский корпус двинулся на Рейн, армию очистили от западных кадров. Датчанин Лёвендаль уехал из России в 1743 году, пруссак Манштейн — в 1744 году, шотландец Кейт — в 1746 году, Бисмарк вернулся в Берлин в 1749 году; герои войн со Швецией и Турцией и войны за Польское наследство вступали в армии противника. Фридрих прекрасно понимал, с какими трудностями сталкиваются эти военные — жертвы ксенофобии и оскудения русской казны¹⁹⁴, и старался привлечь их на свою сторону; он тратил на это значительные суммы — те, которые жалел на подкуп придворных Елизаветы. Сознавая, что ряды русской армии редуют, Бестужев — действуя на первый взгляд совершенно бессистемно — изменил ее иерархию. Согласно предварительным договоренностям 1746 года, русский вспомогательный корпус не был предназначен для участия в боях; в его задачу входила лишь психологическая поддержка союзнической армии. Поэтому канцлер позволил себе оставить в Петербурге и в Прибалтике самых опытных русских генералов и самых талантливых офицеров. И французов, и пруссаков эта тактика привела в недоумение, а между тем она свидетельствовала в первую очередь о нестабильности обстановки внутри страны. Беспорядок сделался еще сильнее после смерти Репнина (1748); на роль его преемника претен-

---

¹⁹³ Финкенштейн к Фридриху, 14 ноября 1747 г. // GStA. Rep. 96. 55H. Fol. 252.

¹⁹⁴ Одним из самых ярких представителей антигерманских настроений был генерал-аншеф Бутурлин, командовавший войсками, расположенными в Эстляндии и Курляндии; «ни один офицер, ни один генерал не смел, подписывая подаваемое ему прошение, ставить перед своей фамилией частицу „фон“. Завидев же на бумаге эту частицу, старый фельдмаршал восклицал „колбасник“ и, скомкав бумагу, швырял ее на пол» (Dolgoroukov P. Op. cit. P.29).

довали Салтыков, Апраксин и Ливен, и распри поддерживающих каждого из них группировок сотрясали армию¹⁹⁵. Бестужев решил дело следующим образом: своего собутыльника Апраксина оставил в Петербурге и сделал советником по военным вопросам, ибо сам вовсе не разбирался ни в стратегии, ни в тактике. Салтыкова, заподозренного в симпатиях к Брауншвейгскому дому, отослали в Ливонию командовать резервными частями. Командование же вспомогательным корпусом, куда входили солдаты самых разных национальностей, поручили Ливену, человеку канцлера¹⁹⁶. В результате всех этих перемен беспорядок во вспомогательном корпусе, и без того больше напоминавшем дикую орду, достиг таких масштабов, что всякая попытка отправить его в бой неминуемо привела бы к большим потерям, о чем, впрочем, ответственные лица предпочитали умалчивать¹⁹⁷.

Охота на человека

При дворе оставались гофмаршал Миних (брат которого, фельдмаршал, томился в ссылке в Сибири — пример не слишком вдохновляющий...), Брюммер и Лесток, по-прежнему старательно угоджавший императрице, которая, впрочем, с некоторых пор стала предпочитать услуги врача более молодого и привлекательного. Врач и гофмаршал великого князя были, пожалуй, единственными, кто не подозревал о том, что их время вышло, хотя сами же и приближали свое падение. Брюммер, в душе человек слабый, стал «неспособен ни на добро, ни на зло»; он только и делал, что отбивался от нападков канцлера и его приспешников. Он перешел в оборону. Лесток же вредил сам себе тем, что, «по обычаю фаворитов, докучал императрице просьбами самого разного рода»¹⁹⁸. Не один сановник питал

---

¹⁹⁵ Финкенштейн к королю, 27 августа 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 277.

¹⁹⁶ Мардефельд и Подевильс к Финкенштейну, 9 марта 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 88.

¹⁹⁷ Претлак с самого начала был весьма низкого мнения о своих будущих союзниках и долгое время колебался, прежде чем дал согласие взять на себя общее командование вспомогательной армией. См. его письмо к Ульфелдуну от 29 августа 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27 (апрель—июнь). Fol. 9 sq.

¹⁹⁸ Дальон к д'Аржансону, 10/21 декабря 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVII. Fol. 328.

ненависть к вознесшемуся чересчур высоко французу. Советов же Лестока не слушал никто, включая его покровительницу Елизавету, так что жизнь его при дворе превратилась в дурно разыгранную трагикомедию. Воронцов, вернувшись из Европы, уже не пользовался прежним расположением государыни и прежними привилегиями. Бестужев воспользовался отсутствием соперника и перекрыл ему дорогу к императрице; теперь Воронцов, как всякий рядовой придворный, должен был, если желал повидать Елизавету, заранее испрашивать у нее аудиенцию. Вице-канцлер (должность эту за ним тем не менее сохранили) вместо того, чтобы вступить в борьбу, заболел чем-то вроде невроза; «страдает более даже душой, нежели телом», — мрачно замечает на этот счет Дальон¹⁹⁹. В довершение всех бедствий Воронцов испытывал финансовые затруднения, он наделал таких долгов, что вынужден был в самый неподходящий момент — а именно тогда, когда в этих местах готовился к выступлению вспомогательный корпус, — заняться продажей своих лифляндских земель. Живя в кредит, он рисковал впасть в опасную зависимость от канцлера²⁰⁰. Никто больше не видел в Воронцове человека, способного заменить Бестужева; парижский и берлинский кабинеты поддерживали его из принципа и, по всей вероятности, из неподдельного расположения, но на помощь его уже не рассчитывали²⁰¹. Фридрих понадеялся было найти нового союзника в лице Черкасова и даже не пожалел денег на его подкуп; напрасно: услуги Черкасова уже давно купила австро-британская партия²⁰². Дела пруссаков в Петербурге шли все хуже и хуже. Мардефельд, старый, больной, воспользовался напряженностью в отношениях между Петербургом и Берлином, чтобы «настоятельно просить об отзыве его от двора столь

---

¹⁹⁹ Дальон к д'Аржансону, 17/29 апреля 1747 г. // AAE. CP. Russie. T. L. Fol. 124. Претлак с удовлетворением констатировал, что вице-канцлер пынче «совершенно повержен ниц» (HHStA. Russland II. Berichte 28. März 1747. Fol. 5).

²⁰⁰ Письмо Ле Шамбрье от 28 ноября 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 150.

²⁰¹ Варендорф к королю, 17 декабря 1746 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 50B. Fol. 122. Фридрих, вообще не доверявший русским, даже усомнился однажды в честности Воронцова, которого, впрочем, сам же наградил орденом Черного орла (письмо от 10 июня 1745 г. // PC. B. IV. S. 190).

²⁰² Подевилс к Варендорфу, 3 декабря 1746 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 50B. Fol. 88.

щекотливого и столь бурного»²⁰³. Фридрих, давно мечтавший заменить Мардефельда дипломатом более энергичным, осенью 1746 года удовлетворил просьбу старого посланника. В течение нескольких месяцев Пруссию в Петербурге представлял секретарь посольства Варендорф, человек неприметный, но превосходно знавший Россию. Чтобы не навлечь на себя неприятности, он старался вести себя как можно более пассивно, нигде не бывал и в основном занимался тем, что сжигал оставшиеся от Мардефельда шифры и документы. Варендорфом овладело чувство, которое можно назвать «синдромом Ла Шетарди»: он боялся, что враги перехватят его переписку. Скромное положение Варендорфа не позволяло французскому посланнику быть с ним вполне откровенным. Дальон чувствовал себя так одиноко, что даже написал Валори, французскому посланнику в Берлине, письмо, в котором умолял того ускорить отправку в Петербург Финкенштейна, уже назначенного полномочным министром Пруссии в России. Меж тем Финкенштейн, прибыв к месту назначения, несколько месяцев не был допущен к аудиенции у императрицы и не получил приглашения на торжества в честь годовщины коронации!²⁰⁴

В 1746 году канцлер одержал очередную победу: женил сына, юношу неотесанного, развратного и не знающего счета деньгам, на племяннице Разумовского и таким образом породнился с «семьей» императрицы. Теперь Бестужеву при любых условиях была обеспечена поддержка фаворита, а у противников франко-прусского союза в России появилась наконец официальная партия. Фридрих, большой любитель матримониальных интриг, попытался совершить невозможное и помешать этому союзу; он приказал Варендорфу уговорить Румянцева, чтобы тот попросил руки девицы Разумовской для своего сына²⁰⁵. Однако из этого, разумеется, ничего не вышло.

Чтобы закрепить успех, канцлер решил окончательно избавиться от главных участников переворота, возведшего Елизавету на престол: Брюммера и Лестока. Справиться с первым было легче: его ненавидел великий князь. Бестужев рассчитывал

---

²⁰³ Дальон к д'Аржансону, 15/26 февраля 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVIII. Fol. 102.

²⁰⁴ Это встревожило даже англичан; см. письмо Гиндфорда к Честерфилду от 28 апреля 1747 г. // Сб. РИО. Т. 103. С. 285–286.

²⁰⁵ Фридрих к Варендорфу, 22 февраля 1746 г. // РС. В. V. S. 272.

на невольную поддержку этого последнего и не обманулся в расчетах: Брюммер попал в расставленные сети. Дело заключалось в том, что великий князь сожалел о своем переходе в православие и, не таясь, открыто в этом признавался. Брюммер же, вместо того, чтобы закрыть глаза на происходящее, «раздул из этого целую историю» и пожаловался на великого князя его тогдашнему воспитателю Чоглокову, бестужевскому шпиону. Канцлер не мог пренебречь представившейся возможностью бросить тень на голштинца и устранить от двора человека, преданного Фридриху. Он известил Елизавету, чрезвычайно щепетильную во всех вопросах, связанных с религией, о настроениях великого князя и подчеркнул (не без оснований), что «обстоятельство столь значительное может произвести опаснейшее впечатление на членов Синода и на высших должностных лиц империи»²⁰⁶. Виновником же столь страшного несчастья был назван протестант Брюммер — вот и предлог для его изгнания. Великого князя должны были объявить совершеннолетним в феврале 1746 года, после того, как ему исполнится восемнадцать лет. Чтобы не ждать так долго, канцлер с помощью саксонских друзей изготовил документ, согласно которому великий князь мог быть объявлен совершеннолетним уже в июне 1745 года. Бестужев знал, что прежде всего юноша поспешит избавиться от своего обер-гофмаршала, который постоянно его унижал, оскорблял и мучил²⁰⁷. Все произошло именно так, как задумал канцлер; Елизавета уступила настояниям племянника и летом 1746 года отослала Брюммера в Голштинию²⁰⁸.

У Дальона, а следовательно, и у Варендорфа, и — позже — у Финкенштейна оставался отныне один-единственный союзник — Лесток, бывший любовник императрицы (статус, при русском дворе вовсе не редкий, но все же служивший надеж-

---

²⁰⁶ Anecdotes sur la cour de Russie [Анекдоты о русском дворе] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 176.

²⁰⁷ *Fleischhacker H.* Porträt Peters III // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1957. В. 5. Р. 127 sq.

²⁰⁸ Что привело противную сторону в восторг; см. письмо Гиндфорда к Гаррингтону от 24 мая 1746 г. (Сб. РИО. Т. 103. С. 61); см. также письмо Претлака к Ульфелю от 7 июня 1746 г. // *HHStA. Russland II. Berichte* 27. Fol. 58; *Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse, die gotthorfsche Frage in der russischen Aussenpolitik 1741–1773. Neumünster, 1984. S. 56 sq.

ной защитой). Бестужеву пришлось изобретать новые, более хитрые ловушки, новые, совершенно неопровержимые аргументы. По тщательно продуманному плану начать было решено с людей наиболее уязвимых. Чоглокова, «пруссофила», перешедшего в противоположный лагерь, отправили в Ригу, чтобы арестовать графа Головкина, камергера императрицы, и датчанина подполковника Остена, обвиненных в принадлежности к масонству. Фридрих принялся горячо заступаться за своих «братьев», и после унижительных допросов, нанесших ущерб и репутации самого короля, арестованных отпустили. В марте 1747 года разгорелся новый скандал: изъяли бумаги у некоего Фербера, пруссака, который, желая, по-видимому, вступить в русскую службу, хвалился, будто имеет доступ к шифрам Варендорфа и может разбирать его письма. Изъятые письма, написанные, скорее всего, по указке Бестужева, содержали многочисленные сведения, порочащие Лестока, Воронцова, Мардефельда, Дальона, Варендорфа...²⁰⁹ Простодушная императрица поверила клевете и пришла в негодование. Между тем бестужевского шпиона, после того как он предъявил свои «улики», отослали на родину, чтобы он собирал сведения о жизни берлинского двора. Это его и погубило: Фридрих не стал терять времени даром, и в июне 1747 года «человек Бестужева» был повешен, хотя точных доказательств его вины (кроме признаний, полученных под пыткой) не имелось²¹⁰. Казалось, напряженность в отношениях между двумя дворами достигла предела, однако канцлер продолжал расшатывать ситуацию.

Среди тех, кого стремился скомпрометировать Бестужев, были не только пруссаки, но и подданные Людовика XV. Французский полковник Ла Саль, некогда вступивший в русскую службу, в 1745 году получил разрешение побывать на родине, а затем вернулся в Петербург, чтобы попросить о полной отставке. На самом деле то был лишь предлог, поскольку д'Аржансон поручил ему войти в сношения с членами про-французской группировки, а также попытаться подкупить саксонского посланника Петцольда, который, впрочем, уже

²⁰⁹ Фридрих к Варендорфу, 9 декабря 1746 г. // PC. B. V. S. 257–258.

²¹⁰ Финкенштейн к королю, 19 июня 1747 г. // GStA. Rep. 96. 55H. Fol. 61. Под этим шифром хранится целое досье, посвященное делу Фербера и его последствиям.

давно был подкуплен Бестужевым. Все бумаги Ла Салья были арестованы, а самого его бросили в темницу. Ему грозила ссылка в Сибирь или — что, впрочем, скомпрометировало бы французский кабинет гораздо сильнее — позорная экстрадиция²¹¹. Однако внезапно, при невыясненных обстоятельствах Ла Саль умер. Грязное, подозрительное дело...

Сражение продолжилось за пределами России: Фридриха открыто обвинили в том, что он наводнил европейские столицы своими шпионами. Прошел слух, будто он пытался подкупить Ланчинского, русского посланника в Вене. Вскоре выяснилось, что это ложь: на самом деле секретарь этого дипломата, «плут», человек, которого, возможно, «нарочно определили на это место, чтобы разыграть комедию», сам предложил свои услуги послу Пруссии в Австрии. Среди прочего он обещал ему расшифровывать и сообщать письма Ланчинского. Подевилльс (брат министра) заподозрил недоброе и выгнал предателя из посольского особняка, даже не дослушав его предложений; однако дело было сделано: репутации пруссаков эта история нанесла большой ущерб. «Весь Петербург» обсуждал слухи о шпионских происках Подевилльса. Финкенштейн, Варендорф и немногие их сторонники окончательно лишились доверия в обществе. Оказавшись в столь щекотливом положении, как могли они опровергнуть «эту грубейшую ложь»²¹²? Фридрих, надеявшийся, что в России у него еще остались друзья, приказал предупредить Воронцова о «лживых измышлениях» своих врагов и просить вице-канцлера поставить в известность о подлой клевете Сенат. Однако члены этого славного заведения либо вообще оказывались недостижимы для Финкенштейна, либо не находили времени, чтобы выслушать его жалобы на предательское поведение австрийцев, заинтересованных в том, чтобы «поссорить Пруссию с Россией»²¹³.

Царица тем временем пребывала в позиции сугубо созерцательной; «бряцанье оружия» отвлекало ее величество «от развлечений и молитв»²¹⁴. Будучи в душе убежденной про-

---

²¹¹ Фридрих к Ле Шамбрье, 21 мая 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 162.

²¹² Фридрих к Финкенштейну, 29 сентября 1747 г. // PC. B. V. S. 488.

²¹³ Фридрих к Финкенштейну, 18 сентября 1747 г. // PC. B. V. S. 479.

²¹⁴ Дальон к д'Аржансону, 26 июля/6 августа 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLIX. Fol. 42.

тивницей вооруженного вмешательства, она втайне досадовала на «агентов» Бестужева, не сознавая, однако, как опасна ее собственная беспечность. Не занимаясь государственными делами ни во время постов, ни во время религиозных праздников, то и дело отправляясь в паломничества, она из легкомыслия, а быть может, и из трусости, предоставляла всю полноту власти канцлеру. Согласно ее логике выходило, что если жизнью ее подданных будет рисковать не она сама, а второй человек в империи, то и вина за погибших падет не на нее, а на него. Бестужев же собирал информацию и толковал международную обстановку в выгодном для себя духе. Людовик и Фридрих отчаялись привлечь Россию на свою сторону и теперь делали ставку только на ход времени, на судьбу или на здравый смысл народа, иначе говоря, на возможное восстание или дворцовый переворот²¹⁵. Мардефельд, еще менее подверженный иллюзиям, не верил, впрочем, и в эту возможность, «тем менее вероятную, что до тех пор, пока у народа не появится истинного вождя, народного гнева властям бояться нечего». Да что народ? По мнению Мардефельда, даже элита нации, подавленная капризами Елизаветы и деспотизмом Бестужева, запутавшаяся в сложной системе почестей и должностей, не могла уже и вообразить себе такие «решительные действия», которые освободили бы ее от диктатуры всесильного министра²¹⁶. Видя полную невозможность влиять на русскую политику, Версаль в конце концов пошел на обострение и решился на разрыв дипломатических отношений (июнь 1748 года). Фридрих предпочел действовать более сдержанно и положился на такт своего давнего друга и опытного дипломата Финкенштейна; король считал, что помочь наладить отношения с Россией способно только время. «Привлекать русских на нашу сторону — значит попусту тратить силы», — утверждал он и советовал Финкенштейну по мере сил приспособливаться к «нынешнему положению дел»²¹⁷.

---

²¹⁵ «Свалить канцлера можно будет только посредством целого переворота; ибо бороться с ним один на один — дело пустое» (Фридрих к Финкенштейну, 25 июля 1747 г. // РС. В. V. S. 443).

²¹⁶ Мардефельд и Подевилс к Финкенштейну, 9 марта 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 88.

²¹⁷ Ibid.

Конец героев

Интриги и конфликты не замедлили сказаться на отношениях между французским и прусским посланниками. Дальон и Финкенштейн плохо подходили друг другу: они не только по-разному оценивали ситуацию в целом, но и спорили насчет самых незначительных деталей. Французский посланник, корыстолюбивый, болтливый, неуживчивый, пал духом и даже не пытался делать хорошую мину при плохой игре; он понимал, что разрыв отношений между Россией и Францией неизбежен, что от его действий ничего не зависит, и не пытался никому угодить. Особенно участились жалобы на поведение французского посланника осенью 1747 года; даже Воронцов, обычно скупой на комментарии, признавался, что терпеть не может Дальона²¹⁸. По мнению Финкенштейна, французский дипломат своей бестактностью «до чрезвычайности» вредил репутации Пруссии и самого Фридриха в Петербурге²¹⁹. Несмотря на несомненные достоинства Дальона²²⁰, прусский дипломат попросил своего государя передать в Париж просьбу о замене французского посланника в Петербурге и тем самым невольно ускорил разрыв дипломатических отношений между Францией и Россией. Бестужев не допустил Дальона до императрицы, и тот, сославшись на тяжкую болезнь, покинул Петербург без отпускной аудиенции. По приказу версальского кабинета, посланник увез с собой всех соотечественников, числившихся при посольстве, а также документы и шифры²²¹. В Петербурге остался только консул Сен-Совёр, которому было поручено вести переговоры о возможном торговом соглашении между двумя странами; никаких средств для дипломатической работы у него не было. Правда, он имел счастье понравиться канцлеру²²², и тот, переменив тон, заговорил даже о той «радости», которую доставит ему «доброе

---

²¹⁸ Подевилль к Финкенштейну, 19 сентября 1747 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 54B. Fol. 162.

²¹⁹ Финкенштейн к Фридриху, 29 сентября 1747 г. // GStA. Rep. 96. 55H. Fol. 188.

²²⁰ Проведя в Петербурге девять лет, он имел время вникнуть в сложное устройство русской придворной жизни — его донесения исчерпывающе об этом свидетельствуют.

²²¹ Письмо Пюизё от 16 ноября 1747 г. // AAE. CP. Russie. T. L. Fol. 417.

²²² Бестужев к Сен-Совёру, 12/23 ноября 1747 г. // AAE. CP. Russie. T. L. Fol. 468.

согласие» между двумя державами, умолчав, впрочем, о том, что было прекрасно известно Версалью, а именно об отправке вспомогательного корпуса. Бюджет консульства (учреждения, существовавшего скорее на бумаге, чем в реальности) был сведен к минимуму, что обрекало Сен-Совёра на полное бездействие. Дальон тщетно протестовал против этой половинчатой меры, вследствие которой Франция оставалась представленной в России, но представленной человеком, не имевшим ни средств, ни власти и всецело зависевшим от дворцовых интриг. «Если оный Сен-Совёр в Петербурге останется, то умрет либо от тоски, либо от нищеты», — писал Дальон к Морепа 29 октября 1746 года²²³. Хотя Петербург имел репутацию очень дорогого города, Пюизьё уменьшил жалование низшего персонала до 12 000 ливров в год, из которых больше двух тысяч уходило на почтовые расходы. Вернувшись в Париж, Дальон в весьма резких выражениях упрекнул версальский кабинет в необъяснимой беспечности: разве не по его вине Россия впала в зависимость от Англии и Австрии? Бывший посланник призывал Пюизьё не порывать с Елизаветой, набраться терпения, продолжать борьбу с врагом, найти нового капитана для этой «галеры» и создать ему наилучшие условия для работы²²⁴. Однако из-за жалоб Фридриха и Финкенштейна Дальона никто не слушал. Так Франция упустила — причем на сей раз намеренно — очередную возможность поддержать, если не улучшить, официальные отношения с Россией. Неудача Сен-Совёра была предсказуема и даже ожидаема. Последний официальный представитель Франции покинул Россию в июне 1748 года. Разрыв совершился²²⁵. Версалью нечем было заменить Сен-Совёра, не потому, что не имелось достойных кандидатур, а потому что никто не желал обречь себя на существование при дворе, пользовавшемся дурной славой, — неопровержимый аргумент, о котором очень скоро узнали в Петербурге.

Между тем события роковой зимы 1747/48 годов развивались стремительно. Лесток, «смелый друг», на старости лет женился на девице Менгден, близкой родственнице Юлии

---

²²³ ААЕ. СР. Russie. T. XLIX. Fol. 48.

²²⁴ Дальон к Пюизьё, 8/19 марта 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 136.

²²⁵ Дальон к Пюизьё, 1/12 января 1748 г. // ААЕ. СР. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 35. См. также: *Rambaud A. Op. cit. T. I. P. 479 sq.*

Менгден, фаворитки Анны Леопольдовны. После этого служитель Гиппократа стал уязвимой мишенью; канцлер без труда возбудил в душе Елизаветы недоверие (и ревность), и она приказала установить за врачом надзор²²⁶. Последствия не заставили себя ждать и оказались губительными для жалких остатков франко-прусской группировки. В очередной раз легковверной царице были предъявлены возмутительные письма, свидетельствующие о готовящемся заговоре, в результате которого на «ее» трон посадят Ивана Антоновича²²⁷. Меж тем на самом деле Лесток всего-навсего хотел известить великого князя о кознях, которые плел против него клан Бестужева вместе с представителями старинной знати²²⁸. Все его преступление заключалось в неверном выборе слов и в тесных связях с молодым двором, отношение к которому императрицы с каждым днем ухудшалось. Лестока тотчас арестовали. Ведение его дела было поручено доверенным лицам канцлера С. Ф. Апраксину и А. И. Шувалову — особам, специально отобранным для того, чтобы «помочь несправедливости восторжествовать над невинностью и лишить эту последнюю малейшей возможности оправдаться»²²⁹. Апраксин заодно унаследовал роскошный особняк лейб-медика...

Дело Лестока про шумело на всю Европу; о нем рассказывали «глупые и лживые сказки» пошлые люди, каких при императорском дворе было немало²³⁰. Финкенштейн счел своим долгом составить обстоятельное донесение королю, дабы получить от него точные указания насчет дальнейших своих действий. Даже этот опытный дипломат теперь не осмеливался действовать на свой страх и риск. Фридриху пришлось официально опровергнуть слухи о том, что опала Лестока вот-вот повлечет за собою

---

²²⁶ Финкенштейн к королю, 26 ноября 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 157 C. Fol. 11 (досье 1802 года).

²²⁷ Финкенштейн писал королю: «Я, напротив, весьма склонен считать, что предъявляемые в доказательство вины письма сочинены при здешнем дворе по воле канцлера, который в злобе своей только и ищет посеять рознь между российской императрицей и Вашим Величеством и Ваше с нею согласие расстроить» (3 марта 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 57).

²²⁸ Письма Финкенштейна от 10 декабря 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 157 C. Fol. 16; Rep. 96. 55K. Fol. 233. См. также рассказ Петцольда в изд.: Herrmann E. Op. cit. B. V. S. 210 sq.

²²⁹ Фридрих к Даммону, 11 января 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 17.

²³⁰ Ibid.

отзыв его из Петербурга его посланника — отзыв, о котором сам Финкенштейн попросил короля после нескольких недель, проведенных в русской столице²³¹. Фридрих не желал давать повода для разрыва дипломатических отношений между его страной и Россией: русские войска по-прежнему находились неподалеку от границ Пруссии, обстановка была беспокойной... В отличие от Франции, Пруссия желала сохранить хотя бы видимость дружбы с могущественным соседом.

Что же касается обстановки внутри России, то Бестужев вышел из кризиса победителем, несмотря на полный неуспех его внешней политики, приведшей к отлучению России от участия в ахенских переговорах²³². Канцлер устранил всех своих противников, поссорил Елизавету с Францией, Пруссией, а затем и со Швецией. Брюммер покинул Россию летом 1746 года, Воронцов, потрясенный происходящим, то и дело сказывался больным. Лесток томился в крепости и ему грозила ссылка в Сибирь; молодая жена лейб-медика, обвиненная в сношениях с Брауншвейгским семейством, разделяла его участь. Версаль уже год как не имел в Петербурге своего представителя. Канцлер ослабил молодой двор и распоряжался всем единолично; поскольку положение наследника престола было не слишком прочно, Бестужев изменил политику России на севере в ущерб Швеции: так бесславно окончилась деятельность франко-пруссского лагеря в России. Финкенштейн, скомпрометированный дружбой с Лестоком, вновь попросил короля об отзыве и даже сам приискал себе преемника — Балтазара ван дер Гольца, в ту пору прусского посланника в Варшаве²³³. Комедию следовало продолжать...

Карьеры рушились, иностранцы спасались бегством, а жизнь при дворе тем временем шла своим чередом. Впрочем, с Лестоком исчез один из главных центров петербургской светской

---

²³¹ Финкенштейн заговорил об этом сразу после подписания Ахенского договора, ибо считал, что теперь его присутствие в Петербурге менее необходимо.

²³² Фридрих поручил Ле Шамбрье «составить исторический отчет» о махинациях Бестужева и, главное, «укрепить» Пюизье в намерении «обойтись безо всякой пощады и предупредительности с двором, который так мало был предупредителен к Вашему двору, главное же, вовсе не допускать его до переговоров о мире» (письмо от 14 июля 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 165. Fol. 14).

²³³ Финкенштейн к королю, 26 ноября 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 385.

жизни. Во время праздника, устроенного в честь одной из фрейлин императрицы, министры и придворные играли свои роли безупречно: все лица выражали исключительно радость и беззаботность. Прусский посланник, смотревший на все это лицемерие с раздражением и досадой, набросал, вернувшись из дворца, психологический портрет русского царедворца: «По крайней мере я имел удовольствие видеть там такое умение скрывать истинные мысли и чувства, какое можно наблюдать только в России». Все, казалось, пребывали в прекрасном настроении, празднество было еще оживленнее обычного, и «особы, связанные с несчастным графом Лестоком самыми тесными узами, старались выказывать особенную игривость». Разве что изредка в чем-нибудь взгляде можно было прочесть сочувствие к брошенному в темницу бывшему любовнику императрицы — участь, грозившая, возможно, многим новым фаворитам²³⁴. Работать с Бестужевым было невыносимо, если не просто невозможно, Елизавета же не делала ничего, чтобы исправить ситуацию. В эту кризисную пору она стала особенно непоседлива. Внезапно — быть может, под влиянием ахенской неудачи — она приняла решение на два года переехать вместе с двором в Москву; по традиции в таких случаях вслед за всеми переезжал и дипломатический корпус. Фридрих своему посланнику переезжать отсоветовал. В Москву письма шли гораздо медленнее, и пребывание посольства в старой столице лишило бы короля всякой возможности незамедлительного вмешательства. Прусский король, обычно крайне скупой на добрые слова, написал своему представителю не без нежности: «Мне было бы досадно разлучиться с Вами на столь долгий срок»²³⁵. Король посоветовал дипломату воспользоваться обычным предлогом — сослаться на болезнь; впрочем, сначала следовало отыскать надежного врача²³⁶. Посланник, хотя и очень хотел вернуться домой, все-таки попытался убедить своего государя в необходимости переезда в Москву; зная, что «отсутствующие всегда неправы», он боялся новой волны сплетен и слухов на свой счет и на счет Пруссии. В старой столице они распространялись так же быстро, как и в новой. На сей раз Бестужев замахнулся

---

²³⁴ Ibid. 157 C. Fol. 11.

²³⁵ Финкенштейн к королю, 28 октября 1748 г. // GStA. Rep. 96. 55K. Fol. 163; король к Финкенштейну, 12 ноября 1748 г. // GStA. Rep. 96. 55K. Fol. 181.

²³⁶ Финкенштейн к королю, 12 октября 1748 г. // GStA. Rep. 96. 55K. Fol. 144.

на Воронцова; чтобы свалить этого противника, требовалось отыскать новую тему для клеветы. Вице-канцлер, измученный всевозможными интригами, представлял собой легкую добычу; вдобавок он и сам хотел уехать из столицы и поселиться у себя в поместье — план, который был вовсе не по душе Фридриху, не желавшему терять одного из редких союзников и информаторов, какие у него еще оставались при русском дворе²³⁷. Бестужев, по своему обыкновению, начал с окружения своего врага. Естественно, его мишенью сделался Финкенштейн, последний представитель франко-прусской группировки. На прусского дипломата обрушились традиционные неприятности: его забывали пригласить на балы, он не мог добиться аудиенции у императрицы, и проч. Фридрих понял, к чему все это клонится и 22 ноября 1748 года удовлетворил просьбу Финкенштейна об отставке. Вплоть до приезда нового полномочного министра, ван дер Гольца, обязанности Финкенштейна возложили на Варендорфа. Тем не менее отпускную аудиенцию откладывали вплоть до декабря; шпионы канцлера до последнего момента надеялись все-таки перехватить какие-нибудь компрометирующие письма, подслушать какой-нибудь секретный разговор, поймать заговорщический взгляд и воспользоваться обвинениями против Финкенштейна для того, чтобы погубить Воронцова, как прежде Лестока. Фридрихов представитель уехал вовремя; его преемнику ван дер Гольцу, новичку, неискушенному в политических тонкостях, предстояло начать все с нуля.

Англичане и австрийцы, не жалевшие денег, подчинили Россию своему влиянию и выиграли внутреннюю войну против Франции и Пруссии; в этом состояло отличие российской ситуации от европейской, где победителей не было: война за Австрийское наследство закончилась «фиктивным миром», или «ничьей»²³⁸. Это уникальное положение дел при русском дворе не замедлило сказаться на отношениях между западными державами — отношениях, претерпевших существенные изменения.

---

²³⁷ Письмо Финкенштейна от 12 декабря 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 157C. Fol. 12.

²³⁸ *Le Roy Ladurie E. L'Ancien Régime*. P. 312.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРЕДЕЛ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА

Презрение и молчание —
вот единственное наше оружие¹.

---

¹ [Anonyme]. Mémoire pour servir de réfutation à la note que le Sr Bestoujev a fait publier à l'occasion du rappel du Sr Gross [Аноним. Записка, призванная служить опровержением ноты, опубликованной г-ном Бестужевым в связи с отзыванием г-на Гросса] // GStA. Rep. XI. Russland. B conv. 2D. Fol. 57–62.

Глава десятая

ГЕОМЕТРИЯ СЕВЕРА

Окончание войны за Австрийское наследство и восстановление спокойствия на континентальной сцене не привело европейские державы к полному примирению. Франция и Англия, обескровленные сражениями, собирались продолжить борьбу на северо-американском континенте, Пруссия и Австрия — выяснять отношения на сейме. Мария-Терезия и Фридрих не могли прийти к согласию по поводу претендента на титул «короля римлян»², они пристально следили за всеми движениями и поступками курфюрстов, в особенности Георга II, который, нося английскую корону, оставался ганноверским курфюрстом, и баварца Максимилиана III Иосифа, которого поддерживал Версаль. Австрийскую императрицу и прусского короля настораживало также намерение посадить на трон Ягеллонов Карла Лотарингского, брата германского императора Франца, супруга Марии-Терезии. Таким образом, Европа, казалось, была опять обречена на решение германских проблем; условия только что заключенного мира никого не удовлетворяли, и хотя из-за всеобщей усталости и разрухи европейские страны ощущали настоящую потребность в передышке, никто не знал, сколько она продлится. Ситуация отчасти напоминала 1741 год, когда превратности политических союзов и распри между континентальными державами сделали главной опорой его христианнейшего величества французского короля не кого иного, как выскочку-кальвиниста из крошечного Бранденбурга.

Лишь одна страна, несколько не пострадавшая от войны физически, понесла моральные потери, испытала оскорбления

---

² Этот титул носил с XI века последний царствующего императора «Священной Римской империи германской нации».

и унижения — Россия, войска которой по-прежнему находились в Центральной Европе. Чтобы вернуть России ключевую позицию в сообществе европейских наций, ее правительство должно было во что бы то ни стало отыскать этим войскам реальное применение. Неутомимый Бестужев разработал новый план, призванный оправдать неудавшееся вторжение русских в Европу в глазах всего мира, а главное, в глазах Елизаветы³. Поводом для нарушения хрупкого равновесия стал старый спор о крохотном герцогстве Шлезвиг-Голштейн-Готторп, на которое претендовали и датчане, и русские, и шведы. Условия для осуществления бестужевского замысла были весьма благоприятны⁴: представитель Людовика XV, важный участник представления, разыгрывавшегося на петербургской сцене, покинул русскую столицу. Тем более необходимо было Версалью укрепить свои позиции на севере с помощью союзников-шведов⁵.

Во время Северной войны (1700–1721) герцоги Шлезвиг-Голштейнские встали на сторону шведов в надежде освободиться от власти датчан. После разгрома Швеции Петром I и заключения в 1721 году Ништадтского мира датский король Фредрик IV (1671–1730) с согласия России, Пруссии и Польши присоединил к своему королевству владения герцогов Голштейн-Готторпских; чуть позже это приобретение гарантировали Дании также французы и англичане⁶. Император Карл VI не замедлил осудить аннексию: стремясь оставить Шлезвиг-Голштейн, расположенный между Северным и Балтийским морями, в зоне своего влияния, он взял герцогов под свое покровительство. Таким образом, в течение 1720–1730-х годов герцоги Голштейн-Готторпские оказались включены в сложную систему зависи-

---

³ Бестужев старался поставить свою государыню «перед свершившимся фактом», во что бы то ни стало навязать ей программу новых военных действий на севере, «дабы не уронить ее славу, — довод, немалую власть над этой монархиней имеющий и способный одолеть ее нрав, от природы праздный и миролюбивый» (письмо Гольца от 10 апреля 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 109).

⁴ Ньюкасл к Гаю Диккенсу, 5 июля 1751 г. // Сб. РИО. Т. 148. С. 251.

⁵ Письмо Финкенштейна от 26 июня 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56B. Fol. 201.

⁶ После многочисленных разделов (имевших место, в частности, в 1544 и 1581 гг.) Шлезвиг-Голштейном стали править два государя: представители датской «королевской» старшей линии, потомки Фредрика II (1534–1588), и представители голштейн-готторпской линии, потомки герцога Адольфа (1526–1586). В 1658 году герцоги с помощью Швеции сделались единовластными владельцами своих шлезвигских владений.

мостей. Юный Карл-Фридрих (1702–1738) приходился по матери племянником бездетному шведскому королю Карлу XII, и, следовательно, считался одним из претендентов на шведский трон. Чтобы обеспечить себе более прочные шансы на это наследство, он женился на старшей дочери Петра, разбившего шведов под Полтавой, — в случае территориальных споров это родство могло служить надежным подспорьем.

Свадьба Анны Петровны и Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского, состоявшаяся в 1725 году, прекрасно вписывалась в экспансионистскую матримониальную программу великого царя. Петр нарушил традицию, предписывавшую русским царям «эндогамные» браки с русскими невестами из знатных боярских родов; своих детей, племянников и племянниц он соединил брачными узами с представителями немецких герцогских родов: с Брауншвейг-Вольфенбюттельским, Голштейн-Готторпским и Курляндско-Земгальским домами. Приданое Анны Петровны спасло Голштинию от разорения, а рождение сына укрепило права на хрупкое наследство. Теперь в свою очередь покровителями этого маленького государства сделались русские: и финансовыми, и коммерческими способами они способствовали экономическому развитию Голштинии⁷. Однако после смерти Екатерины I в 1727 году и смерти ее старшей дочери в следующем году Россия очень скоро бросила Голштинию на произвол судьбы. В 1732 году Анна Ивановна подписала с Австрией и Данией конвенцию, недвусмысленно ограничивавшую права герцога. Конвенция подтверждала присоединение герцогства Голштейн-Готторпского к Дании, а за присоединение принадлежащей герцогу части Шлезвига сулила ему миллион рейхсталеров. В результате земли Голштейн-Готторпского герцогства, и без того уже сильно раздробленные, грозили превратиться в настоящее лоскутное одеяло. Молодой герцог, рассчитывавший на поддержку Карла VI, воспротивился такому разделу; проблема так и осталась нерешенной. После кончины Карла-Фридриха в 1738 году и создания временного правительства под руководством Фридриха-Августа Голштинского, человека корыстолюбивого и трусливого, дела в маленьком государстве пошли еще хуже. Шведы и датчане не спускали глаз с Голштинии и ждали первого неверного шага ее правителей; русские

---

⁷ Hübner E. Op. cit. S. 20.

сократили финансовую помощь и затрудняли плавание голштинских торговых кораблей по Балтийскому морю. Восшествие на престол Елизаветы, которую связывали с Голштинским домом сентиментальные воспоминания, спасло крохотное герцогство. Назначение сына Карла-Фридриха и Анны Петровны наследником российского престола означало радикальную перемену внешнеполитического курса России. Царица, подобно своему отцу, заботилась о территориальных интересах своих голштинских родственников и поддерживала желание Голштинии вернуть земли, аннексированные Данией⁸; между тем члены Императорского совета (Конференции) относились к этому намерению весьма сдержанно, ибо боялись, как бы защита Голштинии не привела к пересмотру Ништадтского мира (1721)⁹, по которому к России отошли Лифляндия, Эстляндия и Карелия.

В 1742 годы по наущению Версаля и под давлением Петербурга шведский сейм избрал Карла-Петера-Ульриха Голштейн-Готторпского, уже назначенного наследником Елизаветы, также и наследником старого Фредрика I. Между тем юный герцог к этому времени уже принял православие и лишился права воссесть на шведском престоле; таким образом, наследником шведской короны сделался епископ Любский Адольф-Фридрих Голштейн-Готторпский. Елизавета, пользуясь поддержкой Пруссии, навязала шведам, ослабленным после Абоского конгресса, этот выбор. Пруссский же король, чтобы укрепить права и притязания Голштинского дома, в 1744 году выдал за наследника шведского престола свою любимую сестру Ульрику¹⁰. Таким образом, скандинавской державе покровительствовали и Гогенцоллерны, и Романовы¹¹, а Версаль настороженно наблюдал за этим перераспределением наследственных прав, которое грозило лишить Стокгольм

---

⁸ См. «Инструкцию графу де Сен-Северену, чрезвычайному послу короля в Польше, отправляющемуся по делам Его Величества к русскому двору», писанную в Версале 29 ноября 1744 г. (Сб. РИО. Т. 105. С. 363–365).

⁹ См.: Архив князя Воронцова. Т. VII. С. 2–4; *Hübner E.* Op. cit. S. 29–33.

¹⁰ *Danielson J. R.* Die Nordische Frage in den Jahren 1746–1751. Helsingfors, 1888. S. 241. Елизавета очень скоро пожалела о том, что содействовала этому браку; см.: *Aus Pezolds Bericht, datiert Petersburg, d. 2. Juli 1745 // Hermann E.* Op. cit. B. V. S. 200.

¹¹ Инструкция графу де Сен-Северену, чрезвычайному послу короля в Польше... // Сб. РИО. Т. 105. С. 363.

независимости. Внешняя политика России на севере была неотделима от проблемы Голштинии¹²; родственные связи с Голштинским домом увеличивали могущество России, позволяли ей контролировать внутреннюю и внешнюю политику Швеции¹³. Вплоть до 1746 года, когда Россия вступила в европейскую войну, Людовик XV в ущерб интересам Фредрика I делал вид, что одобряет такое положение дел.

Начиная с 1742 года, Голштинский вопрос служил камнем преткновения в отношениях Елизаветы с ее собственным правительством; члены Императорского совета, стремясь поддержать датского короля Христиана VI, были готовы пожертвовать герцогством, тогда как императрица надеялась укрепить позиции своего наследника сохранением этого государства под покровительством России. Тесное переплетение интересов огромной империи и крохотного герцогства, напряженные отношения с Данией и Швецией — все это сковывало деятельность русской Коллегии иностранных дел. Пытаясь найти выход из этого тупика, Елизавета решила создать специальное министерство, которое занималось бы делами Петра Федоровича и само, независимо от Коллегии иностранных дел, вело соответствующие переговоры по территориальным вопросам. Фридрих-Август Голштинский, дядя великого князя, управляющий делами герцогства, поселился в Петербурге; таким образом, получалось, что герцогство имеет правительство хоть и независимое, но, к великому неудовольствию других северных держав, располагающееся в Петербурге.

Молодой двор в результате этих перемен обрел собственную исполнительную и законодательную власть. Министром великого князя по управлению Голштинским герцогством был назначен Пехлин. Елизавета распорядилась, чтобы окончательные решения зависели исключительно от самого великого князя¹⁴. Она полагала, что таким образом приучит его к ответственному исполнению государственных обязанностей. Однако такое решение шло вразрез с намерениями Бес-

---

¹² Hübner E. Op. cit. S. 31 sq.; см. также «Инструкцию графу де Сен-Северену, чрезвычайному послу короля в Польше...» (Сб. РИО. Т. 105. С. 363 и след.).

¹³ Instructions à La Chétardie, 1743 [Инструкции маркизу де Ла Шетарди, 1743] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. XXXIV. Fol. 96.

¹⁴ Hübner E. Op. cit. S. 68.

тужева, который уже сумел подкупить Фридриха-Августа и рассчитывал через него прибрать к рукам владения великого князя. Императрица же, весьма решительная, когда речь шла о делах семейных, отослала бывшего управляющего на родину (1745), где ему пришлось довольствоваться исполнением представительских функций¹⁵. Канцлер, однако, не терял надежды. Он был уверен, что Петр Федорович, юноша хилый и, по мнению его супруги, весьма ограниченный, не справится со столь серьезными обязанностями, и рано или поздно Коллегия иностранных дел снова обретет контроль над отношениями со скандинавскими странами¹⁶. Однако великий князь и его помощники опровергли нелестные для себя прогнозы: они вели переговоры с Христианом VI (1699–1746), а затем с Фредриком V (1723–1766) о возвращении земель герцогства, не отказываясь при этом от датской компенсации¹⁷. Брюммер, несмотря на ненависть к нему великого князя, выступал самым рьяным сторонником интересов Голштинского дома и умело разжигал амбиции своего бывшего воспитанника; находясь в тесных сношениях с Мардефельдом, он сообщал Петру Федоровичу и его министрам ценнейшую информацию. В 1746 году по наветам Бестужева его принесли в жертву первым¹⁸. В течение этого года все голштинские чиновники были заменены русскими; один лишь Пехлин остался на своем посту во главе «кабинета», который *de jure* считался правительством независимого государства, но *de facto* находился под контролем канцлера¹⁹. Петр Федорович, которому его герцогство было гарантировано русско-австрийским договором 1746 года, держался твердо и продолжал переговоры. Дания, как и в 1732 году, предложила великому князю миллион рейхсталеров за отречение от Шлезвига²⁰, однако Петр, опираясь на поддержку тетушки, выгнал датского пред-

---

¹⁵ После скандала с Ла Шетарди Елизавета, раздраженная поведением сестры Фридриха-Августа, принцессы Цербстской, предпочла удалить от своего двора весь этот клан.

¹⁶ Hübner E. Op. cit. S. 59; Fleischhacker H. Op. cit. S. 127–189.

¹⁷ Hübner E. Op. cit. S. 71.

¹⁸ Гиндфорд, впрочем, считал, что Брюммера выслали из России по инициативе Елизаветы; см. его письмо к Честерфильду от 18 апреля 1747 г. // Сб. РИО. Т. 103. С. 267–268.

¹⁹ Hübner E. Op. cit. S. 59.

²⁰ Сб. РИО. Т. 103. С. 397, 451.

ставителя Хеусса, осыпав его «градом оскорблений»²¹. Бестужев и его приспешники имели деятельного союзника в лице Корфа, русского полномочного министра в Стокгольме, однако тот из-за своих интриг оказался замешан в распрю шведских партий — «шляп» и «копшаков», и старый король потребовал его отзыва, чем настроил Елизавету против себя и своего клана²². В очередной раз шумный, неопытный и расточительный дипломат спутал карты Коллегии иностранных дел²³. Перевод Корфа в Копенгаген ничего не изменил: датчане увидели в этом знак дурного расположения со стороны Петербурга и заморозили переговоры, и без того временно отошедшие на второй план после Ахенского конгресса.

Императрица, по всей вероятности, под влиянием духовенства, нарушила все планы своего канцлера: она решила на два года переехать в Москву и построить в Кремле дворец стоимостью 300 000 франков (около миллиона рублей)²⁴. Изменение местоположения двора и разорительные строительные проекты противоречили воинственным планам Бестужева²⁵; отъезд из столицы, расположенной вблизи наиболее уязвимых границ, свидетельствовал о стремлении императрицы к миру или по крайней мере к нейтралитету. Летом 1749 года Елизавета предпочла «закрыть глаза» на разногласия со Швецией, а затем неоднократно демонстрировала свое доброе отношение к королю Фредрику I и его преемнику. Бестужева это приводило в ярость²⁶. После Ахенского конгресса царица чинила

---

²¹ Дальзон еще в 1745 г. разгадал характер Петра Федоровича: «Великий князь — принц гордый и, судя по многим признакам, немалую будет питать склонность к войне, о примирении же не желает и слышать; не таково, однако, мнение русского министра. Он, пожалуй, желал бы даже, чтобы наследник русского престола никаких иностранных владений не имел» (письмо от 31 августа/11 сентября 1745 г. // ААЕ. СР. Russic. T. XLVII. Fol. 131).

²² Письмо Финкенштейна от 18 сентября 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56B. Fol. 39.

²³ *Danielson J. R.* Op. cit. S. 223 sq. См. об этом посланнике: *D'Argenson*. Op. cit. T. IV. P. 440.

²⁴ Кремлевский зимний дворец, начатый в 1749 г.; в 1812 году в нем жил Наполеон; в том же году разрушен.

²⁵ Письмо Гольца от 3 апреля 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 98.

²⁶ Письмо Гольца от 10 мая 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 155.

канцлеру самые разнообразные препятствия: она перестала слепо следовать всем его советам о продвижении по службе тех или иных лиц, стала еще чаще отправляться в путешествия, не желала подписывать бумаги, демонстративно прислушивалась к мнениям Шуваловых, от которых теперь зависела вся внутренняя политика страны. Однажды она строго заметила канцлеру, что ему не стоит заниматься делами Сената, ибо там, согласно ее воле, будет заседать великий князь — между тем министру, подкупленному англичанами, союзниками датского короля Фредрика V, это нововведение грозило большими неприятностями. Подобные известия о трудностях на пути человека, «недостойного жить на земле»²⁷, пробуждали в сердцах потсдамских политиков новые надежды.

Швеция, Дания, Россия и Голштиния

Шлезвиг-Голштейн, на владение которым претендовали три крупные державы (Швеция, Дания и Россия) стал козырем в игре, средством шантажа для основных участников состязания и их покровителей. Фредрик V был готов на все, лишь бы обрести гарантии своей собственности, а лучшим средством для этого было присвоить силой большую часть этой вожделенной территории. Поэтому он решил вернуть назад земли, принадлежавшие шведскому королю, а также прибрать к рукам наследные владения русского великого князя, герцога Голштейн-Готторпского²⁸. Датский король стремился укрепить границы своего королевства, состоявшего из собственно Дании, Норвегии и Шлезвиг-Голштейна, и таким образом стать гарантом мира в Северной Европе. Между тем обсуждение голштинского вопроса в конечном счете ослабляло позиции наследников Фредрика I и Елизаветы Петровны, ибо сталкивало шведского и русского наследных принцев. В конце 1740-х годов давление Фредрика V усилилось до такой степени, что Швеция вынуждена была обратиться к России за помощью, которую та была обязана ей оказать в соответствии с Абоским договором. Елизавета не замедлила ответить согласием, ибо считала Голштинию частью, если не провинцией своей империи; датчане, таким образом, покушались на ее вла-

---

²⁷ Письмо Гольца от 18 сентября 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56B. Fol. 50.

²⁸ Hübner E. Op. cit. S. 47.

дения и заслуживали отпора²⁹. Бестужев рвал и метал; новая война нарушала его планы союза с Англией и могла лишить его выгодных взяток и субсидий. Ему удалось отговорить Фредрика V от вооруженного вмешательства и внушить ему новый план действий: датский король должен был уговорить Петра Федоровича отказаться от своих голштинских владений и принять в качестве компенсации Дельменгорст и Ольденбург, с 1667 года входившие в Данию на правах персональной унии. Как, однако, убедить великого князя, унаследовавшего от предков вековую ненависть к такому грозному соседу, как Дания, согласиться на подобную сделку? Великий князь, невзирая на предложенные Копенгагеном крупные суммы, отверг все предложения датчан. А ведь молодой двор был весьма стеснен в средствах и погряз в долгах. По совету своего хитроумного министра иностранных дел фон Шулина Фредрик V решил предложить Адольфу-Фридриху, наследнику шведского престола, действовать сообща. Шведы, увязавшие все глубже в распре «шляп» и «колпаков», стояли на пороге гражданской войны и колебались в выборе между двумя возможными союзниками: могущественным восточным соседом, с которым их связывал Абоский мирный договор, или же соседом западным, скандинавским — той самой Данией, которой так не терпелось возратить себе стратегически важные территории. Следуя советам версальского кабинета, Фредрик I выбрал своего старого противника и родственника — датского короля³⁰.

Договор об оборонительном союзе между Данией и Швецией был подписан в августе 1749 года; Адольф-Фридрих полностью отказывался от своего голштинского наследства, а взамен получал Дельменгорст и Ольденбург. Компенсация эта была чревата весьма серьезными последствиями: шведский наследный принц был также и наследником Петра Федоровича и, умри тот бездетным, вступил бы во владение голштинскими землями последнего и тотчас уступил бы их Фредрику V. Спекуляции относительно хрупкого здоровья племянника Елизаветы, его бесплодия и даже возможного отрешения от престо-

---

²⁹ Письмо Ла Шетарди от 23 февраля/5 марта 1744 г. // Сб. РИО. Т. 105. С. 207.

³⁰ *Pries R. Das geheime Regierungs-Conseil im Holstein-Gottorp, 1716–1773. Neumünster, 1955. S.94; Sammlung der wichtigsten Urkunden welche auf das Staatsrecht der Herzogtümer Schleswig und Holstein Bezug haben. Kiel, 1847. S. 289 sq.*

ла делали такие предположения вполне возможными³¹. Договор этот сохранялся в тайне от русских до апреля 1750 года. Потрясенный Корф, узнав о нем, тщетно требовал объяснений. Бестужев же вообще не мог прийти в себя от досады: он-то рассчитывал, что Дания военным путем принудит шведов уступить спорные территории, что ослабит не только саму Швецию, но и позиции Франции на севере Европы. Теперь же Петербургу предстояло в одиночку бороться с двумя скандинавскими королями, которые, к несчастью, были склонны прислушиваться к голосу Людовика XV, с некоторых пор очень щедрого на субсидии. Канцлер снова ошибся; следовало ли ожидать, что эта ошибка будет стоить ему должности? Политика его зашла в тупик. Он стал редко появляться на людях, запил, все чаще прибегал к заиканью — проверенная тактика в трудных случаях³².

Тем временем на северной сцене появился новый серьезный игрок — граф де Линар, с января 1750 года датский посланник при петербургском дворе. Ему было поручено продолжать переговоры о территориальном вопросе, морочить великого князя пустыми обещаниями и умножать русско-шведские разногласия ради того, чтобы позволить Дании рано или поздно завладеть Голштейном³³. Он даже получил право делать великому князю мелкие уступки. Благодаря этому Петр Федорович одержал свою первую дипломатическую победу (на самом деле мнимую) и подписал в октябре 1750 года с Фредриком V конвенцию о возврате дезертиров. Бестужев стиснул зубы.

Северная политика Елизаветы Петровны

Императрица не только не оказывала на племянника ни малейшего давления, но, более того, давала ему почувствовать свою поддержку; Петр Федорович сам распоряжался судьбою собственных земель и сам нес ответственность за двусторонние переговоры. Рсальный Петр, в отличие от того слабоумного уродя, каким его изобразила в своих «Записках» коварная

---

³¹ Письмо Линара от 22 августа/2 сентября 1750 г.; цит. по: *Herrmann E.* Op. cit. В. V. S. 119; см. также: *Hübner E.* Op. cit. S. 81.

³² Гай Диккенс к Ньюкаслу, 1/12 декабря 1750 г. // Сб. РИО. Т. 148. С. 158–159.

³³ *Hübner E.* Op. cit. S. 84; *Danielson J. R.* Op. cit. S. 88.

Екатерина³⁴, вел переговоры твердо и отстаивал свои территориальные права с большим упорством³⁵. Он умел выжидать и предоставлял противнику делать ему все новые и новые предложения, — на такую тактику его вдохновляли немногие русские, сохранившие верность франко-прусскому лагерю: Трубецкой, Ушаков, Шувалов, а также прусские дипломаты: Гольц и Варендорф. У великой княгини Екатерины Алексеевны, которой к этому времени пошел двадцать второй год, имелись свои расчеты: мать ее, урожденная принцесса Голштейн-Готторпская, приходилась сестрой Адольфу-Фридриху, наследнику шведского престола, и Фридриху-Августу, герцогу-администратору; дочь свою она воспитала в ненависти к датчанам. Униженная позорной высылкой княгини Цербтской из Петербурга в 1745 году, приведенная в замешательство удалением из Петербурга герцога-администратора, Екатерина поддерживала все намерения нелюбимого супруга и старалась, как могла, укрепить его позицию³⁶; с помощью интриг и злословия она сеяла рознь в рядах бестужевских приспешников³⁷. В секретной переписке с матерью великая княгиня постоянно клялась, что будет отстаивать интересы обожаемых дядюшек как свои собственные³⁸. Сами по себе голштинские земли были Екатерине безразличны, но они должны были послужить обменной монетой в процессе установления мира на севере Европы, ускорить падение Бестужева, а быть может, и способствовать досрочному восшествию великого князя на престол его предков.

В течение 1751 года Петр Федорович показал себя достойным продолжателем политики своего отца и не дал себя обмануть ни канцлеру, ни своим собственным министрам. Чем сильнее настаивали его собеседники на необходимости подписать

---

³⁴ Стремясь задним числом оправдать совершенный ею переворот и убийство супруга.

³⁵ *Hübner E.* Op. cit. S. 95; см. также письмо Варендорфа от 10 ноября 1750 г. // РС. В. VIII. S. 147.

³⁶ Впоследствии она изменила свои взгляды и сблизилась с Бестужевым, чтобы вместе с ним вести тайную борьбу против Петра Федоровича и за передачу престола их сыну Павлу Петровичу (родившемуся в 1754 году) — разумеется, при условии, что она сама будет при нем регентшей.

³⁷ Нарисованный в «Записках» образ забитой, всеми обижаемой юной принцессы нуждается в некоторых уточнениях; см., напр.: *Madariaga I. de.* Op. cit. P. 21.

³⁸ Сб. РИО. Т. 7. С. 71 и след. См. также: *Herrmann E.* Op. cit. В. V. S. 118.

договор или конвенцию, тем больше он противился их уговорам; он и слышать не желал о том, чтобы Россия служила посредницей в отношениях между Килем и Копенгагеном. Он запретил Пехлину, главе своего «голштинского» кабинета, принимать письма от Линара и Бестужева. Елизавета восхищалась твердостью характера племянника и гарантировала ему свою поддержку³⁹.

Между тем канцлер создал в Коллегии иностранных дел группировку, призванную защитить интересы Фредрика V; в нее вошли Линар, Пехлин, Черкасов, Чоглоков. В конечном счете речь здесь шла не о территориях, принадлежавших великому князю (в сущности, для датского короля этот клочок земли мало что значил), но о самом присутствии в Европе двух голштинских принцев в качестве наследников шведского и русского престола; для русских же сторонников датского короля речь шла о добрых отношениях с Данией — союзницей богатой Англии. С точки зрения Бестужева и его единомышленников, выгоды великого князя и судьба территорий хотя стратегически и весьма важных, но дурно управляемых и оттого сильно обедневших, не стоили интересов Российской империи, для которой союз с Данией имел первостепенное значение⁴⁰. В марте 1751 года Петр Федорович вовсе прервал переговоры с датским представителем; Пехлин получил приказ не отвечать ни на какие письма из Копенгагена. Предоставив ему вначале очень большие полномочия, великий князь теперь постепенно отстранял его от дел. Таланты министра, изобретательный ум, умение вести диалог с датчанами, с Бестужевым и даже с императрицей — во всем этом великий князь видел не что иное, как предательство его интересов⁴¹. В мае 1751 года Линар, доведенный до отчаяния упрямством и придирами Петра, снял все предложения своего короля об обмене территориями⁴². Бестужев же, чтобы как-то выправить положение, предложил Фредрику V занять силезские владения

---

³⁹ Гай Диккенс к Ньюкаслу, 28 июля/8 августа 1750 г. // Сб. РИО. Т. 148. С. 109–111. Великий князь, по сведениям английского дипломата, получил даже в подарок от императрицы 60 000 рублей.

⁴⁰ Как говорил один датский дипломат, следовало устроить так, чтобы «частный интерес» не превалировал над «интересом общественным и естественным» (цит. по: *Hübner E.* Op. cit. S. 71).

⁴¹ *Fleischhacker H.* Op. cit. S. 130, 133.

⁴² *Hübner E.* Op. cit. S. 99 sq.

ния Петра Федоровича! Больше того, в случае, если король решится на такой шаг, он даже гарантировал ему нейтралитет императрицы и поддержку членов ее совета. Канцлер, предлагающий иностранному монарху завладеть территориями, принадлежащими наследнику его собственной государыни, — такого до сих пор не бывало даже в России. Романовы воспротивились бестужевским решениям, противоречащим их интересам; Елизавета открыто поддержала все решения племянника. Фредрик V, испугавшись последствий, отверг предложение канцлера; подобным «безумным деянием» он рисковал начать новую войну, а на своих британских союзников в этой ситуации он рассчитывать не мог: Георг II не стал бы ввязываться в подобное столкновение и нападать на Россию.

Новая неудача не обескуражила Бестужева; на время отказавшись от мысли прибегнуть к помощи иностранных правителей, он пошел другим, сугубо местным путем и начал всячески угождать Разумовскому. Морганатический супруг Елизаветы тяжело переживал доброе согласие, которое с недавних пор установилось между теткой и племянником; с другой стороны, он ревновал царицу к Ивану Шувалову, заместившему в ее сердце прежнего избранника; таким образом, канцлер мог рассчитывать на помощь обер-егермейстера⁴³. Бестужев и Разумовский сумели привлечь на свою сторону видных сановников и внушили им свою точку зрения: если переговоры между великим князем и Бернсдорфом, новым датским министром иностранных дел, не увенчаются успехом, сближение Дании со Швецией, Францией и Пруссией станет неизбежным. По этой причине превентивный союз с Фредриком V приобретал особую важность, и ради него следовало, согласно единодушному приговору этих «мудрецов», непременно пожертвовать Голштинией. Елизавета проявила во всей этой истории, где на карту была поставлена честь Романовых, неоспоримое государственное мышление; чтобы избежать скандального объяснения между великим князем и канцлером, которое неминуемо привело бы к ссоре царедворцев, фаворитов и министров, она созвала Императорский совет, или Конференцию. Царица поставила перед своими советниками семь вопросов, в том числе: следует ли «сберегать дружеские сношения с Данией», будет ли России «какая-либо польза от сохранения Шлезвига за великим кня-

---

⁴³ *Herrmann E. Op. cit. B. V. S. 113.*

зем» и поможет ли это решить финансовые проблемы молодого двора⁴⁴. «Мудрецы» рассуждали логически: если Петру суждено взойти на престол раньше времени, войны между Россией и Данией не избежать; иными словами, если Петр не откажется от своей непреклонной позиции, мир на севере Европы полностью перейдет в разряд утопий... Советники Елизаветы высказались за союз с Фредриком V, поскольку не знали, можно ли полагаться на добрые отношения со Швецией. В этих условиях единственным разумным решением представлялся обмен территориями. Истинного автора ответов выдает пассаж, касающийся великого князя: здесь речь идет о «предрассудках первоначального его воспитания», губительных для интересов империи; о том, что «возраст, время и обстоятельства» смягчат, возможно, его «отвращение» и откроют ему глаза на необходимость пойти навстречу датчанам. Елизавету члены совета молят наставить великого князя на этот путь, ибо это «принесет покой всей Европе, а верным друзьям России даст повод для радости и довольствия»⁴⁵.

Созвав совет, императрица сделала чрезвычайно важный в политическом отношении шаг; этим поступком она дала понять, что Бестужев больше не пользуется ее безраздельным доверием. Ответы членов Конференции не убедили Елизавету. Она потребовала нового доклада от трех членов Коллегии иностранных дел: Пуговишников, Веселовского и Воронцова. Они — по всей вероятности, из страха перед канцлером и из недоверия к великому князю — пришли к тем же выводам, что и члены совета. Елизавета, однако, не сдалась и сделала блестящий дипломатический ход⁴⁶: в письме к Линару от июля 1751 года она напрямую отделила политику Российской империи от вопроса о Голштинии. Царица выразила пожелание, что-

---

⁴⁴ Сб. РИО. Т. 148. С. 297 (здесь опубликован полный перечень вопросов, заданных императрицей).

⁴⁵ «Краткий и сжатый ответ на вопросы касательно переговоров с великим князем, по приказу Ее Императорского Величества рассмотренные» // Сб. РИО. Т. 148. С. 302.

⁴⁶ По мнению Хюбнера (*Hübner E.* Op. cit. S.102 sq.), вызывая доверие Петру Федоровичу, Елизавета намеренно шла против своих советников; такая трактовка кажется нам чересчур резкой: употребляемые ею слова и сам избранный тонкий ход доказывают, на наш взгляд, что царица руководствовалась прежде всего своим пониманием чести, клановым чувством, а также определенными представлениями о чистоте и неподкупности.

бы Фредрик V и ее племянник примирились, однако подчеркнула, что право решать судьбу голштинских территорий и, следовательно, отвергать предложения противной стороны или прерывать переговоры без ведома Коллегии иностранных дел остается по-прежнему за Петром Федоровичем. Царица также выразила надежду, что позиция великого князя никоим образом не может повлиять на добрые отношения между Данией и Россией и вновь предложила свои посреднические услуги (обещанные впервые еще в 1746 году) на случай, если переговоры начнутся вновь. Под влиянием ахенского поражения царица перестроила российскую внешнюю политику на свой манер: на первое место вышли интересы семейные; кроме того, по примеру отца, Елизавета выказала решимость пренебречь решениями Сената или Коллегии иностранных дел, ибо задача этих учреждений — поддерживать самодержавие, а не ограничивать его. Елизавета умела быть покладистой: Англия по-прежнему субсидировала ее двор, разоренный необдуманными тратами. Царица знала об опасениях Георга II, союзника Дании в голштинском деле; поэтому она с удивительным изяществом сокращала проволочки великого князя, а требования его не исполняла, хотя и общалась занятием этим незамедлительно.

Линар не знал, чему верить: решимости самой императрицы, верной заветам своего отца и отстаивающей интересы племянника, или же заявлениям, в которых чувствовалось влияние Бестужева, готового пожертвовать драгоценными территориями, расположенными между Балтийским и Северным морями. Упрямство Петра раздражало датского дипломата и сбивало его с толку; великий князь дошел до того, что утверждал, будто «вскоре будет в состоянии защитить свои права с оружием в руках»⁴⁷. Имел ли он при этом в виду скорую смерть Елизаветы, которую одолевали многочисленные болезни? Или он рассчитывал на то, что тетка откажется от престола в его пользу? Зимой 1749/50 года все только и говорили, что об ухудшающемся здоровье императрицы; на тайных собраниях обсуждались способы «арестовать великого князя и его супругу» и провозгласить императором Ивана⁴⁸.

---

⁴⁷ Фраза, сообщенная Линаром в апреле 1751 г.; цит. по: *Hübner E.* Op. cit. S. 105.

⁴⁸ Письмо Дальона от 31 января 1749 г. // *AAE. CP. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 114–118.*

Царица приказала провести дознание насчет этих новых заговоров. По свидетельству датского посланника Линара, «число лиц, в них замешанных, было весьма велико». В обычное время члены этих кланов и партий «ссорились между собой», однако в грозный час проникались беспримерным единодушием, ибо всем им в равной степени грозил кнут; выдать противника значило обречь себя на аналогичное предательство с его стороны⁴⁹. Русское правительство придерживалось принципа «разделяй и властвуй», но подданные императрицы в случае опасности забывали о раздорах и действовали сообща. Дознаватели ничего не выяснили; политики продолжили свои игры.

Контрнаступление канцлера Бестужева

Гордая своими военными и дипломатическими победами, Пруссия стала затруднять нормальную работу германского сейма; безостановочный рост этой немецкой державы нарушал внутригерманское равновесие. Австрия вместе с курфюрстами саксонским и ганноверским (соответственно королями польским и английским) поддерживала намерения Бестужева: всех их объединяла общая цель — раз и навсегда уничтожить прусскую группировку в России. В дальнейшем же они планировали заключить с Россией оборонительный союз против Гогенцоллерна. В Петербурге голландский, саксонский и британский посланники, стремясь выразить свою солидарность с Габсбургами, подчеркнуто дружески общались с австрийцем Претлаком. При виде прусского посланника они расходились или демонстративно меняли тему разговора. Бестужев усмотрел в этом не только приятный для себя симптом, но и повод призвать к порядку Елизавету. Он сочинил «Промеморию», где вновь твердил о намерении русского правительства обеспечить спокойствие на севере Европы и возлагал ответственность за территориальные споры относительно Голштинии на Фридриха. Записка, адресованная Елизавете и ее совету, носила неофициальный характер. Тем не менее, чтобы убедить императрицу в обоснованности своей политики, канцлер желал заручиться неформальной поддержкой

---

⁴⁹ Линар описывает эти события год спустя, 14/25 декабря 1759 г.; цит. по: *Herrmann E. Op. cit.* B. V. S. 106.

и иностранных дипломатов. Представители Георга II, Марии-Терезии, Фридриха-Августа Саксонского и штатгальтера Вильгельма IV одобряли действия канцлера, однако остереглись сообщать своим кабинетам о столь компрометирующем документе. Бестужев, выведенный из терпения, послал свою «Промеморию» в русские посольства в Гааге, Дрездене, Лондоне и Вене, где трудились его верные соратники Головкин, Чернышев, Ланчинский и, наконец, его брат Михаил Бестужев; таким образом канцлер надеялся спровоцировать официальную реакцию. Этого, однако, не произошло: иностранцы сочли текст чересчур тенденциозным и не дали ему никакого хода. Бестужев продолжал настаивать, умолял Претлака и Гая Диккенса хотя бы сделать вид, что они ждут от своих кабинетов ответа на «Промеморию» (на которую в реальности никто отвечать не собирался); эта комедия была необходима канцлеру для того, чтобы подтвердить значение России в международной политической жизни. Ожидание ответа, который якобы должен был вот-вот прибыть, позволяло Бестужеву продолжать интриговать в Петербурге и подталкивать императрицу к изменению внешней политики. Канцлер надеялся, что Елизавета соблазнится возможностью снова сыграть роль посредницы в отношениях между европейскими странами и, уступив мнимым настояниям Австрии, Англии, Саксонии и Голландии, заставит Петра Федоровича пойти на уступки, добьется ослабления Швеции и полностью лишит Пруссию, равно как и Францию, возможности влиять на скандинавские дела. Эпизод этот прекрасно показывает излюбленную тактику Бестужева. Иностранные дипломаты, аккредитованные при русском дворе, сохраняли относительную независимость от своих государей и — если к тому располагали обстоятельства и их собственная продажность (вспомним Функа или Вольфа) — действовали под диктовку канцлера; комедианты и слуги двуликого бога Януса, в пределах императорского дворца они держали себя как «люди Бестужева». Напротив, русские посланники за границей должны были выказывать абсолютную преданность интересам их правительства. Им запрещалось принимать подарки или взятки, адресованные им лично⁵⁰. Злоупотребляя «Промеморией», предназначенной исключительно для внутреннего употребления, канцлер нарушил

---

⁵⁰ О директивах Бестужева см.: Архив князя Воронцова. Т. II. С. 588 и след.

писанные и неписанные нормы дипломатического поведения⁵¹. Претлак и Гай Диккенс пришли в замешательство и поспешили отмежеваться от бестужевских притязаний. Тотчас ситуация изменилась, как по волшебству: канцлер, казалось, потерял всякий интерес к Голштинии и стал держаться более приветливо с представителями Швеции и Пруссии — то ли оттого, что Елизавета пригрозила ему отставкой, то ли оттого, что он решил подчиниться требованиям великого князя, то ли оттого, что в очередной раз изменил тактику.

Для представителей всех стран, замешанных в северные конфликты, а особенно для тех, которые принадлежали к числу противников России, общение с ее дипломатами и политическими деятелями осложнилось в силу причин, так сказать, лингвистических: истолковать разговоры с русскими можно было, лишь зная код, код же этот был, во-первых, неясен, а во-вторых, постоянно менялся⁵². Сбивала с толку двуликость русского правительства: как иметь дело с беспечной государыней, которая превыше всего ставит семейные интересы, но при этом всякий раз, когда дело касается ее императорского престола, показывает себя хорошим политиком? Как держать себя с канцлером страстным и расчетливым, который не гнушается ни дерзостями, ни лестью, ни терминами «до такой степени непристойными и малоприличными», что они лишают противников дара речи?⁵³ Этот министр, страдавший «раздвоением личности», разрывавшийся между неизбежным почтением к своей повелительнице и собственными амбициями, пускал в ход все средства — пьянство, провалы в памяти, заикания. Канцлер создавал вокруг себя атмосферу, где царили страсти, бесконтрольные всплески эмоций, но прежде всего — полная неясность. Русские терзали своих дипломатических партнеров постоянными придирками; предметом бесконечной торговли становилось все, включая выбор языка общения — немецкого или французского. Летом 1750 года представители всех враждующих группировок при русском дворе в равной

---

⁵¹ *Caillères F. de. De la manière de négocier avec les souverains...* Paris, 1716. P. 35–36; *Pecquet A. Op. cit.* P. 104.

⁵² «Чем дольше изучаешь язык и повадки русских и их союзников в северных делах, с тем большим трудом составить можешь твердое суждение об истинных их намерениях» (письмо Гольца от 4 апреля 1750 г. // *GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 26*).

⁵³ Письмо Гольца от 1 января 1750 г. // *GStA. Rep. 96. 56C. Fol. 1*.

мере отдавали себе отчет в том, что подобные затруднения в общении вредят делу. Все отступили и сосредоточились на защите своих собственных интересов: австрийцы не желали больше вмешиваться в северные дела; англичане грозили прекратить выплату субсидий, пруссаки думали в основном о защите собственных границ, французы, вообще не присутствовавшие в тот момент на петербургской сцене, делали все возможное, чтобы поддержать равновесие между Данией и Швецией и сохранить хотя бы часть своего влияния в Северной Европе.

Долгие годы Бестужев ставил внешнюю политику России в зависимость от состояния ее финансов и заключал союзы с тем, кто платил больше денег. Теперь все субсидии были истрачены, казна находилась «в состоянии чрезвычайного истощения»⁵⁴, а англичане отказывались платить дальше. В феврале 1750 года Гольц сообщил своему государю о падеже скота в Лифляндии, где были расквартированы русские войска. Возникли трудности в снабжении их провиантом. Из-за напряженной международной обстановки крестьянам не удавалось продавать хлеб за границу. Малороссия, где располагались основные рудники, страдала от постоянных набегов татар⁵⁵; они затрудняли доступ в леса (источник топлива) и перевозку свинцовой руды на заводы, где сырой металл переплавляли и отделяли от него серебро⁵⁶. Бестужеву удавалось держать все эти обстоятельства в тайне от царицы; он скрывал от Елизаветы нищету, царящую в провинциях, и тешил ее рассказами вроде известия о только что изобретенном пушечном ядре, способном убить разом «уйму народу»⁵⁷. Канцлер, которому были на руку всеобщее смятение и неуверенность, вел двойную игру; в отношениях с Елизаветой, которую он же сам и изолировал от всего мира, он подчеркивал собственную незаменимость, а на международной сцене прятался за образом величественной российской императрицы.

---

⁵⁴ Письмо Варендорфа от 5 августа 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 218.

⁵⁵ Brennan E. Op. cit. P. 169 sq; Handbuch der Geschichte Russlands; vom Randstaat zur Hegemonialmacht. P. p. M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack. Stuttgart, 1985. B. II. S. 510 sq.

⁵⁶ Письмо Гольца от 10 февраля 1750 г. // GStA. Rep. 96. 56C. Fol. 42.

⁵⁷ Гольц к королю, 7 марта 1750 г. // Ibid. Fol. 77.

Вплоть до 1749 года он без труда совмещал две эти линии поведения, так как царица удовлетворялась ролью пассивной наблюдательницы⁵⁸. Однако голштинское дело вывело ее из оценки, и канцлер, несмотря на прекрасные отношения с Сенатом и большей частью иностранных посланников, утратил контроль над Голштинией. Впрочем, ему удалось в очередной раз спасти положение, оставив щекотливую голштинскую тему и обратив подозрения императрицы против векового врага России — Швеции. Бестужев сумел разбить франко-прусскую партию, однако при русском дворе у Людовика XV и тем более у Фридриха II оставались могущественные, хотя и тайные, союзники в лице великого князя и его супруги. Елизавета же, несмотря на все свои недостатки, несмотря на беспечность и лень, оставалась императрицей, держалась величаво и внушительно, служила воплощением самодержавия и гордилась тем, что продолжает традиции отца. Все эти особенности, очевидные даже на примере сравнительно мелкого вопроса о крохотном Голштинском герцогстве, очень скоро проявились в масштабе всей европейской политики: следствием их стала чехарда, сказавшаяся самым отрицательным образом на судьбе Пруссии, чей король, плохо информированный неопытным посланником, страдающий попеременно то манией величия, то манией преследования, занял позицию сугубо оборонительную и довольно скоро за это поплатился.

---

⁵⁸ Письмо Дальона от 31 января 1749 г. // ААЕ. СР. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 114–118.

Глава одиннадцатая

ОТЛИЧНО РАЗЫГРАННАЯ ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ⁵⁹

Бестужев хотел войны во что бы то ни стало, дабы спасти свое собственное положение и честь своей страны. В 1748–1750 годах французов и пруссаков объединяла общая цель — те и другие внимательно наблюдали за развитием дел в России. Дуэты посланников, аккредитованных при шведском дворе⁶⁰, следили из Стокгольма за кознями русского канцлера и тем усиливали позицию Петра Федоровича — неудобство, с которым Бестужев непременно хотел покончить. Смирившись с тем, что Елизавета поддерживает племянника, он решил отдать все силы борьбе против Швеции и помешать другому представителю Голштинского рода, Адольфу-Фридриху, супругу Ульрики фон Гогенцоллерн, занять шведский престол, наследником которого он был официально объявлен. Версаль и Потсдам не замедлили бы отозваться, и внутрироссийский кризис нашел бы разрешение на международной арене. Адольф-Фридрих не внушал Бестужеву доверия; канцлер предпочитал заменить его человеком более надежным — например, англичанином. Благодаря австро-русской коалиции Георг II усилил бы свои позиции на Балтике; поддержку ему оказала бы Дания, расширившая свою территорию на юго-востоке за счет владений Петра Федоровича, — таким образом влиянию Фридриха и Людовика в Скандинавии был бы положен конец. В Стокгольмском риксдаге шла борьба между «шляпами» — «французской» партией, высту-

---

⁵⁹ Слова, сказанные Фридрихом французскому посланнику в Берлине Вало-ри; цит. по рукописи, перехваченной австрийцами 15 ноября 1749 г. // HNStA. Russland II. Berichte 33. Fol. 58 (ноябрь–декабрь 1749 г.).

⁶⁰ Францию представляли Ланмари (1741–1749), Ла Файярди (1749), Авренкур (1749–1762); Пруссию — Линде (1741–1742), Дистель (1742–1744), Финкенштейн (1744–1746) и, наконец, Род (1746–1753).

павшей за восстановление абсолютной монархии, и «колпаками» — «русской» партией, выступавшей за сохранение парламентского режима⁶¹.

Бестужев решил поддержать «колпаков» — партию помещиков, считавших необходимым ограничить монархию посредством Генеральных штатов. Канцлер, неизменно придерживавшийся принципа «разделяй и властвуй», надеялся благодаря ослаблению королевской власти превратить Швецию в своего рода вассала России. «Шляпы», по преимуществу городские жители, составлявшие в риксдаге большинство, сумели привлечь на свою сторону наследного принца; за укрепление власти короля выступил также президент Канцелярии иностранных сношений Карл Густав Тессин; русского канцлера эта позиция не устраивала, и он предоставил «колпакам» средства для защиты их принципов. Напряжение усилилось, и с 1746 года членов «русской» партии, обвиняемых в измене родине, стали подвергать гонениям⁶². Вскоре в шведской части Финляндии вспыхнули кровавые крестьянские бунты; территория эта оказалась на грани гражданской войны, причем дело осложнялось тем, что Россия и Дания поддерживали восставших⁶³. Дополнительную смуту вносил Корф, русский посланник в Стокгольме, поведение которого возмущало даже людей, настроенных в высшей степени доброжелательно⁶⁴. Направленный в Швецию для того, чтобы помогать советами «колпакам», дипломат лишь оскорблял их своими вызывающими, наглыми манерами. Он слишком ясно давал шведам понять, что они просто-напросто подчиненные Елизаветы. Ситуация в Швеции стала взрывоопасной, внешнее давление разрушало и без того

---

⁶¹ Парламентский режим в Швеции был установлен риксдагом в 1723 г. «Колпаки» находились у власти до 1738 г., а затем их сместили «шляпы», которые продолжили политику Карла XII — франкофильскую и антирусскую. Между 1738 и 1772 г. «колпаки» (которые оказались почными колпаками, ибо проспали русскую угрозу) последовательно выступали за сохранение мира на севере Европы за счет территориальных уступок России и за союз с Англией в ущерб Франции.

⁶² См.: *Andersson I.* Histoire de la Suède des origines à nos jours. Paris, 1973. P. 211 sq.

⁶³ См.: *Stavenow L. W.* Geschichte Schwedens, 1718–1772. Gotha, 1908. S. 185.

⁶⁴ В письме к Дальону от 5/16 декабря 1746 г. (перехваченном австрийцами) Ланмари упоминает «скандалы, учиненные Корфом в борделе» (см.: HHStA. Russland II. Berichte 28. Fol. 59. Mapr 1747).

хрупкое внутреннее равновесие. Получалось, что Бестужев снова пошел по неверному пути?

После ахенской неудачи канцлер искал случая искупить свои ошибки. План его на первый взгляд отличался простотой: использовать Швецию для того, чтобы спровоцировать конфликт с Пруссией и тем оправдать отправление в Европу русского корпуса⁶⁵. Пруссия, чья роль на европейской арене стремительно возрастала, грозила затмить Россию и нарушить целостность ее границ. С Россией граничила Восточная Пруссия; Восточная Померания, отошедшая к Пруссии по условиям Вестфальского мира (1648), дала герцогству Бранденбургскому выход к Балтийскому морю. Присоединение Силезии приблизило прусскую границу к Польше, находившуюся в «зоне влияния» Елизаветы. Иначе говоря, Фридрих II угрожал потеснить русских царей на северо-востоке Европы, но и сам оставался крайне уязвим. Договор о взаимной помощи между Стокгольмом и Берлином, подписанный в 1746 году, договор о денежной помощи, который Швеция в том же году подписала с Францией⁶⁶, возобновление союза с Портой (май 1747 года) — Петербург не мог смотреть на все это равнодушно⁶⁷. Старая союзница Франции, Турция неоднократно выражала свою тревогу в связи с событиями на берегах Балтийского моря⁶⁸. Фридрих не упустил случая удовлетворить свою жажду мести; он призвал версальский кабинет разжигать в султане Махмуде I ненависть к Австрии и России, с тем чтобы турецкий самодержец «впредь уделял больше внимания делам европейским». В этом случае Турция сделалась бы главной противницей России и, продолжай та вмешиваться в шведские дела, пого-

---

⁶⁵ *Projet d'une note sur la Russie en date du 8 avril 1746* [Проект заметки о России, писанной 8 апреля 1746 г.] // ААЕ. М et D. Russie. Т. XXX. Fol. 170.

⁶⁶ *Danielson J. R.* Op. cit. S. 370, 389. Судя по донесениям французских дипломатов, версальский кабинет не чувствовал себя напрямую причастным к шведским делам, однако французы желали, чтобы шведский король вновь стал хозяином своего королевства и «возвратил ему прежнюю свободу» (письмо Дальбона от 12 августа 1746 г. // ААЕ. СР. Т. XLIX. Fol. 57–58).

⁶⁷ Изначально этот союз был рассчитан на участие России, однако события 1746–1748 годов не позволили столь превосходному проекту осуществиться.

⁶⁸ См.: Сб. РИО. Т. 148. С. 108–109 (нота, врученная великим визирем Неплюеву, русскому посланнику в Константинополе; нота датирована 14 мая 1750 г., передана Гаем Диккенсом Ньюкаслу 24 июля 1750 г.).

ворила бы с ней «серьезно»⁶⁹. Европа, уставшая от сражений, не захотела бы начинать новую войну, но с тем большим удовольствием наблюдала бы за тем, как разгорается конфликт между двумя восточными колоссами. Бестужев понял, что именно ставится на карту, и принялся запугивать Елизавету; он рисовал ей апокалиптическую картину России, которую с одной стороны теснят Турция, Персия и Монголия, а с другой — Швеция и Пруссия. Превентивная война на балтийских берегах могла обеспечить безопасность хотя бы на северо-западном фронте. Елизавета постепенно смирилась с мыслью о неизбежности новых конфликтов, однако начать военные действия первой все равно отказывалась. Зато канцлер ее не отказался от своих намерений и прибегнул к любимому методу — шантажу: он принялся уверять императрицу, что в Швеции зреет заговор с целью свергнуть ее с престола и за это преступление шведов следует наказать⁷⁰. Призрак Ивана Антоновича был по-прежнему годен к употреблению⁷¹. Тотчас последовала целая цепь интриг: шантажисты искусственно раздували мелкие происшествия до размера серьезных государственных дел. Все это, как и было задумано, вывело императрицу из равновесия, вследствие чего роли поменялись: Бестужев сделал вид, будто уступает давлению своей государыни и против воли начинает войну со Швецией, а возможно, также с Францией и Пруссией. После неудачного вступления русских войск в войну за Австрийское наследство канцлер сделался очень осторожен — и был готов пожертвовать славой российской императрицы.

Планы Бестужева выглядели вполне реалистичными; он обещал вести военные действия исключительно в Карелии и Финляндии — то есть на территориях, контролируемых русской армией. В декабре 1748 года Елизавета, убежденная доводами канцлера, дала приказ подготовиться к выступлению 30 000 человек войска, не считая отряда донских казаков и 32 000 рекрутов дополнительного набора. Флот под предло-

---

⁶⁹ Фридрих к Ле Шамбрье, 28 сентября 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. Frankreich 89. Fasc. 165. Fol. 93.

⁷⁰ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. 5e partie. Friedrich der Grosse. Leipzig, 1876. B. II. S. 163 sq.*

⁷¹ См. письмо Фридриха к Ле Шамбрье от 2 декабря 1749 г. // PC. B. VII. S. 183; *Danielson J. R. Op. cit. S. 402.*

гом учений тайно перевооружался; впрочем, поскольку состояние его было в ту пору неблестящим, функции его сводились исключительно к устрашению. Согласно рескрипту, отправленному Корфу, русская армия выступала в поход не для того, чтобы завоевывать новые территории, но для того, чтобы положить конец гражданской войне и отсутствию у Швеции действующего главы государства. Елизавета обещала уступить те территории, которые, возможно, завоюет, Дании, раздраженной тщетными переговорами насчет Голштинии, а в обмен просила Данию принять активное участие в этой войне⁷². С помощью Дании Россия надеялась привлечь на свою сторону Георга II, а это помогло бы ей скорее справиться со Швецией. Еще одна цель заключалась в том, чтобы разрушить дружеское согласие (и без того весьма относительное) между Людовиком XV и Фредриком V, полностью лишить Францию влияния на балтийские дела и изолировать Пруссию.

Последствия Прагматической санкции

Фридрих так гордился тем, что ему удалось при посредстве Франции отстранить Россию от ахенских переговоров, что долгое время пребывал в приятном заблуждении относительно участи своего главного врага — русского канцлера. Прусский король полагал, что Бестужев если и не уничтожен вовсе, то, во всяком случае, изгнан с политической арены. Огромная Российская империя, входя в европейскую систему, оказывала на нее дестабилизирующее воздействие, король же сводил все возникающие в этой связи проблемы к интригам одного-единственного человека — продавшегося англичанам русского канцлера. Уверенный в том, что Англия при необходимости окажет ему поддержку, он не заметил, что его родственник Георг II относится к Пруссии с каждым днем все более сдержанно, что и Мария-Терезия начала еле заметно, но все же менять политическую ориентацию. Прусский король по-прежнему делал ставку на франко-британское соперничество, временно «экспортированное» в Америку, и на взаимную ненависть Бурбонов и Габсбургов;

---

⁷² Рескрипт Корфу от 15 декабря 1748 г. // Цит. по: *Danielson J. R. Op. cit. S. 295.*

он считал, что все это дает ему основания для спокойствия. Он не замечал никаких предвестий постепенного формирования антипрусской коалиции. Вдобавок прусский король оказался неспособен оценить по заслугам русскую царицу⁷³. В начале 1749 года он, скорее всего под влиянием Гольца, преуменьшал важность русской проблемы: недооценивал масштаб реваншистских настроений, владевших русскими политиками, силу русской армии, рост российского влияния благодаря новым союзам со скандинавскими странами⁷⁴. Бестужев (возможно, сам того не ведая) преуспел в одном отношении: он отвлек внимание Гогенцоллерна от континентальной сцены и приковал его к событиям в Швеции. Выгоду же из этого извлекли, как очень скоро выяснилось, Мария-Терезия и Людовик XV.

В Швеции дела обстояли следующим образом: король Фредрик I хранил верность «колпакам» и парламентской системе; необходимо было еще при его жизни решить вопрос о наследнике и о конституции; если не сделать этого вовремя, внезапная смерть тяжело больного короля могла привести к гражданской войне в Швеции, а оттуда огонь конфликтов грозил перекинуться на всю Северную Европу, если не на весь континент⁷⁵. Бестужев понимал, что следует использовать последние недели жизни несчастного государя, чтобы навязать ему решение о передаче престола не Адольфу-Фридриху, а английскому ставленнику. Таким не слишком христианским образом русский канцлер намеревался оправдаться перед Георгом II за малоэффективное, но весьма дорогостоящее вмешательство русских войск в европейский конфликт. Французы остерегались вмешиваться во внутренние дела Швеции особенно активно; их оценка происходящего была двойственной: конечно, возвращение к абсолютной монархии подорвало бы авторитет России в Скандинавии, однако оно же уменьшило бы и влияние Людовика XV в этом регионе. По некотором размышлении Версаль, хоть и без особого энтузиазма, решил поддержать Адольфа-

---

⁷³ См. его «Политическое завещание» 1752 г. в изд.: *Die politischen Testamente Friedrichs des Grossen*. Berlin, 1920. S. 42.

⁷⁴ См., например, письмо Фридриха II к Роду, прусскому чрезвычайному посланнику в Стокгольме, от 25 февраля 1749 г. // PC. B. VI. S. 388.

⁷⁵ Письмо Дальона от 9 июля 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLIX. Fol. 3.

Фридриха Голштейн-Готторпского, уже несколько лет как избранного наследником престола⁷⁶. Прусский король выступал за восстановление в Швеции сильной власти и надеялся увеличить свое влияние в этой стране с помощью сестры Ульрики — жены кронпринца. Канцлер — сторонник слабого парламентского режима, предпочел действовать тайными путями и принялся уговаривать лондонский, копенгагенский и венский кабинеты увеличить давление на Стокгольм, с тем чтобы избежать всякого изменения политического режима в Швеции. Англичане, датчане и австрийцы отреагировали весьма вяло⁷⁷, и Бестужеву пришлось искать другие предлоги для активного вмешательства в дела соседней страны. В конце концов он отыскал в Ништадтском мирном договоре статью, которая (если толковать ее весьма изощренно и даже, прямо сказать, весьма вольно) оставляла за русскими право защищать шведскую конституцию⁷⁸, при необходимости даже военным путем. Канцлер пригласил австрийца Бернеса, англичанина Гиндфорда и датчанина Хеусса, чтобы по-братски поделиться с ними этим антишведским и, в то же самое время, антипрусским проектом⁷⁹. Союзники ни в малейшей степени не разделяли энтузиазм русского министра и долго медлили с ответом. Никто не хотел войны, ни в центре Европы, ни на ее окраине. Бестужев с каждым днем становился все мрачнее. Все шло из рук вон плохо, как в семейных голштинских делах, так в большой дипломатии, где он наталкивался на сопротивление старых союзников и невозмутимость противников. Оставалось последнее средство — переменить персонал посольства в Швеции: Корфа, вызывавшего много нареканий среди коллег-дипломатов, перевести в Копенгаген, а на его место направить подающего надежды молодого человека, Никиту Панина.

---

⁷⁶ Ланмари к д'Аржансону, 21 октября 1746 г.; цит. по: *Danielson J. R. Op. cit. Appendice. S. 102.*

⁷⁷ «...разжигать вражду между Швецией и Россией и смотреть, что из этого выйдет» (Хеусс, 14 сентября 1748 г.; цит. по: *Danielson J. R. Op. cit. S. 263.*)

⁷⁸ Об условиях Ништадтского мира см.: *Ibid. S. 289; Valory G. L. H. Op. cit. P. 280 sq.*

⁷⁹ *Danielson J. R. Op. cit. S. 370.*

Возрождение Фридриховой системы

Новый русский посланник в Швеции отправился к месту назначения, имея при себе записку с изложением планов канцлера; ему предстояло официально проинформировать шведов об этих планах, как только будет получено согласие союзников⁸⁰. Панин прибыл в Стокгольм в весьма тревожную пору. Он не стал посылать представителям других стран официального уведомления о своем приезде, но зато лично посетил каждого из них, за исключением французского посла Авренкура, к которому отправил своего секретаря. То было намеренное нарушение дипломатического этикета, призванное продемонстрировать непреклонность российской позиции в отношении Франции. Разрыв отношений между двумя державами никак не извинял подобного поведения на территории третьей страны. Оскорбление было нанесено без всякого конкретного повода, с сугубо провокативной целью; новый посланник прекрасно знал протокол, постоянно цитировал Викфора — сочинение, пользовавшееся в Петербурге огромным авторитетом, — но применял почерпнутые оттуда правила лишь тогда, когда это было выгодно его стране⁸¹.

Наконец, в январе 1749 года интерес к сохранению в Стокгольме парламентского режима проявила Дания. Панин воспользовался этим, чтобы огласить «Промеморию», в которой Елизавета объявляла о своем решении в случае изменения шведской конституции ввести в Швецию войска. Опираясь на статью VII Ништадтского мирного договора, императрица квалифицировала это действие не как агрессию, а как помощь. Казалось, война неизбежна; поступали известия о сосредото-

---

⁸⁰ Mémoire historique concernant les différends de la Russie et de la Suède depuis la conclusion du traité d'Aix-la-Chapelle jusqu'à la fin de l'année 1750 avec une explication des demandes de la maison de Holstein au roi du Danemark [Историческая записка касательно разногласий между Россией и Швецией после заключения Ахенского мира и до конца 1750 года, с изъяснением требований, Голштинским домом к датскому королю предъявляемых] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. Т. IX. Fol. 9–19.

⁸¹ См. анонимное донесение от 25 марта 1749 г. // ААЕ. СР. Supplément. Russie. Т. VII. Fol. 140. Сочинение Викфора «Посол и его обязанности» вышло первым изданием в 1680 г., то есть в ту пору, когда российские монархи еще не притязали на равенство с германскими императорами и французскими королями.

чении войск в Финляндии и Норвегии, русский вспомогательный корпус, застрявший между Богемией и Моравией, рвался в бой⁸². Прусский король почуял недоброе; внезапно проникнувшись человеколюбием и пацифизмом, он попросил сестру на время оставить конституцию без изменений. Ульрика не прислушалась к советам брата и продолжала поддерживать политику «шляп»⁸³. Разрываясь между братской солидарностью и нежеланием быть вовлеченным в конфликт, Фридрих решил устроить смотр своим войскам. Кабинет его опубликовал официальное сообщение, подтверждающее занимаемую им позицию — выжидательную и угрожающую. В Париж полетели панические послания: Фридрих поручил Ле Шамбрье открыть Людовику XV глаза на серьезность ситуации и побудить его вступить за мир в Европе. В этих обстоятельствах версальский кабинет вспомнил о Дальоне. В письме от 31 января 1749 года к Пюизё⁸⁴ бывший французский посланник в Петербурге высказывает твердое убеждение, что Франции следует поддержать прусского короля и описывает новую систему союзов, которая, по его мнению, может воспрепятствовать возникновению войн или гарантировать победу в них. Дальон считает, что необходимо возобновить оборонительный союз со Швецией и Турцией, обещать последней французскую поддержку и, наконец, побудить к союзу с Портой также и Фридриха. Предложения Дальона совпадали с программой Фридриха⁸⁵: прусский король мечтал разыграть турецкую карту и против Елизаветы, и против Марии-Терезии. Война на границах Венгрии заняла бы и русскую, и австрийскую армии, а Бурбон и Гогенцоллерн тем временем спокойно отстаивали бы свои интересы на севере Европы. Это было бы и дешевле, и надежнее, чем выплачивать субсидии Швеции, на которую из-за внутренних сложностей положиться было невозможно. Его христианнейшее величество Людовик XV принял к сведению тревоги прусского короля, однако

---

⁸² Фридрих долгое время полагал, что русские не двигаются с места оттого, что не получили субсидий. См. его письмо к Подевилеусу от 25 февраля 1749 г. // PC. B. VI. S. 392.

⁸³ См.: PC. B. VI. S. 247, 257, 276, 290.

⁸⁴ AAE. CP. Supplément. Russie. T. VII. Fol. 114–119.

⁸⁵ Было ли это совпадение случайностью или же оно свидетельствует о сохранившихся контактах Дальона с Фокеродтом либо Финкенштейном?

воинственный пыл коронованного собрата разделять не пожелал. Версаль предпочел дипломатический путь — путь давления на «шляпу», которые не случайно именовались «французской» партией; в Версале желали, чтобы шведское правительство подтвердило свои миролюбивые намерения и официально отказалось от восстановления деспотического режима. Подобная декларация обезопасила бы Францию от козней Бестужева⁸⁶. Но кто же в Швеции стал бы подписывать такой манифест — король, находящийся при смерти, или его наследник, легитимность которого оспорят Петербург и, возможно, Лондон и Вена? Раздраженный нерешительностью Людовика, Фридрих написал подробное письмо Георгу II — прусский король просил английского собрата и родственника вмешаться и помочь сохранению мира на севере. Подевилъс взялся распространить это послание — доставить его в министерства и канцелярии разных стран и даже опубликовать в заграничных газетах, дабы все узнали о миролюбии его государя⁸⁷. Решительно, никто не хотел принимать участие в опасной игре, навязываемой Бестужевым; и года не прошло после ахенской неудачи, а Россия вновь очутилась на скамье подсудимых. 25 марта 1749 года Елизавете пришлось обратиться к Австрии, Англии и Саксонии с официальным запросом: поддержат ли они Россию в случае ее конфликта со Швецией?

Первыми отступились датчане. Фредрик V уполномочил Линара, своего представителя в Петербурге, сговориться с австрийским и английским посланниками, с тем чтобы все они сообща попытались отговорить царицу от мысли о вторжении в Швецию. Мария-Терезия не скрала своих тревог относительно возможной реакции Порты; там только что сместили великого визиря и теперь из Стамбула раздавались речи куда более агрессивные, чем прежде. Воспоминание о турках, осаждающих Вену, еще не изгладилось из памяти австрийцев. Императрица-королева официально отказалась участвовать в разрешении шведского вопроса. Георг II вышел из положения, снова повторив, что примет участие в военных действиях, только если возникнет прямая угроза русской территории⁸⁸,

---

⁸⁶ *Mémoire historique concernant les différents de la Russie et de la Suède...* // AAЕ. M et D. Russie, 1735–1759. T. IX. Fol. 9–19.

⁸⁷ *Koser R. König Friedrich der Grosse.* Stuttgart, 1893. B. I. S. 215.

⁸⁸ *Ibid.*

что же касается изменений в шведской конституции, то относительно них английский король высказался весьма неопределенно.

В августе 1749 года Панин объявил, что императрица введет свои войска в Финляндию, как только узнает о кончине Фредрика I, и выведет их лишь в том случае, если преемник старого короля сохранит форму правления, обозначенную в Ништадтском мирном договоре. Это было равнозначно объявлению войны. Тессин притворился изумленным и успокоил Панина: никаких перемен в конституции не планируется. Швед прекрасно понял, что значат намерения — впрочем, совершенно незаконные — русских вмешаться во внутреннюю политику его страны. Однако министр забыл о раздражительном короле Пруссии. Его «Декларация, кою до сведения русского двора довести следует», могла развязать ту войну, о которой так мечтали Австрия и Саксония (надеявшиеся, что эта новая война окажется роковой для их заклятого врага Фридриха). Тоном, не терпящим возражений, прусский король «требовал», чтобы императрица «немедленно прекратила» вторжение, которое неминуемо повергнет Север в «смятение и тревогу». Он настоятельно рекомендовал императрице «удовлетвориться учтивым и приличным ответом, какой дала ей Швеция», и в дальнейшем «освободить шведов от необходимости давать какие бы то ни было объяснения»⁸⁹. Варендорф, придя в ужас от прочитанного, позволил себе внести в текст некоторую правку — поступок, свидетельствующий не только о такте данного дипломата, но и о расхождении во взглядах между Берлином и прусским посольством в Петербурге. Варендорф сосредоточил декларацию Фридриха на русско-пруских отношениях⁹⁰ и убрал все обвинения в покушении на права народов — умный ход, в основе которого лежали большой опыт и глубокое понимание русских политических реалий. Тем не менее в конце весны 1750 года война по-прежнему казалась неизбежной и угрожала не только Швеции, но и — через нее — Пруссии. На сей раз европейские монархи реши-

---

⁸⁹ Эту декларацию, датированную 4 марта 1750 г., см. в изд.: PC. B. VII. S. 278–279.

⁹⁰ Варендорф к Фридриху, 12 мая 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 82–83.

ли принять меры, и Адольф-Фридрих по наущению Версаля публично объявил о своей верности парламентскому режиму. Англия одобрила этот поступок и предложила Голландию в качестве посредницы на переговорах между Петербургом и Стокгольмом, дабы раз и навсегда покончить с этими «бессмысленными разногласиями»⁹¹; Версаль, однако, предпочел увидеть в этой роли Данию, которая «однажды уже взяла на себя труд примирить Швецию и Россию»⁹². Россия видеть Фредрика V в качестве третьей стороны не согласилась; Бестужев счел, что дочери Петра Великого не пристало в столь опасном деле прибегать к помощи третьих лиц⁹³. Впрочем, под давлением австрийских и датских дипломатов, а также благодаря английскому посланнику Гаю Диккенсу, который оказался тонким психологом и вовремя напомнил о бюджете и субсидиях, Бестужев в конце концов сдался. Он публично отказался от «Промемории», обнародованной Паниным, но не смог удержаться от скрытых угроз и намеков, что, пусть даже вторжение русских войск в Швецию остается крайне маловероятным, доведет численность армии, стоящей в Финляндии, до 69 000 человек⁹⁴. Елизавета помешала установлению в Швеции абсолютной монархии, которую считала опасной для себя, однако риксдаг намеревался отплатить русской императрице за незаконное вмешательство в шведские дела: целый ряд членов партии «колпаков», заподозренных в шпионаже в пользу России, был арестован, и это на время успокоило риксдаг и предотвратило гражданскую войну. Все вздохнули с облегчением.

В поисках новых союзников

Дипломаты, аккредитованные при европейских дворах, знали, что обязаны вести себя сдержанно, умеренно. В Петербурге же дипломаты, поневоле втягиваемые в бестужевские

---

⁹¹ См.: Сб. РИО. Т. 148. С. 108–109 (нота, врученная великим визирем Неплюеву, русскому посланнику в Константинополе; нота датирована 14 мая 1750 г., передана Гаем Диккенсом Ньюкаслу 24 июля 1750 г.).

⁹² Варендорф к Фридриху, 3 июня 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 134–135.

⁹³ Варендорф к Фридриху, 12 мая 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 82–83.

⁹⁴ Ibid.

авантюры⁹⁵, жили в том темпе, какой задавала эта столица. Бывшая зеркалом международной политики в 1740–1748 годах, она и в течение последующих двух лет оставалась отражением континентальной дипломатии — отражением, впрочем, искаженным, в частности, из-за отсутствия одного из протагонистов — Франции. С весны 1749 года Гольц стал отмечать в донесениях растущую холодность в отношениях между русским канцлером и британским посланником Гиндфордом. Однажды вечером в театре канцлер подошел в партере к представителям английского посольства; судя по жестам и выражению лица, он был чем-то расстроен и сильно растерян⁹⁶. Некоторая напряженность появилась и в его отношениях с Бернесом, представителем Марии-Терезии. Датского посланника Хеусса, поддерживавшего теснейшие отношения с англичанами, Бестужев явно избегал, зато ночи напролет обсуждал что-то с саксонцем Функом, злейшим врагом Фридриха⁹⁷. В Петербурге происходило что-то странное. Неужели англичанин Гиндфорд решил «потешить публику и надуть Россию»⁹⁸? Какова позиция австрийца Бернеса — ведет он двойную игру или отныне во всем следует указаниям Георга II? А что саксонский представитель — быть может, он примкнул к милой сердцу Бестужева антишведской лиге?⁹⁹ Гольц внимательнейшим образом наблюдал за взглядами и жестами коллег — и терялся в догадках. Тем временем после многомесячного молчания из тени вышел Воронцов и попытался вернуть расположение императрицы, открыв ей глаза на сотрудничество Бестужева с некоторыми европейскими дворами. Выходило, что канцлер, «буйный, безнадежный безумец», готов продать родину, посланники союзных держав «подливают масла в огонь», а их государи «под рукою стремятся поставить Россию в затруднительное положение, нисколько не беспокоясь о том, как

---

⁹⁵ *Mémoire historique concernant les différends de la Russie et de la Suède...* // AAE. M et D. Russie, 1735–1759. T. IX. Fol. 9–19.

⁹⁶ Гольц к Фридриху, 15 мая 1749 г. // GStA. Rep. 96. 55A. Fol. 149.

⁹⁷ Мнение Фридриха о Функе см. в его письме к Гольцу от 29 апреля 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 138.

⁹⁸ Письмо Гольца от 5 августа 1749 г. // GStA. Rep. 96. 55B. Fol. 44–45.

⁹⁹ Гольц к Фридриху, 30 июня 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 188–189.

она из него выходить будет»¹⁰⁰. Гольц верил подобным речам, а Фридрих II усваивал из них только то, что отвечало его нежелательным представлением о русском дворе.

Труднее всего было понять, как относится к русской союзнице императрица Мария-Терезия. В Петербурге австрийские дипломаты вели себя весьма скромно и ни во что не вмешивались, зато в Версале они развили бурную активность. Кауниц¹⁰¹, новый австрийский посол в Париже, держался настолько учтиво и даже елейно, что Ле Шамбрё встревожился — и недаром. 24 марта 1749 года австрийский дипломат, сторонник пересмотра прежних союзнических отношений — пересмотра, который впоследствии привел к Семилетней войне¹⁰², — подал Марии-Терезии записку, в которой советовал не пренебрегать Францией. По мнению Кауница, у империи Габсбургов имелся один-единственный настоящий враг — Пруссия; именно против него и нужно было вести борьбу, с тем чтобы отобрать захваченную силой Силезию. Кауниц предлагал постепенно вернуться к пакту антипротестантских стран и непременно включить в новую коалицию Людовика XV — ведь его сомнения и колебания относительно союза с Фридрихом II ни для кого не составляли секрета¹⁰³. Сам того не ведая, Ле Шамбрё присутствовал при медленном возрождении той системы, за которую по окончании войны за Испанское наследство выступал Людовик XIV: две католические державы должны сблизиться, дабы избежать распрей и войн, губительных для «могущества обеих», и не позволить многочисленным монархам, желающим «стать наравне» с Бурбонами и Габсбургами, осуществить это дерзкое намерение¹⁰⁴.

---

¹⁰⁰ Гольц к Фридриху, 18 сентября 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56B. Fol. 246; Гольц к Фридриху, 30 июня 1749 г. // Rep. 96. 56A. Fol. 188–189.

¹⁰¹ По мнению д'Аржансона, человек тщеславный, корыстолюбивый и шумный, больше интересующийся внешними формами, нежели существом дела (*D'Argenson. Op. cit.* Т. VII. P. 50, 79, 302, 305).

¹⁰² Большинство исследователей Семилетней войны датирует изменение союзнических отношений 1754–1755 годами. Однако «*Denkschrift*» [Докладная записка] Кауница, опубликованная Райнером Поммерином (*Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 2. 1986. S. 168–239*), доказывает, что Австрия начала искать сближения с Францией почти сразу после окончания войны за Австрийское наследство.

¹⁰³ *Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 2. 1986. S. 202.*

¹⁰⁴ Инструкции графу де Люку, чрезвычайному посланнику Людовика XIV при дворе германского императора; цит. по: *Recueil des Instructions*

Понятно, что вынашивая столь далеко идущие планы, австрийцы не имели ни малейшего основания участвовать в авантюрах Бестужева; французское присутствие на берегах Балтики, союз между Стокгольмом и Версалем вынуждали Австрию сохранять нейтралитет в северных делах. Не рассматривая северную политику Марии-Терезии в целом, Кауниц тем не менее уберег Австрию не только от военного, но даже и от дипломатического вмешательства в решение шведского вопроса. Выбор нового наследника престола и изменение конституции в Швеции, возможная война между Швецией и Россией заставили бы Людовика и Фридриха вмешаться, что способствовало бы их сближению и затруднило формирование новой системы союзов. Еще страшнее было бы вмешательство Порты, также вполне возможное¹⁰⁵. Нестабильная обстановка внутри Российской империи вынуждала ее союзников к определенной осторожности. Бестужев слишком скомпрометировал себя в пору подписания Ахенского мира; тогда казалось, что вот-вот последует его скорая отставка, больше того, что он, любитель выпивки и скандалов, вот-вот отправится в мир иной. Царица, измотанная почными забавами, также чувствовала себя с каждым днем все хуже; ее одолевали разнообразные недуги. Личность Петра Федоровича не внушала доверия, а его слепое преклонение перед Фридрихом II сулило австрийцам самые мрачные перспективы. Новый переворот, организованный старинной знатью, которую раздражала череда фаворитов-выскочек, сменявших один другого во дворце, народное восстание — все эти варианты развития представлялись вполне возможными. Как бы там ни было, канцлер слишком много внимания уделял шведской проблеме и слишком мало — Пруссии; Кауниц не был уверен, что Фридрих решится на военное вмешательство в северные дела, а без этого отнимать Силезию силой было весьма рискованно. Кауниц изобрел план куда более изощренный. Предполагалось, что Россия примирится со Швецией и попытается восстановить отношения с Францией, а поскольку Австрия с 1746 года связана с Россией двусторонним договором, к гипотетическому

---

données aux ambassadeurs et ministres de France: Autriche. Paris, 1884. T. I. P. 154; Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 2. 1986. S. 231.

¹⁰⁵ Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 2. 1986. S. 222–224.

франко-русскому автоматически примкнет и она, Георг же II займет выжидательную позицию. Кауниц посоветовал Марии-Терезии не вмешиваться в шведские проблемы, не рисковать жизнью своих подданных ради столь неопределенной цели, а в удобный момент приняться за Пруссию, опираясь при этом на помощь татар, калмыков и казаков... Лишившись французской поддержки, оставшись в одиночестве, Фридрих будет вынужден возвратить свои силезские приобретения. Кауниц уговорил Марию-Терезию быть с царицей совершенно откровенной: на первых порах пусть Елизавета займет выжидательную позицию, а дела в Швеции тем временем сами собой придут в порядок. Если же русская императрица будет настаивать на войне (что, впрочем, совсем не в ее характере), то, несмотря на договор 1746 года, следует предоставить ей действовать самостоятельно. Европа должна убедиться в миролюбии Австрии; это — первый шаг к изменению прежней системы союзов; поддерживать добрые отношения с такими враждебными одна другой державами, как Франция, Англия и Россия, ни при каких обстоятельствах не вмешиваясь в их внутренние дела, — таков был новый девиз Шенбруннского дворца. Очень скоро к Австрии примкнула Саксония. Брюль предложил французскому двору восстановить отношения с Россией и предложил «помощь и посредничество своего двора»¹⁰⁶ для укрепления позиций Людовика XV на севере — а тем самым и для сближения его с Елизаветой и Марией-Терезией.

Поначалу это стремление реорганизовать политическое пространство Европы на новых основаниях было едва заметно, но Ле Шамбрье несколько месяцев подряд наблюдал за переменами в общении Кауница с французскими министрами; он сообщил Фридриху о «предупредительной учтивости» и льстивой обходительности австрийского дипломата. Ле Шамбрье чувствовал, что во взглядах французских министров и царедворцев зреют важные перемены; все свидетельствовало о том, что французы хотят жить «в добром согласии» с Австрией¹⁰⁷. Прусский король отказался этому поверить; он был убежден, что связи с Англией помешают

---

¹⁰⁶ Слова, употребленные Фридрихом в письме к Ле Шамбрье от 14 декабря 1748 г. // GStA. Rep. XI. Frankreich 89. Fasc. 165. Fol. 170.

¹⁰⁷ Письмо Ле Шамбрье от 20 ноября 1750 г. // PC. V. VIII. S. 171.

Марии-Терезии добиться «симпатии» Людовика XV. Гогенцоллерн видел в поведении французских политиков только «показную любезность», не понимая, что происходит полная смена ориентиров, которой суждено оказать решающее влияние на будущее Европы¹⁰⁸. Ле Шамбрье, успокоенный своим государем, больше к этому вопросу не возвращался, — роковая ошибка, в которой виноват прежде всего сам король. Между тем подготовка к заключению новых союзов шла начиная с 1749 года, Пруссии же в этой новой системе места не было. Со своей стороны, Фридрих мечтал о схожей системе — с той разницей, что в его варианте остракизму должна была подвергнуться Австрия. Прусский король мечтал нейтрализовать ее с помощью Франции, Швеции и Дании и при посредничестве Англии. Гогенцоллерн не замечал, что те, кого он прочит себе в союзники, объединяются против него, и сам способствовал своей будущей изоляции. За исключением России, все европейские нации вели речи примирительные, корыстные и лживые.

Бестужев ничего не знал о переменах в политическом курсе Австрии, между тем суета вокруг Голштинии и агрессивная политика России на берегах Балтики препятствовали исполнению планов Кауница. Если бы между Швецией и Россией все-таки разгорелась война, Париж, Берлин, даже Лондон и Копенгаген принуждены были бы отозваться на это событие и создать новую коалицию, которая угрожала бы спокойствию австрийской империи. Представители Марии-Терезии употребили все усилия, на какие были способны, чтобы отговорить Бестужева от войны со Швецией и натравить его на Пруссию, которая, если верить их небескорыстным рассуждениям, представляла собою главное препятствие для увеличения русского влияния на севере Европы. Когда с Гогенцоллерном будет покончено (а в том, что эта задача разрешима, австрийцы не сомневались), Швеция станет легкой добычей, ибо Версаль больше не посмеет активно вмешиваться в ход событий. Разжечь ненависть Бестужева к Фридриху II было бы нетрудно; куда труднее было привлечь Людовика XV, не поддерживавшего никаких отношений с Елизаветой, в антипруссский лагерь; на это безусловно требовалось время, а в ожидании перемен приходилось под-

---

¹⁰⁸ Ответ Фридриха от 30 ноября 1750 г. // Ibid.

держивать старую, искусственную систему союзов, основанную на оси Англия/Австрия — единственном европейском союзе, который по видимости еще оставался прочным. Европа разделилась на два весьма хрупких блока: в один входили Франция, Швеция и Пруссия, в другой — Англия, Австрия и Россия¹⁰⁹. По-прежнему острыми оставались два противостояния: тайное между двумя старыми врагами внутри германского мира, Пруссией и Австрией, и открытое — между Россией и Швецией. Саксония пыталась хранить нейтралитет. Наконец, оставалась Дания, которую Бестужев хотел бы привлечь на свою сторону в борьбе с общим соседом. Великий князь Петр Федорович, при поддержке императрицы Елизаветы вставший на защиту своих голштинских владений, помешал осуществлению этих планов. Между тем датский король Фредрик V в августе 1749 года подписал субсидную конвенцию с Версалем. Так была протянута первая нить между двумя коалициями; конвенции, заключенные двумя скандинавскими державами с королем Франции, заставили Бестужева отложить воинственные намерения и на время спасли Пруссию. Франция в очередной раз вытянула каштаны из огня для Фридриха II. Французский кабинет хранил верность своим обязательствам, проявлял гибкость в дипломатических отношениях и, сам того не зная, получал помощь от Австрии, сделавшейся чрезвычайно покладистой, — комбинация, ускользнувшая от внимания Гогенцоллерна. На скептические речи секретаря посольства Варендорфа Фридрих отвечал: «Вам следует всегда иметь перед глазами большую карту Европы». По мнению прусского короля, карта эта выглядела следующим образом: Англия боится агрессии со стороны Франции, однако та слишком истощена, чтобы «взвалить на себя груз новой войны»; Вена «не считает себя обязанной снова ввязываться в бой», Россия, несмотря на интриги канцлера, не осмеливается «выступить открыто» — Елизавета служит гарантом мирных намерений своего правительства¹¹⁰. Король, нарисовавший эту картину, продолжал жить, мыслить действовать в соответствии со старой системой — это его и погубило.

---

¹⁰⁹ *Mémoire historique concernant les différends de la Russie et de la Suède...* // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. T. IX. Fol. 9–19.

¹¹⁰ Фридрих к Варендорфу, 9 июня 1750 г. // РС. В. VII. S. 395–396.

Перемены в дипломатической системе

Если 1749 год был напряженным, богатым разнообразными столкновениями, 1750 год, казалось, сулил Франции одни лишь радости: союза с нею искали все. Перспективы, открывавшиеся перед Пруссией, были не столь радужными; с каждым днем ее изоляция становилась все более полной¹¹¹. Гольц из-за нездоровья покинул Россию, и его обязанности вновь стал исполнять привычный ко всему Варендорф. Фридрих в письме к новому посланнику признался, что его тревожит то «неопределенное состояние», в каком пребывают северные дела; «вооруженное молчание» русских позволяло Георгу II и Марии-Терезии в любой момент, который «сочтут они выгодным для осуществления собственных своих планов», разжечь войну¹¹². Чувства Гогенцоллерна по отношению к России, как и прежде, в 1730-е годы, колебались между высокомерным неприятием и древним страхом, укорененным в немецком коллективном бессознательном со времен Ивана Грозного. Фридрих, обычно строго предписывавший своим посланникам линию поведения, в данном случае дал своему представителю в Петербурге полную свободу действий¹¹³. То был огромный риск, поскольку, приняв подобное решение, король перестал сообщать Варендорфу об интригах и слухах, о которых ему доносили посланники, аккредитованные при других дворах. По прихоти своего государя прусский дипломат сделался звеном, вырванным из цепи, и, отлученный от информации, которая ему, находящемуся вдали от главных европейских столиц, была особенно необходима, лишился возможности достойно исполнять свои обязанности.

Вражда государств продолжалась на уровне человеческого, слишком человеческого: параллельно политике кабинетов или в противовес ей дипломаты шпионили друг за другом, пере-

---

¹¹¹ Valory G. L. H. Op. cit. P. 296–297.

¹¹² Фридрих к Варендорфу, 6 июня 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 124.

¹¹³ «И вы в свой черед поймете, что невозможно мне долее давать вам указания, ибо обстоятельства изменяются беспрестанно, так что не остается мне ничего другого, кроме как позволить вам действовать по вашему разумению и и положиться во всем на споровку вашу» (Фридрих к Варендорфу, 13 июня 1750 г. // PC. B. VII. S. 397).

хватывали чужие письма, соперничали друг с другом и принимались друг к другу острой неприязнью. Почта, приходившая из Петербурга и Вены, находилась под строгим контролем; сам Фридрих не погнушался подкупить секретаря австрийского посольства в Берлине и начальника канцелярии саксонского кабинета министров. Большая часть полученной информации поступала к Ле Шамбрье, по-прежнему занимавшему пост посланника в Париже, до Петербурга же никакие сведения не доходили. Варендорфу приходилось импровизировать. Прусский король довольно долго пребывал в уверенности, что, льстя честолюбию царицы, сумеет парировать любые удары Бестужева; Фридрих осыпал Елизавету комплиментами и подарками. Однако после северного кризиса король прекратил рассыпаться в любезностях и решил не тратить деньги зря¹¹⁴. Фридрих полагал, что Елизавета и ее канцлер не заслуживают ничего, кроме презрения, и надеялся им это продемонстрировать.

Летом 1750 года, несмотря на остроту кризиса, прусский король продолжал вести себя вызывающе. Он принял в Потсдаме Мустафу-агу, посланца крымского хана Аслана-Гирея¹¹⁵; оказанный представителю хана прием, врученные ему подарки были призваны встревожить и унижить царицу; ведь с ее собственным представителем при прусском дворе обходились куда менее почтительно¹¹⁶. Место России — позади вождя неверных; вот в чем заключался символический смысл поведения короля, и Елизавета это прекрасно поняла¹¹⁷. До разрыва дипломатических отношений между Петербургом и Берлином, происшедшего в декабре 1750 года, оставалось несколько месяцев.

Во второй половине 1750 года Фридрих решил переменить персонал своих заграничных посольств — процедура

---

¹¹⁴ Впрочем, и царица со временем стала пускаться в рассуждения о дурном вкусе прусского монарха. См.: Претлак к Ульфелд, 5 мая 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27 (апрель – июль 1746 г.). Fol. 64; Ульфелд к императору, 30 августа 1746 г. // HHStA. Russland I. Russica 34 (1746). Fasc. 14a. Fol. 130–135.

¹¹⁵ PC. B. VIII. S. 24.

¹¹⁶ Фридрих к Ле Шамбрье, 29 августа 1750 г. // PC. B. VIII. S. 64; см. также: PC. B. VIII. S. 24, 35, 37–39.

¹¹⁷ Письмо Варендорфа от 10 октября 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 265.

весьма характерная для короля, действовавшего методом проб и ошибок. Варендорфа Фридрих оставил в Петербурге, однако своих посланников в Лондоне, Вене и Париже переменил, явно не без задней мысли о том, чтобы спровоцировать смену чужих посланников, аккредитованных при его собственном дворе. После окончания войны за Австрийское наследство король относился к большинству дипломатов, направленных их государями в Берлин, весьма неприязненно; он считал их «челядью» и обращался с ними соответственно¹¹⁸. Он отозвал Клинггреффена, своего представителя в Лондоне, не предложив никого на его место, и потребовал, чтобы Георг II в ответ отозвал английского посланника в Берлине Чарлза Хенбери Уильямса. Случай позволил Фридриху повторить этот трюк еще раз и продемонстрировать всем свои симпатии и предпочтения. Ле Шамбрье скончался в Париже летом 1751 года; преемником его был назначен шотландский эмигрант, католик и в довершение всего якобит, наследственный лорд-маршал Джордж Кейт. Франция не осталась в долгу: Валори, находившийся в Берлине на посту французского посланника с 1739 года (он сменил Ла Шетарди), был отозван в Париж и заменен ирландским католиком Тирконнелом. Георг II тщетно обращался к Пюизье; впрочем, тревоги его были не вполне обоснованны: католическая лига, якобы создаваемая французами и пруссаками, представляла собою образование слишком искусственное, чтобы послужить основой для прочных связей. Франко-прусская дружба, зиждившаяся исключительно на соображениях государственного интереса, не отличалась прочностью. Кауницу, прибывшему в Версаль в октябре 1750 года (он оставался на посту австрийского посланника во Франции до ноября 1752 года), удалось заложить основы новой коалиции, обошедшейся без участия Лондона и Берлина и, можно сказать, антипротестантской.

Эти «дипломатические революции» свидетельствуют также о медленной, но неуклонной интеграции России в европейскую дипломатическую систему. В 1745–1752 годах происходит довольно систематическое перемещение иностранных дипломатов, прежде представлявших своих государей в Париже или Берлине (в меньшей степени это касает-

---

¹¹⁸ *Valori G. L. H. Op. cit. P. 263.*

ся Вены), в Петербург; дипломаты движутся с запада на восток. Опыт, приобретенный при дворах двух монархов, настроенных наиболее враждебно по отношению к царской империи, казался условием успеха¹¹⁹. Бестужев, со своей стороны, также стремился укрепить, а точнее, «заблокировать» систему союзов; русские дипломаты перемещались из Парижа и Лондона в Берлин, а при изменении сложившейся обстановки — в Вену или Дрезден¹²⁰.

В определенном смысле Россия в 1749–1750 годах одержала важную победу: благодаря ее дорогостоящим показательным мероприятиям шведы не стали изменять конституцию. 25 марта 1751 года Фредрик I умер, и Адольф-Фридрих, сделавшись шведским королем под именем Адольфа I Фредрика, остался подконтрольным парламенту, в котором «колпаки» (русская партия) по-прежнему старательно отстаивали интересы России. Бестужев опубликовал в «Кёльнской газете» статью (Фридрих назвал ее «наглой»¹²¹), смысл которой сводился к официальной декларации: Россия спасла Европу! Интриги канцлера, его обращение с императрицей, иной раз очень напоминавшее шантаж, принесли свои плоды, хотя за это пришлось заплатить немалую цену: отношения с Лондоном стали прохладнее, а с Данией вовсе разладились. Русские войска оказали существенное влияние на политические решения европейских монархов; таким образом, их мобилизация оказалась не напрасной. Елизавета силой навязала себя Европе в качестве посредницы¹²². Теперь она могла себе позволить не считаться ни с Францией, ни с Пруссией, могла обойтись без дипломатических отношений с этими странами. Поддержание мира любой ценой (хотя

---

¹¹⁹ Сказанное относится к Ла Шетарди и Ботте (до 1744 г.), затем к Гиндфорду, Гаю Диккенсу, Бернессу, Розенбергу, Хёпкену, Барку, Бернсдорфу, Хеуссу. Подробнее см. в «Хронологии» в конце книги.

¹²⁰ См. послужные списки Гросса, Чернышева, Бестужева, Кейзерлинга. У русских имелись свои специалисты по скандинавским странам (Корф и Панин) — точно так же, как и у французов (Аврэнкур, Ланмари, Лемер, Сен-Северен); деталь эта лишний раз подтверждает наличие на континенте зон повышенной политической значимости.

¹²¹ Фридрих к Клинггреффену, 20 июня 1751 г. // PC. V. VIII. S. 383.

¹²² Extrait d'une lettre de Saint-Petersbourg du 28 avril [Отрывок из письма из Санкт-Петербурга от 28 апреля] // Gazette de Cologne, 21 mai 1751 (PC. V. VIII. S. 383).

и неясно, надолго ли) стало весомым доказательством ее непреклонности.

Франция между тем отказалась от активного вмешательства в дела Центральной Европы, и этот отказ, бывший одной из сильных сторон политики Пюизье¹²³, весьма устраивал прусского короля¹²⁴. Стремление сохранить то, что уже завоевано, поддержание хрупкого равновесия, боязнь войны и страх перед русскими создавали основу для недолговечного мира, похожего на холодную войну¹²⁵. Европа замерла в неподвижности из-за отсутствия сил и средств, а также из-за того, что система союзов находилась как раз в процессе изменения: старая система оказалась бессильной, противоречащей естественному праву, новая же, более соответствующая исторической ситуации, еще не сложилась.

Истоки всех бедствий Семилетней войны берут свое начало в тех двух годах, что последовали за подписанием Ахенского мира; особенно роковую роль сыграло надменное обращение прусского короля с русской императрицей и ее канцлером. С конца 1750 года окончательный распад тройственного союза Франция–Пруссия–Россия, столь прочного в начале 1740-х годов, сопровождался перемещением многочисленных посланников к новым местам службы, а также выходом на политическую арену нового поколения, стремящегося возвратиться к более духовным ценностям и перестроить Европу с помощью династических блоков. Мардефельд умер в 1748 году, и его место в Королевском совете занял Финкенштейн; Ла Шетарди получил назначение в Сардинию, Дальон удалился от дел. Ле Шамбрье, как мы уже говорили, скончался в 1751 году, и его сменил шотландец; Валори уступил свое место ирландцу. Все в том же 1751 году подал в отставку Пюизье. Кауниц в 1749 году получил назначение на пост австрийского посла в Париже, каковой занимал до 1752 года, когда стал канцлером. Картерет, отстраненный от дел в 1744 году, в 1751 году стал председателем

---

¹²³ Ле Шамбрье к Фридриху, 5 марта 1751 г. // PC. V. VIII. S. 302.

¹²⁴ В письме к Гольцу от 9 января 1751 г. Финкенштейн приводит фразу Фридриха, которая говорит сама за себя: «Только безумец или глупец может сейчас помышлять о развязывании войны» (GStA. Rep. XI. Russland 91. B conv. 2 d. Fol. 25).

¹²⁵ См.: *Frédéric II. Testament politique de 1752; Die politischen Testamente Friedrichs des Grossen*. Berlin, 1920. P. 52.

Тайного совета при Георге II. Горячий сторонник сохранения Ганновера в сфере влияния Англии, он делал все возможное для сближения своей страны с Пруссией. Шведский первый министр Тессин недолго пользовался расположением Ульрики, супруги нового шведского короля; стремление этого политика примирить Швецию с Данией не нравилось сестре Фридриха II, и в 1754 году Тессину пришлось уйти в отставку. Одна лишь Россия избежала этой перетасовки посланников; Англия, Австрия и Саксония были здесь представлены людьми надежными и многоопытными: Гиндфордом, Бернесом, Функом. Бестужев, несмотря на растущее недоверие к нему Елизаветы, оставался на своем посту до 1758 года. Прусское и французское посольство в течение нескольких лет стояли пустыми, причем поплатилась за это отнюдь не Елизавета, по чьей инициативе произошел разрыв отношений, а Фридрих II.

Глава двенадцатая

ПРОТОКОЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ

В дипломатическом отношении начало Семилетней войны, новой бойни, явившейся следствием новой системы союзов, восходит к тем трем годам, что последовали за подписанием Ахенского договора. 1740-е годы — это военные конфликты, соперничество европейских держав и поиск ими новых союзников; итогом же этого периода стал разрыв отношений между Францией и Россией в 1748 году, а затем между Россией и Пруссией в 1750 году, причем произошло это неожиданно для самих заинтересованных лиц. Войдя в европейскую систему, царская империя разрушила установленный порядок. Монархи стали жертвами хитросплетения политических обстоятельств, распрей между непримиримыми группировками и рокового отсутствия диалога между королями, кабинетами министров и дипломатами. К «холодной войне» (1748–1756) привел целый ряд психологических и формальных ошибок, плохо подготовленных спектаклей, в которых актеры, сами того не желая, постоянно оступались и ошибались. *Международное право*, на которое поминутно ссылались все участники конфликтов, служило очень слабой опорой, ибо каждый толковал его в духе своих национальных обычаев. Во времена Людовика XV и Фридриха II послы, разумеется, представляли своих монархов, однако при этом сохраняли некоторую независимость, «полезную» автономию, которая позволяла им принимать меры, не советуясь со своими кабинетами¹²⁶. Расстояние между столицами, например между Парижем и Петербургом, обрекало дипломатов на самостоятельность; предоставленные самим себе, они не всегда могли сдерживать свои страсти и свое корыстолюбие. Как ни странно, первыми

---

¹²⁶ Pecquet A. De l'art de négocier avec les Souverains. P. 52 sq.

согрешили французы, впрочем большие знатоки и защитники этикета.

С самого начала переговоров в Ништадте (1721) выяснилось, что подписание союзного договора между Бурбонами и царем из династии Романовых наталкивается на протокольные трудности. Петр I настаивал на именовании его Императором Всероссийским и мечтал выдать одну из дочерей за родственника Короля-Солнца. Дюбуа сумел, сославшись на слишком юный возраст принцев крови или переговоры о браке с другими дворами, отложить решение этого деликатного вопроса. Боясь оскорбить английских союзников, весьма встревоженных русскими победами на берегах Балтики, кардинал не стал ни подписывать конвенцию, ни употреблять требуемый титул, ибо второе «вытекало» из первого; впрочем, добавил он, «в намерения короля не входит отказывать царю в титуле императора»¹²⁷. Смерть Дюбуа, кончина Филиппа Орлеанского (1723) и удаление герцога де Бурбона, а затем смерть Петра I (1725) приостановили переговоры насчет титулования; в течение двух последующих десятилетий, когда Россией правили женщины, проблема эта не поднималась, несмотря на неоднократные запросы русской Коллегии иностранных дел. К Екатерине I, женщине недворянского происхождения, и Анне Ивановне, дочери слабоумного брата царя-реформатора, французские дипломаты относились с явным презрением¹²⁸. Петр II и Иван VI в силу юного возраста и скоротечности своих «царствований» не успели потребовать, чтобы за ними признали императорский титул. Однако после 1741 года на трон взошла дочь Петра Великого, и уж она-то не замедлила объявить о своих притязаниях.

Можно ли было, вслед за другими монархами, «оказать ей подобное снисхождение», можно ли было унизиться до того, чтобы именовать женщину, плод весьма сомнительного брачного союза, да вдобавок православную, императрицей и оказывать ей соответствующие почести?¹²⁹ Король Франции занимал третье место в иерархии коронованных особ, после

---

¹²⁷ *Rambaud A. Op. cit. Russie. T. I. P. 253.*

¹²⁸ *Dumont J., Roussel J. Le Cérémonial diplomatique des cours d'Europe. Amsterdam, 1739. T. 1–5; Cours universel diplomatique du droit des gens. Supplément. T. III. P. 98, 112.*

¹²⁹ Инструкции маркизу де Ла Шетарди, 1743; цит. по: *Rambaud A. Op. cit. T. I. P. 412.*

папы и германского императора¹³⁰; в крайнем случае он мог бы, пожалуй, согласиться именовать Елизавету императрицей, но «никогда и ни при каких обстоятельствах» Людовик XV не допустил бы, чтобы русская монархия «стала превыше его» и потребовала изменений в древнем церемониале¹³¹.

Правила, разработанные для сношений между посланниками французского короля и других государей, не подлежали переделке. В Версале требования Романовых считали плодом пустого тщеславия и ссылались на то, что нация, до сих пор пребывающая в варварском состоянии, не имеет права вторгаться в нерушимую систему законов и правил. В конце концов, короли Франции «были славны не только возможностью постоянно тешить свое тщеславие сим громким титулом»¹³².

Специалистом по русским вопросам считался Ла Шетарди. Человек прагматичный, он умел говорить с Елизаветой, знал все пружины, которые приводят в действие группировки и партии, существующие при русском дворе, и долгое время успешно противостоял Бестужеву. Ла Шетарди предстояло выполнить весьма деликатную миссию — разрешить вопрос о титулах и праве первенства, не оскорбляя общественное мнение; от этого зависело и положение маркиза в России, и его репутация во Франции. Ла Шетарди входил в ближайшее окружение Елизаветы и, несмотря на статус дипломата, пользовался всеми преимуществами фаворита¹³³, поэтому он пренебрег практическими аспектами поручения, возложенного на него версальским кабинетом. Его верность условленным приличиям оказалась весьма ограниченной, поведение — сомнительным, а взгляды — компрометирующими¹³⁴. Если

---

¹³⁰ См. об этом: *Rousset de Missy J. Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans, suivant leurs différens caractères [...]* pour servir de supplément à *L'Ambassadeur et ses fonctions* de Mr de Wicquefort. Amsterdam, 1746. P. 13, 66.

¹³¹ *Mémoire du baron de Huysen sur la Russie (1746–1747)* [Записка барона де Гуйзена о России, 1746–1747] // ААЕ. М et D. Russie, 1735–1759. T. XXXIV. Fol. 191. См. также: *Rousset de Missy J.* Op. cit. P. 45.

¹³² Инструкции маркизу де Ла Шетарди, 1743; цит. по: *Rambaud A.* Op. cit. T. I. P. 412.

¹³³ Конти еще в 1742 г. в письме к кардиналу Флери критиковал назначение Ла Шетарди на должность французского посланника в России (см.: Сб. РИО. Т. 100. С. 62–63; письмо от 30 января 1742 г.).

¹³⁴ Об образцовом поведении дипломата см. в особенности: *Caillères F. de.* Op. cit. P. 39.

верить некоторым теоретикам, одна из обязанностей дипломата заключалась в умении плести интриги; ради блага отечества он имел право сеять раздор, подкупать министров того двора, при котором аккредитован, разжигать между ними соперничество. Больше того, для достижения собственных целей он имел право развращать царедворцев и политиков, суля им наживу, встречи с красотками или просто выпивку... Но при всем том сам он был обязан оставаться безупречным¹³⁵. Мастерство дипломата зиждилось на скрытности и сдержанности.

Должность посла приносила почести, привилегии (в частности, посол находился под защитой международного права¹³⁶) и деньги. Для Ла Шетарди существеннее всего было именно это последнее обстоятельство: французский посланник происходил из семьи знатной, но небогатой, и не мог устоять перед соблазнительными предложениями, перед роскошными подарками и круглыми суммами. В 1742 году, покидая Петербург, он увез на родину подарки общей стоимостью примерно в миллион рублей¹³⁷.

Статьи международного права

Перед тем, как вторично (в 1743 году) отправить Ла Шетарди в Петербург, д'Аржансон вручил своему представителю два варианта верительных грамот: в одной статус маркиза обозначен не был, другая подтверждала, что податель этой бумаги является послом Людовика XV. Подобное раздвоение функций (и личности) не могло не создать путаницы, которая стала еще сильнее оттого, что французские чиновники оформили каждую из бумаг по-разному: частное письмо, изготовленное в государственной канцелярии, по традиции было адресовано к «царице», а верительная грамота, выданная кабинетом короля, была

---

¹³⁵ «Служило сие часто камнем преткновения для многих переговорщиков, каковые не знали или не желали знать, что можно государю и отечеству служить, не прибегая ко лжи» (*Pecquet A. Op. cit. P. XI–XII*). Пеке советует дипломатам воздерживаться от вина и водки, дабы «не терять никогда разума своего» (P. 27). См. также: *Van Bynkershoek C. Traité du juge compétent des ambassadeurs, tant pour le civil que pour le criminel. La Haye, 1723. P. 266, 296*).

¹³⁶ *Wicquefort A. van. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1680. T. I. P. 88 sq.*

¹³⁷ *Rambaud A. Op. cit. T. I. P. 376*. Среди этих подарков имелась усыпанная брильянтами табакерка с портретом Елизаветы.

обращена к «дражайшей сестре нашей и самому верному другу Елизавете, императрице и самодержице всероссийской»¹³⁸. Это письмо Ла Шетарди должен был пустить в ход только в самом крайнем случае¹³⁹. Дело шло о серьезных вещах, от которых зависела судьба Европы, однако посылавшие Ла Шетарди в Россию воспринимали его задачу — нанести последний удар австро-английской партии и подчинить Россию прихотям короля из рода Бурбонов — как своего рода игру¹⁴⁰. Дипломату рекомендовалось прибегать к разнообразным театральным эффектам; он должен был начать обсуждение политических тем в частных беседах с императрицей, намекая на счастливое решение протокольных проблем, а затем, сообразуясь с обстоятельствами, вручить письмо с вожденным обращением во время публичной аудиенции¹⁴¹. Ла Шетарди, однако, поступил не так, как ему советовали: он решил явиться ко двору в качестве частного лица. Возобновив отношения с царицей, бывшей некогда его любовницей, на неофициальной почве, он мог бы потеснить Бестужева, не входя в обсуждение своего статуса. Воодушевленный доброжелательным приемом, который оказала ему Елизавета, Ла Шетарди забыл, что, будучи частным лицом, не сможет пользоваться ни дипломатической неприкосновенностью, ни защитой международного права. Бестужев же быстро сообразил, что двойственный статус делает его противника весьма уязвимым; он не преминул очернить француза в глазах императрицы, раздраженной проволочками с признанием ее статуса. Ла Шетарди стал легкой добычей и попался в сети, расставленные вице-канцлером, в тот самый момент, когда он как раз собирался объявить о своем посольском статусе и признать за Елизаветой императорский титул¹⁴².

Выслав весь персонал французского посольства, русские поступили в соответствии с дипломатическими законами¹⁴³.

¹³⁸ Инструкции маркизу де Ла Шетарди, 22 сентября 1743 г.; цит. по: *Ram baud A. Op. cit. T. I. P. 412 (AAE. CP. Russie. T. XLV. Fol. 101).*

¹³⁹ Указание было дано совершенно четко: «Избегать преждевременного употребления этой бумаги, льстящей тщеславию царицы».

¹⁴⁰ Инструкции маркизу де Ла Шетарди, 1743 // *AAE. M et D. Russie, 1735–1759. T. XXXIV. Fol. 77 sq.*

¹⁴¹ *Ibid.* В самом тексте инструкции Елизавета именуется исключительно «царицей».

¹⁴² Инструкция Дальону; см.: *Ram baud A. Op. cit. T. I. P. 460.*

¹⁴³ Характеристику этих законов (из которых исходили и русские дипломаты) см. в кн.: *Wic quefort A. van. Op. cit. P. 811.*

Назвав представителя Людовика XV «простым французским бригадиром», русские сумели избежать непоправимого дипломатического скандала; лишь стремительность процедуры и конфискация у Ла Шетарди предметов, некогда подаренных императрицей и потому обладавших огромным символическим смыслом¹⁴⁴, показали, как высоко ставят русские эту темную личность. Императрица хранила верность протоколу и потому считала себя вправе требовать того же от других государей, если же ей не оказывали должного почтения, она также позволяла себе нарушать общепринятые правила.

Версальский кабинет, однако, снова поступил весьма двусмысленно, назначив преемником Ла Шетарди Дальона, о котором петербургский двор уже успел составить весьма неблагоприятное мнение. Новый посланник прибыл в Петербург в ноябре 1744 года, когда Елизавета находилась в Москве; французского дипломата принял оставленный главноначальствующим в столице генерал Репнин. Тотчас же разразился скандал: в верительной грамоте Дальона Елизавета именовалась исключительно «царицей»¹⁴⁵. В ожидании новых, исправленных документов, посланник подвергся со стороны русской администрации бесчисленным унижениям. Репнин получил приказ обходиться с ним как с частным лицом, путешествующим по собственной надобности, и не выписал ему подорожной для поездки в Москву, а без подорожной никто не захотел давать французу лошадей. Более того, генерал не дал посланнику сопровождения, «необходимого в такое время, когда дорога от Петербурга в Москву вследствие чрезмерного милосердия кишела ворами и убийцами»¹⁴⁶. Дальону пришлось дожидаться возвращения Елизаветы в Петербург¹⁴⁷. В довершение всех несчастий Голицын отказался сдать Дальону дом, и французу пришлось довольствоваться временным жильем, недостойным представителя его христианнейшего величества.

---

¹⁴⁴ Ла Шетарди лишился превосходной посуды и весьма ценных безделушек; и то, и другое он получил в подарок от императрицы.

¹⁴⁵ Sur ce qui s'est passé lorsque M. Dallon ministre plénipotentiaire du roi en Russie fut autorisé à donner le titre d'impératrice à la tsarine de Russie [О том, что произошло, когда г-н Дальон, полномочный министр короля в России, уполномочен был русскую царицу именовать императрицей] // ААЕ. Russie, 1735–1759. Т. XXX. Fol. 128.

¹⁴⁶ Намек на отмену смертной казни. См. письмо Дальона от 6/17 января 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVI. Fol. 43.

¹⁴⁷ Письмо Дальона от 28 декабря 1744 / 8 января 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. Т. XLVI. Fol. 5.

Протокол: традиции и исполнение

В феврале 1745 года французский посланник «уполномочен был русскую царицу именовать императрицей» (формулировка, говорящая сама за себя)¹⁴⁸. Русские, однако, продолжали «ломаться». Им не понравилось, что в письме из государственной канцелярии возжеленный титул фигурирует не в основном тексте, а только лишь в адресе¹⁴⁹. Сам Дальон именовался в грамоте полномочным министром, однако изменение титула русской государыни предполагало изменения в статусе дипломата, и Дальон не замедлил потребовать, чтобы его принимали не как посланника, а как посла¹⁵⁰. В довершение всего злополучная грамота была написана не на традиционном пергаменте, а на обычной бумаге, что оскорбило особенно щепетильные души. Уверения, что этой же самой бумагой король пользуется, когда «обращается к прочим коронованным особам, включая германского императора и папу римского, главу нашей Церкви», не возымели ни малейшего действия. Представительница династии Романовых требовала разом и введения в употребление новых правил, и уважения к традициям, то есть признания за ней, русской монархиней, права на византийское наследство. Русский обер-церемониймейстер Веселовский выразил Дальону свою досаду, и вручение грамоты снова было отложено. Дальон путался в лживых оправданиях: неужели советники государыни не понимают, что «одно лишь дружеское расположение» побудило его христианнейшее величество признать за нею императорский титул? Неужели в этом случае представитель короля не имеет права рассчитывать на то, что и его «примут с добрыми чувствами вместо того, чтобы чинить препоны»? Дальон договорился до того, что забыл о причинах войны: как могли русские власти, восклицал он, взять за образец письма обращение французского короля к германскому императору, если этот последний не был переизбран и статус его ставился под сомне-

---

¹⁴⁸ Sur ce qui s'est passé lorsque M. Dallion ministre plénipotentiaire du roi en Russie... // ААЕ. Russie, 1735–1759. T. XXX. Fol. 127.

¹⁴⁹ Письмо Дальона от 6/17 января 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVI. Fol. 40.

¹⁵⁰ Анонимная записка 1746 г. // HIIStA. Russica 34. Fasc. 149. Fol. 93–95.

ние?¹⁵¹ Рассуждения дипломата шли наперекор системе континентальных союзов. Чтобы не отречься от Карла VII, у Людовика оставался последний выход: даровать Елизавете «почести и отличия, установленные по старинному обычаю между государями христианскими»¹⁵², а для этого изменить церемониал и делом доказать искренность своих чувств. В Версале, однако, предпочли ограничиться уступкой на уровне словесных формул, но не посягать на протокол. Снабженный «заигрывающим» письмом от его христианнейшего величества, Дальон получил право на аудиенцию у Елизаветы — аудиенцию, церемониал которой, впрочем, оказался «весьма краток и мало затруднителен»¹⁵³. Царица приняла французского посланника 19 августа 1745 года, причем прежде под предлогом ремонта тронной залы заставила его прождать несколько недель. Вручение верительной грамоты обернулось катастрофой. Француз отказался поцеловать руку у государыни: он почел бы за «удовольствие и честь для себя выразить ей глубочайшее почтение в качестве простого придворного», однако говоря с Елизаветой «от имени его величества», он не имел на это права¹⁵⁴. Меж тем царские апартаменты ломились от гостей — свидетельство больших надежд, которые возлагали на эту аудиенцию русские. Дальон прикрывался письмом, в котором король выражал Елизавете свое дружеское расположение, и ссылаясь на неформальный характер частного визита; это уточнение призвано было избавить его от следования русскому придворному церемониалу. Бестужев «заткнул ему рот» и осыпал упреками, то есть проявил на людях неуважение к Бурбонам и, следовательно, оскорбил всю французскую нацию. В ответ Дальон резко (и не спросив согласия Версаля) заявил, что, если дела пойдут таким образом, русскому

---

¹⁵¹ Письмо Дальона от 28 декабря 1744 /8 января 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVI. Fol. 5. То обстоятельство, что Карл VII, поддерживаемый Францией, признал за Елизаветой императорский титул, должно было, с точки зрения русских, вынудить Людовика XV поступить таким же образом. См.: *Rousset de Missy J.* Op. cit. P. 57.

¹⁵² Письмо Дальона от 28 декабря 1744 /8 января 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVI. Fol. 5.

¹⁵³ Письмо Дальона от 17/28 декабря 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVII. Fol. 342.

¹⁵⁴ Дальон к д'Аржансону, 16/27 марта 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVI. Fol. 215.

посланнику Гроссу не будет позволено вручить свои верительные грамоты Людовику XV¹⁵⁵. Дальон, отправленный в Россию в качестве полномочного представителя Франции, превысил свои полномочия, присвоив себе право самостоятельно определять характер своего визита, и своим противоречивым поведением лишь усложнил и без того запутанную ситуацию. Его неуместные речи вкупе с недоброжелательностью Бестужева немало способствовали последующему разрыву дипломатических отношений между Россией и Францией¹⁵⁶.

Гросс в Париже и в самом деле не сидел сложа руки; глупости и неуместные поступки, совершенные им самим, и многочисленные скандалы, происшедшие по вине сотрудников его посольства, возмутили французское общественное мнение; впрочем, «выходцы из Московии» оставались «варварами», и это до какой-то степени извиняло их, Дальона же оправдать таким образом было невозможно¹⁵⁷. В 1745–1746 годах версальский кабинет был заинтересован в том, чтобы избежать вторжения на французскую территорию русского вспомогательного корпуса, и потому был в принципе готов на уступки; между тем противоположная сторона уже все для себя решила. Отсюда — новые недоразумения; русская и французская придворные системы оказались несовместимыми, и это завело обе страны в тупик. В России со времен Петра I господствовала военная иерархия; полномочный министр был приравнен к «генерал-лейтенанту и тайному советнику»¹⁵⁸. Это не мешало ему «приближаться к особе ее величества и говорить с нею», получать приглашения на празднества, иметь честь сидеть за одним столом с членами императорской семьи и участвовать в ее досугах. Членов дипломатического корпуса оповещали о балах, о представлении комедий и опер — «любезность, не

---

¹⁵⁶ Дальон к д'Аржансону, 25 июня/6 июля 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVII. Fol. 2; Дальон к д'Аржансону, 8 февраля 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 66.

¹⁵⁷ Приведем в пример дело Ричковского: повздорив с кредитором на улице Шерш-Миди, он вытащил шпагу и ранил своего обидчика. Его бросили в Бастилию, несмотря на то, что он находился «под защитой международного права». Гросс протестовал так громко, что король отменил решение и в тюрьму вместо Ричковского отпущен судейский исполнитель. См. письмо д'Аржансона от 16 февраля 1746 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVIII. Fol. 79.

¹⁵⁸ Дальон к д'Аржансону, 7 апреля 1745 г. // ААЕ. СР. Russie. T. XLVII. Fol. 210.

принятая при других европейских дворах». Гросс требовал для себя тех же прав и почестей в Версале. Он оскорблялся тем, что полномочным министрам отводили место позади секретарей послов. Он почитал недостойным себя то обстоятельство, что за ним не присылают королевскую карету и что после аудиенции у короля его не провожают офицеры. Еще более возмутительным казалось подданному Елизаветы отсутствие обыкновения представлять дипломатов королю во время его «визитов в часовню»¹⁵⁹. Письма Гросса, полные жалоб на французские порядки, заставили Бестужева, и без того раздраженного поведением Дальона, ускорить разрыв дипломатических отношений.

Посланники с трудом осваивали церемониал чужой страны по причине исторического недоразумения. Антагонизм между католической страной и православной империей лишь увеличился оттого, что именно благодаря Франции дочь Петра Великого взойшла на престол и тем самым получила право притязать на определенное титулование и на определенное положение в ряду других европейских монархов. Совершив переворот, Елизавета не могла не потребовать изменения церемониала, а вследствие этого разрыв двух государств сделался совершенно неизбежным. Восемь лет недоразумений породили множество сожалений и обид. Дипломаты в этот сложный период разрывались между обязанностью исполнять приказы своих государей и собственным жизненным опытом. Ла Шетарди, превысив свои полномочия, заложил основы взаимоотношений между двумя странами, однако он переоценил свои силы и в результате стал одним из инициаторов разрыва. Этот посланник пытался идти своим путем, никому не повинаясь и не следуя установленным правилам; он умел исполнять требования Елизаветы (или делать вид, что их исполняет) и притворяться, что следует директивам Версаля¹⁶⁰. Он выстроил первый франко-русский союз — недолговечный, ибо основанный на интуиции, изворотливости, интригах и, главное, на умелом использовании мифа о Петре Великом как основателе современной, прогрессивной, евро-

---

¹⁵⁹ Sur ce qui s'est passé lorsque M. Dallion ministre plénipotentiaire du roi en Russie... // AAE. Russie, 1735–1759. T. XXX. Fol. 125–130.

¹⁶⁰ Доказательством тому служат инструкции, предназначенные Дальону; см.: *Rambaud A. Op. cit.* T. I. P. 460.

пейской империи. К несчастью, ни материального, ни символического подтверждения этот миф не обрел.

После 1746 года тайная переписка между Версалем и Петербургом сделалась более желчной, каждая деталь церемониала становилась объектом самых разных интерпретаций и поводом для бесконечных споров; решительно, на самом высоком уровне представители двух держав не находили общего языка: Елизавета и Людовик из-за их сана и споров о главенстве, Ла Шетарди (а позже Дальон) и Бестужев — из-за протокола; дипломаты были статистами в пьесе с заранее известным финалом, однако они постоянно отступали от текста и импровизировали, чем лишь усложняли положение дел.

Конец эпохи

Что же касается отношений России с Пруссией, то они зашли в тупик прежде всего из-за легкомыслия Фридриха II, обычно ему вовсе не свойственного. Слепой оптимизм, которого прусский король преисполнился после своей «победы» в Ахене (победой король считал отстранение русских от переговоров), привел к тому, что преемником Финкенштейна на посту прусского посланника в Петербурге был назначен «новичок»¹⁶¹, юнец Бальтазар фон Гольц, который по неопытности постоянно вводил своего государя в заблуждение. Очевидно, что при русском дворе боролись две тенденции: одна миролюбивая, или оборонительная, представительницей которой выступала императрица, другая — наступательная, представители которой стремились «щелкать кнутом» и «раздражать» шведский, французский и прусский дворы¹⁶². Гольц верил в Елизавету, в ее здравый смысл и силу характера, и по причине своей доверчивости искажал в донесениях реальную картину. Он не знал, как истолковать «воинственные приготовления» русских¹⁶³, не понимал, зачем Россия вооружает свою армию — из осторожности или для того, чтобы «сеять смуту на Севере»¹⁶⁴. Прусский король скоро почувствовал несостоятельность сво-

---

¹⁶¹ Фридрих к принцу прусскому, 23 января 1749 г. // PC. B. VII. S. 26.

¹⁶² Дальон к д'Аржансону, 17/28 ноября 1745 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVII. Fol. 343.

¹⁶³ Гольц к королю, 20 марта 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 84.

¹⁶⁴ Гольц к королю, 24 апреля 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 129.

его представителя и не преминул осыпать его упреками¹⁶⁵. Сведения, поступающие из Англии и Австрии, становились день ото дня все тревожнее. Передислокация русских войск в Лифляндии вкупе с приготовлениями к войне, происходившими в империи Габсбургов, указывали на то, что обе империи вот-вот перейдут к наступательным действиям. Особенно дурным предзнаменованием показался Фридриху перевод из Петербурга в Стокгольм австрийского посланника генерала Претлака, командовавшего в 1748 году русским вспомогательным корпусом. Прусский король и его представитель в Петербурге смотрели на вещи с разных точек зрения. Фридрих недооценивал силу характера Елизаветы, Гольц был неспособен понять, как влияет на ситуацию в России положение дел в Европе. Он считал, что интриги елизаветинского двора, на целый год переместившегося в Москву¹⁶⁶, сводятся к обычным наветам бестужевского клана. Если верить Гольцу, выходило, что Россия, Австрия, Англия и Дания объединились исключительно «с коварной целью нанести урон Швеции»¹⁶⁷, августейшей же персоне прусского короля равным счетом ничего не грозит. «Дипломатишко»¹⁶⁸ явно был не в силах вникнуть в ситуацию, к несчастью, вдвойне щекотливую; он слишком часто превращал переписку с Потсдамом в простое чередование вопросов и ответов. Письма его не содержали ни малейшей попытки анализа, кишели противоречиями и описывали положение дел так, словно со времен Мардефельда и Финкенштейна ничего не изменилось¹⁶⁹. Фридрих и его подчиненные, ведавшие иностранными делами, узнавали гораздо больше из писем Рода или перлюстрированных донесений Корфа, чрезвычайных посланников Пруссии и России в Стокгольме; порой королю приходилось даже исправлять сведения, поступающие от Гольца. Ссылки на недоверчивость, осторожность и скрытность, которые царят при русском дворе и «отличают

---

¹⁶⁵ Фридрих к Гольцу, 27 марта 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 87.

¹⁶⁶ Двор пробыл в Москве весь 1749 год.

¹⁶⁷ Письмо Гольца из Москвы от 10 марта 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 76.

¹⁶⁸ Так Фокеродт назвал Гросса в донесении от 11 апреля 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 122.

¹⁶⁹ Гольц к королю, 10 мая 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 155.

его от всех прочих дворов европейских»¹⁷⁰, короля не интересовали, если не сопровождались конкретными примерами. Просьбы же посланника простить ему его «лаконизм», объясняющийся якобы «отсутствием новостей», не трогали короля и нисколько его не убеждали¹⁷¹. Австрийский, английский, датский и саксонский представители сумели отгородиться от несчастного пруссака непроницаемыми барьерами. Бестужев зорко следил за отношениями между придворными и дипломатами; общаться с иностранцами без его согласия было запрещено, нарушители же «считались в некотором роде преступниками»¹⁷². Казалось, эпоха больших придворных партий навсегда ушла в прошлое; теперь при дворе соперничали между собой мелкие группировки, составленные исключительно из местных жителей. Гольц пускался в самые фантастические рассуждения насчет вспомогательных войск, стоящих в Лифляндии, — возможно, утверждал он, эти 30 000 человек истощат английскую казну и побудят Георга II заключить союз со Швецией, а то и с самой Францией¹⁷³. Знакомясь со столь абсурдными предположениями, Фридрих приходил в бешенство. Он требовал от своего представителя красочной картины русской придворной жизни, хотел знать о болезнях, огорчениях и радостях каждого из царедворцев, с тем чтобы использовать в политике психологические механизмы. Опыт подсказывал ему, что по интригам, распрям и дружеским связям русских можно предугадывать их политику или объяснять ее основные направления. Однако от прусского посланника, лишенного той возможности вести душевные разговоры у камелька, какой располагали его предшественники, детали внутренней жизни двора с его особыми законами постоянно ускользали. Гольц принялся заполнять свои послания жалобами на тяжелые материальные условия: жизнь в Петербурге была очень дорогая, об этом писал еще Финкенштейн. Однако Гольца, по-видимому изначально менее обеспеченного, чем другие прусские дипломаты, жалованье в 3000 эку в год обрекало на самую настоя-

---

¹⁷⁰ Гольц к королю, 20 марта 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 81.

¹⁷¹ Гольц к королю, 27 января 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 21.

¹⁷² Гольц к королю, 10 апреля 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 107.

¹⁷³ Гольц к королю, 23 января 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 16–18.

щую нищету. Всякий непредвиденный расход граничил с катастрофой, поездка в Москву (при хорошей погоде она занимала неделю) обошлась в 426 рублей 40 копеек, из них 60 рублей ушли исключительно на транспортировку багажа и покупку провизии в пути¹⁷⁴. Фридрих, всегда крайне раздражительный при обсуждении финансовых вопросов, в ответ на жалобы посланника выбрал его за «бесплодные и бездарные донесения», компрометирующие прусскую политику. Гольц, ставший предметом королевского гнева, замкнулся в себе, свел свою деятельность к минимуму. Он жил, как зачумленный: «Все вокруг, вплоть до самых ничтожных людишек, трусят и не осмеливаются переступить порог моего дома, так что порой бывает мне даже трудно узнать, что, собственно, в городе происходит»¹⁷⁵. Не имея сношений с теми немногими русскими, кто некогда принадлежал к франко-прусской партии (Румянцев в 1749 году умер, остались Трубецкой, Воронцов, Шувалов), Гольц не сумел создать новую группировку для борьбы с Бестужевым. Канцлеру же справиться с прусским дипломатом не составляло ни малейшего труда: чтобы отдалить Гольца от двора, Бестужев постоянно откладывал назначенные ему аудиенции. Вице-канцлер, чье положение оставалось весьма непрочным, находил самые ничтожные предлоги, чтобы также не принимать прусского посланника, а тот так боялся скомпрометировать потенциального союзника, что лишь изредка осмеливался обращаться к нему в публичных местах¹⁷⁶. Фридрих бранил Гольца и за эту осторожность: разумеется, на официальных приемах необходимо беречь репутацию бывшего «важного друга», но из этого никак не следует, что нужно «вовсе избегать сношений с ним»¹⁷⁷.

Прусский король не оставлял надежды перевоспитать своего представителя: он прислал ему целый список вопросов, касающихся церкви; он требовал от Гольца, чтобы тот изучил влияние мистицизма Елизаветы на политические принципы и на положение Бестужева. Дипломат, однако, оказался неспособным дать ответы на эти вопросы, затрагивающие такие глубинные пласты русской культуры, которые прусский послан-

---

¹⁷⁴ Гольц к королю, 6 марта 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 73.

¹⁷⁵ Гольц к королю, 30 января 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 27.

¹⁷⁶ Гольц к королю, 1 мая 1749 г. // PC. B. VI. S. 535.

¹⁷⁷ Фридрих к Гольцу, 22 февраля 1749 г. // PC. B. VI. S. 386.

ник знал понаслышке или вообще считал несуществующими. В своих донесениях он просто повторяет общие места насчет русского духовенства, невежественного, суеверного и развращающего народ; если верить Гольцу, все русские духовные особы хотели только одного — вернуться в допетровскую эпоху¹⁷⁸. Между тем Елизавета отнюдь не собиралась разрушать или изменять то, что было сделано ее отцом, например, восстанавливать патриаршество. А роль митрополитов, священников, монахов оставалась весьма двойственной. Бестужев в союзе с ними плел интриги против великого князя, рожденного в протестантской вере и выросшего великим богохульником. Со своей стороны, Елизавета истовой набожностью и щедрыми дарами завоевала доверие большей части духовенства и безусловно могла рассчитывать на поддержку этого сословия.

Новый случай изменить внутреннюю жизнь императорского двора представился летом 1749 года, когда внезапно скончалась невестка Бестужева, племянница обер-егермейстера Разумовского. Злые языки утверждали, что уморил ее не кто иной, как супруг, Андрей Алексеевич. Породнившись с морганатическим супругом императрицы, канцлер укрепил свое положение при дворе; он мог видеть Елизавету, не испрашивая предварительно аудиенции, мог предлагать на ее рассмотрение проекты, не дожидаясь созыва Императорского совета¹⁷⁹. Кончина молодой Бестужевой грозила охладить «горячую дружбу» между Разумовским и Бестужевым, особенно если бы можно было обратить внимание государыни и ее фаворита на недостойное поведение вдовца — гневливого, грубого, то и дело хватающегося за шпагу и весьма нелюбезного с дамами (а на этот счет императрица всегда была особенно щепетильна). Скорбя о смерти молодой женщины (урожденной Разумовской), Елизавета запретила Андрею Бестужеву жениться вторично и, следовательно, отняла у его отца возможность «воздвигнуть новую махину»¹⁸⁰, иначе говоря, у канцлера стало одним козырем меньше (непутевого сына он сослал в Свирский монастырь, не преминув лишить его наследства). Пережил Бестужев и другой удар: его брат Михаил

---

¹⁷⁸ Гольц к королю, 10 мая 1749 г. // GStA. Rep. XI. 58A. Fol. 155.

¹⁷⁹ Письмо Претлака от 31 марта 1747 г. // HHStA. Russland II. Berichte 28 (март 1747 г.). Fol. 2–4.

¹⁸⁰ Фридрих к Ле Шамбрье, 20 июня 1749 г. // PC. B. VI. S. 568.

Петрович, супруга которого, замешанная в дело Ботты, была сослана в Сибирь, решил жениться вторично. В эту пору он занимал пост российского посланника в Дрездене; избранницей его стала иностранная подданная, вдова Гаугвиц. Императрицу, у которой имелись определенные моральные принципы, это решение шокировало: ведь законная супруга жениха была еще жива¹⁸¹.

Вдобавок сам Михаил Петрович Бестужев играл в заговоре Ботты — Лопухиных роль весьма сомнительную и едва не разделил прискорбную участь своей супруги; любой неверный шаг мог стоить ему должности и подпортить карьеру его младшему брату. Михаил Петрович, однако, стоял на своем и в конце 1749 года даже пригрозил брату, что, если ему не позволят жениться, он эмигрирует во Францию, — какая пожизненность для врагов!¹⁸² Фридрих, мечтавший свалить канцлера, подговаривал своего посланника вместе с Воронцовым, Трубецким и Шуваловым использовать представившуюся возможность, однако из этого ничего не вышло: уцелевшие члены франко-прусской партии не могли прийти к согласию и предпочитали заниматься своими делами в роскошных особняках. На глазах у потрясенного Гольца дело сладилось: Бестужев с вдовой Гаугвиц обвенчались тайно, а в 1752 году императрица признала их брак.

Постепенно Гольц осваивал азы своего ремесла, учился объяснять поведение иностранных посланников, исходя из основных тенденций международной политики. Предшественники его действовали противоположным образом: они наблюдали изнутри за жизнью двора, кабинетов и посольств, за личной враждой государственных мужей, и, исходя из этого, уточняли представления короля о том, что происходит на европейской политической сцене. Не один раз Мардефельд и Финкенштейн удержали Фридриха от непоправимых ошибок. Поскольку передел дипломатической карты, затеянный Кауницем, почти не затронул Петербург, там долгое время продолжали исходить из старой системы союзов, основывав-

---

¹⁸¹ Между тем ее собственный отец поступил точно таким же образом и женился вторично при жизни первой жены. См.: Финкенштейн к королю, 31 августа 1748 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 56A. Fol. 282.

¹⁸² Гольц к королю, 17 ноября 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58B. Fol. 146.

шейся на вражде между Габсбургами и Бурбонами. С другой стороны, и Людовику XV отсутствие в русской столице французского представителя мешало понять, как теперь распределяются роли в дипломатическом мире; французский король полагал, что между Бернесом, Претлаком и Гиндфордом царит прежнее единодушие. Гольц, напротив, подметил, что все они показывают друг другу свои донесения, «дабы избежать разногласий и сохранять дела в еще большем секрете»¹⁸³. Фридрих не придавал значения этой информации; уверенный в миролюбии своих противников, он перестал сопоставлять противоречивые сведения, поступавшие из разных европейских столиц. Между тем по редким донесениям, в которых Гольц открыто писал о все большем сближении между саксонцем Функом и членами австрийского посольства, прусский король мог бы понять, какие новые веяния охватили дипломатический мир, в том числе и в русской столице. Впрочем, «новичок» Гольц, хотя и научился с течением времени наблюдать за противником, еще не овладел искусством делать из своих наблюдений правильные выводы.

В тот момент, когда Гольц как раз свыкся с русскими придворными обыкновениями и начал понемногу в них разбираться, здоровье его расстроилось и он вынужден был просить короля об отъезде¹⁸⁴. В мае 1750 года Варендорф, назначенный исполняющим обязанности посланника, снова сделался единственным представителем Пруссии в Петербурге, с годовым жалованием 4200 экю плюс 1200 экю на содержание экипажа¹⁸⁵. Мардефельд получал 11 000 экю в год, Финкенштейн — 6000, а цены в Петербурге за пять лет выросли вдвое¹⁸⁶. Короткое (полтора года) пребывание Гольца в Петербурге обошлось ему в 4000 рублей, и, будучи человеком небогатым, он имел все основания сослаться на неизлечимую болезнь и просить об отъезде, тем более что и отношения его с королем оставляли желать лучшего. При Варендорфе прусское посольство обни-

---

¹⁸³ Гольц к королю, 8 мая 1749 г. // GStA. Rep. 96. 56A. Fol. 141. Тот же факт подтверждается письмом Претлака от 30 мая 1746 г. // HHStA. Russland II. Berichte 27. Fol. 44.

¹⁸⁴ Гольц к королю, 31 января 1750 г. // GStA. Rep. 96. 56C. Non fol.

¹⁸⁵ Гольц к королю, 14 февраля 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. B conv 2d. Fol. 4.

¹⁸⁶ Письмо Финкенштейна от 30 октября 1750 г. // Ibid. Fol. 19.

щало настолько, что обходилось без секретаря (поскольку его не на что было нанять). Варендорф по всем статьям подходил на должность дипломатического представителя: он целых пять лет жил в России, начинал службу еще при Мардефельде, говорил по-русски, однако для того, чтобы заставить окружающих забыть о его скромном происхождении, — равно как и для того, чтобы организовать нормальную работу посольства, — новоявленному посланнику требовались деньги. Согласно новому уставу церемониала, аудиенций у ее императорского величества могли быть удостоены одни лишь дипломаты, «облеченные званием полномочного министра или чрезвычайного посланника»; мера эта, казалось, была направлена специально против прусского дипломата¹⁸⁷. Медля с официальным назначением Варендорфа, не присылая ему необходимых денежных средств, Потсдам фактически упразднял пост прусского представителя в России. Бестужев чувствовал себя вправе откладывать все дальше и дальше вручение верительной грамоты; ведь ожидавший аудиенции прусский дипломат не имел официального статуса. По Петербургу пошел слух об окончательном разрыве между Фридрихом и Елизаветой.

Свобода выскочек

Отношения между Пруссией и Россией испортились окончательно из-за происшествия на первый взгляд совершенно незначительного. Елизавета уже долгое время требовала экстрадиции русских солдат, служивших наемниками в войсках Фридриха-Вильгельма I. Сын его, Фридрих II, хотел воспользоваться этим и обменять солдат на нескольких высокопоставленных военных, в том числе на Штакельберга, которого русские объявили «государственным преступником» и «держали в заключении в условиях невыносимых»¹⁸⁸. Мардефельд и Финкенштейн, вдохновляемые Брюммером и Лестоком, еще в 1745–1748 годах извещали берлинский кабинет о важности этого вопроса. Царица меж тем настаивала на своем, обви-

---

¹⁸⁷ Письмо Гольца от 3 июня 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 60.

¹⁸⁸ Перевод записки, составленной для Варендорфа Симолиным 4/15 декабря 1750 г. // AAE. CP. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 200–203. Ср. письмо Фридриха к Подевилюсу и Мардефельду от 4 апреля 1747 г. // РС. В. V. S. 354.

няла пруссаков в том, что они лишают ее подданных возможности молиться в православных храмах, а после увольнения из армии обрекают их на нищенство¹⁸⁹; Гогенцоллерн, говорили злые языки в Петербурге, «третирует подданных императрицы по праву возмездия»¹⁹⁰. Выражение это, почерпнутое у Гроция¹⁹¹, лишний раз доказывает почтение русских к учебникам дипломатии. Фридрих, любивший представлять перед всем миром как «государь, знающий священные права человечества», опубликовал в берлинских газетах официальные опровержения¹⁹². Тем не менее — и как раз в разгар северного кризиса — разразился скандал. Поводом к нему послужил приезд в Берлин Гросса, который после отъезда его из Парижа был назначен русским представителем в прусской столице¹⁹³. С появлением Гросса в Берлине Бестужев получил возможность плести свои интриги и во владениях Фридриха II. Прежде борьба партий, обычная для Петербурга, обходила Берлин стороной: единственной слабостью Чернышева, аккредитованного при прусском дворе с 1742 по 1746 год, была любовь к выпивке; сменивший его Кейзерлинг не нравился королю, однако отличался таким корыстолюбием, что при соответствующей оплате не наносил Пруссии прямого вреда¹⁹⁴. Кейзерлинг, надеявшийся провести в Бранденбурге весь остаток дней, купил там дом и жил на широкую ногу, тратя в год по 20 000 экю; хотя его услуги стоили недешево, пруссаки могли на него положиться¹⁹⁵. С Гроссом все пошло по-другому: после Парижа этот дипломат никак не мог свыкнуться с нравами и обычаями пруссаков. Посольская резиденция при-

¹⁸⁹ Мардефельду к королю, 16 февраля 1745 г. // GStA. Rep. 96. 55E. Fol. 38.

¹⁹⁰ Перевод записки, составленной для Варендорфа Симолиным 4/15 декабря 1750 г. // AAE. CP. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 200–203.

¹⁹¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 433 (Кн. 2. Гл. XVIII, § 7).

¹⁹² Mémoire pour servir de réfutation à la note que le Sr Bestoujeff a fait publier à l'occasion du rappel du Sr Gross [Записка, призванная служить опровержением поты, опубликованной г-ном Бестужевым в связи с отозванием г-на Гросса] // GStA. Rep. XI. Russland 91. Conv 2d. Fol. 57–62.

¹⁹³ Гросс находился в Париже с апреля 1744 г. по февраль 1749 г., а в Берлине с марта 1749 по декабрь 1750 г. Позже он занимал пост русского полномочного министра в Саксонии (1752–1758), а затем в Нидерландах (1761–1762).

¹⁹⁴ Письмо Гольца от 31 августа 1746 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. C. 2b. Fol. 1; его же письмо от 20 апреля 1747 г. // Ibid. Fol. 16.

¹⁹⁵ Подевилъс к королю, 17 февраля 1749 г. // Ibid. Fol. 28.

шла ему не по вкусу; по его словам, «она настолько обветшала», что от стен и потолка то и дело отлетали куски. Для жилья подходила одна-единственная комната¹⁹⁶, и этого обстоятельства (не говоря уже о предрассудках и политических играх) было достаточно, чтобы настроить посланника против пруссаков. У Фридриха имелись все основания не доверять Гроссу: интриган, грубый, но хитрый, он в большой мере способствовал разрыву отношений между Россией и Францией¹⁹⁷. Пюизье утверждал, что Гросс шпионит в пользу Австрии¹⁹⁸, и это приводило Фридриха в трепет. Он поручил Фокеродту, своему старинному советнику в русских делах, понаблюдать за новоприбывшим дипломатом и за его сношениями с представителями Саксонии, Австрии и Англии. Поведение Гросса в Берлине очень скоро стало вызывать подозрения; не смущаясь установленным за ним надзором, русский посланник выказывал «беспрекословную преданность канцлеру Бестужеву»¹⁹⁹, посещал салоны дипломатов, враждебных Пруссии, вел «возмутительные» речи, постоянно нарушал правила прусского этикета, и без того предельно упрощенные по воле Фридриха²⁰⁰. Внезапно вспыхнувший интерес Гросса к военным, в том числе к старым русским наемникам, встревожил бранденбургскую разведку²⁰¹. Фридрих вежливо отказал русскому дипломату в разрешении выехать из Берлина для встречи с этими солдатами; ведь его собственные посланники, под-

---

¹⁹⁶ Письмо Гросса от 2 июля 1750 г. // Ibid. Fol. 24.

¹⁹⁷ Ле Шамбрье, 19 февраля 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVIII. Fol. 83. Что же касается репутации германофила, закрепившейся за Гроссом, то она восходила к опровержению на «Письма из Московии» Локателли. См. подробнее: *Matthes E.* Das veränderte Russland // Studien zum deutschen Russlanverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt, 1981. S. 324 sq.; *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievitch Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966. S. 107.

¹⁹⁸ Пюизье к Дальону, 11 января 1746 г. // AAE. CP. Russie. T. XLVIII. Fol. 23.

¹⁹⁹ Донесение Фокеродта от 11 апреля 1749 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 58A. Fol. 122.

²⁰⁰ См. его «Политическое завещание» 1752 г. // Op. cit. P. 39. Напомним, что Фридрих считал любой церемониал «цениями» и не раз открыто выражал желание держать иностранных посланников на известном расстоянии.

²⁰¹ Фридрих к Гольцу, 24 января 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. C 2g. Non fol.

черкнул он, не имеют права отправляться в загородные резиденции императрицы, когда им вздумается²⁰². В Петербурге же поступок короля, запретившего русскому посланнику вступить в сношения с подданными ее императорского величества, восприняли как нарушение международного права²⁰³.

Осенью и зимой 1750 года инциденты, портящие отношения между двумя странами, участились. Было ли тому виной расхождение в культурных обыкновениях или намеренное недоброжелательство, но Гросс оскорбился неучтивым поведением Гогенцоллерна. Русский посланник пожелал отправиться в Сан-Суси вместе с австрийским и английским коллегами — на просьбу последовал отказ. В другой раз Гроссу дали разрешение на поездку в Шарлоттенбург, но заставили его пройти через все сады пешком; когда же он наконец добрался до замка, то получил приглашение на бал — но не на ужин. А на балу король демонстративно от него отворачивался²⁰⁴. В конце концов Фридрих осознал свою ошибку, но было уже слишком поздно. Имея дело с представителями дипломатического корпуса (в частности, в официальных посланиях к Варендорфу), он клялся в своей невиновности; за его столом, уверял король, слишком мало мест, и поэтому дипломатов приглашают на ужин по очереди. В тот роковой вечер Гросс не вошел в число счастливицев, а потому, по логике короля, и не получил приглашения. Подданные короля в Берлине и в Петербурге должны были иметь объяснения на все случаи жизни, пусть даже секретные донесения русского посланника неопровержимо свидетельствовали о намеренной неучтивости короля. Гросс представил случай с ужином как нарушение церемониала и, следовательно, оскорбление ее величества. Жизнь в Потсдаме он описывал «самыми черными красками», а отсутствие приглашения на ужин называл «пощечиной, нанесенной не столько ему, Гроссу, сколько его двору»²⁰⁵. Он оказался единственным иностранным посланником, не допущенным к королевскому столу; хуже того, король

---

²⁰² Фридрих к Гольцу, 21 марта 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. С 2g. Non fol.

²⁰³ Перевод записки, составленной для Варендорфа Симолиным 4/15 декабря 1750 г. // AAE. CP. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 200–203.

²⁰⁴ Ibid.

²⁰⁵ Письмо к Ле Шамбрье от 19 августа 1749 г. // PC. B. VII. S. 61–62.

за весь вечер не обратил на него ни малейшего внимания²⁰⁶. Варендорф в Петербурге выбивался из сил, пытаясь смягчить действие Гроссовых донесений, но тщетно: Елизавета приказала своему представителю не ездить более ни в Потсдам, ни в Шарлоттенбург. Все предвещало неминуемый отъезд Гросса, однако никто в тот момент не мог предвидеть полного разрыва отношений между двумя самыми молодыми дворами Европы²⁰⁷.

Тем не менее чаша терпения русской стороны переполнилась; Бестужев и его советники ускорили ход событий, ибо не желали, чтобы представитель Елизаветы «подвергался впредь подобным неудовольствиям»²⁰⁸. Варендорф чувствовал, что час расплаты близок; русские могли предъявить Фридриху слишком пространный список прегрешений: триумфальный прием в Берлине посланца татарского хана, сношения с великим визирем, дело наемников, наконец, неучтивость короля. Прусский посланник притворялся простодушным и ничего не понимающим, обвинял (впрочем, тщетно), газеты и врагов Пруссии (англичан и австрийцев) в том, что они клеветуют на его родину²⁰⁹. Положение Варендорфа в России было особенно тяжелым оттого, что здоровье его с каждым днем становилось все хуже и он даже «харкал кровью». Он с трудом мог сам справляться с делами и нуждался в секретаре, однако старался во что бы то ни стало скрыть от русских министров и придворных свое состояние. Но как направить в Петербург еще одного дипломата, не вызвав подозрения местных властей? Не менее остро стоял и финансовый вопрос. Из-за позиции Фридриха — разом и вызывающей, и беспечной — дела шли все хуже не только в Берлине, но и в Петербурге. Варендорф не без оснований упрекал в «непоследовательности и непристойности» методы, какими действовал Бестужев, но закрывал глаза на ошибки собственного повелителя. Прусский ко-

---

²⁰⁶ Фридрих к Варендорфу, 22 декабря 1750 г. // GStA. Rep. XI. 60B. Fol. 360.

²⁰⁷ Фридрих, полагавший, что еще не все потеряно, в ярости писал Варендорфу: «Как бы там ни было, я от того [от отъезда Гросса] ничего не потеряю, да и кого бы канцлер на замену г-ну Гроссу ни прислал, более неприятного и ко мне враждебного ему не сыскать» (письмо от 29 сентября 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 256).

²⁰⁸ Перевод записки, составленной для Варендорфа Симолиным 4/15 декабря 1750 г. // ААЕ. СР. Russie. Supplément. T. VII. Fol. 200–203.

²⁰⁹ Варендорф к королю, 10 октября 1750 г. // GStA. Rep. XI. 60B. Fol. 265.

роль очень долго не допускал мысли о том, что канцлер «в бесстыдстве своем дерзнет дойти до нарушения законов международного права» и разорвет все связи с Пруссией²¹⁰. Между тем в ноябре 1750 года Гросс получил от канцлера послание, содержание которого тщательно скрывал. Было ясно, что речь идет о его отзыве. Фридрих, готовясь к самому худшему, приказал Варендорфу спрятать в надежное место самые секретные бумаги, а шифры и компрометирующие письма сжечь²¹¹.

20 ноября 1750 года в Берлин через Лондон пришла бумага, в которой Гроссу предписывалось не позднее 4 декабря покинуть Пруссию. Он простился во всеми своими коллегами, за исключением прусских дипломатов из министерства иностранных дел. Русский посланник не сделал никакого официального заявления; тем не менее он сообщил Тирконшелу, представлявшему в Берлине Людовика XV, что его не «отзывают», а «призывают» ко двору Елизаветы²¹². То обстоятельство, что это признание Гросс сделал французу, могло быть истолковано двояко. Первая версия заключалась в том, что в Берлине повторится версальский сценарий, а именно полный разрыв дипломатических отношений. По другой версии, Гросс намекал, что его переводят на еще более ответственный пост — например, на место Панина в Стокгольм. Прусский король поставил шведов в известность о возможном назначении Гросса на пост посланника в Стокгольме, заклиная их не принимать верительную грамоту у подобного интригана²¹³. Однако тревога оказалась ложной: Гросс возвратился в Россию, а затем сменил Михаила Петровича Бестужева на посту посланника в Дрездене — место куда более спокойное, где обидчивому дипломату не грозили новые оскорбления. Через одного из своих слуг Гросс передал графу Подевилльсу записку «без адреса», в которой просил дать ему 16 почтовых лошадей до Мемеля, после чего, никак не пояснив свой поступок, вме-

---

²¹⁰ Варендорф к королю, 1 декабря 1750 г. // Ibid. Fol. 341.

²¹¹ Письмо короля к Варендорфу от 24 ноября 1750 г. // Ibid. Fol. 315; ср. также: PC. B. VIII. S. 164–165. Варендорф немедленно исполнил это приказание (см. письмо от 1 декабря 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 341).

²¹² Письмо короля к Варендорфу от 5 декабря 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 338. См. также письмо Подевилльса от 2 декабря 1750 г. // PC. B. VIII. S. 179.

²¹³ Фридрих к Роду, 9 января 1751 г. // PC. B. VIII. S. 215.

сте со своей любовницей выехал из Берлина. Сопровождали его британский посол Уильямс и секретарь австрийского посольства фон Вейнгартен. Сбитый с толку Фридрих разослал по всем иностранным посольствам циркулярное письмо, в котором утверждал, что единственное объяснение, какое он, Фридрих, может дать отъезду Гросса, — желание России порвать дипломатические отношения с Пруссией. Как бы ни презирали Гогенцоллерн и его советники международное право, в тяжелую минуту они сразу вспомнили о всех его законах и предписаниях; каждому было ясно: ради сохранения собственного достоинства Фридрих обязан отозвать Варендорфа.

Король решил действовать следующим образом: ответить русским той же монетой и постараться, чтобы они, со своей стороны, не причинили Пруссии новой неприятности. Поэтому 1 декабря он приказал Варендорфу, не дожидаясь, чтобы Бестужев «закрыл ему доступ ко двору или к членам русского кабинета либо подвергнул еще какому-нибудь унижению»²¹⁴, покинуть русскую столицу. Дипломат стал готовиться к отъезду, но прежде пожелал известить канцлера о причинах, побудивших короля отдать ему подобный приказ. Спешно уехать Варендорфу было затруднительно по причинам материальным. Он жил исключительно на свое жалованье, отъезд же был для него равносителен потере и этого более чем скромного достатка. «Одним словом, я беден, как церковная мышь, да вдобавок весь в долгах», — признавался он своему государю²¹⁵. Бестужев не соблаговолил принять Варендорфа. Больше того, он заставил его ожидать паспорта до тех пор, пока Гросс не пересек прусскую границу; когда же паспорт был выдан, оказалось, разумеется, что он «составлен в выражениях нелестных». Через своего советника Симолина канцлер напомнил Варендорфу о его новом статусе, обретая который, он утратил многие права — например, право требовать официальных объяснений относительно недавних событий. Ожидая паспорт, Варендорф чувствовал себя «под стражей»: дом его находился под наблюдением; самого дипломата повсюду сопровождали шпионы и соглядатаи, не спускавшие с него глаз,

---

²¹⁴ Письмо Фридриха от 1 декабря 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 326.

²¹⁵ Письмо Варендорфа от 15 декабря 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 347.

даже когда он ездил с визитами (посещая исключительно членов дипломатического корпуса). Трижды к Варендорфу являлся Сварт, голландский резидент, подкупленный Бестужевым, и пытался выведать что-нибудь о намерениях Фридриха II, но тщетно.

В конце концов Варендорф постиг суть этой дипломатической интриги. Отзывная грамота Гроссу была послана через Англию — а ведь эта страна оставалась союзницей Пруссии. Получалось, что и в Лондоне, и в Вене были в курсе злоключений русского дипломата и давали ему советы, как действовать и как толковать запутанные статьи международного права? Обстоятельства отъезда Гросса из Берлина и поспешное бегство Варендорфа из Петербурга стали предметом оживленного обсуждения во всех европейских столицах²¹⁶. Так вот, Варендорф, в течение долгого времени наблюдавший за событиями на европейской политической сцене, пришел к выводу, что австрийский, английский и саксонский дворы и их представители в Петербурге причастны к отъезду Гросса, что все они преследуют одну, общую цель — изолировать Пруссию, отгородить ее от других европейских стран и дворов²¹⁷. Сварт, Бернес, Претлак, Вольф, Гиндфорд и Гай Диккенс подогревали страсти ссылками на международное и естественное право, связывали воедино историю со старыми русскими солдатами и пресловутое неприличное поведение Гогенцоллерна²¹⁸. Им удалось убедить Бестужева, что следует использовать все эти поводы для того, чтобы дать письменное объяснение отзыву Гросса. Однако поскольку Бестужев был не очень силен в эпистолярном жанре, он довел аргументы вышеупомянутых дипломатов до абсурда: прусского короля канцлер представил человеком бесчестным и бессовестным, недостойным того места, которое его страна занимает в обществе европейских наций. Бестужев разослал свое сочинение всем иностранным дипломатам, аккредитованным при русском дворе, стремясь довести до их сведения «свою» версию событий²¹⁹. Варендорф, прекрасно понимавший подоплеку про-

---

²¹⁶ См. письма к Подевилльсу от 21 декабря 1750 г. и к Ле Шамбрье от 29 декабря 1750 г. // PC. V. VIII. S. 192.

²¹⁷ Письмо Варендорфа от 12 мая 1750 г. // GStA. Rep. XI. Russland 91. 60B. Fol. 82–83.

²¹⁸ Письмо Варендорфа от 8 декабря 1750 г. // Ibid. Fol. 341.

²¹⁹ *Mémoire pour servir de réfutation à la note que le Sr Bestoujeff a fait publier à l'occasion du rappel du Sr Gross* [Записка, призванная служить опровер-

исходящего, вначале не хотел принимать это послание, однако угроза нового скандала, а возможно, и ареста, принудила его сдаться, и он увез письмо с собой. Доехав до пограничного Кёнигсберга и оказавшись вне досягаемости русских властей, он, по указанию Подевилля, отослал письмо назад, канцлеру. Пруссак в последний раз попытались соблюсти приличия и выгородить Елизавету. С точки зрения прусского кабинета, нота Бестужева не имела официального характера по причине отсутствия числа и подписи. «Непристойное сочинение» это было «противно убеждениям государыни»; одоблив его, она изменила бы своей славе и достоинству своей короны. Сомнительное происхождение послания позволило Потсдаму ответить на него «презрением и молчанием»²²⁰.

В Литве Варендорф повстречался с Гроссом; общались они между собою так, словно не были знакомы: по словам прусского дипломата, «поговорили о погоде, а затем пожелали друг другу счастливого пути». Гросс, впрочем, не смог удержаться и стал расспрашивать служащих прусского посольства об обстоятельствах их отъезда, о том, приняла ли Варендорфа императрица и вручил ли он ей отзывную грамоту²²¹. Однако пруссаки держали язык за зубами. В Петербурге после их отъезда защищать интересы франко-прусской партии стало решительно некому; оставались, правда, Воронцов²²², Трубецкой и Шувалов, однако, лишившись поддержки прусского и французского посланников и их секретарей, они больше не могли влиять на внешнеполитическую ситуацию и поэтому сосредоточились на политике внутренней. В то самое время, когда Варендорф ехал из Петербурга в Берлин, один из злейших врагов Гогенцоллерна, саксонец Функ, был назначен официальным резидентом своего двора в Петербурге в чине тайного советника посольства. Бестужев одержал победу на всех фронтах.

Фридрих и Елизавета разорвали дипломатические отношения, потому что их «юные нации» не смогли найти общего языка. Неопытность дипломатов и взаимное недоверие довели дело. Прусский король неоднократно выражал свое ува-

---

вержением ноты, опубликованной г-ном Бестужевым в связи с отозванием г-на Гросса] // GStA. Rep. XI. Russland 91. Conv 2d. Fol. 68–69.

²²⁰ Ibid. Fol. 57–62.

²²¹ Ibid. Fol. 68–69.

²²² Фридрих к Варендорфу, 31 марта 1750 г. // PC. B. VII. S. 319.

жение к особе императрицы, а ответственность за все махинации, которые привели к кризису и продолжительному разрыву между двумя дворами, неизменно, будь то в официальных сочинениях или в письмах, рассчитанных на перлюстрацию, возлагал на одного лишь канцлера²²³. Если сравнить официально объявленные причины разрыва России и Пруссии, с теми обстоятельствами, которые привели к разрыву России и Франции, первые покажутся незначительными, даже просто смешными пустяками. Между тем французский король помирился с русской императрицей уже в 1755 году, за семь месяцев до возобновления союза между Англией и Пруссией (16 января 1756 года) и за одиннадцать месяцев до подписания договора об оборонительном союзе между Версалем и Шенбрунном (1 мая 1756 года); Фридриху же для того, чтобы прусский дипломат (Бернгард Вильгельм фон дер Гольц) снова стал представлять свою страну в Петербурге, пришлось ждать 1762 года и вступления на российский престол Петра III.

Сочинения философов-просветителей, с которыми а posteriori согласились европейские государи, признавшие за Елизаветой титул императрицы, сделали свое дело: в Европе прочно установилось мнение, что последняя представительница Романовых — не ровня другим монархам, что она выше их; петровский миф, бросавший отблеск и на дочь великого царя, распространил свое влияние на все сферы двусторонних отношений — политику, культуру, торговлю и даже дипломатию. Сен-Симон в «Мемуарах» упрекает Дюбуа в том, что он делал уступки Англии, а России внимания не уделял. Сходные претензии высказывал и д'Аржансон, отставленный в 1747 году: по его убеждению, Морепа повернул всю экономическую политику Франции в сторону Южной Европы и забыл об исключительно богатых природных ресурсах России, а Пюизё слишком долго делал ставку только на союз с Пруссией, вместо того чтобы извлекать выгоду из отношений с остальными европейскими державами. Как бы там ни было, Версаль не подготовился к пересмотру старых союзов. Дальон, последний представитель его христианнейшего

---

²²³ Mémoire pour servir de réfutation à la note que le Sr Bestoujeff a fait publier à l'occasion du rappel du Sr Gross [Записка, призванная служить опровержением поты, опубликованной г-ном Бестужевым в связи с отзыванием г-на Гросса] // GStA. Rep. XI. Russland 91. Conv 2d. Fol. 68–69.

величества в Петербурге, называет кабинет короля «ювелиром из комедии»²²⁴, действия которого в конечном счете привели к трагедии — впрочем, не столько Францию, сколько ее союзника Фридриха II. В основе разрыва отношений между Пруссией и царской империей лежало нечто иррациональное — древний страх, от которого не освободилась ни та, ни другая сторона. Конечно, видимым источником разногласий был территориальный вопрос (вечная причина всех войн). Однако с этими материальными претензиями никак не сочетался созданный философами-просветителями образ России как страны, идущей по пути прогресса, и это противоречие окончательно испортило и без того непростые отношения между славянами и германцами, причем победителем из этой дипломатической, политической и интеллектуальной войны не вышел никто.

---

²²⁴ D'Argenson. Op. cit. Т. V. Р. 286. По-видимому, имеется в виду знаменитая фраза из комедии Мольера «Любовь-целительница» (д. 1, сц. 1): «Вы ювелир, г-н Жосс!», употребляемая по отношению к людям, которые скрывают свою корысть под видом незаинтересованного совета (*примеч. переводчика.*)

Заключение

Первое вторжение Фридриха, воспользовавшегося слабостью Марии-Терезии, в Силезию, вызвало дипломатическую революцию и взорвало привычный порядок: причиной этого, помимо агрессии Фридриха, был приход к власти целой плеяды молодых монархов, не желавших сохранять ту систему, которую создали наиболее влиятельные европейские государи в начале XVIII столетия и которая зиждилась на вере и догме. Война за Австрийское наследство (1740–1748), а также конфликты, которые сотрясали в начале 1750-х годов европейский север, на время нарушили нормальный ход жизни в Европе эпохи Просвещения. Начиная с 1740 года естественные союзы между католиками (австрийцы и французы плюс их испанские или итальянские единоверцы) или между протестантами (англичане и голландцы) разрушились из-за выхода на политическую арену новой могущественной в военном отношении державы — Пруссии, а также из-за появления в европейском политическом пространстве непрошеной гостьи — России. Все эти обстоятельства изменили традиционный облик дипломатии: военные действия сопровождались постоянным переписыванием договоров, сближениями и разрывами, которые в той или иной степени касались Пруссии и России.

Две эти молодые нации, недавно вошедшие в сообщество крупных континентальных держав, не были связаны никакими старинными обязательствами; государи их могли торговать своим нейтралитетом, как это делал Фридрих при заключении Бреславской и Дрезденской конвенций, или же обменивать его на подарки и пенсии, как поступали вплоть до 1745 года министры Елизаветы, которые извлекали выгоду из распрей воюющих держав, сами же старались остаться в стороне от конфликтов. Прусский король несколько лет колебался, не зная, на кого сделать основную ставку — на Францию или на Великобританию, и сталкивал одну с другой, чтобы расширить зону своих собственных действий. Елизавета колебалась между симпатией к своему неудавшемуся жениху Людовику XV и ревностью к своей сопернице Марии-Терезии, ко-

торая, однако, держалась с ней всегда крайне почтительно. Силезские войны, запятнанная репутация прусского короля, щедрые субсидии — все это в конечном счете заставило дочь Петра Великого выступить в союзе с Австрией против Франции, своей основной союзницы в пору переворота 1741 года.

Европа утратила стабильность еще и потому, что интеграция России и Пруссии в европейское сообщество происходила «аритмично». Со времен Петра I Россия постепенно завоевывала себе место в континентальной системе, завладела выходом в Балтийское море, получила влияние на дела шведские, польские, а следовательно, и саксонские. Маргинальное положение России сделалось ее силой; она играла очень важную роль — помогала сохранять равновесие между великими державами. Например, она обеспечивала спокойствие на восточном направлении, преграждая путь мусульманским захватчикам. Австрия, которая первой пострадала бы от возможной турецкой агрессии, очень скоро поняла выгоды, которые сулил ей союз с Россией, и сделала ставку именно на этот союз; со своей стороны Франция, старая союзница Турции, попыталась рассорить две восточные нации, разжигая их соперничество. Таким образом, французы поставили царскую империю на одну доску с державой нехристианской и даже антихристианской — иначе говоря, совершили, с точки зрения Елизаветы, непростительную ошибку. Что же касается Пруссии, то она своим вмешательством поколебала и без того непрочный европейский порядок: молодой прусский король, попирая все законы, вторгся в Силезию и лишил империю Габсбургов земель, имевших важнейшее экономическое и стратегическое значение. Стремительная агрессия Фридриха ослабляла европейский континент в самом его центре; медленное же продвижение России в западном направлении ослабляло лишь периферию Европы. Англичане и французы считали, что Россия им ничем не грозит, между тем прусские солдаты грозили всем без исключения, начиная с дипломатов, в чьи обязанности входило сохранение мира.

Политика Гогенцоллерна изменила облик Центральной Европы. «Священная Римская империя германской нации» в результате его действий оказалась раздробленной, разделенной между двумя крупными державами — Пруссией и Австрией, которые в результате всех этих событий сделались непримиримыми врагами. Прежде главным в Европе было противостояние Бурбонов и Габсбургов, затем — противостояние католиков и протестантов, к которым временно примыкал курфюрст ганноверский, он же король Англии. Теперь же все перепуталось. Английского короля роднило с Австрией наличие общего врага — Людовика XV, однако вместе с французским королем он добивался контроля над Балтийским морем; оба они покровительствовали Дании и Шве-

ции — странам, которые были им необходимы для упрочения экономического влияния на севере и на которые теперь, после войны Петра Великого, претендовала еще одна держава — Россия. Впрочем, англичане и голландцы, ведшие обширную торговлю и потому заинтересованные в богатейших российских территориях, старались поддерживать равновесие в северном регионе.

Что же касается России, то она окончательно вошла в сообщество европейских наций; одержав победы над шведами, поляками, турками, она сумела разрушить «восточный барьер», которым хотела огородить свои территории империя Габсбургов. Франция рассчитывала подчинить дочь Петра Великого своему влиянию, напоминая ей о ее долгах и обязательствах; Пруссия брала пример с Франции; однако в результате долгой и кропотливой работы Елизавету сделали союзницей и даже вынудили принять участие в военных действиях не пруссаки и французы, а англичане и австрийцы (которым большую помощь оказывал канцлер Бестужев). За это они заплатили немалую цену, причем отнюдь не только деньгами (хотя субсидии также сыграли свою роль): им пришлось признать, что в Европе существует вторая, православная империя, преемница Византии, и что ее монархия имеет право на все почести, какие подобают императрице. Фридрих же отнесся к притязаниям Елизаветы с насмешкой; он держался так неуместно и неприлично, что сумел оскорбить и саму русскую государыню, и ее дипломатических представителей. Со своей стороны, Людовик XV слишком долго выжидал, прежде чем признать за Елизаветой титул императрицы; желая во чтобы то ни стало сохранить за Францией третье место в иерархии великих держав, он не соглашался ни на какие изменения в церемониале.

Многочисленные теоретические сочинения о ремесле дипломата, появившиеся в тот период, свидетельствуют о стремлении государей и их представителей упорядочить европейскую систему, выстроить иерархию держав, создать определенный дипломатический язык, способствующий установлению мира; наиболее ярко эта тенденция воплощена в книгах Кайера, Пеке и Викфора. Речь здесь идет о декорациях и постановке, о речах, подходящих ситуации, и об импровизациях исполнителей главных ролей; употребление этих терминов наводит на мысль об известной театрализации дипломатического пространства Европы.

Дипломаты должны были заботиться прежде всего о сохранении мира; теории дипломатического искусства, зиждившиеся на строжайшем следовании церемониалу и установленной иерархии, способствовали поддержанию хоть и хрупкого, но все-таки равновесия, укреплению существующих союзов, соблюдению недавно достигнутых договоренностей. Если, несмотря на все эти предосторожности, война все-таки начиналась, иностранные

посланники вмешивались в ход событий не для того, чтобы подлить масла в огонь (такое случалось крайне редко), но для того, чтобы смягчить расхождения в позициях, пусть даже ценою пересмотра сложившейся системы оборонительных и наступательных союзов. В Петербурге дипломаты, какую бы страну они ни представляли, действовали именно в этом направлении; вмешательство России требовалось для того, чтобы ускорить окончание войны, пусть даже ценою полного разгрома Людовика XV или, по крайней мере, его армии (радикальное решение вопроса, против которого не возражали ни Георг II, ни Мария-Терезия). Для понимания этой ситуации особенно важны инструкции, которые кабинеты разных государей выдавали своим посланникам; по тому, как часто (или как редко) дипломаты отступали от этих инструкций, мы можем судить о том, насколько свободны они были в своих действиях и насколько сильно желали избежать инцидентов, предупредить их, а в крайнем же случае, если они все-таки произойдут, использовать их в интересах мира¹. Дипломатическая переписка французов, пруссаков, а также австрийцев, саксонцев и англичан за десять лет (1740–1750) показывает, что в подавляющем большинстве случаев имела место «двойная дипломатия». Внешняя политика вершилась в два приема. Тон задавал кабинет того или иного государя, который намечал общую стратегию. На следующем же этапе, более прагматическом и даже эмпирическом, в дело вступали послы, посланники, консулы и секретари посольств; они применялись к местным обстоятельствам, действовали в соответствии с правилами того или иного двора, импровизировали вплоть до измены инструкциям, стараясь, однако, не нарушать церемониала и общепринятой иерархии. Таким образом, если их деятельность и можно уподобить театральной постановке, то в этом спектакле все основывалось на импровизациях исполнителей главных ролей, живущих вдали от родины.

За драматургией придворной жизни, за комедией, которую разыгрывают иностранные и местные дипломаты, различимы их сомнения, заблуждения и предательства. Война за Австрийское наследство благодаря вмешательству двух новых участниц, Пруссии и России, позволила выйти за пределы заранее известного текста; казалось, пересмотру подлежит абсолютно все: правила поведения, нормы международного права, в конце концов, даже наследие Гроция. Актеры, участвовавшие в представлениях, которые разыгрывались в Берлине, Париже, Вене, Лондоне и Петербурге, постоян-

---

¹ Пеке подчеркивает, что дипломат обязан изменять инструкции в нужном для дела направлении: ведь государь может избрать себе нового фаворита, а это влияет на всю атмосферу двора (*Pecquet A. Op. cit. P. 52*).

но ссылались на Гроция, цитировали Викфора, Пске или Кайера — но поступали-то они совершенно противоположным образом. Две юные нации стопорили работу отлаженной за много лет театральной машинерии; «космополитическое восприятие европейского пространства»², появившееся в пору заключения Утрехтского мира; мечты о первом «сообществе наций», устроенном по заветам аббата де Сен-Пьера, — все это было разрушено вмешательством новых действующих лиц, которые вели себя менее учтиво, более непосредственно, грубо, порою даже вульгарно³. В политике и в дипломатии начиналась новая эра.

В сложной обстановке 1740-х годов интуиция, такт и умение понимать психологию противника значили ничуть не меньше, чем стратегический и политический гений: судьба Европы находилась в руках дипломатов, «актеров», принимавших участие в представлении, главной героиней которого, обожаемой и ненавидимой разом, была русская императрица Елизавета Петровна. То обстоятельство, что во главе государства стояла молодая и красивая женщина, меняло принятое испокон веков распределение ролей. При западных дворах привычным явлением было обилие фавориток, каждая из которых обладала собственной сферой влияния; что же касается череды фаворитов, стремящихся угодить капризной государыне (проникнутой вдобавок духом солидарности с женским полом), то она возмущала умы; образ жизни монархини-любовницы резко расходился с тем образом жизни, какой вела Мария-Терезия, примерная супруга и мать. При русском дворе постоянно создавались и распадались партии и группировки, в которых зачастую принимали участие иностранные посланники. Вспомним дело Ботты, скандал вокруг маркиза де Ла Шетарди, падение Лестока.

Еще больше осложняла ситуацию бездетность царицы и наличие в России двух потенциальных наследников престола. Елизавета назначила наследником своего племянника Карла-Петера-Ульриха, страстного поклонника Пруссии, и этот выбор предопределил длительный эпизод войны за Австрийское наследство, в ходе которого датчане, шведы и русские вели спор за клочки голландинской территории. Родственные узы, связывавшие наследников шведского и русского престола, обострили вопрос о праве вмешательст-

---

² *Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990. P. 744 sq.*

³ Ср. слова д'Аржансона, сказанные по поводу пьесы Буасси «Нынешний модник, или Обманчивая внешность»: «Мы и есть те самые нынешние люди, которых недавно изобразили на нашем театре, и политика наша очень напоминает поведение наших юных придворных модников» (*D'Argenson. Op. cit. IV. P. 373*).

ва во внутренние дела нации; родство не только не способствовало решению территориальных споров, но, напротив, разжигало их еще сильнее и затрудняло работу шведского риксдага, в котором франкофильская партия «шлян» соперничала с действовавшей под диктовку Петербурга партией «колпаков». Твердость великого князя Петра Федоровича, недооцененного потомством, сохранение в Швеции парламентского режима, на которое Адольфу-Фридриху пришлось пойти под давлением России, спасли мир на берегах Балтийского моря.

Между тем на севере России, в Холмогорах, жил взаперти другой претендент на трон Романовых, правнук Ивана V, и от этого положение царедворцев и дипломатов становилось еще более щекотливым. Елизавету мучил страх перед малолетним сыном Анны Леопольдовны, она опасалась, что найдутся люди, которые совершат дворцовый переворот в его пользу; всякого, на кого падало подозрение в сочувствии Ивану VI, ждало жестокое возмездие. Брауншвейгское семейство состояло в родстве с Ганноверской династией, с Гогенцоллернами и Габсбургами. Таким образом, получалось, что смертельные враги — Пруссия и Австрия — в тех случаях, когда царица не соглашалась удовлетворить их притязания (впрочем, решительно противоположные), оказывались равно заинтересованы в ее свержении.

«Фиктивный» Ахенский мир не решил проблем, стоявших перед противоборствующими сторонами; Австрия была разочарована медлительностью продвижения по Европе русского вспомогательного корпуса; австрийцы обвиняли голландцев и англичан в том, что они нарочно тянут время и не выплачивают русским обещанных субсидий. Между тем Георга II волновали другие заботы; он желал укрепить союз континентальных держав против Людовика XV и подтолкнуть французского короля к войне на море, в которой британскому флоту, считавшемуся непобедимым, успех был обеспечен почти наверняка. После долгих колебаний Георг все-таки присоединился к русско-австрийскому договору 1746 года об оборонительном союзе, однако не поставил своей подписи под секретными статьями, направленными против Фридриха II. Победитель сражений при Мольвице и Кессельдорфе оставался выгодным партнером в борьбе против его христианнейшего величества короля Франции. Колеблясь между Россией и Пруссией, Англия способствовала сближению Франции и Австрии, идеологическую почву для которого создавали Кауниц, Бернис и их коллеги. Одной из намеченных ими целей был раздел Пруссии, которого эта держава избежала лишь благодаря внезапной смерти Елизаветы в декабре 1761 года. Париж и Петербург, разорвавшие дипломатические отношения в 1748 году, стараниями шпионов и дипломатов вновь восстановили их

в 1755 году, Фридрих же выдержал характер и не стал иметь дела с русскими, «варварской ордой», во главе которой стояла распутная, ленивая и надменная государыня, являвшая собою полную противоположность просвещенному монарху⁴. Уверенный в совершенной ненадежности «Московии», Фридрих отвернулся от России; гордый своими победами в Силезских войнах, он охладел и к своим первоначальным союзникам, Франции и Англии, а к Марии-Терезии относился с нескрываемым презрением. Посланники Фридриха продолжали слать ему донесения из всех европейских столиц, из Петербурга же в Берлин никаких известий не поступало, никто не информировал прусского короля о событиях, происходящих при русском дворе. Молчание это оказалось роковым.

1740-е годы начались смертью целого ряда коронованных особ: Фридрих-Вильгельм I, Анна Ивановна и Карл VI, уйдя в мир иной, дали дорогу новому поколению монархов, которые стремились завоевать себе место на международной политической арене и решить многочисленные территориальные вопросы. Судьба Европы находилась в руках двух женщин: Елизаветы и Марии-Терезии — и трех королей: сорокалетних Людовика XV и Фридриха II и более умудренного годами и политической опытностью Георга II. Соперничество монархов зачастую мешало работе дипломатов, настроенных более мирно, а вдобавок и обладавших гораздо большей информацией. Дипломатов этих новые государи за редчайшими исключениями унаследовали от своих предшественников; посланники, в большинстве своем часто переезжавшие от одного двора к другому, досконально изучившие светскую сцену, умели сравнивать и взвешивать требования разных государей и потому прекрасно понимали не только проблемы, стоящие перед той или иной страной, но и политическую ситуацию на всем европейском континенте. Те же из них, кто, как, например, Мардефельд, несколько десятков лет служили в одной и той же столице, настолько хорошо приспосабливались к местным условиям, что умели предсказывать реакции государей и ход событий. Елизавета сразу после восхождения на престол испытала постоянную жажду перемен; она отправила в отставку трех главных государственных деятелей предшествующего царствования. Однако дальше этого дело не пошло: из-за недостатка людей знающих и опытных Елизавета вынуждена была оставить на прежних постах большинство государственных мужей, служив-

---

⁴ Характеристики, данные Фридрихом Елизавете в «Опыте о формах правления и об обязанностях государей» (1781); см.: *Mémoires sur le règne de Frédéric II, Roi de Prusse, écrits par lui-même*. S. I., 1790.

ших Анне Ивановне и Ивану VI, — приятелей и приспешников Бестужева, которому императрица в конце концов поручила управление всеми иностранными делами. Из рук государыни осторожной, предпочитавшей сохранять нейтралитет, уклонявшейся от какого бы то ни было военного вмешательства, международная политика России перешла в руки министра, любящего угрозы и бряцание оружия. Наследница Петра Великого, Елизавета сумела дать отпор своему канцлеру в северных делах, но зато вплоть до начала Семилетней войны предоставила ему распоряжаться делами на континенте.

Конец 1740-х годов ознаменовался еще одной переменой: самые значительные представители «старой» европейской дипломатии сошли со сцены, а их место заняли молодые дипломаты, поставившие своей целью изменить порочную систему, в которой вопреки всякой логике католики действовали в союзе с протестантами. Такие люди, как Кауниц и Бернис, восстановили «естественный порядок», систему, сложившуюся после заключения Утрехтского мира и объединившую Нидерланды с Англией, а чуть позже, в соответствии с желаниями Людовика XIV, Бурбонов с Габсбургами. Первый удар по этой хрупкой системе, равновесие которой нарушали территориальные споры внутри Германской империи, нанесла первая дипломатическая революция XVIII века — война за Австрийское наследство, в ходе которой привычные союзнические отношения изменились и французы, извлекая пользу из военных действий Пруссии, выступили против Англии, Голландии и Австрии, которым в последний момент пришла на помощь Россия. В 1750-е годы, а особенно во время Семилетней войны, привычный (восходящий к веку Людовика XIV, однако уже мало связанный с религиозными убеждениями) порядок был восстановлен. Зародившаяся во второй половине 1740-х годов вражда России и Пруссии привела к образованию на европейском континенте новых коалиций, а затем и к Семилетней войне.

В начале 1750-х годов медленное переустройство Европы привело к ужесточению внутренней политики тех стран, которые совсем недавно участвовали в войне за Австрийское наследство. Высокопоставленные духовные особы, стремясь упрочить свои позиции и закрепить за собою разнообразные привилегии, все решительнее вмешивались в деятельность кабинетов; хотя католическую церковь в это время возглавлял просвещенный папа Бенедикт XIV, в католических странах участились преследования еретиков (протестантов, янсенистов, а затем и иезуитов во Франции) и неверных (евреев в Австрии). Папа попытался сблизить Париж, Вену, Мадрид и Рим, создать в Европе католический бастион; с другой стороны, заботясь о поддержании равновесия,

необходимого для сохранения мира, он признал королевство Пруссию, возникшее на месте бывшего герцогства Бранденбургского. Духовенство в ответ принялось еще яростнее отстаивать свои привилегии. Огромные траты, на которые пришлось пойти участникам войны, длившейся целых восемь лет и — для Людовика XV и Георга II — грозившей продолжиться и по другую сторону Атлантического океана, вынудили монархов пойти на палаточные реформы; во Франции по инициативе Машо д'Арнувиля был введен налог на недвижимое имущество, равный двадцатой части дохода, от которого в результате ожесточенных споров оказалось свободным одно лишь духовенство. Вслед за Францией и Испанией тот же союз трона и алтаря⁵ образовался и в Австрии, где на престоле восседала пажобнейшая чета, при которой католицизм сделался государственной религией. С помощью Гаугвица Мария-Терезия принимала меры для централизации, в том числе и финансовой, своей империи. При этом число чиновников неуклонно возрастало. Подобное стремление отыскать надежные опоры, усилить контроль государства за всеми сферами жизни, выдавало неуверенность монархов в собственных силах; среди прочего, эту неуверенность порождало и появление на международной арене двух новых могущественных держав — одной православной, другой кальвинистской и лютеранской. Подобное положение дел побуждало элиту к поискам новых моделей. Так, один только Вольтер представил Европе целых три образца для подражания: доиндустриальную Англию, фридриховскую Пруссию и просветительскую Россию. От этого нового деления Европы — на сей раз по идеологическому принципу — Елизавета отстунит в 1757 году, встав на сторону реакционеров Габсбургов... Симптоматичный жест, демонстрирующий независимость и непредсказуемость русской политики. Впрочем, философы очень скоро нашли себе новую героиню и, забыв о дочери Петра Великого, стали прославлять легендарную императрицу Екатерину II.

Изменение союзнических отношений в 1750-е годы стало логическим результатом предшествующей дипломатической революции, которая в течение предыдущего десятилетия сблизила нации самые противоположные, но равно страшившиеся растущего могущества России. Дипломаты изучили эту державу изнутри, выявили ее слабости, выработали язык для общения с ней. Однако не все коронованные особы сумели постичь этот новый язык. Людовик XV и Фридрих II, чересчур горячие и нетерпеливые, быстро превали диалог с российской императрицей, наследницей петровского

---

⁵ *Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 324.*

Заключение

мифа; Георг II сохранил с Россией коммерческие и финансовые связи, лучше же всех освоила новые правила игры Мария-Терезия: именно она в первую очередь способствовала пасаждению «русского миража» и полноправному вхождению России в число великих европейских держав. В долгосрочной перспективе это изменило структуру Европы; с появлением на европейской арене России осевое противостояние франко-прусской и англо-австрийской коалиций уступило место противостоянию идеологических блоков, которое еще не раз — в 1789, 1815, 1917, 1938 годах — преображало облик старой Европы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АКСЕЛЬ ФОН МАРДЕФЕЛЬД

Записка о важнейших персонах
при дворе русском

Аксель фон Мардефельд
ЗАПИСКА О ВАЖНЕЙШИХ ПЕРСОНАХ
ПРИ ДВОРЕ РУССКОМ¹

Берлин, 21 февраля 1747 года

Во исполнение приказаний королевских, о коих Ваше Превосходительство меня известить изволили, постараюсь я описать, насколько будет то в моих силах, характеры важнейших персон при дворе русском, каковы они мне представляются.

Статья первая

Императрица есть средоточие совершенств телесных и умственных, она проникательна, весела, любима народом, манеры имеет любезные и привлекательные и действует во всем с приятностью, восхищения достойной. Набожна до суеверности, так что исполняет дотошно все нелегкие и стеснительные

---

¹Текст, написанный Акселем фон Мардефельдом (1691 или 1692–1748) в Берлине, куда он вернулся в конце 1746 года после двадцатидвухлетнего пребывания в России на посту прусского посланника. Предназначался для преемника Мардефельда, которым стал граф Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн (1714–1800). Финкенштейн своей рукой снял с записки Мардефельда копию, оригинал же поступил в распоряжение прусского министра иностранных дел Подевилля, а от него — на хранение в секретный архив. Французский оригинал опубликован нами по архивному источнику (GStA. Rep. XI. Russland 91. 54 E; новый шифр: GStA. PK, I, HA Geheimer Rat, Rep. XI Auswärtige Beziehungen. Nr 171–175 Moskau (Russland). Konv. 54 E. 16 fol.) с подробными комментариями в изд.: Cahiers du Monde russe. 1998. Juillet–septembre. T. 39 (3). P. 253–282 (в данном издании по техническим соображениям публикуются лишь примечания, необходимые для понимания текста). На основе записки Мардефельда Подевилль в феврале 1747 года составил от имени короля Фридриха II инструкцию графу Финкенштейну, существовавшую в двух вариантах: смягченный опубликован в изд.: PC. В. V. S. 293–295; более откровенный и жесткий, с рекомендациями относительно военного, экономического и политического шпионажа и проч. сохранился в Государственном архиве Пруссии; опубликован нами в изд.: Cahiers du Monde russe. 1998. Octobre–décembre. T. 39 (4). P. 441–444.

обязанности, кои религия ее предписывает, ничем, однако же, не поступаясь из удовольствий самых чувственных, коим поклоняется с неменьшею страстью. Весьма сдержанна скорее по совету министра своего², нежели по собственной склонности. Ревнует сильно к красоте и уму особ царственных, отчего желает зла королеве венгерской и не любит цесаревну шведскую³. В довершение всего двулична, легкомысленна и слова не держит. Нерадивость ее и отвращение от труда вообразить невозможно, а канцлер из того извлекает пользу, нарочно из терпения выводит донесениями скучными и длинными, так что в конце концов подписывает она все что ни есть, кроме объявлений войны и смертных приговоров, ибо страшится всякого кровопролития.

Знаки внимания героя столь славного и благовоспитанного, каков наш Король, сей Государыне к его величеству самое большое внушили почтение, совершенное уважение и дружеское расположение, из коих последнее, впрочем, пострадало несколько от клевет графа Бестужева, о каковых умолчу, и от лживых донесений, в коих превосходство гения королевского и великое его могущество представлены были как весьма опасные для нее и для державы ее, и токмо лишь страх, сими описаниями внушенный, заставил ее к союзу с Императрицей-королевой обратиться и предпринять столько деяний опрометчивых и дорогостоящих. Нетрудно было бы возвратить ее на добрый путь, но прежде надобно лишь устранить либо подкупить сего министра. В ожидании сего, если было бы угодно его величеству доставить Императрице удовольствие, то преуспеть в этом легко, возвративши на родину несколько старых солдат русских⁴.

Посланник иностранный, желающий заслужить одобрение царицы, должен ловить случаи тонким и косвенным манером восхищение ее чарами, умом, одеянием, убранством и танцевальным искусством выразить, от критики же воздержаться, подолгу беседой Царицу не занимать и дожидаться, чтобы она к нему речь либо на него взор обратила, когда с другою особою

---

² Имеется в виду канцлер А. П. Бестужев-Рюмин.

³ Имеются в виду Мария-Терезия, королева Венгрии и австрийская императрица, и сестра Фридриха II Ульрика, жена наследного принца Швеции Адольфа-Фридриха.

⁴ См. с. 244–247.

говорит, ибо сие есть знак, что почитать его хочет беседаю; следует также избегать тесных уз с великим князем или, по крайней мере, не показывать сего, ибо по прихоти своей к его императорскому высочеству ревнует; наконец, надобно иметь платье новое, богатое и роскошное на всяком празднестве, кое в честь сей Государыни устраивается.

Обер-гофмейстер Миних, брат фельдмаршала, при дворе главный. Он имеет познания и складно их излагает, однако вовсе утратил способность суждения и почти впал в детство; от него узнать можно, какие речи держит императрица на публике, а ежели кто хочет ей о каком деле поведать, следует о том по секрету обер-гофмейстеру сообщить.

Обер-шталмейстер князь Куракин умен и к языкам способен, о дворах же, при коих бывал, представление имеет самое справедливое. Жаль, что от пьянства к делам стал неспособен.

Обер-гофмаршал граф Шепелев ни на каком языке, кроме родного, не говорит. Достоинство его в том заключается, что с тех пор как в сию интересную должность вступил, выучился отменно торговаться. Кушания при дворе скверные, а вина отвратительные.

Полагали поначалу, что гофмаршал Нарышкин при дворе сыграет роль самую блестящую и в величайшем фаворе у Государыни пребывать будет; вышло, однако ж, по-иному. Сей Нарышкин — помесь умного человека с безумным. Далее из многочисленных придворных сей Государыни назову лишь тех, кто в фаворе пребывает или же некоторым доверием пользуется. Как-то: обер-егермейстер граф Разумовский, как всем известен за Ночного Императора, то все пред ним уступают. Природа его всеми физическими совершенствами наделила, кои цитерскому Геркулесу потребны, однако ж умственного достоинства не дала. Глуп как пробка и к государственным делам вовсе неспособен. Канцлер в пору нашей дружбы признался однажды, что хотел было его к делу приставить, но сей до того бестолков оказался, что говорил черное, когда должен был сказать белое. Влюблен безумно в благодетельницу свою и свирепо ее ревнует. Измены ее, частые, хоть и мимолетные, в таковое отчаяние его приводят, что, как напьется, а сие частенько с ним случается, оскорбляет ее словесно. Темперамента он ипохондрического, исполнен суеверий и все толкует о том, что уйдет в монастырь, случиться же сие может, когда менее всего ожидать будут. Он великий игрок, так что делать ему дорогие подарки — все равно что деньги за окошко выбра-

сывать, довольно с него и любезностей королевских. Его любимец и наставник — генерал-поручик и шталмейстер Сумароков.

Камергер Чоглоков, мелкий дворянин, состоянием обязан жене, коя влюбилась в него, видя, как танцует он на театре. Красота у него вместо ума и достоинств. Тронул он сердце Государыни, коя, однако ж, от него отказалась после того, как жена пригрозила, что его зарежет. Предан первому министру.

Камер-юнкер Сиверс, коему курфюрст саксонский даровал звание баронское⁵, — сын бедного шведского капитана; в бытность свою лакеем Государыни Елизаветы, имел он счастье заполнять с приятностью некоторые пустоты, и за то до сей поры ему благодарны и во всех увеселительных прогулках и путешествиях инкогнито находится ему место. Притязает он на звание человека порядочного, толкует часто о том, что предан всей душою королю, и близок к князю Воронцову; однако с тех пор, как канцлер удружил ему званием баронским, он с ним торгуется, так что, употребляя его в дело, наблюдать следует осторожность.

Камер-юнкер Лабин⁶, человек безродный, лакеем был вместе с Сиверсом. Находится в фаворе по милости жены, каковая испытала в деле архиепископа Переяславского и откровенный дала отчет о его силе⁷.

Не могу не упомянуть также о графе де Л'Эстоке, министре без портфеля и лейб-медики. Ни для кого не секрет, что обязана ему Императрица короной, однако же фавор его не столько сей услугой, сколько медицинскими его познаниями укрепляется; Государыня в убеждении пребывает, что умрет, ежели при себе его иметь не будет. Он был наперсником всех ее тайн без исключения и от многих горестей ее избавил, вследствие чего право получил с Ее Величеством обращаться вольно и свысока, на что жаловалась она неоднократно графу Брюммеру. Беда, с маркизом де Ла Шетарди приключившаяся, и советы друзей заставили его немного образумиться. Он честолобив, любит без меры вино, игру и женщин, впрочем умен, храбр, тверд и, ежели к партии пристал, изменить ей уже

---

⁵ Ошибка Мардефельда: бароном Сиверса сделал не курфюрст саксонский и король польский Фридрих-Август, а король Швеции.

⁶ Правильно: Лялин.

⁷ Ср. примеч. 83 к части второй основного текста.

неспособен. Канцлера третирует он, несмотря на все влияние его, сверху вниз, и друзья с трудом умиряют сию горячность. Если бы в первые полгода нынешнего царствования, повинуясь маркизу де Ла Шетарди, не вел он себя столь безрассудно, распоряжался бы и нынче при дворе самовластно. Интересам короля предан он вполне, однако потребен ему умелый руководитель, каковой говорил бы ему правду в глаза и направлял бы, лаская и улещая. Г-н граф фон Финкенштейн к ссму вполне способен. Граф де Л'Эсток, генерал Румянцев и генерал-прокурор князь Трубецкой меж собою в большой дружбе.

Два слова добавлю о дамах, коих ея императорское величество более других отличает; из всех самая любимая и уважаемая графиня Воронцова. Превосходным характером заслужила она всеобщее одобрение. К интригам не приспособлена. Зато кузина ее Чоглокова в них преуспела. Посему до тех пор, пока не назначили ее обер-гофмейстериной к Великой Княгине, присутствовала она безотлучно при туалете Императрицы. Она взяла сторону министра, который умело тем пользуется в сношениях с Государыней, а равно и чтобы досаждал той, к кому она приставлена. Низкого рода, злая и корыстная, она, однако же, хороша собой и неглупа. Граф Воронцов был любимейшим из ее избранников. В его отсутствие переменяла она привязанности.

Старая генеральша Чернышева (та, что отравила Петра Великого своими милостями, за что сей Государь приказал супругу отколотить ее без всякой жалости⁸) часто ко двору звана бывает. Забавляет Императрицу своими выходками и любовными историями.

Графиня Румянцева на хорошем счету у Ее Императорского Величества, поскольку дочерью приходится графу Матвееву, а вернее сказать, прославленной красавице, супруге посла; рождена она и воспитана в чужих краях и, следственно, лучше умеет себя держать, нежели соотечественники. Дом ее — пристанище чужестранцев. Старая кокетка, болтливая, корыстная, она до страсти игру обожает, так что подкупить ее легче легкого, беда лишь та, что она ни к чему не способна.

---

⁸ Евдокия Ивановна Чернышева, урожд. Ржевская (1693–1747), вдова Григория Петровича Чернышева (1670–1745); вышла замуж в 17 лет, будучи любовницей Петра I, которого, согласно некоторым мемуарным источникам, заразила сифилисом; см.: *Dolgorukov P. Mémoires*. Genève, 1867. Т. I. P. 175.

Графиня Шувалова — хитрейшая из всех. Прежде наперсница Государыни, коя поверяла ей тайны двора, она и ныне благосклонностью пользуется ее величества и правом говорить с нею свободно. Канцлера ненавидит смертельно, так что в борьбе против него можно на ее помощь рассчитывать.

О камердинерах и горничных императрицы умолчу, ибо они того не стоят, чтобы иностранный посланник об них толковал и пользы оттого никакой не предвидится.

Статья вторая

Великому Князю девятнадцать лет, и он еще дитя, чей характер покамест не определился. Порой он говорит вещи дельные и даже острые. А спустя мгновение примешь его легко за десятилетнего ребенка, который шалит и ослушаться норовит генерала Репнина, вообще им презируемого. Он уступает всем своим дурным склонностям. Он упрям, неподатлив, не чужд жестокости, любитель выпивки и любовных похождений, а с некоторых пор стал вести себя, как грубый мужлан. Не скрывает он отвращения, кое питает к российской нации⁹, каковая, в свой черед, его ненавидит, и над религией греческой насмеяется; ежели Императрица ему приказывает, а ему сие не по нраву, то противится, тогда повторяет она приказание с неудовольствием, а порой и с угрозами, он же оттого в нетерпение приходит и желал бы от сего ига избавиться, но не довольно имеет силы, чтобы привести сие в исполнение. Всем видом своим показывает он, что любит ремесло военное и за образец почитает Короля, чьими деяниями великими и славными восхищается, и не однажды мне говорил: «*Sie haben einen grossen König, ich werde es machen wie er, nicht zu Hause still sitzen bleiben*» [У вас великий Король, я буду делать, как он, и не стану спокойно сидеть дома. — *нем.*]. Однако ж покамест сей воинский пыл ни в чем другом не проявляется, кроме как в забавах детских, так что отверг он роту кадетов и составил себе взамен роту из лакеев, где в роли унтер-офицеров камердинеры подвиги

---

⁹ Здесь и далее там, где Мардефельд употребляет слово «*russe*», мы переводим его как «русский», а там, где он говорит «*russien*», пишем «российский». Некоторые сведения об истории разграничения этих двух понятий во французском языке XVIII века см. в ст.: Десне Р. Московия, Россия, москвиты, россияне и русские в текстах Вольтера // Вольтер и Россия. М., 1999. С. 58–66 (*примеч. переводчика*).

заются, а в роли офицеров — камергеры и камер-юнкеры, кои под командою его различные совершают эволюции. В покоях своих часто играет он в куклы. Супругу не любит, так что иные предвидят, по признакам некоторым: детей от него у нее не будет. Однако ж он ее ревнует. Так что ежели хочешь к нему войти в доверие, не стоит ее посещать чересчур прилежно. С ним толковать следует об осадах и битвах. Канцлер нынче у него на хорошем счету стараниями принца Августа и его шайки. Обер-гофмейстер Великого Князя, генерал князь Репнин, не осмеливается ничего предпринимать для его исправления. Князь этот, как говорят, славен воинскими талантами. Он неглуп, однако же желчный нрав, грубости и пьянство затмевают добрые его свойства. Принадлежит он к присным канцлера. Когда я из Петербурга выехал, за наперсника у его императорского высочества был молодой Вильбуа, камер-юнкер, у коего отец француз, а мать дочерью доводится лютеранскому пастору Глюку, в чьем доме выросла императрица Екатерина.

Великая Княгиня умна и основательна не по годам, и хотя нету подле нее никого, кто бы добрый ей мог дать совет, держит себя с осторожностью и умеет делать хорошую мину при плохой игре. В одном лишь по справедливости можно ее упрекнуть — что не знает деньгам счета. Императрица нежно ее любила до той поры, пока не приняла на веру наветы графа Бестужева и дамы Чоглоковой. Еще пять месяцев назад была она девицей. Общее мнение гласит, что хотя поначалу супруг ее полагал, что дело свое исполнил до конца, однако же граф Разумовский, президент Академии, взялся довершить ради блага великой сей Империи. Ее Императорское Высочество держит это в секрете, в чем помогает ей обер-гофмейстерина, а равно и некоторая помесь обер-гофмейстерины и горничной, коя самые невинные поступки госпожи своей в дурную сторону перетолковывает. Зовут эту мегеру Крузе, она теща барона Сиверса. Тайны свои Великая Княгиня поверяет одной из фрейлин, по фамилии Кашелова¹⁰. Девушка сия собою не дурна и не вовсе глупа. Весьма жаль, что к мнению Ее Императорского Высочества не прислушиваются, она бы во всем неукоснительно за короля стояла.

Невеликий принц Август, администратор герцогства Голштинского, хорошим был бы Государем, не управляя им пол-

---

¹⁰ Следует читать: Кошелева.

ковник Шильд, шведской нации, негодяй каких мало. Именно его, а равно и тайного советника Пехлина стараниями канцлер поссорил шведского наследного принца с великим князем. О г-не Пехлине распространяться не стану, ибо граф Финкенштейн его знает лучше меня.

Камер-юнкер Берхгольц экспедицией Голштинской канцелярии заведует, а Его Императорское Высочество забавы ради его пощечинами жалует да щелчками.

Статья третья

Первый из министров российских и начальствующий над делами иностранными, граф Бестужев, канцлер Российской империи, с фельдмаршалами ведет игру смотря по древности их рода; не стану рассказывать здесь его историю, не стану и распространяться о его проделках, плутнях и низостях, часть коих всему миру известна; замечу лишь, что невеликий его умишко, исполненный самой черной злобы, в серьезных делах не позволяет ему решительно действовать, внушает интриги самые подлые и клеветы самые злостные. Недели не проходит, чтобы не сообщил он Императрице донесений, полных самой грубой лжи. Поведение гнусное, которое в любой другой стране канцлера бы погубило. Человек он гордый и в тщеславии своем вынашивает замыслы самые обширные, впрочем, труслив, отпетый плут и разговаривает уверенно, лишь когда разогреет себя вином или ликером. Кто его поит с полудня до вечера, тот, пожалуй, услышит от него словцо острое. В котерию его входят генералы Бутурлин, Апраксин, барон Черкасов и английский консул Вольф. Кормят у канцлера прескверно, да он и не любит жить открыто. Притворяться он не мастер, так что ежели соврал или только приступить собирается, сие скоро замечаешь, а уж если ласкает он вас больше обычного, значит, наверняка дело нечисто. Без зазрения совести приписывает он иностранным посланникам такие речи, о каких те и думать не думали, те же речи, кои сам пред ними держал, отрицает. Хотя память имеет превосходную, часто ссылагается он на ее слабость, для того чтобы посланники иностранные предложения ему свои отдавали, на письмо положивши, или, пять лет у кормила власти пребывши единолично, вид делает, что исполнить предложенное затруднительно. Приобрел он за то время познания, коих ранее не имел, однако же познания сии весьма ограничены, так что разница чувствительна между от-

ветами, какие дает канцлер от себя лично и теми, какие делает, спросив совета у Веселовского либо Функа. Сей последний им управляет, на него работает и самой секретной его корреспонденцией заведует. Добрая его черта в том состоит, что всем, кто ему служит, платит он изрядно. Хотели меня разубедить в том, что неприязнь первого министра к нашему двору из того проистекает, что в бытность сего министра резидентом в Гамбурге¹¹ отказал ему покойный король в ордене. Как ныне стоит он выше Воронцова, да и укрепил положение свое, женив сына на девице Разумовской, полагаю я, что король необходимым сочтет привлечь его на нашу сторону. Единственный способ сего добиться в том заключается, на мой взгляд, чтобы предложить ему солидные суммы и ежегодный пенсион, от которого, по причине корыстолюбия своего, откажется едва ли. С тем большим основанием лычу я себя надеждой, что граф фон Финкенштейн в сем деле преуспеет, что и сам я услуги канцлера едва не купил незадолго по подписания договора Дрезденского. Убежден я, что графу фон Финкенштейну надлежит напрямую к канцлеру обратиться, и если пожелает он, то, сказавши необходимые комплименты и заверивши в почтении и расположении Государя нашего, пусть валит всю вину на меня и указывает, что я, де, ядовитыми своими донесениями как раз и помешал королю предаться собственной склонности и всецелое ему оказать доверие. Я на это согласен и всем сердцем одобряю. После чего примется граф Бестужев исчислять все услуги, кои якобы оказал он Его Королевскому Величеству, и заверять станет в усердной своей преданности интересам короля, а меня бранить что есть мочи, ежели будет уверен, что разговор секретный. Излишне добавлять, что вознаграждение канцлер получить должен лишь после того, как условия наши будут объявлены и обговорены, плату же граф фон Финкенштейн вручит ему самолично. Платить надобно постепенно и золотом, ибо если деньги проходят через руки купцов, сие невозможно содержать в секрете, отчего разные бывают неприятности. Письменных заверений давать также не следует, ибо их канцлер предъявит беспременно посланникам дворов, сердцу его любезных, дабы с них получить вдвое. Не так высоко ставлю я свою опытность, чтобы указывать по-

---

¹¹ Неточность Мардефельда; на самом деле Бестужев был резидентом в Ганновере.

сланнику столь умелому, каков граф фон Финкенштейн, средства для прельщения канцлера, он лучше моего знает, как обращаться с министром-наглецом, ежели тому фортуна улыбается и мнит он, будто им дорожат более, нежели любым другим. Если же, противу всякого ожидания, станет он привередничать, тогда, полагаю, действовать надобно через канцлершу. Она, не знаю, каковым образом, на супруга, купившего ее у какого-то Айзенберга, коему была она не то женой, не то любовницей, большое имеет влияние. Прежде была собою хороша, ныне кокетка, полагает, будто умна и познаниями обширными богата; притом до подарков чрезвычайно охоча. Впрочем, сумасбродка и болтовнею своею столько же развлекает, сколько и утомляет, ибо говорит обо всем, ни малейшей не соблюдая осторожности, отчего и не удостоилась до сей поры звания статс-дамы Императрицы, кое над всеми прочими большое сообщает превосходство. Тем, кто ей льстит, не отказывает она в своем расположении, если же встретит человека, готового ее приступом взять с приятностью, таковой будет среди друзей ее на самом главном месте. Впрочем, как канцлера ни обхаживай, от всех щедрот никакого иного плода не будет, исключая следующего: 1) король в спокойствии сможет себя чувствовать; 2) прекратятся изъяснения враждебности; 3) граф Бестужев воздержится на Его Величество клеветать Ее Императорскому Величеству. Более ничего он для сего Государя вне всякого сомнения не сделает, заставить же Государыню свою отношения порвать не в его силах.

Вице-канцлер граф Воронцов довольно имеет здравомыслия, проницательности и тщания и, когда о делах рассуждает, ошибается редко. На российском языке изъясняется он превосходно, на немецком же и французском прескверно. Слывет он порядочнейшим среди дворян русских, что еще похвала невеликая. Впрочем, вынужден я отдать ему должное, ибо никогда не пытался он меня обмануть и с самыми добрыми намерениями королю честно служил. Мягкостью своей, манерами вкрадчивыми, усердной преданностью Императрице и выбором супруги завоевал он почтение и полное доверие сей Государыни, и в таком был фаворе прежде опрометчивого своего вояжа, что мог бы канцлера свалить, если бы сей вояж на полгода хотя бы отсрочил. С той роковой поры влияние его, кажется, поубавилось. Гневается он редко, но когда случается сие, приходит в ярость, а под мнимым смирением таит често-

любие безмерное, каковое им владеет без остатка и возвыситься над всеми соотечественниками толкает. Невежествен он, подобно большинству русских. Потребен ему друг сведущий, каковой направлял бы его советами. Так что без Неплюева весьма плохо ему приходится. Лучшей не найти здесь замены, нежели граф фон Финкенштейн, каковой своими обширными познаниями его просветить может. Заметит он без труда, что говорить надобно с Воронцовым откровенно или, по крайней мере, его в том уверять. Кроме графа Финкенштейна никто другой не сумел бы, пожалуй, наблюдать в поступках своих и поведении таковую середину, чтобы ни один из соперников не подумал дурного, у графа же сноровки для сего достанет. Впрочем, на честность и искренность вице-канцлера более рассчитывать стоит, нежели тех же достоинств ожидать от первого министра.

Тайный советник и секретарь кабинета Императрицы барон Черкасов — особа, кою сия Государыня почитает и слушает со вниманием, ибо вторую из сих должностей исправлял он еще при Петре Великом, и верит Императрица, что за преданность интересам сего монарха сослан он был в Сибирь при Петре Втором. Человек он нелюдимый, грубый и злобный, российскому крюкотворству превосходно обученный. Он на показ выставляет свое бескорыстие, втайне же гребет обеими руками. Представляет он Ее Императорскому Величеству все указы, декларации и письма, кои подписать надлежит, включая те, что иностранных дел касаются, ежели канцлер заниматься сим не желает. С тех пор, как сей последний Черкасова поставил на дела иностранные, живут они душа в душу. Черкасов же заведует личными расходами Императрицы. С иностранными посланниками дела иметь никакого не желает, однако же английский консул Вольф ему закадычный друг, и посему лондонский двор им распоряжаться может по своему благоусмотрению. Говорит он только по-русски. С графом Бестужевым разлучить его никому не по силам, кроме разве графа Воронцова.

Тайный советник Веселовский, происхождения еврейского, умен и слывет более сведущим, нежели собратья его в Петербурге. Он доверенное лицо и креатура канцлера, каковой часто у него просит совета, и честен столько же, сколько начальник его. Был сослан в то же время, что и барон Черкасов, ибо держал речи, для правительства оскорбительные, и строил козни графам Остерману и Левенвольде. Любит интриги,

вино и женщин. Будучи осведомителем при покойной герцогине Голштинской, попытался было он из нее сделать Элоизу, но без успеха. Счастлив он, что наглая его выходка неизвестной осталась Петру Первому, ибо покарал бы его сей Государь по меньшей мере столь же жестоко, как покарали некогда Абе-ляра... К иностранным посланникам ездит Веселовский только лишь, когда на обед приглашают.

Статский советник Неплюев без сомнения самый ловкий из всех себе подобных. Ум у него изощренный и к интригам способный, в плутовстве же Веселовскому не уступит. Канцлер его от себя отдалил, ибо чрезмерной счел близость его к кружку Воронцова.

Тайные советники Юрьев и Курбатов никакого весу не имеют по причине дружбы своей прежней с графом Остерманом.

Статский советник Гольдбах прибыл из Кёнигсберга, в дворянство возведен саксонским курфюрстом, человек честный и отечеству своему весьма преданный. Обладает достоинствами и познаниями, особенно в математике, но пребывает лицом партикулярным; употребляет канцелярией для писания писем латинских и французских в ответ на те, какие от дворов иностранных поступают. Употребляют его также для дешифровки донесений посланников иностранных, что, однако же, удастся ему, лишь если зашифрованы они без надлежащего тщания. В тайны его вполне не посвящают.

У графа Бестужева проживают в доме трое секретарей Императрицы: Симолин, Иванов и Юберкампф. Последний совместно с почт-директором Ашем все письма, в Петербург прибывающие и из Петербурга отбывающие, распечатывает. Подкупить его было бы полезно, но трудно сделать. Не будь секретарь¹² так стар, можно было бы его в дело употребить с пользой, ценою пенсiona в две-три сотни рублей.

Закончу сию статью двумя церемониймейстерами. Обер-церемониймейстер граф Санти себя именует пьемонтцем. В прежние времена был он рыцарем удачи и рыскал по всем дворам европейским; после падения покровителя его графа Толстого сослан был князем Меншиковым в Сибирь, откуда нынешняя императрица его возвратила. Дело имеет только с послами. Канцлер его не любит и при первой возможности

---

¹² Имя зачеркнуто Мардефельдом и читается предположительно: Швей из Померании (лицо, которое нам установить не удалось).

заставит уступить место церемониймейстеру Веселовскому, младшему брату тайного советника. Граф Бестужев ценит его за ум, он читал кое-что, пишет недурно по-французски и изображает человека честного. В его ведении посланники государств второстепенных; его же стараниями новый этикет насаждается¹³. Вице-канцлер перед отъездом мне сообщил, что Императрица отныне ему запретила наносить ответные визиты посланникам государств второстепенных. Большая часть министров и генералов российских так и поступает от неучливости. Напротив, фельдмаршал Ласси и генерал Кейт сею обязанностью никогда не пренебрегают.

Статья четвертая

Сенаторов должно быть числом двадцать четыре, однако состав их неполный. Первый — фельдмаршал князь Трубецкой, отец принцессы Гомбургской. Влияния у него нет никакого.

Действительный статский советник генерал-прокурор Трубецкой — персона более влиятельная. Он знает превосходно силу и слабость внутреннего положения России, знает досконально законы сей империи и работающ в высшей степени. Напротив, об иностранных делах не имеет он ни малейшего понятия, однако ж выучил, что в интересах России дружбу вести с Королем. Плут он не меньший, нежели канцлер, коему он заклятый враг, дружит же с генералом графом Румянцевым, также сенатором, каковой сделался бы бесприменно канцлером, не замешайся он в несчастную историю с маркизом де Ла Шетарди. Старец сей бравый и прямой, как собственная его шпага, однако ж дряхлеет на глазах. Императрица к нему благосклонна, так как удостоился он некогда уважения Петра Первого. Иностранцев любит.

Генерал Бутурлин, характера прескверного, предан всецело канцлеру.

Генерал-поручик граф Шувалов некоторым доверием пользуется благодаря жене и, хоть и трусоват, часто против канцлера выступает. Брюзжит постоянно, не имея на то резонов.

---

¹³ Речь идет о разрешении носить золотые и серебряные галуны, запрещенные в 1742 году для всех, кроме членов императорской фамилии, а в 1746 году вновь введенные для особ пяти высших разрядов. От запрещения пострадали в первую очередь французы — главные поставщики галунов.

Князь Голицын, брат того, каковой в Берлин послан, умнее и основательнее коллег и собратьев; у него одного достало бы способностей заменить генерал-прокурора. Канцлер посему его ненавидит.

Князь Юсупов, тайный советник и Коммерц-коллегии президент, — человек разумный и жить умеет; купцы им довольны. Входит он в шайку Бестужева, каковой его в Сенат пристроил.

Князь Алсуфьев — не нашел я в нем тех достоинств, кои Варендорф ему приписывает.

Статья пятая

Краткости ради упомяну я лишь пару генералов, кои в Петербурге находятся и некоторое влияние имеют, посему не стану распространяться о превосходном характере и выдающихся достоинствах фельдмаршала графа Ласси и генерала Кейта.

Генерал-аншеф Салтыков — горемыка и путаник, все его достоинство в том заключается, что он всегда желал зла семейству Брауншвейгскому, а жена его отдавалась гренадерам гвардейским, дабы — утверждала она — им дорогу показать в покои цесаревны Елизаветы.

Генерал-аншеф Апраксин, исполняющий обязанности президента Военной коллегии, лучше умеет пером действовать, нежели шпагой. Он у канцлера в фаворе. Генерал Кейт мне сказал однажды по сему поводу, что первый министр может его в фельдмаршалы произвесть, генералом, однако ж, сделать не сумеет. Он работяш, корыстолюбив и наклонен к пьянству; потому не умел скрыть привязанности своей к фельдмаршалу Миниху.

О генерале Люберасе говорить излишне бы было, как граф фон Финкенштейн с ним долгое время в Стокгольме знался.

Генерал-поручик Ливен прославился воинскими своими талантами, а равно и тайными переговорами в Литве и в Польше. Он остер, интриган, гибок, как перчатка, и желает казаться человеком порядочным, однако же неверен, как пена морская.

Адмирал князь Голицын ныне в отсутствии, прочие же моряки недостойны отдельного разговора. Разве что упомяну князя Белосельского, зятя графа Чернышева, человека видом приятного и умного. Императрица к нему благосклонна, канцлер же, полагаю, после отъезда моего поддержку его купил.

Статья шестая

Поскольку я в частых находилсЯ сношениях с иностранными посланниками, в Петербурге пребывающими, льщу себя надеждой, что недурно их знаю. Генерал-фельдмаршал, посол Их Императорских Величеств г-н Бретлак¹⁴ умен, учтив и любезен. В речах соблюдает великую скромность и справедливость, показывая, что предубеждений решительно чужд, однако же, выпив вина, хвастлив становится, как настоящий австриец и даже больше того. Свою опытность ценит очень высоко и утверждает, будто секреты всех дворов европейских ему ведомы. Меж тем часто заблуждается и порою жестоко. Некоторое сходство с маркизом де Ла Шетарди поначалу ему благорасположение Императрицы доставило, щедроты же его двора расположили к нему первого министра, а с графом Воронцовым в мое время был он не слишком хорош.

Лорда Гиндфорда в Берлине знают, посему замечу лишь, что он, кажется, питает намерения благие и желает, чтобы держава короля нашего процветала, одним словом, ведет он себя настолько порядочно, насколько ремесло и приказы двора его дозволяют. При дворе он в чести, но меньше, нежели г-н фон Бретлак, чему я удивляюсь, ибо граф Бестужев от английского двора получает пенсiон в 16 000 рублей ежегодно. Лорд Гиндфорд и в России своих мнений не переменит, полагаю, что достоин он похвалы.

Г-н д'Альон, посланник французский, более имеет здравомыслия, нежели остроумия. Хорошо пишет и толково, сколько могу я судить. Живет он в своем доме широко и щедро, однако же в России не уважаем и Государыня терпеть его не может; я же им доволен чрезвычайно. К нашему двору питает он искреннее расположение.

Граф Борк¹⁵, посланник шведский, умен, учтив и собеседник отменный. Принадлежа к партии старого министерства и конфидентом будучи у канцлера, интересам Их Королевских Высочеств¹⁶ не так он усердно предан, как ему долг ве-

---

¹⁴ Другая форма написания фамилии — Претлак.

¹⁵ Имеется в виду Нильс Барк.

¹⁶ Имеются в виду Адольф-Фридрих, шведский наследный принц, и его жена Ульрика, сестра Фридриха II.

лит. Клятвы, кои приносит он, дабы доказать, что намерения его благородные и что человек он порядочный, подозревать заставляют обратное. Секретарь Лагерфлихт близко к сердцу принимает все, что выгоду сулит Их Королевским Высочествам, и граф фон Финкенштейн может его почтить своим доверием.

Граф фон Фицтум, полномочный посланник саксонский, в разговорах блистает, однако ж ум у него хоть и острый, но неглубокий. Он складно мысли свои излагает, принимает много, живет широко, кормит лучше и богаче, чем прочие послы. Натурально, к нашему двору расположения он не питает, однако же и не критикует его так несправедливо, как подчиненные его либо австрийцы. Императрица к нему благосклонна, Великий же Князь терпеть не может, ибо полагает, будто волочится граф за Великой Княгиней. Маленький его носик предметом служит вечных шуток для Его Императорского Высочества. Секретарь его родом из Пиритца.

Г-н фон Гогенгольц, резидент императора, — человек старый, в России уже с лишком тридцать лет проживающий. Слывет он за знатока здешних дел и пишет для австрийца неплохо. Любит поесть и выпить, от вина же становится еще откровеннее. Несколько бокалов auf Deutschen Redlichkeit [от чистого немецкого сердца. — *нем.*] доставили мне его дружбу и доверие, благодаря чему узнал я много полезного. Дряхлеет он с каждым днем.

Г-н Петцольд, тайный советник посольств и резидент саксонский, сын священника, свойства имеет, сану отца приличные; тон и смех выдают его, когда желает он собеседнику нравиться. Впрочем, хитер бесконечно, интриган и всюду умеет втереться. Канцлер его полюбил.

Г-н Функ, советник канцелярии на службе у Курфюрста Саксонского, большими обладает познаниями, ловок и правой рукою служит графу Бестужеву, да вдобавок если у канцлера плутни грубые, у Функа тоньше. На беду, сильно он косит и тем весь свой характер высказывает. До тех пор, пока останется он в Петербурге, двор саксонский может быть уверен, что управляет первым министром. Функ более хорош с Петцольдом, нежели с графом фон Фицтумом, каковой здесь находится только лишь для виду.

Г-н Сварт, резидент голландский, не дурак. Быв шпионом канцлера, говорит он с ним часто до душам, а поскольку от природы нескромен, да в связи состоит с хорошенькой су-

пругой профессора Штелина, от него можно узнать вещи и анекдоты интересные. Настроен после Силезских войн скверно.

Статья седьмая

Почти постоянно имел счастье дружбу водить с главными особами сего двора, министерства, исключая графа Бестужёва, и армии, не слишком я интересовался остальными, однако же имел некоторых знакомцев, кои ныне высланы либо умерли. Назову лишь тех, кои до сей поры живы. Некий Розенкранц — служил в Главной канцелярии, я же ему из своего кармана платил. Теперь просит он у меня, чтобы один из его сыновей, капрал в роте фельдмаршала Фланса, был бы в звании повышен. Брат старшего Розенкранца — поручик в той же роте. Тот, что в Петербурге, знает хорошо интриги частных домов и может добывать нужные бумаги из Военной коллегии, из Адмиралтейства и даже из самого Сената. Когда хотел я кое о чем намекнуть незаметно сенаторам князьям, то к услугам прибегал графа Л'Эстока либо графа Брюмера, да еще генерал-поручика Геньена по части военной. Тех, кого еще вспомню, беспрерывно графу Финкенштейну устно назову.

Не столько я самонадеян, чтобы предписывать максимы и правила графу фон Финкенштейну, чей ум, проницательность и здравомыслие меня покорили, но как приказание было мне дано, то прибавлю, что критика сколь угодно тонкая и изящная в России на чужестранца неприятности бесконечные навлекает; что следует в России опасаться всех, однако же виду не подавать, и вообразить, что и у стен есть уши; что надобно слыть здесь человеком честным, хотя слова этого в российском языке не сыщешь и русские дворяне о честности своей не заботятся нимало. Как из всех пороков осуждают русские более всего гордость, то учтивость и любезность здесь суть достоинства первостепенные, однако же выставлять их чересчур напоказ не следует, дабы не почли за надменность. В особенности же, повторяю, важно сие в делах. Ни за что не следует русским показывать, что боимся мы их российской мощи: *Ja nicht diese weiche Seite zeigen, noch ihnen innötige Vorzüge einräumen* [Главное — не показывать свою слабую сторону и не давать им лишних преимуществ. — нем.].

Надобно, напротив, наблюдать с пристойностью некоторое равенство, дабы не желали они у нашего двора отнять превосходство, каковое двор дрезденский сносит покорно, шведский же со стенаниями. Впрочем, ежели выпало мне счастье приказания Короля исполнять так, чтобы одобрение его величества заслужить, приписать я могу сие только лишь победам и щедротам сего великого монарха, а равно и сходности двух держав.

КАРЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ФИНК ФОН ФИНКЕНШТЕЙН

Общий отчет о русском дворе
1748

Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн
ОБЩИЙ ОТЧЕТ О РУССКОМ ДВОРЕ
1748¹

Ваше Величество,

Любопытные особенности, русский двор отличающие, понудили меня составить сей общий отчет. По прибытии моем сюда нашел я положение дел до крайности неблагоприятным для Вашего Величества. Канцлер взял верх; венский двор под покровительством его всем распоряжался, Императрица же, самыми злобными инсинуациями предубежденная, от правды лицо свое отвращала. Что же до людей благонамеренных касается, то оные пали духом и от преследований страдали, а для того, чтобы дело исправить и самим верх взять, ни гения не имели, ни отваги.

В сих обстоятельствах не замедлил я убедиться, что опрометчиво было бы мне против течения плыть; понял я, что надобно в спокойствии ожидать времен более благоприятных, в ожидании же сих перемен от посланника Вашего Величества лишь одно только и требуется — особе, более всего любящей карты мешать, сделать сие не позволить²; с великим тщанием всего, что переговорами с посланником именуется, избегать, ибо согласившись даже для виду, разлад бы я лишь увеличил; под рукою же старых друзей сберегать, дабы от них получать известия и сведения необходимые.

---

¹ Французский оригинал текста Финкенштейна впервые опубликован по архивному источнику (GStA. Rep. XI. Russland 91. 56B. 33 fol.; новый шифр: GStA. PK, I, HA Geheimer Rat, Rep. XI Auswartige Beziehungen. Nr 171–175 Moskau (Russland). Konv. 56B. 33 fol.) в изд.: Cahiers du Monde russe. 1998. Octobre-décembre. Т. 39 (4). Р. 445–469. Текст переписан секретарем 18 февраля 1749 г. и подписан собственноручно Финкенштейном. Как и в случае с текстом Мардефельда, за подробными комментариями мы отсылаем читателя к первой публикации (Op. cit. Р. 469–485).

² Имеется в виду А. П. Бестужев-Рюмин.

В бездействии, на кое обречен был я сим планом, принялся я изучать и постигать карту сей страны, постарался составить себе верное представление о характере тех, кто к управлению сей страной и к интригам двора русского более всего причастны. Тщился я познать хотя бы отчасти интересы, силы и запасы сей обширной империи, и плод усилий моих дерзаю предложить Вашему Величеству.

Портрет Императрицы

Портрет Императрицы по праву отчет открыть должен. Государыня сия блещет всеми достоинствами внешними; стан высокий и величавый, лицо приятное, грация во всей особе беспредельная сразу ее от всех прочих дам при дворе отличают. Достоинствам сим знает она цену и со всем тщанием их пестует; больше того, чрезвычайно ими гордится и притязает на первенство среди всех особ своего ранга и пола. Ум у нее таков, каков у женщин обычно бывает; проникательность, живость, воображение есть, но без основательности. Сладострастие всецело ею владеет; предается она ему вполне и без меры, и можно сказать поистине, что все достоинства ее, а равно и недостатки любви к наслаждениям подчиняются; лень, обычная спутница сладострастия, также в характере сей Государыни, отчего малое ее усердие к делам и отвращение от трудов проистекают. Полагаю я, что не ошибусь, сказавши, что из слабости темперамента и проистекает столь прославленное ее милосердие, столь скупую на кровь преступнейших из подданных ее соделывающее³. Гордости и тщеславия в ней много, и, быть может, сим порокам и обязана она великодушием, кое порой в роскошных подарках проявляется, в вещах же самых незначительных весьма часто ей изменяет. С той же любовью богатством хвастать связан вкус ее к пышности и к возведению зданий. Обвиняют ее в скрытности и кажется даже, что вошло у нее сие в привыч-

---

³ Пруссакки верили в устрашающее воздействие смертной казни и потому осуждали Елизавету за излишнюю «доброту» к преступникам; так, Финкенштейн 11 июня 1748 г. писал Подевильтсу о поджигателях, виновных в московских пожарах: «Схватили иных из них, однако поскольку смертью их не казнят, на прочих сие впечатления никакого не оказывает» (GStA PK. I. HA Geheimer Rat. Rep. 11 Auswärtige Beziehungen. Nr. 171–175 Moskau (Russland). Konv. 56A. Fol. 190–191).

ку, и глядит она с улыбкой радости на тех, кто более всего ей противен. По естественной склонности любезна она и приветлива с каждым; люди, более всего ее знающие, говорят, что еще любезнее была Государыня прежде, но изменилась совершенно с тех пор, как слушает во всем канцлера, а сему причиной не что иное служит, как легкость, с какою усваивает она впечатления тех, кои власть обрели над ее умом. Однако же заметить надобно, что нынче Государыня сия учтивостью и обходительностью всех подданных своих превосходит. Благочестие, кое доходит у ней до ханжества самого неумеренного, есть также достоинство, всеобщее восхищение вызывающее. Исполнивши сии внешние обязанности, почитает она себя вправе чувственность свою услаждать способами самыми острыми и изысканными: трапезы в узком кругу, куда лишь избранные особы обоих полов доступ имеют; речи самые сладострастные и распутные; вина рекой, а затем с любимейшим из фаворитов уединение — все идет в ход, дабы удовольствия Государыни разнообразить. Постоянным сим рассеянием тчится она скрыть от взора своего те бездны, кои трон ее окружают, однако же мысли мрачные и печальные берут верх, и неумеренные предосторожности, ежедневно ради безопасности ее принимаемые, выдают слишком ясно тревогу и подозрительность, ею владеющие.

Характер нации

Императрица, вероятно, не такою была бы, какой только что я ее описал, а совсем иной и куда более приятной, выпади ей счастье посреди иной проживать нации. Можно сказать, что нация сия своей Государыни недостойна, Государыня же не для того создана, чтобы такой нацией управлять. Плутводство, обман, трусость, неблагодарность, гордыня и недоверчивость — вот свойства, на коих замешен характер большинства русских. Как ни старался Петр I их воспитать, труды его лишь на внешности отразились; платье переменили и бороды более не носят, но внутри остались русские почти что прежними, и если чему-то у европейцев научились, то от сего старинные их недостатки лишь изощрились и еще более сделались опасны. Подлинно верно, что если редко их видишь, внешними переменами обмануться можно, однако очень скоро выдают они себя скверными поступками, а раз в сношения с ними вступивши и близко их наблюдая, цену им узнаешь.

Учтивость и обходительность для них суть таланты заимствованные и недолговечные, а посему кто не хочет их грубость на себе испытать, должен теми приличиями довольствоваться, кои соблюдать они умеют. Русские — пьяницы и лентяи, прежним своим невежеством дорожат, а старания, кои употребил Петр I, дабы их от него избавить, проклинают. Большинство с радостью лишилось бы покоренных провинций⁴ и возвратилось к изначальному варварству, кое им, прежде всего знати, возможность давало творить безнаказанно несправедливости и лихоимства самые вопиющие. Рожденные рабами, способны они на самые ужасные низости; ежели хотят добиться цели, подчиненных третируют безжалостнейшим образом. Ненависть их к иностранцам так велика, что и вообразить невозможно, а с тех пор, как пришлось им сносить господство иностранное, сделалась она еще сильнее, сегодня же, вообразивши, что в иностранцах более не нуждаются, творят они все, что могут, лишь бы огорчение им причинить и от себя их выжить. Таков в целом характер их нации.

Кто на две партии разделяется

Дух партий, каковой почитают обычно болезнью правлений республиканских, при дворе русском являет себя в самом лоне деспотизма⁵, и Императрица, коя залог собственной безопасности видит в разъединенности своих министров, сама старается ее поддерживать и разжигать посредством политики, каковая, возможно, не столь для нее благоприятна, сколь она мнит, для интересов же государства весьма даже вредна. Полагаю я, что по разнице в чувствованиях главные лица при сем дворе к двум можно причислить партиям, на милости Государыни и управление делами притязующим. Есть партия Канцлера, какового подозревают в решительной преданности интересам несчастного семейства, каковое чувство вообще распространено, возможно, куда больше, нежели обычно полагают, противную же партию возглавляют Гене-

---

⁴ Имеются в виду прибалтийские территории, завоеванные Петром I и закрепленные за Россией Ништадтским договором 1721 г.

⁵ Мысль, восходящая к Монтескье; см.: Размышления о причинах возвышения римлян и их упадка (гл. IX).

рал-прокурор и граф Воронцов. Первая из сих партий имеет планы самые обширные и намерения самые химерические, вторая выступает за систему мира и добрые сношения с соседями.

Портрет графа Воронцова

Сия последняя в первые годы царствования Императрицы господствовала. Граф Воронцов, состоявший при дворе сей Государыни еще во время предыдущего царствования и имевший счастье быть причастну к знаменитому перевороту, каковой ее на престол возвел, был также одним из первых, кого она доверием почтила. Из всех русских, кого я знаю, кажется мне сей граф самым благородным и возвышенным по образу мыслей. Не назову его гением перворазрядным, однако ж и не откажу в достоинствах, для ведения дел необходимых. Много в нем здравомыслия, а ум если и не блестящий, то справедливый и основательный; подлинно предан он особе Государыни и, полагаю я, искренне привержен интересам Вашего Величества. Пожелать можно, чтоб имел он столько же твердости и отваги, сколько доброй воли, ибо робок и боязлив сверх меры. Он честолюбив и полагал, что сможет страсть свою утолить, однако же имел несчастье остановленным быть в середине пути тем из русских, кто более всего ему обязан. Может он себя упрекнуть, что сам возвышению Канцлера помог, когда же заметил ошибку свою, поздно было уже ее исправлять или пришлось бы для того взять меры, на кои по робости характера он не способен, так что к графу Бестужеву вспылал вечной ненавистью и тем ограничился, а сие чувство, признаемся, более чем законное.

Характер Генерал-прокурора

Генерал-прокурор — еще один противник Канцлера. Род его, ум, ловкость, познания в делах внутренних — все делает его врагом страшным и опасным. Вдобавок имеет он то преимущество, что бьется с первым Министром на равных, ни в скрытности, ни в хитрости не уступая; впрочем, изъян у него тот же, что и у Вице-Канцлера, — недостаток отваги и мощи, да вдобавок здоровьем последние годы так слаб, что больших побед от него ожидать не приходится.

Характер графа Л'Эстока

Не подобает мне оставить без внимания чужестранца, каковой прославился услугой, Императрице оказанной, и по сегодня среди ярых противников первого Министра числится. Граф Л'Эсток — человек умный и не без тонкости; Императрицу знает он лучше, чем все прочие ее подданные, так что не достало ему только здравомыслия и умения себя вести, чтобы блистательную роль и впредь исполнять, однако же за неимением этих важнейших свойств, сам того не заметив, позиции свои он утерял; нечувствительно лишился той особенной милости, каковой удостоен был поначалу, и по беспечности, с какою умаление своего веса при дворе сносит, сказать можно, что всю отвагу свою и расторопность исчерпал он в знаменитую ночь переворота. Нынче проявляет он сии свойства в одном лишь том, что публично против Канцлера речи ведет с такою свободой, от коей недалеко до бесстыдства. Впрочем, в убеждениях своих тверд и Вашего Величества ревностный слуга. Благодарность, кою Государыня к нему питать обязана и от коей никогда до конца не отступит, не предавши собственной славы, защиту от уколов ревности и от ненависти заклятого врага ему дает, так что полагаю я, нечего ему опасаться, доколе Императрица восседать будет на своем престоле.

Нынешнее положение сей партии

Не стану говорить ни о генерале Румянцеве, коего возраст из борьбы вывел, ни о многих других, кои партию сию лишь числом укрепляют и в отчете моем описаны будут после. Довольно сказать, что в сторонниках у сей партии пребывают члены многих родовитых фамилий и что возведению Императрицы на престол ее предков партия сия деятельно способствовала. Удивления достойно, что после сего они не устояли и победу свою украсть дозволили человеку, для Императрицы по тысяче резонов подозрительному, но в сей беде следует им винить не столько ловкость графа Бестужева, сколько собственную свою неосмотрительность. Вице-канцлер низостями врага своего был обманут; граф Л'Эсток, упоенный довольством, кое полагал он вечным, забросил дела и предался наслаждениям; маркиз де Ла Шетарди, слишком в себе уверенный, счел, что не о чем ему заботиться; княгиня

Цербстская сама себя под удар подставила и делу непоправимый нанесла ущерб; одним словом, свершили они все, что могли, дабы себя погубить; победу одержали невзначай, сегодня же, ошибок натворив, стали умнее, но прежних возможностей более не имеют и вынуждены держать оборону. Пребывают они в слабости и бездействии, и не видно, чтобы могли снова взять верх. Дело сие, однако, не вовсе невозможное в стране, где привыкли все к переменам самым необычайным и неожиданным, и по любви к Великому Князю пожелал бы я, чтобы мог он рассчитывать на преданность сей партии, которая, как ныне ни слаба, однажды сделаться может ему полезной; впрочем, за исключением графов Воронцова и Л'Эстока, не вижу я у Голштинского дома верных сторонников. Мысль сия естественным образом перейти меня заставляет к рассказу о молодом дворе.

Портрет Великого Князя

На Великого Князя большой надежды нет. Лицо его мало к нему располагает и не обещает ни долгой жизни, ни наследников, в коих, однако, будет у него великая нужда. Не блещет он ни умом, ни характером; ребячится без меры, говорит без умолку, и разговор его детский, великого Государя недостойный, а зачастую и весьма неосторожный; привержен он решительно делу военному, но знает из одного лишь мелочи; охотно разглагольствует против обычаев российских⁶, а порой и насчет обрядов Церкви Греческой отпускает шутки; беспрестанно поминает свое герцогство Голштинское, к коему явное питает предпочтение; есть в нем живость, но не дерзну назвать ее живостью ума; резок, нетерпелив, к дурачествам склонен, но ни учтивости, ни обходительности, важной персоне столь потребных, не имеет. Сколько известно мне, единственная разумная забава, коей он предается, — музыка; каждый день по несколько часов играет с куклами и марионетками; те, кто к нему приставлен, надеются, что с возрастом проникнется он идеями более основательными, однако кажется мне, что слишком долго надеждами себя обольщают. Слушает он первого же, кто с доносом к нему явля-

---

⁶ Здесь и далее там, где Финкенштейн употребляет слово «russe», мы переводим его как «русский», а там, где он говорит «russien», пишем «российский» (*примеч. переводчика*).

ется, и доносу верит; неблагодарность, коей отплатил он за привязанность старинным своим слугам, и в особенности графу Брюммеру, мало делает чести его характеру. Слывет он лживым и скрытным, и из всех его пороков сии, без сомнения, наибольшую пользу ему в нынешнем его положении принести могут; однако ж, если судить по вольности его речей, пороками сими обязан он более сердцу, нежели уму. Если когда-либо взойдет на престол, похоже, что правителем будет жестоким и безжалостным; недаром толкует он порой о переменах, кои произведет, и о головах, кои отрубит. Императрицу боится он и перед нею трепещет; Фаворита терпеть не может и порою с ним схватывается; Канцлера в глубине души ненавидит; нация его не любит, да при таком поведении любви и ожидать странно.

И Великой Княгини

Великая Княгиня достойна супруга более любезного и участи более счастливой. Лицо благородное и интересное предвещает в ней свойства самые приятные, характер же сии предвестия подтверждает. Нрав у нее кроткий, ум тонкий, речь льется легко; сознает она весь ужас своего положения, и душа ее страждет; как она ни крепись, появляется порою на ее лице выражение меланхолическое — плод размышлений. Не так осмотрительно она себя ведет, как бы следовало в положении столь щекотливом; порою молодость и живость берут свое, однако же осмотрительности у нее довольно, и Великому Князю держаться пожелал бы я столь же осторожно. Принц сей, коего настроить тщились против супруги, с некоторых пор тон с нею взял дружеский и нежный, и кажется, что сумела она покорить его своему влиянию. Она любит нежно родственников своих, в особенности наследного принца шведского⁷, и ежели будет столь счастлива, что одолеет препятствия, от трона ее отделяющие, полагаю, что сможет Ваше Величество рассчитывать на ее дружбу и выгоду из того извлечь. Нация любит Великую Княгиню и уважает, ибо добродетелям ее должное воздает.

Жизнь, кою сия Принцесса ведет поневоле бок о бок со своим супругом, и принуждения, коим оба обречены, есть

---

⁷ Адольф-Фридрих приходился Екатерине дядей со стороны матери.

самое настоящее рабство. Запертые при малом своем дворе, окруженные самым презренным сбродом, не имеют они при себе никого, кто бы им помогал советом и в затруднительном положении, в коем они оказались, их направлял. Постоянно пребывают они под присмотром у своих надзирателей, и свободой ни минуты наслаждаться им не суждено. Камергер Чоголов, коего единственные достоинства суть тщеславие и злость, и супруга его, теми же свойствами наделенная, да еще любовью к интригам и к самым хитрым проделкам, — вот две фурии, к великокняжеской чете приставленные, кои за ними следуют по пятам и радуются, существование им отравляя. На ничтожнейшую забаву особенное потребно разрешение; все их речи надзиратели записывают и в дурную сторону перетолковывают, а затем Государыне доносят, отчего случаются порою бури, всем прочим лишь отчасти известные, но молодому двору много причиняющие огорчений.

Виды на будущее не столько льстят, сколько пугают. Чувства нации к Великому Князю, слабое здоровье сего принца, отсутствие наследников, власть фаворита и первого Министра, юный соперник, с престола свергнутый, но однако ж способный на него сызнова взойти, — все внушает молодой чете подозрения и справедливую вселяет в них тревогу.

Положение несчастного семейства

Хотел бы я добавить здесь кое-что о положении несчастного семейства герцога Брауншвейгского. Кстати было бы теперь о них рассказать, однако мрак, сию интересную часть истории российской покрывающий, не позволяет ничего положительного и удовлетворительного поведать. Посвящены в тайну лишь Государыня и малое число ее конфиденентов, кои сию тайну выдать не могут, не подставивши самих себя под удар. Известно только, что перевозили их несколько раз из одного места в другое, дабы публику с толку сбить; что отца от детей отделили; что детей сих трое или четверо, что среди них два принца и что, по предположениям правдоподобнейшим, юный Иван пребывает ныне в Холмогороде * близ Архангельска. Все ж таки известно наверное, что он жив и то имеет преимущество, что в России рожден; что есть у него сторонники даже сре-

---

* Так Финкенштейн называет Холмогоры.

ди тех, кто ближе всех к Императрице стоят; что большая часть нации ему привержена и довольна этого всего, по мнению моему, чтобы рано или поздно свершился здесь в его пользу переворот или хотя бы попытка одного.

Характер графа Разумовского

Прсжде чем речь повести о партии главенствующей, описать следует того, кто ей хотя и не глава, но опора важнейшая. Всем известны тайные причины, кои графу Разумовскому высших милостей сподобиться помогли. Родился он на Украине в семье крестьянской и тупоумие его состояния сего достойно; однако же взамен острого ума и здравого смысла наделила его природа иными талантами, кои на Государыню российскую наибольшее сделали впечатление. Посредством сих талантов поднялся он до главнейших должностей и ныне пребывает, можно сказать, в зените фавора своего, так что недостает ему лишь титула императорского. Те, кто ищут милостей, к нему одному адресуются; сам первый министр чрез него действует, Государыня же публично его отличает самым отменным образом. Говорят, что тайно он с нею обвенчан, что родила она от него нескольких детей, и кажется мне, что немалая часть тех, коих при дворе воспитывают и кои порою в покоях являются под именем племянников и племянниц Обер-Егермейстера, к их числу принадлежат. Знаки уважения и почести, коими царедворцы фаворита встречают, до смешного доходят, и сам я видел не раз, как спиною поворачивались иные люди к Великому Князю и Великой Княгине, дабы ему такой низкий поклон отвесить, коих только Государи и достойны. От природы добр он и чело-веколюбив, однако же ненавидят его сильно по причине отвратительной его скупости, коя заставляет его обеими руками добро грести для себя и семейства своего. Потому пытались несколько раз ему приискать замену; пользовались для того охлаждением мимолетным Государыни, кое сам же он ревностью своею и вызвал, когда Государыню в частых изменах упрекал и худо с нею дерзал обходиться. Епископ Переяславский, камергер Панин, ныне ко двору шведскому направленный, младший князь Голицын из Адмиралтейства по очереди употреблялись, дабы Разумовского свалить, и порою бывал он на грани падения, однако же фортуна его и склонность Государыни дело поправили. После сего стал

держаться он осторожнее и осмотрительнее и в такую силу вошел в последние годы, что сомневаться не приходится на счет его участи. Намерена Императрица, как говорят, казацким гетманом его назначить⁹; кажется, сие единственная и есть причина, по какой в Москву собралась. Есть люди, подозревающие, что сия новая милость прочие за собою повлечет, что Казацкий Государь Супругом Императрицы объявлен быть может и что Дочь Петра Первого пожелает, возможно, по стопам родителя пойти и на престол возвести особу, ею из безвестности извлеченную. Перспектива блистательная, однако ежели не станет его благодетельницы, многие будут грозить Фавориту опасности, и как бы дело не обернулось, все не в его пользу. Одни лишь богатства, им собранные, гибель его приблизят, и следовало бы ему об том задуматься; ибо хотя нынче пребывает Императрица в совершенном здравии, непохоже, чтобы дожила она до преклонных лет.

И Президента Академии

В заключение следует мне и о брате Фаворита сказать, каковой по уму Обер-егермейстера не превзошел, но от его фавора выгоду имеет немалую. Повезли его по разным заграничным странам, дабы ум его развить и воспитать, однако путешествия впечатлений первоначальных не затмили, так что повадки его и речи прежними остались. Одному-единственному научился он — коверкать французский язык и немецкий, отчего, видимо, и удостоился он титула Президента Академии наук. Так же способен он и к делу военному, однако ж недавно вверили ему командование Измайловским полком гвардейским, а вскорости, должно быть, и другие высшие должности он займет. Впрочем, характер у него добрый; жалко лишь, что повинуется он некоему Теплову, каковой прежде его наставником был, а ныне Канцлеру служит, да и вообще один из величайших плутов, каких только Россия на свет произвела.

---

⁹ На самом деле гетманом был назначен брат фаворита К. Г. Разумовский.

Характер Каницлера

После графа Разумовского Каницлер граф Бестужев первое место занимает в Российской Империи. Власть его столь обширна, что можно назвать его здешним Великим Визирем. Быть может, ни одного двора европейского не сыщешь, где бы первый Министр в такой был силе, и безмерное его влияние должно почитать одним из восточных обычаев, кои Россия до сей поры сохранила. Характер графа Бестужева чудовищнейшую смесь представляет из качеств самых отвратительных; что о нем ни скажи, сгустить краски тут невозможно. Плут и лжец, мстительный и неблагодарный, не имеет он ничего святого и на все способен, чтобы своих целей достигнуть. Не одарен он умом сверхъестественным, однако интриги плетет мастерски, и в этом деле лукавство его и хитрость невообразимого достигли совершенства. Нацию свою знает он недурно, и умело сим пользуется, когда коварные планы в исполнение приводит. Лживость его до таких степеней достигла, что если с кем-то особенно он любезен и вежлив, без ошибки предположить можно, что таится тут подвох; дерзок он и предприимчив и многое берет на себя, что могло бы ему стоить головы, впади он в немилость; в переговорах грубый и резкий, не затруднится он к иностранному посланнику без должного отнестись уважения, и как ни старайся, неприятностей с ним не избежать. В счастье горд и нагл, те же, кто знавал его в ином положении, говорили мне, что в несчастье пресмыкался он и раболепствовал, не зная стыда. Впрочем, корыстолюбив и продажен, как никто, и в продолжение сей войны все дворы по очереди его обогащению помогали; весьма трудолюбив и порою ночи напролет за работой проводит, отдохновение же черпает в вине, кое употребляет без меры, разуму и здоровью во вред. Таковы основные свойства характера его, а чтобы лучше их узнать, одно только надобно — вспомнить все интриги и средства, кои употребил он, дабы того фавора достичь, в коем ныне пребывает.

Его интриги

Обучался он ремеслу в Гамбурге и при дворе датском, где отличался не раз злобными выходками против Голштинского дома. Возвращенный в отечество при императрице Анне, поступил он в распоряжение Департамента Иностранных дел

под начало графа Остермана; впадши в немилость при герцоге Курляндском, был сослан, а спустя короткое время возвращен Регентшей, коя намеревалась его на прежний его пост назначить, а первым Министром сделать графа де Линара. Прославленный переворот Императрицы Елизаветы все эти планы нарушил, однако фортуна Канцлеру и по сию пору не изменила; маркиз де Ла Шетарди и граф де Л'Эсток обещаниям его поверили и Государыню, коя мнениям их в ту пору повиновалась совершенно, уговорили его в Сенат назначить и к делам допустить: заблуждение непростительное, в коем граф Л'Эсток имел все основания раскаяться, посланнику же французскому сей поступок вечным будет служить укором. Оба ошибку свою признать не замедлили: не успел граф Бестужев место получить, как взялся за старое и неблагодарность по отношению к благодетелям первым соделал подвигом, коим означил себя в новой должности. Однако ж поскольку противники его сильны были и требовалась ему поддержка, он довольно выказал ума и стал искать дружбы графа Воронцова, в чем с помощью хитрости своей в конце концов и преуспел. Сей-то новый покровитель и защитил его от нападков врагов, кои тем сильнее против него злобились, что он их подло обманул; самые великие низости, самые торжественные клятвы, даже слезы — все пускал он в ход, дабы нынешнего Вице-Канцлера разжалобить и на свою сторону увлечь. Сам граф Воронцов говорил мне, что в ту пору не раз трепетал он от страха и на колени падал к его ногам. Граф Воронцов дался в обман, как уже случалось мне говорить, и немало способствовал падению маркиза де Ла Шетарди. То был заговор противной партии, каковой всех, кто с этим посланником связан был, весьма ослабил; Канцлер сим добился многого, но не всего, чего хотел; теперь надобно было одолеть отвращение, кое искони питала к нему Государыня; надобно было ум ее покорить и доверием завладеть; надобно было, наконец, пост Канцлера занять, дабы честолюбие свое насытить. Чересчур доверчивый граф Воронцов и сию высоту ему покорить помог, не заметивши, какую змею пригрел он на груди своей; однако же недолгое время спустя в сей унижительной истине убедился; Канцлер, всех целей достигнув, страстям своим дал волю и всю черноту характера выказал вполне; не ново было для него неблагодарным слыть, и потому не замедлил он предать того, кому всем был обязан. С той поры начал он против графа Воронцова козни строить,

а для того дружбу свел с особами, кои ближе всех к Государыне стояли; главное же, постарался расположение Обер-егермейстера завоевать, и чтобы узы сии скрепить, своего сына женил на племяннице фаворита; не погнушался ничем, ни доносами самыми злобными, ни намеками самыми гнусными, ни клеветами самыми ужасными, и все ради того, чтобы Вице-Канцлера в глазах Императрицы замарать, а тот, своего интереса не понимающий, сам исполнение сих мерзостных намерений облегчил, отправившись в злополучный вояж, во время коего и пошла его сила на убыль. Канцлер такую пользу извлек из его отсутствия, что по возвращении нашел граф Воронцов во всех делах полную перемену. С той поры с каждым днем все в большем первый Министр пребывает фаворе; нашел он средство удалить большинство своих врагов либо по крайней мере лишить их возможности ему вредить; поставил людей своих и в Сенат, и на высшие должности государственные; сумел воспользоваться природной нелюбовью Императрицы к делам и абсолютную власть над ними забрал. Одним словом, таково нынче его могущество, что может он, пожалуй, заставить Государыню все исполнить, что ему угодно, и всякий, кто преуспеть хочет в делах, через него действовать должен.

Его взгляды

Этому Министру приписывают планы самые обширные и самые опасные; подозревают его в том, что под рукою готовит он возвращение несчастного семейства и в честолюбии своем видит себя Регентом Империи при малолетнем Иване. Трудно на сей счет что-либо утверждать наверное; не думаю я, что в его интересах до того дело довести, чтобы Государыню с престола низвергнуть; слишком царствование ее для него благоприятно, чтобы стал он такого желать переворота, ибо сия первая перемена другие может за собою повлечь, кои его же и погубят; однако полагаю я, с другой стороны, что Голштинский дом много может от него зла претерпеть; ненависть, кою к дому сему искони он питает, всем известна; горести, кои причиняет он ежедневно молодому двору, доказательством сего служат, и одна лишь мысль о злопамятстве Великого Князя натурально побуждать его должна всеми мерами возвышению сего принца препятствовать; посему не удивлюсь я, если найдет он способ переменить наследника или, по край-

ней мере, назначение его затруднить. Ненависть, кою Великий Князь к Фавориту питает, частые ссоры между Тетушкой и Племянником повод к сему могут подать, и как бы дело ни обернулось, если Императрицы не станет, Их Императорским Высочествам многие будут грозить опасности.

Его система

Система, к коей приохотить сумел сей Министр Государыню, столько же ее природным чувствам и первоначальным идеям противоречит, сколько и подлинным интересам страны, и все сие — плод уловок и хитростей Канцлера. Императрица любит разом и удовольствия, и некую воображаемую славу, а потому ничего иного бы не хотела, кроме как жить в мире и добром согласии со своими соседями, и таким образом некоторое влияние на общий ход дел сохранять, ни в малейшей степени в той войне не участвуя, кою главные дворы европейские между собою ведут. Граф Бестужев, к одним дворам страстную питающий любовь, а к другим — ненависть, до той поры не ведал покоя, пока не заставил ее сделать выбор и против воли не втянул в предприятия самые обширные, не заставил на себя принять обязательства самые обременительные, кои могут армию русскую погубить, подданных Ее Величества разорить и с державами, для России наиболее опасными, поспорить. Императрица очень многим Франции была обязана, Канцлер же о сих обязательствах ее заставил забыть. Питала она почтение и дружеское расположение к Вашему Величеству, он внушил ей к Вам холодность и недоверие. Она желала добра шведам и любила Наследного Принца, он же так все устроил, что чувства сии в ненависть и гнев обратились; она ненавидела Венский двор, он же сумел ее в пользу Австрии всецело расположить; она о Торговой Державе¹⁰ слышать не могла без ужаса, он же, однако, сумел ей субсидии английские и голландские навязать; она обожала Голштинский дом, а датский двор ненавидела, Канцлер же сумел все эти чувства переплавить и к своей обернуть пользе. Такова его система, каковую выстроил он на руинах той, что самой Императрице принадлежала, и ка-

---

¹⁰ Так французский министр иностранных дел Пюизье вполне официально именовал Англию.

ковую изложу я подробнее, описавши нынешнее положение различных дворов европейских относительно России.

Дела венского двора¹¹

Венский двор нынче в фаворе. Не так обстояло дело в начале царствования Императрицы; тесный союз, сей двор с Брауншвейгским домом связующий, и причины, кои побуждали его оное семейство поддерживать, не могли не внушить подозрений Государыне, коя свой престол воздвигнула на обломках сего Брауншвейгского правления; интриги австрийские и знаменитое дело маркиза де Ботты сии подозрения лишь укрепили, но стоило Канцлеру взять верх, как от подозрений не осталось следа. Сей Министр, преданный издавна интересам венского двора, имел множество особенных причин, дабы ему желать добра; ненависть к Франции, коя падения его желала, вынудила его интересы венского двора за свои принять, венский же двор, желавший Россию на свою сторону привлечь, не преминул сие благоприятное расположение первого Министра всеми мыслимыми способами подкрепить. Знали в Вене слабые его струны и сумели тем воспользоваться; подарки и щедроты австрийские дружбу сего продажного и алчного человека в короткое время купили. Канцлер австрийцев советами направлял, а они ничего не пожалели, чтобы Императрицу от предубеждений отучить; политика заставила австрийцев на время от природной гордости отказаться, и поскольку потребно было подличать, чтобы тщеславию Императрицы польстить, - не затруднились они в Петербург послать графа Розенберга. Таким образом старую дружбу возобновив, стали австрийцы ее укреплять, дабы против Франции и, главное, против Вашего Величества, в коем видят они опаснейшего из врагов, обратить. Употребляли они лесь самую беззастенчивую, доносы самые ядовитые, намеки самые зловердные, дабы цели своей достигнуть. Переговорщиком послан был генерал Бретлак, дабы великое сие предприятие довершить, в чем и преуспел.

---

¹¹ Несколько нижеследующих фрагментов текста Финкенштейна, начиная с данного раздела и кончая разделом «Дела восточные», с незначительными расхождениями опубликованы без заглавия и без указания авторства в изд.: Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. XXV. С. 115–120. Присутствие этого текста в архиве Воронцова свидетельствует о тесных связях вице-канцлера с прусскими дипломатами.

Портрет генерала Бретлака

Менее всего способен сей посланник к переговорам. Ум весьма посредственный; знание дел весьма поверхностное; манеры и повадки весьма грубые; гордость истинно австрийская и решительный тон, каковой полагает он необходимо нужным представителю дипломатическому, — все сии качества ловкому переговорщику не пристали, однако расположение к интриге, внешность, коя Императрице прилась по праву, советы первого Министра и обстоятельства благоприятные столь удачно ему талант заменили, что нашел он способ исполнить и даже превзойти все желания своего двора. Не стану я ничего говорить о генерале Бернесе, каковой Бретлака сменил и коего Ваше Величество имело случай узнать прежде, чем он сюда прибыл. Добавлю только, что хотя достоинства его во всех отношениях превосходнее, нежели у предшественника, от Государыни столько же одобрения ожидать ему не придется, отчего, впрочем, дружба меж двумя дворами живости своей нимало не утратит. Дела застал генерал Бернес в таком положении, когда, можно сказать, делаются они сами собой. Одна Силезия заставлять будет постоянно венский двор невозможное совершать, дабы влияния не утратить на решения петербургские, и если верить Канцлеру, жить и умереть суждено России вместе с Австрийским домом.

Дела английские

Английский двор на втором месте у Канцлера обретается. Торговля связует сей двор с Россией узами вполне естественными, однако сей предмет также споры и кляузы рождает¹², кои поддержанию дружбы не способствуют; посему сказать можно, что только лишь обстоятельствам последней войны, страсти Канцлера и немалым суммам, кои Министру сему вручены были, обязан Король Английский теми статьями, кои недавно скреплены были, и задушевной дружбой, коя ныне меж двумя дворами царит.

---

¹² Фрагмент, хранившийся в Архиве Воронцова, обрывается на этом месте.

Характер Лорда Гиндфорда

Лорд Гиндфорд более блещет здравомыслием, нежели проницательностью, да и здравомыслие сие нередко страстями и духом партий искажается. Богат он не столько знаниями прочными и глубокими, сколько привычкой к ведению дел. К светской жизни не приспособлен он и той учтивости, коей от иностранного посланника ожидают обыкновенно, вовсе лишен; заметил я даже, что переменился он в сем отношении, и приписываю перемену пребыванию его в России. Императрица к персоне его равнодушна, и если сумел он некоторое уважение завоевать, то причиной тому только дружба его с генералом Бретлаком и звание Посла, коим он облечен. Впрочем, человек он мудрый и осмотрительный, однако потерпел бы неудачу, подобно предшественникам, не помоги ему обстоятельства, мною перечисленные, кои переговоры весьма облегчили. Для Пруссии, кажется мне, пользы от него немного; подозреваю я даже, что к козням, кои австрийцы против Вашего Величества плетут, в высшей степени он причастен¹³. Прижимист он и упрям безмерно; помирить старается собственный свой интерес с интересом двора своего и на посольстве своем нажиться, из жалования сколько можно сберегая. Истомившись, однако, в сей стране, как и всякий прочий, он, по всей вероятности, не замедлит испросить отставку и ее получить.

Есть основания думать, что горячая дружба между двумя дворами долго не продлится; прекращение субсидий и упадок торговли с Персией¹⁴ неприятные породят споры, а те вызвать могут холодность и разлад.

Дела голландские

Республика Голландия, коя вот уже несколько лет как с Англией во всем заодно действует, при дворе русском также судьбу ее разделяет. Платит половину субсидий и пользуется полным доверием графа Бестужева.

---

¹³ Это, однако, не помешало Финкенштейну пригласить Гиндфорда стать крестным отцом своего сына, родившегося в 1748 г. в Петербурге.

¹⁴ Русские затрудняли торговлю англичан с Персией (поставки английского сукна в Персию и персидского шелка в Англию через территорию России), вводя протекционистские меры в поддержку местных купцов.

Портрет резидента Сварта

Особливо же посланник Сварт у Канцлера на хорошем счету, и, пожалуй, не сыскать здесь другого посланника, коему доверял бы первый Министр столь многое и коему известно было бы лучше обо всем, что в Петербурге происходит. Человек сей ни ума не лишен, ни тонкости, но еще больше в нем злобы, и душевные склонности его почтенными никак не назовешь. Голландскую грубость свою не только не скрывает, но даже напоказ выставляет, особливо же перед теми, кои у первого Министра не в чести. От долгого пребывания в России и наклонности к злословию сделался он хранителем скандальной хроники петербургской. За Австрию готов он хоть в огонь, а потому настроен всегда против Пруссии.

Дела датские

Датский двор стоит пока с Россией на дружеской ноге, и можно сказать даже, что весьма многим обязаны датчане Канцлеру, каковой отыскал способы успокоить справедливые их страхи, возвышением Голштинского дома вызванные. Поскольку ненавидит Министр сей Швецию, интересами же Великого Князя очень мало озабочен, то в Копенгагенском дворе видит естественного союзника России.

Характер господина Хеусса

Господин Хеусс, каковой ныне интересы Дании при дворе петербургском представляет, человек невеликого ума, но немалого здравомыслия. Стоит он твердо на стороне Австрии; пожалуй, чересчур упорно идеи свои отстаивает, осмотрителен и сдержан до крайности, любит поучать и советы давать, впрочем, прям и честен и потому уважения достоин. Кажется, все переговоры, кои до сего дня Дания вела, к тому лишь клонились, чтобы русский двор в равнодушии к Герцогству Шлезвигскому содержать, а дружбу с Канцлером укреплять и при необходимости в ход пустить. Необходимость сия явится, возможно, по смерти Короля Шведского¹⁵.

---

¹⁵ Фредрик I умер в январе 1751 г., вопрос же об обмене Шлезвига на Ольденбург решился только в царствование Екатерины II, в 1773 г.

Дела саксонские и польские

Исчисляя дворы, любезные сердцу Канцлера, не должен я забыть о Саксонии. Влияние, приобретенное русским двором на дела польские; услуга важнейшая, кою оказала Россия ныне царствующему королю, возведя его на трон, и стремление сего Государя старинную дружбу поддерживать, дабы сей престол своим наследникам передать, связуют два двора узами естественными, саксонский же двор отыскал способ сии связи скрепить, купивши расположение первого Министра посредством подарков, пенсионов, подлостей и слепого покорства его воле.

Характер резидента Петцольда

Саксонские посланники так себя держат, как не дипломатам иностранным пристало, а скорее рабам России: проникнутые глубочайшим почтением ко двору, в коем видят они источник милостей и хозяина короны Польской, не знают они лучшего способа сему Хозяину услужить, кроме как покоряться беспрестанно российскому Министру и во всем ему угождать. Так ведет себя резидент Петцольд; ум его тонкий и иезуитский, гибкий и в интригах изощренный, лживый и неискренний; изображает себя сей резидент особой беспристрастной, на деле же соглашается со всяким, с кем говорит; впрочем, предан первому Министру и оттого весьма осведомлен. Рассудительному человеку недурно с ним дело иметь, ибо когда изображает он из себя персону весьма искреннюю, то кое о чем проговаривается, из чего можно пользу извлечь.

И советника посольского Функа

Советник посольства Функ есть род амфибии, человек и саксонский, и российский разом, под покровительством Короля Польского пребывающий, и притом на Россию секретно работающий под началом Канцлера, коему служит он правой рукой. Человек сей весьма умен и хитростью резидента Петцольда превосходит, не говоря уже о плутовстве и лживости. Сии таланты, а равно и рекомендация обер-гофмаршала графа Бестужева¹⁶,

---

¹⁶ Михаил Петрович Бестужев, брат канцлера, в то время, когда Финкенштейн писал свой отчет, представитель России в Вене.

чьим секретарем служил он несколько лет в Швеции, не замедлили покорить Канцлера, и служит ему сей посланник советчиком в самых щекотливых делах, в особенности же в шведских, ибо знает силу и слабость сей державы. Изворотлив он, вкрадчив и в интригах знает толк, как никто. По речам его скажешь, что ни во что он не вмешивается, однако всем известно обратное, и стоит поглядеть, как ищут в нем посланники из австрийской партии, как его ласкают.

Дела прусские

Осталось мне рассказать о Державах, коих интересы находит Канцлер противными России.

К таковым причисляет он среди прочих Державу Вашего Величества, и свой образ мыслей сумел он усвоить Государыне, несмотря на благосклонное расположение, кое питала она к Вам в начале своего царствования, и несмотря на систему Петра I и всех Государей Российских, кои всегда в дружбе и согласии с двором прусским видели для себя великую пользу. Злонамеренность первого Министра Вашему Величеству превосходнейшим образом известна, и распространяться на сей счет я не стану; скажу лишь, что опасается он и страшится мощи Вашего Величества и из одной боязни не доходит до последних крайностей, если же поймет, что игра его верная, то на все решится. Добавлю также, что убежден Канцлер: не в интересах Вашего Величества на Россию нападать, ибо Вам оттого выигрыша не будет, выиграет же от сего разрыва двор Венский и наилучшие части владений Ваших атакует; потому и дерзает Канцлер столько выходок оскорбительных и возмутительных предпринимать, что для себя никакой опасности не предвидит.

Дела французские

Двор французский как от России наиболее удаленный, более всего от ненависти Канцлера страдает. Всякому известно, что Императрица сему двору весьма многим обязана; что не кто иной, как французы, восхождению ее на престол способствовали, и она, о сем не забывши, дружбу с ними крепила и пестовала. Однако же Канцлер отыскал способ заставить ее сии важные услуги забыть и действия начать против сей Державы, выказав неблагодарность тем больше для славы сей Государыни оскорбительную, что никакие политические резоны ее к то-

му не неволили. Постыдной высылкой маркиза де Ла Шетарди объявил граф Бестужев первый раз ненависть свою к Франции; с тех пор каждый год новым унижением был ознаменован, и наконец отыскал Канцлер способ чашу терпения переполнить, когда тридцать тысяч человек войска в путь двинул. Версальский двор, возмущенный столькими злоумышлениями, решился в конце концов посланников своих отозвать, и хорошо сделает, если презрение свое самым откровенным способом выразит сей Державе, кою в искренних друзьях числить никогда не сможет, от враждебности же большого себе убытка не предвидит.

Дела шведские

Такова природа разногласий Швеции и России, что искренняя и длительная взаимная приязнь меж сими Державами вряд ли возможна, и ожидать того не приходится; можно было, однако же, льстить себя надеждой, что установится между двумя нациями союз внешний и временный в царствование Государыни, коя Швеции многим обязана и сама то неоднократно признавала, наследником же Престола Шведского отыскала способ такого принца назначить, который ей приятен, а наследнику Престола Российского близким доводится родственником. Таковы и были чувства Императрицы сразу после Абовского мира, так что можно лишь восхититься зловредным хитроумием Канцлера, каковой сумел Императрицу не только от сей благоприятной диспозиции отвратить, но и чувства совсем тому противные ей внушить. Ненависть сего Министра к Швеции даже и вообразить невозможно, и причиной тому не только вражда, коя от века две нации разделяла, но еще и собственная злоба, братом его против господствующей партии вскормленная¹⁷, и раздражение его против Голштинского дома, и связи Швеции с Вашим Величеством и с Францией, — все сие Канцлера в бешенство приводит, и кто желает забавы ради заставить его в лице поменяться, тот пускай упомянет в его присутствии Наследного Принца Шведского. Сумел он все дело так обернуть, словно не свои злобные чувства выказывает, а интересы отечества защищает, и посредством обычных своих уловок, намеков, клевет и доносов, отравой напол-

---

¹⁷ Имеется в виду франкофильская и антирусская партия «шляп», с 1738 г. сохранявшая большинство голосов в риксдаге.

ненных, того достиг, что ныне смотрит Императрица на Швецию как на двор, из всех дворов европейских для России опаснейший и страшнейший, в Наследном же принце видит чудовище, не ведающее благодарности. Барон Корф превосходно Канцлеру, ненавистнику Швеции, услужил, однако же безумное его и непристойное поведение при дворе стокгольмском мало успехам Российским способствовало. Способствовал он одному разладу меж двумя дворами, так что лишь внутреннее положение России, а равно и Швеции, и забота о поддержании на сих землях покоя, может помешать полному их разрыву после смерти Короля Шведского, да и то опасался бы я, что Канцлер в дерзости своей и предприимчивости отыщет способ Государыню до сего разрыва довести разными выходками, кои, возможно, не постигнет она ни истинного смысла, ни возможных последствий, не опасаясь же лишь потому, что рассчитываю на мудрость и осторожность Правительства Шведского и на меры, кои возьмет оно, чтобы сию бурю предотвратить¹⁸.

Не стану здесь портрет рисовать барона Вульфеншерны, каковой имеет честь Вашему Величеству быть известным и, по всей вероятности, не замедлит новые представить доказательства достоинства своего и умения, вступивши в должность при дворе берлинском. Одно лишь скажу: если и помогло что в мире восстановить род гармонии и согласия меж Петербургом и Стокгольмом, так это мудрое и осмотрительное его поведение в сем городе; однако так обстоят ныне дела, что, отыщи Швеция наилучшего переговорщика в мире, и он неудачу потерпит точно так же, как и все прочие. Нынче надобно лишь добрые намерения питать и Канцлеру в исполнении планов его не потакать, а также довольно иметь ума и прозорливости, чтобы делу не навредить, и нет у меня сомнений, что господин Хёпкен в сих двух отношениях вести себя будет удовлетворительно и интересам двора не во вред¹⁹.

---

¹⁸ В 1747 г. отношения между Россией и Швецией достигли такой степени напряженности, что вот-вот могла начаться новая Северная война, где Россию поддерживала бы Дания, Швецию — Франция; началу вооруженного конфликта помешало решение Елизаветы вступить в войну за Австрийское наследство.

¹⁹ Густав Вульфеншерна, шведский дипломатический представитель, в августе 1748 г., после десяти месяцев пребывания в России, попросил об отставке, дабы «положить предел козням канцлера». На его место был

Дела восточные

Завершу я сию главу рассказом о дворах восточных, кои могли бы России беспокойство причинить, если бы за дело взялись с толком. Турки, от России бескрайними пустынями отделенные, в открытой войне большой вред ей нанести не могут, однако в их власти сильно ее потревожить посредством крымских татар. Еще выгоднее положение Персии, и не будь Тамаз-Кули-хан²⁰ схвачен горными татарами, пришлось бы России, по всей вероятности, с ними схватиться. Контаиш, могущественнейший из всех вождей татарских²¹, мог бы также сильно Россию обеспокоить со стороны Сибири и обширную сию территорию, кою недостаточное число войск защищает, у нее отнять, Канцлеру же во всех этих случаях пришлось бы Европу в покое оставить и заняться делами более насущными; однако же признать следует, что до сей поры все способствовало исполнению планов сего Министра и укреплению его системы. Контаиш, то ли китайцами остановленный, то ли другими обстоятельствами, нам неизвестными, с места не тронулся, хотя Крепость, кою возводить начали, дабы он работу на Колыванских рудниках не тревожил, должна бы в нем ревность возбудить²². Гибель прославленного Надир-шаха ввергла Персию в смуту и беспорядки, так что с сей стороны России в ближайшие несколько лет опасности, по-видимому, ждать не приходится, Порты же, кою французские посланники к выступлениям не побуждают, также бездействует и даже договоры с Австрией и Россией заключает, кои, хотя по существу и мало что значат, все ж таки позволили Канцлеру большую часть войска внутрь страны отвести.

назначен Густав Вильгельм фон Хёпкен, в 1747–1748 гг. посланник Швеции в Берлине; прусский король отнесся к нему с симпатией, так как знал о его преданности шведскому наследному принцу.

²⁰ Имеется в виду Надир-шах (1688–1747), персидский шах с 1736 г., убитый в собственном серале политическими противниками; насколько можно судить, планов войны с Россией Надир-шах не имел (см.: *Mediger W. Moskaus nach Europa. Braunschweig, 1952. P. 285*).

²¹ Ошибка Финкенштейна; контаиш (контайша) — не имя собственное, а титул калмыцкого правителя.

²² Чауский острог, построенный в 1713 г. для защиты от набегов киргизов.

Дела внутренние

Теперь, когда рассказал я о нынешнем положении русского двора относительно держав иностранных, остается мне описать основания, на коих сия обширная Монархия покоится, посему обрисую я в немногих словах внутреннее устройство, силы и богатства России.

Различные суды и прочие учреждения российские рождением своим обязаны Петру I, каковой, пожелав переделать страну, повое в ней завел управление, по образцу различных стран европейских, кои ему видеть довелось. Разумеется, Государь, все и вся насильно изменявший, внимавший меньше духу своей нации, нежели собственным своим мыслям, и частенько чересчур доверявшийся множеству проектов, кои выдавали ему за превосходные, не однажды ошибался, и этим-то, полагаю, объясняются беспорядок и смута, кои во многих учреждениях ныне царят.

Сенат

Сенат внутреннюю политику России возглавляет. Императрица царствование свое с того начала, что сему Собранию власть возвратила, кою предыдущие правители отобрали, и нашлись даже люди, кои сей поступок за изъян почли в политике сей Государыни и боялись, как бы не случилось ей раскаяться в том спустя короткое время, однако Канцлер скоро отыскал способ делу помочь. Министр сей, до власти крайне жадный, не желал ни от кого зависеть и нашел нечувствительно способ часть власти, Сенату принадлежавшей, себе присвоить и непосредственным приказаниям Государыни собрание сие покорить, так что ныне представляет оно собою, так сказать, тело без души, кое публику славным именем ослепляет, а в сущности только лишь формальностями и пустяками занимается. Все Коллегии и Губернаторы в подчинении Сената находятся, однако адресуются в то же самое время к Фавориту и первому Министру, так что никакие дела не делаются, пока Канцлер волю свою не объявит.

Характер Сенаторов

Имел я уже случай говорить о Генерал-Прокуроре, коему должность его больше сообщает влияния, нежели всем Сенаторам вместе взятым; ни единой он возможности не упускает

планы графа Бестужева расстроить, хотя по большей части и без успеха. Прочие Сенаторы разделяются между сими двумя Вождями Партий. Фельдмаршал Трубецкой и генерал Румянцев, коих в расчет нельзя принимать по причине возраста и немощности, адмирал Голицын, коего Канцлер сумел из посольства в Персии удалить, и генерал-поручик Голицын, человек умный и упорный, все одних мыслей с Генерал-Прокурором; князь Адуевский, человек небесталанный, принадлежал к противной партии, однако породнившись недавно с семейством Трубецких, переменял образ мыслей и с первым Министром рассорился. Зато сей последний числит среди сторонников своих генерала Бутурлина, человека ума посредственного, характера презренного, каковой тем только и славен, что шутовскими выходками Государыню забавлять умеет; князь Куракин умом и талантами наделен, но так предан пьянству, что затруднительно выбрать время, когда бы с ним о деле говорить; еще заседают в Сенате князь Щербатов, свойственник покойного графа Остермана, только недавно сенатором назначенный, и, наконец, Шувалов, нынче первому Министру помогающий как в делах сенатских, так и в интригах придворных. Сенатор сей всеми качествами русского царедворца обладает: податлив, хитер и лжив без меры. Шувалов сердечный друг графа Разумовского, жена же его к интригам еще более склонна, нежели сам он, а у Императрицы числится в любимицах. С Канцлером были они на ножах, но милость Государыни врагов примирила. В конечном счете, положиться нельзя на сих людей; стоит перемениться обстоятельствам и их собственному интересу, как на другую сторону перебегают. Таковы характеры главенствующих особ в Сенате; о прочих, кои влиянием никаким не пользуются и лишь для виду там числятся, распространяться я не стану.

Дурное управление

Управление внутренними делами так дурно, что хуже быть не может. В Сенате, а равно в Коллегиях и в Губерниях совершается все по воле отдельных особ, через интриги и взятки. Дело самое справедливое без мзды не делается, так что стонает вся нация от бесконечных вымогательств и несправедливостей, однако до слуха Императрицы стонания сии редко достигают. Близстоящие великие употребляют старания, дабы жалобы сии от Государыни утаить, и мнит она, что счастливы ее под-

данные, они же между тем ропщут. Не следует, однако же, думать, что весь сей беспорядок исключительно от дурного выбора тех, кто дела вершит, проистекает. Обстоятельство сие беспорядок, конечно, умножает, но и то сказать надобно, что большая часть Коллегий устроены неудачно, бесчисленное множество бесполезных членов в себе содержат, бумаги бесконечные пишут по всякому пустяку, одним словом, лишней работы много производят, а оттого и действуют медлительно.

Синод

Синод, Петром I учрежденный после упразднения сана Патриаршего, властью обладает, сходной с Сенатской, в делах духовных, и сила сего собрания велика или мала, смотря по тому, сколь суеверен Государь, на престоле восседающий. Нынешняя Императрица к священникам весьма милостива и возвратила им управление землями монастырскими, кое Петр I у них отобрать полагал нужным; отчего уменьшился нынче на полмиллиона доход казны. Кстати здесь сказать было бы о крайнем невежестве духовенства российского, об отвращении его от всех наук и о стараниях, кои предпринимает оно, дабы науки сии удушить в зародыше и нацию возвратить к первоначальному варварству; однако же боюсь я входить в излишние подробности и перейти спешу к предмету более любопытному.

Силы России

Нельзя не согласиться, что Российская Империя преимуществ имеет значительные и сделаться может весьма опасной для соседей, если управляема будет Государями, кои преимущества сии захотят открыть и в дело употребить. Обширная протяженность страны и ее расположение, деспотическая власть монарха, сокровища, в недрах даже самых бесплодных провинций хранящиеся, все, кажется, способствовало бы преумножению мощи сей Монархии, попади она в хорошие руки, и нимало меня не удивляет, что соображения сим вкупе с примером, в царствование Петра I поданным, ввели многих людей в заблуждение, и сочли сии люди Россию, какова она ныне пребывает, державой страшной и грозной. Однако стоит рассмотреть вещи пристальнее, как сей фантом могущества и величия на глазах ослабевает, и не одна лишь слабость нынешнего Правительства

тому причиной, но еще и подлый и презренный характер сей Нации, каковой оснований не дает полагать, что когда-либо сможет он в ход пустить все те богатства, коими страна его располагает. Для сего потребен был бы, как уже я сказал, целый ряд Государей предприимчивых, подобных Петру I, а поскольку такового не предвидится, русские же, со своей стороны, от природы всякой возможностью склонны пользоваться, чтобы в первоначальное свое ничтожество возвратиться, есть у нас основания надеяться, что в сем желании наконец они преуспеют или же, по крайней мере, на той точке, докуда дошли, остановятся и далее в развитии своем не двинутся. Полагаю даже, что сказать можно и парадоксом сие не прозвучит, что блистательнейшая эпоха в жизни сей нации уже позади²³, что ныне видим мы начало ее упадка, далее же пойдут дела ее еще хуже, если соседи самой себе ее предоставят и от дремоты пробуждать не станут. Предложив просвещенному вниманию Вашего Величества сии общие соображения, опишу теперь так подробно, как только смогу, нынешнее состояние Армии и Флота российских.

Войска регулярные

Регулярная армия состоит из сорока шести полков пехоты, трех кирасирских, двадцати девяти драгунских и четырех гусарских. Сюда прибавить следует гвардейские полки Преображенский, Семеновский, Измайловский и конную гвардию. Общее число войска в сих отрядах точно подсчитать затруднительно. По тем спискам судя, кои мне видеть довелось, доходит оно до 120 000 человек, однако поскольку большая часть полков сих полностью не набраны, сам же я видел, что сильны они лишь вполовину против того, чем быть должны, то полагаю возможным утверждать решительно, что можно цифру сию уменьшить, и namного. Если бы пятьдесят батальонов, коих число увеличить решено было два года назад, все на деле существовали, то и служило бы в них на 30 000 человек больше, однако же уверяли меня в разных местах, что и половины еще в готовность не приведено, и для сего немало потребно еще времени. В артиллерийском корпусе от трех до чстырех тысяч человек, и если правду мне сказали, то подготовлен он весьма дурно. К сему прибавить следует полки

---

²³ Против этой фразы на полях стоит помета другой рукой: «Мое кредо».

гарнизонные, кои в главных городах стоят, и при необходимости подкрепить могут полки походные. Таковых насчитывается сорок восемь пехотных и девять драгунских. Будь они в комплекте, составили бы еще добрых шестьдесят тысяч человек, однако же утверждать можно, что в комплекте никогда они не бывают. Наконец, есть еще двадцать полков милиции, кои на Украине стоят, а командует ими нынче генерал Бисмарк.

Войска нерегулярные

Количество войск нерегулярных счесть, пожалуй, невозможно. Количество сие весьма велико, однако ж не таково, каким здесь представить его желают. Наилучшие и храбрейшие из всех суть запорожские и донские казаки; однако первыми из сих русский двор распоряжаться не может, кроме как на весьма разорительных условиях. Донские казаки тоже больших денег стоят, когда надобно их употребить в дело на Балтийских берегах. Утверждают здесь, что при необходимости могут количество их довести до 10 000, однако кажется мне число сие завышенным, и возможно, оттого сие происходит, что прибавляют к тем казакам казаков украинских, как совсем недавно уже сделали. Сими последними может двор распоряжаться по своему усмотрению, однако ценят их куда меньше и с прочими ни в какое они не идут сравнение. За казаками следуют калмыки, коих также в войнах против Швеции употребляли. Поскольку они под покровительством России пребывают, и не более того, двор не все им приказывать вправе. Иначе дело обстоит с теми, кто в Сезуеве стоит²⁴, — это около двух тысяч человек, коих ценят высоко и кои постоянно на службе и в распоряжении России пребывают. Не упоминая я многие другие народы татарские, на северной сцене до сей поры не выступавшие и употребляемые внутри страны для защиты Российской Империи от соседних азиатских племен. Как бы там ни было, даже если число сих нерегулярных войск по справедливости считать, а не так, как сами русские делают, армия выходит весьма значительная, если только станут все они действовать разом. Мало то-

---

²⁴ По-видимому, следует читать «в Чугуеве» (город в Харьковской губернии, основанный казаками).

го, однако, что содержать их всех дорого обойдется, у двора политические есть резоны, чтобы многих сразу в бой не отправлять. Опустошения, ими производимые в тех провинциях, через кои пропускать их приходится, боязнь к боевой жизни чересчур их приохотить, употребляя в войне против наций европейских, а равно и частые набеги татар, — все сие не позволяет восточные пределы оголять и на западном направлении сии нерегулярные войска обильно использовать. Посему в покоренных областях больше десяти тысяч никогда их не видали.

Нынешнее состояние армии

Армия российская, какою только что я ее описал, устрашать могла бы соседние державы, содержи ее русские на должной ноге. Солдата русского презирать не следует, если послушен он и воспитан, об офицерах же слава идет вовсе не столь добрая, однако же множество иностранцев, коих нанял в русскую службу Петр I, умелые генералы, коих приобрела армия после Петра, немалое число войска, кое в готовность привести можно при нужде, и дисциплина, кою сии генералы ввести сумели, армию сию в предыдущее царствование уважения достойной соделали. Сегодня, однако, далеко ей до прежнего. Нация, против умения и ловкости генералов настроенная, и вообще против царствия иностранцев, поспешила тотчас, как возможно сие стало, их удалить. Императрица, горя желанием подданным своим потрафить, жертву сию принесла им без колебаний, генералы исчезли, за ними целая толпа иностранных офицеров последовала; русские взяли верх, после чего ослабла дисциплина незамедлительно. И до того наконец дошло дело, что слышал я от иных офицеров, будто армию теперь и узнать невозможно. Нехватка опытных генералов весь сей беспорядок довершает, и, начнись сейчас война, столкнулся бы двор с превеликими трудностями. У фельдмаршала Ласси возраст чересчур преклонный, чтобы мог он вновь за дело приняться. Прочих генералов, кои добрую славу имеют, по правде говоря, не так уж много; таковы генералы Бисмарк, Ливен, Браун, Стюарт и некоторые другие; впрочем, ни из чего не следует, что имеют они свойства, для того потребные, чтобы армией командовать, да и ревность национальная не позволит, думаю я, командование таковое вверить иностранцу, пока нынешняя система

в силе останется. Из русских же после смерти князя Репнина, важнейшими обладавшего талантами, никого я не знаю; кто бы столь важный пост занять мог; если, конечно, не скажут мне, что опытность и доблесть фавором заменить можно, и не назначат на пост сей генерала Апраксина, каковой ныне уже всеми делами военными заведует и коего следует мне подробнее описать.

Портрет генерала Апраксина

Генерал Апраксин в сей стране есть великий человек, ибо обладает нынче большою властью и влиянием; однако даже соотечественники за великого полководца его не держат. Трусость его всем слишком давно и хорошо известна, чтобы уважение армии мог он когда-либо снискать. Впрочем, недостаток храбрости возмещает он несносною гордыней и беспредельным тщеславием. Трудолюбив он и мелочи службы знает, должно быть, неплохо, и сии-то два свойства и побудили Государыню его генерал-кригс-комиссаром и президентом Военной коллегии назначить после смерти фельдмаршала Долгорукого. На двух званиях сих и дружбе с Канцлером основывает он в армии власть почти деспотическую. Слывет человеком умным и самодовольным; до денег весьма охоч и жаден, но хвастовства ради великодушие готов проявлять; притязает он на великую учтивость и тем хвалится, что приличия знает лучше любого русского, что, однако же, частенько забывать о них ему не мешает; пустой, влюбленный в роскошь, деньги тратящий без счету на пустяки и притом страстный вне всякой меры; завзятый австриец и самый ревностный сторонник несчастного семейства из всех, какие, возможно, только и есть теперь в России. Вот человек, коему Императрица, при всей своей недоверчивости, доверила пост во всей России важнейший и опаснейший, где иметь бы следовало ей особу, ее интересам абсолютно преданную. Кажется даже, что фавор Апраксина еще возрастать будет и что Канцлер, каковой в его пользу трудится, не покладая рук, вскоре голубую орденскую ленту²⁵ и жезл фельдмаршальский ему добудет. Как бы там ни было, уже нынче можно его

---

²⁵ Орден св. Андрея Первозванного, кавалером которого Апраксин был пожалован в 1751 г.

почитать главнокомандующим над всеми воинскими силами российскими, все в сей области только лишь через него совершается и от ненависти его или покровительства участь всякого офицера зависит.

Состояние флота

Если армия российская теперь уже не в прежней силе, то с флотом еще хуже обстоят дела, ибо все, кто в сем понимают, о том свидетельствуют, что пребывает он в крайне скверном состоянии. Всякому ведомо, что был он любимым детищем Петра I и что Государь сей великие труды положил и ничего не пожалел, чтобы флот свой поставить на нужную ногу. Преемники его, однако, страсти сей не унаследовали, и при двух следующих царствованиях флот основательно был заброшен; хотя императрица Анна, иностранцами направляемая, кои большую власть при ней забрали, его укрепить изо всех сил старалась, но на прежнюю высоту не подняла, а поскольку в нынешнее царствование верх взяла Система Русская, большая часть заведений Петровых от сего пострадала, флот же более, чем все прочие. Неодолимое отвращение, кое нация сия к мореплаванию питает, есть без сомнения один из главных источников сего упадка флота; имеются, однако, и другие причины, кои к тем же приводят следствиям, так что если нынешняя система при нескольких царствованиях продлится, флота в России вовсе не останется. Заведение сие таких значительных требует расходов, кои делаться могли при Государе столь бережливым, каков был Петр I, и во времена, когда роскошь еще до степеней превосходных не развилась, однако же с блеском нынешнего двора и с финансами его расстроенными плохо сие вяжется; в порту Кронштадтском дела так скверно обстоят, что вода пресная корабли в короткое время повреждает, так что через десяток лет они уж на плаву держаться не смогут; наконец, голод и дороговизна дуба, для строительства кораблей подходящего, недостаток судоводителей опытных, нехватка хороших матросов и дурное управление Адмиралтейством суть преграды, кои восстановлению флота препятствуют.

Количество судов и галер

Говорят, что нынче флот российский таковой имеет состав: двадцать восемь кораблей линейных, восемь фрегатов, два прама²⁶ и три галиота с пушками; однако расчет сей завышен так же, как и касательно армии сухопутной, ибо большая часть сих судов повреждена и служить не в состоянии, так что на все про все в военных целях употреблены могут быть от одиннадцати до двенадцати кораблей линейных. Еще имеются несколько судов, годных для тех коротких прогулок, кои в последние годы они совершали, и для того, чтобы Швецию пугать, но против врага в бою действовать они не способны. В общем все сии суда, как говорят, строение имеют несовершенное, ибо чересчур тяжелы и, следственно, для маневра неудобны. Недаром до сей поры никто о великих подвигах сего флота не слыхивал, и есть все основания считать, что не сумел бы он устоять ни перед датским флотом, ни даже перед шведским, если бы сей последний также в большом небрежении теперь не пребывал.

Не так обстоит дела с галерами, кои главную силу России в Балтийском море составляют, ибо легко их проводить вдоль берега между рифами, коих в сем море превеликое множество. Оттого-то и стала Россия шведам столь грозной казаться. Флот им никакого вреда сделать не мог, ибо из-за сих самых рифов к берегу не умел приблизиться, галеры же повсюду проникают, и с них на берег можно спускать отряды, как и случилось это во время двух последних войн, и большой урон нанесло шведам. Галеры эти, стоящие в портах петербургском, кронштадтском, ревельском и фридрихсгамском, в постройке дешевы, и число их велико. Ныне насчитывают их до сотни, и как раз числом-то страшат они шведов, кои и половины того не имеют; ибо слышал я от людей, что строение российских галер много оставляет желать лучшего, те же галеры, кои шведы после последней войны строить стали, куда совершеннее российских, так что если шведы количество своих галер увеличат, как они то сделать намереваются, да разместят их не только в самой Швеции, но и в портах финских, кои ныне оборонять приготавлиются, то смогут они у русских то преимущество отнять, кое те прежде благодаря сим галерам имели.

---

²⁶ Плоскодонное судно, вооруженное артиллерией (*примеч. переводчика*).

Офицеры флота

Надежнейшие из офицеров флота суть англичане и голландцы, как вице-адмирал Барш, контр-адмирал Лоизе и капитаны Кеннеди и Кейзер. Из природных русских великие моряки не выходят; как ни старался Петр I их воспитать, не сильно в том преуспел. Контр-адмирал Корсаков едва ли единственный, кого они вперед выставить могут. Сей последний, а с ним и князь Белосельский, генерал-кригс-комиссар флота, нынче в морских делах больше всех разумеющий, у Императрицы пребывают в большом фаворе, на тайные ужины приглашения имеют и полагаю я, что ремесло царедворцев еще лучше морского ведают.

Богатства России

Осталось мне описать богатства двора русского, кои, как имел уже я случай заметить, таковы суть, что могли бы сию державу могущественной и опасной для соседей соделать, ежели бы умели русские их ценить и пользу из них извлекать. Правда, что не населена Россия так густо, как того бы заслуживала, и в сем отношении все страны европейские ее пресвосходят²⁷. Хотя точно подсчитать невозможно число ее жителей, известно оно примерно и, полагаю, не сильно я ошибусь, если назову 13 или 14 миллионов душ, то есть цифру незначительную для страны столь обширной и протяженной. Однако сей недостаток в жителях, каковой, впрочем, исправить не невозможно, если Правительство на сие внимание обратит и старания приложит, столькими искупается выгодами, что не была бы Россия оттого ни менее богатой, ни менее сильной, не стремись сама нация русская части сих выгод себя лишить и цену им умалить.

Выгоды торговли

Нет в Европе страны, коя столь же выгодно для торговли расположена была бы и снабжена столь обильно всем, что для ее процветания необходимо. Обширные просторы провинций российских бесконечное поставляют множество товаров и провианта, и в таком количестве, что не только на местные

---

²⁷ Мысль о связях богатства страны с количеством ее народонаселения восходит к Монтескье.

нужды достанет, но и нациям чужестранным. Кожа, лен, деготь, строевой лес, хлеб, ремень, суровое полотно, парусина суть местные товары тем более драгоценные, что иностранцы без них обойтись не могут и вынуждены за наличные деньги их покупать. Множество судоходных рек облегчают перевозку товаров, так что недорогой ценой могут русские их доставлять в отдаленнейшие области этой Империи вплоть до самых портов на Балтике. Петру I мало показалось обогащать свою страну за счет наций иностранных; он далее пошел и, желая, чтобы могла Россия обходиться без сих наций, учредил множество фабрик и мануфактур. Наконец, новый источник российского богатства — рудники железные и медные, кои во многих провинциях имеются, главное же в Сибири. Несмотря на столькие преимущества, денег в России ходит недостаточно, доходы казны не прирастают, торговля, одним словом, не так процветает, как можно и должно. Причины столь удивительного обстоятельства отыскать нетрудно.

*Недостатки торговли и неудобства,
ей препятствующие*

Неодолимое отвращение нации от мореплавания — первое неудобство, торговле в России препятствующее. Если бы русские купцы сами снаряжали корабли в плавание и доставляли товары из страны в другие державы европейские, прибыль получали бы они куда более значительную; уступая же сию прибыль иностранным купцам, лишают они себя большей части дохода. Петр I превосходно сие неудобство почувствовал и все средства употребил, дабы его искоренить и мореплавателей ободрить; однако все старания сии остались тщетны, а труды — безрезультатны и лишь еще больше нацию от мореплавания отвратили. Плутоской, недоверчивый, кляузнический ум русский другое составляет препятствие успехам торговли. Частые злостные банкротства, коих прежде в России не знали, столь часты сделались, что иностранные купцы, как ни старайся, от обмана спастись не могут. Многие нации нужду имеют в российских товарах, а Коммерц-коллегия тем злоупотребляет и беспрестанно новые вводит установления и законы, кои призваны доходы таможенни увеличить, но притом такие ставит препоны, что торговля оттого страдает неимоверно. Самонадеянность, коя одним из отличительных свойств российской нации является, также

много вреда торговле причиняет, и по ее вине прежде всего мануфактуры и многие другие заведения, Петром основанные, в полный пришли упадок. Русский человек по природе ловок и переимчив, словно обезьяна; подражает он легко и даже недурно всему, что видит; однако сам столь самодоволен и горд, что уже умельцем себя мнит, когда только лишь кучению приступил, и воображает, что познаниями учителей превзошел. Потому полагают русские, что могут без иностранцев обойтись; канцелярии, кои подобными заведениями управляют и те же идеи исповедуют, тысячи обид несправедливых причиняют иностранным фабрикантам и домой их возвратиться принуждают; нечувствительно переходят мануфактуры в руки русских, и с того начинается обычно их упадок. Пресловутой опытности сих новых хозяев недостает, чтобы заведением управлять; алчность и мздоимство довершают беспорядок, а винят во всем иностранцев, кои мануфактурой уже давно не владеют. Наконец, большая часть нации такие идеи разделяют, кои рабством проникнуты, а благосостоянию общественному решительно противоположны. Полагают сии люди, что богатство Государя несовместно со счастьем подданных. Пусть живет Государь в мире и с тем добром, какое имеет; излишнее же богатство обширные планы и новые предприятия порождает, а ярмо подданных утягивает. Таковы мысли бесконечного множества русских, и потому употребляют они все свои познания для того, чтобы новым открытиям, приращению казны благоприятствующим, воспрепятствовать, а заведения, для обогащения казны основанные, нечувствительно развалить. Оттого рудники, при предыдущем правлении сильно усовершенствованные, в последние несколько лет в полном пребывают небрежении. Неудобства эти бросаются в глаза; не замечать их невозможно; порой рождаются даже планы, как все это переменить, но слишком много людей интерес свой имеют в обратном, и тот, кому планы поручено привести в исполнение, обыкновенно через них же и страдает.

Состояние финансов

После всего, что сказал я, не следует тому удивляться, что доходы сей обширной Монархии девяти, самое большее десяти миллионов рублей не превышают; удивления достойно другое, а именно то, что доходы сии, коих во времена Петра I достаточно было России, несмотря на все войны, кои вынужден

был сей Государь вести, и на учреждения дорогостоящие, кои завел он в то же самое время, нынче, когда чрезвычайных расходов не имеется, вовсе не достаточны. Меж тем именно так дело и обстоит, и причину следует сему искать исключительно в любви Императрицы к роскоши, к возведению дворцов, к драгоценностям и ко всему, что с пышностью и показным блеском связано. Расходы двора, кои совсем незначительны были в царствование Петра I, нынче до таких сумм поднимаются, что называть их смешно; прежде порядок был, а теперь нету; прежде за мздоимство карали со всею строгостью, теперь же безнаказанным оно остается. Потому о казне уж и не вспоминают; платежи задерживаются, у государства денег нет, да и самой Императрице порою денег недостает на ежедневные траты, одним словом, сказать можно, что никогда еще не были финансы так расстроены, как ныне.

Характер тайного советника Черкасова

Тайный советник Черкасов, каковой доходами Императрицы заведует и коему должность секретаря ее кабинета большую сообщает власть над финансами, — человек трудолюбивый, расторопный и в ремесле своем знающий толк; впрочем, самый грубый, самый неотесанный и самый кляузный из всех русских; заклятый враг всего, что иностранным зовется; в идеях сих упорствующий; скупой и продажный; наконец, нраву прескверного. Связан он был теснейшей дружбой с Канцлером, когда приехал я сюда, но не замедлили они поссориться и нынче на ножах остаются. Будь г-н Черкасов другим человеком, можно было бы, пожалуй, из ссоры сей извлечь прок, но постоянно он нарекания вызывает и всеобщую ненависть давно уже на себя навлек, так что Канцлер всегда в выигрыше останется.

Заключение

По всем подробностям, в кои вошел я в сем отчете, могли Вы, Ваше Величество, видеть, что нынешняя система первого Министра российского Вашим интересам совершенно неблагоприятна. С другой стороны, могли вы увидеть, что при нынешнем состоянии русского двора недоброжелательство его дурными последствиями нам не грозит. Впрочем, есть и другое соображение, коим я свой отчет и закончу, а именно, что

хуже дела идти уж не могут, а в несколько ближайших лет приключатся, весьма вероятно, такие события, которые, как ни посмотри, естественным образом положение изменят, причем в пользу Вашего Величества. Канцлер умереть может, и тогда противная партия верх возьмет непременно; от самой Императрицы тоже чрезмерного долголетия ожидать не приходится; если взойдет на престол Великий Князь, то сможет Ваше Величество им располагать через посредство Великой Княгини; если же одолеет принц Иван, восторжествует система национальная, и оттого Россия менее опасной сделается; наконец, если страсть Императрицы к Фавориту до смешного дойдет и переменит она порядок престолонаследия в пользу Разумовских, то дело это сиюминутное долго не продлится и повлечет за собой неминуемо беспорядок и смуту. Все сии случаи кажутся мне для соседей выгодными, особенно же для Вашего Величества.

Прекращаю я на сем свой отчет, и без того уже чересчур длинный. Почитать себя буду счастливым, если сумеет он одобрение Вашего Величества заслужить, и новые доказательства рвения моего служебного представить.

Честь имею оставаться с глубочайшим уважением и нерушимой преданностью

Вашего Величества покорнейший,
послушнейший и вернейший подданный
и слуга

К. В. фон Финкенштейн.

Петербург, 1 октября 1748 года

*Хронология (1740 – 1750) **

1740

- 31 мая: Смерть Фридриха-Вильгельма I; на прусский престол восходит его сын Фридрих II.
- 17 октября: Смерть Анны Ивановны. Иван VI (двух месяцев от роду) коронован императором в Санкт-Петербурге; регентшей при нем после нескольких недель правления Бирона объявлена его мать Анна Леопольдовна.
- 20 октября: Смерть императора Карла VI Австрийского; корона «Священной Римской империи германской нации» должна, согласно Прагматической санкции, перейти к его дочери Марии-Терезии, но на наследство претендует также баварский курфюрст Карл-Альбрехт, поддерживаемый Людовиком XV.
- 16 декабря: Вторжение войск Фридриха II в Силезию. Представитель Марии-Терезии в Санкт-Петербурге, Гохгольцер, официально просит у России помощи для борьбы с Фридрихом II.

---

* Составлена по книгам А. Рамбо, Н. Н. Бантыш-Каменского, Ф. Ф. Мартенса, М. Антуана, Р. Козера и, разумеется, по использованным в книге дипломатическим донесениям. Хронология отражает события европейской истории и истории дипломатической, в том числе перемещения сотрудников посольств. События русской истории датируются преимущественно по старому стилю (в некоторых случаях, когда даты почерпнуты из донесений прусских и французских посланников, определить, по какому стилю они даны, затруднительно).

- 16 декабря: Мипих, Остерман, Черкасский и Мардефельд подписывают в Санкт-Петербурге договор из восемнадцати статей об оборонительном союзе между Россией и Пруссией.
- 27 декабря: Людовик XV поздравляет регентшу с новым титулом и рекомендует ей своего полномочного министра, маркиза де Ла Шетарди.

1741

- 16 января: В Санкт-Петербург прибывает Ботта д'Адорно, представитель венгерской королевы.
- 4 марта: Бель-Иль вторгается на территорию Германской империи; начало войны за Австрийское наследство.
- 21 марта: Русский посол в Гааге, Головкин, получает 2000 рублей ежегодного жалованья.
- 3 апреля: Союзный договор России с Англией на 22 года: англичане обязуются в случае нападения на Россию предоставить 4560 человек войска или 100 000 фунтов стерлингов, а русские в случае нападения на Англию — 10 000 человек пехоты, более 2000 человек конницы или аналогичную денежную сумму. Договор ратифицирован английской стороной 9 июня, русской стороной — 20 ноября.
- 10 апреля: Фридрих разбивает австрийцев в сражении при Мольвице.
- 18 мая: Нимфенбургский союзный договор между Францией и Баварией; заключен для того, чтобы противодействовать осуществлению Прагматической санкции и помешать возведению на императорский престол Марии-Терезии (затем последуют договоры между Версалем и другими германскими государствами). В августе, без ведома австрийской стороны, к договору будут добавлены статьи о разделе территории Австрии между Людовиком XV и Карлом-Альбрехтом.

- 4 июня: Бель-Иль подписывает в Бреслау договор о союзе между Францией и Пруссией; Силезская война становится стратегически неотделимой от войны за Австрийское наследство.
- 24 июля: В Стокгольме опубликован манифест об объявлении войны России; годовое жалование русского представителя в Швеции, Михаила Бестужева, доходит до 10 000 рублей в год плюс 300 рублей на почтовые расходы.
- 7 августа: После объявления Швецией войны России Бестужев и его секретарь покидают Стокгольм и укрываются в Ганновере под покровительством английского короля.
- 8 августа: Иван VI просит у датского короля помощи для войны со Швецией.
- 10 сентября: Бель-Иль захватывает Линц.
- 15 сентября: Датский король отказывается принимать участие в русской-шведской войне.
- 27 сентября: Договор о нейтралитете между Францией и Ганновером, подписанный за Ганновер Георгом II, королем Англии.
- 9 октября: Тайное перемирие между Австрией и Пруссией, заключенное в Клейне-Шнеллендорфе; Фридрих дает австрийским войскам уйти без боя, но захватывает Нейссе.
- 15 октября: Людовик XV отправляет послание государям, участвующим в войне на берегах Балтийского моря, и просит их избежать кровопролития.
- 28 октября: Конвенция о нейтралитете между Францией и ганноверским курфюрстом (он же английский король).
- 25 ноября: Государственный переворот, возводящий на престол Елизавету Петровну; в первом своем манифесте она объявляет, что действовала по просьбе подданных. Первое поздравительное послание новая государыня получает от Марии-Терезии.
- 25 ноября: Армия Бель-Иля, состоящая из саксонских, баварских и французских полков, входит в Прагу.

- 28 ноября: Второй манифест Елизаветы, в котором она подкрепляет права на российскую корону ссылкой на «Тестамент» своей матери, Екатерины I.
- 30 ноября: Михаил Бестужев и Кейзерлинг назначены русскими дипломатическими представителями в Дрездене и Варшаве.
- 5 декабря: Письмо Елизаветы к Людовiku XV с обещанием прекратить русско-шведскую войну.
- 10 декабря: В Киль прибывает письмо Елизаветы, в котором та объявляет Карла-Петера-Ульриха, герцога Голштинского своим наследником. Корф (чрезвычайный посланник в Копенгагене) временно командирован в Киль, чтобы привезти великого князя в Россию.
- 11 декабря: Бестужев и Бреверн подтверждают Вейчу, что союзный договор между Англией и Россией остается в силе.
- 12 декабря: Елизавета восстанавливает Сенат, однако без права приговаривать к смертной казни.
- 22 декабря: Смерть русского представителя в Берлине Бракеля; его место займет Петр Чернышев, которому будет положено годовое жалованье в 6000 рублей плюс 2000 на дополнительные расходы.
- 26 декабря: Иван Щербатов уволен с поста русского посланника в Лондоне (с подарком в 500 ливров), а на его место назначен Семен Нарышкин (6000 рублей годового жалованья плюс 5000 рублей на экипажи).
- 26 декабря: Корф оставлен в должности чрезвычайного посланника в Копенгагене; Чернышев остается там же в качестве полномочного министра.
- 30 декабря: Шведский король поздравляет Елизавету с восшествием на престол. Ла Шетарди берется быть посредником между двумя северными державами, находящимися в состоянии войны.
- 31 декабря: Русский посол в Вене, Лапчинский, произведен в тайные советники.

1742

- 7 января: Шведский генерал Левенгаунт дает понять Ла Шетарди, что Швеция причастна к возведению Елизаветы на престол ее отца.
- 13 января: Под давлением Франции курфюрст баварский Карл-Альбрехт избран на Франкфуртском сейме германским императором под именем Карла VII.
- Середина января: Карл VII отправляет Елизавете поздравительное письмо, в котором, однако, русская монархиня не титулована императрицей. Письмо отвергнуто.
- 23 января: Австрийцы отбивают Линц.
- Конец января: Прибытие в Санкт-Петербург Карла-Петера-Ульриха.
- Февраль: Карл-Петер-Ульрих награжден орденом св. Андрея Первозванного; его воспитателю Брюммеру назначен годовой пенсией в 3000 рублей, секретарю Берхгольцу — в 2491 рубль.
- 3 февраля: Отъезд из Петербурга английского посла Финча.
- 12 февраля: Нарыншкин вручает верительную грамоту Георгу II в Лондоне.
- 12 февраля: Коронация Карла VII во Франкфурте.
- 13 февраля: Отставка английского премьер-министра Уолпола.
- 16 февраля: Саксонский представитель просит канцлера Черкасского оставить Петцольда в должности советника посольства для укрепления отношений между двумя дворами.
- 17 февраля: Елизавета уезжает в Москву, где в апреле должна состояться ее коронация.
- 21 февраля: Чернышев пересезжает из Копенгагена в Берлин.
- 23 февраля: Австрийские войска входят в Мюнхен.
- 29 февраля: Картерет шлет Елизавете тайное послание, в котором умоляет ее вернуться в Санкт-Петербург, чтобы помянуть шведам исполнить свои намерения и напасть на российскую столицу (письмо получено императрицею в Москве 25 марта).

- Март: Шведы просят еще при жизни старого короля Фредрика I назначить ему наследника из Голштинского дома.
- 11 марта: Корф снова просит помощи у Дании для ведения войны со Швецией; датчане по-прежнему молчат.
- 13 марта: Кейзерлинг, русский резидент в Варшаве, с согласия Елизаветы пожалован в графы Священной Римской империи. Прибытие Чернышева в Берлин.
- 15 марта: В Коненгагене подписан союзный договор между Данией и Францией.
- 18 марта: Елизавета узнает о том, что Швеция намерена втянуть Турцию и Польшу в войну против России; Франция продолжает исполнять роль посредницы в отношениях между воюющими державами.
- 25 апреля: Коронация Елизаветы в Москве.
- Конец апреля: Приезд в Москву, где пребывает двор, шведского резидента Нолькена.
- Май: Английская торговая компания сохраняет привилегию на провоз товаров в Персию и из Персии через Россию.
- 3 и 12 мая: В ходе встречи с Нолькеном русские министры утверждают, что хотели бы начать мирные переговоры со Швецией без посредничества Франции.
- 17 мая: Фридрих разбивает войска Марии-Терезии в сражении при Хотузице.
- 20 мая: Отпускная аудиенция Вейча.
- 4 июня: В Санкт-Петербург приезжает граф Мориц Саксонский, чтобы предъявить свои права на герцогство Курляндское.
- 11 июня: В Бреслау подписан предварительный мирный договор между Пруссией и Австрией.
- 29 июня: Русские войска занимают Фридрихсгам.
- 30 июня: Русские захватывают Борго.
- 28 июля: Берлинский мирный договор между Пруссией и Австрией. Монархи, поставившие под договором свою подпись, безуспешно пытаются уговорить Елизавету тоже подписать этот документ.

- 16 августа: Русские занимают Тавастгус.
- 21 августа: Ла Шетарди, чьи попытки решить шведские проблемы окончились неудачей, получает в Москве у императрицы отпускную аудиенцию; Елизавета награждает его орденом св. Андрея Первозванного и подарками стоимостью в 20 000 рублей.
- 24 августа: Капитуляция Гельсингфорса.
- 27 августа: Фридрих-Август II (Август III) поздравляет Елизавету с возобновлением дружественных отношений с Веной.
- Сентябрь: Мария-Терезия отвергает мирные предложения Флери.
- 3 сентября: Ла Шетарди покидает Москву, оставив вместо себя Дальона, аккредитованного при русском дворе с 8 августа.
- 9 сентября: В Санкт-Петербург прибывает Нейгауз, полномочный министр германского императора; он даст понять, что тот мог бы признать за Елизаветой императорский титул.
- 11 сентября: Саксония выходит из войны.
- 24 сентября: Русский представитель в Париже Кантемир получает статус полномочного министра.
- 26 октября: Шведский риксдаг назначает Карла-Петера-Ульриха наследником Фредрика I.
- 28 октября: Елизавета посылает риксдагу письмо, в котором предлагает назначить наследником шведского престола Адольфа-Фридриха Голштейн-Готторпского, а взамен обещает дать согласие на мир со Швецией; голштинский советник Бухвальд получает 5000 рублей на подготовку этой операции; в случае успеха ему обещаны 3000 рублей награды.
- 7 ноября: Карл-Петер-Ульрих переходит в православие и при крещении принимает имя Петра Федоровича.
- 16 ноября: Петцольд аккредитован в Санкт-Петербурге как польский резидент.
- 18 ноября: Договор об оборонительном союзе между Англией и Пруссией.

- 21 ноября: Ботта, назначенный полномочным министром Марии-Терезии в Берлине, получает отпусчную аудиенцию у Елизаветы.
- 11 декабря: Подписание в Санкт-Петербурге договора об оборонительном союзе между Англией и Россией.
- 22 декабря: Елизавета отвергает просьбу риксдага назначить наследником Фредрика I Карла-Петера-Ульриха, поскольку юный герцог уже перешел в православие. Она вновь повторяет свое предложение назначить наследником дядю великого князя и берет на себя обязательство начать переговоры о мире.
- 26 декабря: Войска Фридриха II захватывают Прагу.
- 28 декабря: Шведский король признает Карла-Петера-Ульриха наследником престола Романовых и обещает впредь именовать великого князя его императорским высочеством.
- 31 декабря: Фридрих-Август II (Август III) награждает Елизавету орденом Белого орла, который Петцольд подносит ей во время частной аудиенции.

1743

- 10 января: В Берлин приезжает русский посол по особым поручениям Сиверс и подносит Фридриху II от имени Елизаветы орден св. Андрея Первозванного.
- 23 января: Начало переговоров в Або; Румянцев, Люберас и Неплюев представляют Россию, Нолькен и Цедеркрейц — Швецию.
- 29 января: В возрасте восьмидесяти девяти лет умирает Флери. За пять дней до смерти он принял Ла Шетарди и Амело де Шайу, министра иностранных дел, чтобы выяснить у них, как идут дела на берегах Балтийского моря.
- 28 февраля–16 марта: Ботта — австрийский полномочный министр в Берлине.
- 1 марта: Представитель Фридриха II подполковник Грапп привозит в Петербург орден Черного орла для Елизаветы.

- 16 марта: В Санкт-Петербурге продлен на восемнадцать лет договор об оборонительном союзе между Россией и Пруссией. Он подписан вице-канцлером Бестужевым, тайным советником Бреверном и Мардефельдом. Стороны обязуются в случае надобности предоставить 3000 человек пехоты и 2000 человек конницы или выплатить 250 000 рублей.
- 16 июня: Окончание переговоров в Або: Швеция уступает России южную Финляндию и Карелию. В одну из статей договора по настоянию Елизаветы вписан пункт о назначении Адольфа-Фридриха наследником Фредрика I.
- 20 июня: Нарышкин отозван из Лондона, на его место с тем же жалованьем вновь назначают Щербатова.
- 23 июня: Епископ Любский Адольф-Фридрих объявлен шведским наследным принцем.
- 27 июня: Деттингенское сражение, в котором французы терпят поражение от «прагматической армии» под командованием Георга II.
- 20 июля: Великому князю Петру Федоровичу подносят польский орден Белого орла.
- Август: Георг II пытается стать посредником в шведских делах.
- 14 августа: Возобновление договора о гарантиях (1733) между Россией и Польшей.
- 17 августа: Подписание Абоского мирного договора между Россией и Швецией.
- 17 августа: Австрийский посол по особым поручениям Орсини прибывает в Москву, где находится двор.
- 29 августа: Обнаружены бумаги Ботты, доказывающие существование заговора с целью восстановить на российском престоле Ивана VI и Анну Леопольдовну. Русских дворян, замешанных в это дело, приговорят к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь.

- 29 августа: Решину поручают устройство новой русско-шведской границы.
- Сентябрь: Французские войска отступают в Эльзас.
- 5 сентября: Адольф-Фридрих прибывает в Швецию, где Корф подносит ему орден св. Андреса Первозванного и 50 000 рублей. От имени Елизаветы Корф заверяет в нерушимости мира между Россией и Швецией.
- 13 сентября: Россия начинает перевооружение своего балтийского флота, чтобы при необходимости вмешаться в конфликт между Данией и Швецией.
- 13 сентября: Союзный договор между Австрией и Сардинией.
- 31 сентября: Начало войны между Францией и Сардинией.
- Октябрь: Фридрих-Август Голштинский возглавляет администрацию Голштинии, управление которой вверено ему в отсутствие его племянника Петра Федоровича.
- 28 октября: Второй семейный договор: сближение Испании и Франции.
- 12 ноября: Присоединение России к Берлинскому (Бреславскому) договору, подписанному Пруссией, Австрией и Англией.
- 14 ноября: Мария-Терезия приносит Елизавете официальные извинения в связи с делом Ботты.
- 15 ноября: Мария-Терезия, в эту пору венгерская королева, признает за Елизаветой императорский титул; венский двор публикует официальную декларацию о деле Ботты: из нее следует, что маркиз, недавно заключенный в замок Грац, действовал в одиночку, однако не исключается, что к заговору был причастен Фридрих II.
- 15 ноября: Договор об оборонительном союзе между Австрией, Англией, Сардинией и Саксонией.
- 26 ноября: Ла Шетарди возвращается в Санкт-Петербург как частное лицо.
- 1 декабря: Присзд в Стокгольм чрезвычайного посланника Корфа.
- 20 декабря: Ланчинский после долгой отлучки, связанной с делом Ботты, возвращается в Вену.

1744

- 3 января: Новые распри по поводу признания русскими подданными императорского титула за Карлом VII, а подданными «Священной Римской империи германской нации» — за Елизаветой.
- 14 января: Чернышев отозван из Берлина; на его место назначен Михаил Бестужев с жалованьем, возросшим до 8000 рублей в год плюс 5000 рублей на экипажи.
- 19 января: Люберас прибывает в Швецию на помощь Корфу в чине полномочного министра. Полномочным министром Швеции в Петербурге назначен Барк.
- 20 января: Прибытие в Петербург нового датского посланника — Карла Гольштейна.
- 22 января: Дальон, в ярости от того, что одновременно с ним в Петербург прислали Ла Шетарди, уезжает из России.
- 24 января: Бестужев и представители Саксонии Петцольд и Герсдорф уславливаются о продлении на пятнадцать лет договора 1733 года и добавлении к нему одной секретной и трех сепаратных статей об императорском титуловании Елизаветы, а также о величине и финансировании вспомогательного войска, которое Россия обязуется предоставить Саксонии или Польше.
- 3 февраля: София Ангальт-Цербстская вместе с матерью присзжает в Санкт-Петербург; затем обе вслед за императрицей направляются в Москву.
- 4 февраля: Подписание договора об оборонительном союзе между Саксонией (Польшей) и Россией.
- 20 февраля (и 9 апреля): Фридрих-Август Голштинский просит позволения поселиться в России, чтобы находиться в непосредственной близости от великого князя, настоящего главы голштинского правительства.

- 9 марта: Возвращение в Петербург Корфа, который в бытность свою посланником в Копенгагене пристально следил за положением дел в Голштинии.
- 15 марта: Франция объявляет войну Англии.
- 16 марта: Вейч посылает свою отзывную грамоту в Москву, где пребывает двор.
- 31 марта: Смерть Кантемира в Париже; его секретарь Гросс становится поверенным в делах, а впоследствии заменяет Кантемира на посту русского полномочного министра.
- 4 апреля: Михаил Бестужев приезжает в Берлин; несколько месяцев одновременно с ним там находится Чернышев.
- 26 апреля: Франция объявляет войну Австрии.
- 26 апреля: Тироули, полномочный министр Георга II, приезжает в Санкт-Петербург.
- 27 апреля: Карл VII жалует Лестока в графы Священной Римской империи; фаворит Разумовский удостоится той же чести 5 мая.
- 28 апреля: Карл Гольштейн во время аудиенции у Елизаветы извещает ее о желании датского короля заключить союз с Россией.
- 6 мая: Шведы благодарят Елизавету за перевооружение российского флота в целях сохранения мира на севере Европы.
- 17 мая: Войска французского короля и маршала Морица Саксонского вторгаются в Испанские Нидерланды.
- 22 мая: Франкфуртский союз между Баварией, Гессеном и Пруссией; все три страны поддерживают Карла VII.
- 5 июня: Версальский договор об оборонительном и наступательном союзе между Францией и Пруссией.
- 6 июня: Присоединение Франции к Франкфуртскому союзу.
- 6 июня: Арест Ла Шетарди, «бригадира французской армии», проживающего в России без официального разрешения. Его обвиняют в оскорблении ее величества и предписывают выехать из страны в 24 часа.

- 17 июня: На российской границе у Ла Шетарди отнимают все ордена и подарки, полученные от Елизаветы.
- 17 июня: Полковник Манштейн, один из первых мемуаристов, оставивших воспоминания о царствовании Елизаветы, покидает Россию, чтобы вновь вступить в прусскую службу.
- 23 июня: Цедеркрейц назначен полномочным министром Швеции в Санкт-Петербурге.
- 28 июня: София Ангальт-Цербстская переходит в православие и при крещении принимает имя Екатерины Алексевны.
- 29 июня: Помолвка Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича.
- 15 июля: Бестужев назначен канцлером Российской империи, а Воронцов — вице-канцлером.
- 27 июля: Чернышев вновь назначен полномочным министром в Берлине, а Михаил Бестужев тем временем уже прибыл в столицу Саксонии.
- 27 июля: Кейзерлинг переведен в Мюнхен, ко двору императора Карла VII; на пост русского посланника при польско-саксонском дворе назначен Михаил Бестужев.
- Начало августа: Поездка Елизаветы в Киев.
- Август: Фридрих II захватывает Богемию; начало Второй Силезской войны.
- 3–5 августа: Французские войска берут Фрейбург.
- 9 августа: Людовик XV заболевает в Меце; болезнь оказывается очень тяжелой, и король проводит месяц с лишним между жизнью и смертью.
- 19 августа: Адольф-Фридрих объявляет о своей помолвке с Ульрикой, сестрой Фридриха II.
- 27 августа: Август III (Фридрих-Август II) признает за Елизаветой императорский титул.
- 28 августа: Французские войска переходят через Рейн.
- 31 августа: Саксония просит Елизавету помочь ей в борьбе с Фридрихом II (ту же просьбу саксонцы повторяют 4 сентября).
- Сентябрь: Французские войска захватывают Пьемонт и Нидерланды.

- 9 сентября: Австрийский дипломат Орсини-Розенберг приезжает в Санкт-Петербург; ему поручено убедить Елизавету встать на сторону Марии-Терезии.
- 12 сентября: Вице-канцлер Воронцов объявляет саксонцам окончательное решение Елизаветы: Россия не станет поддерживать их в борьбе с Фридрихом II.
- 14 сентября: Георг II отзывает Тироули.
- 16 сентября: Фридрих II захватывает Прагу, но ее сразу же отбивают австрийцы.
- 29 сентября: Новая военная конвенция между Людовиком XV и Карлом VII.
- Конец октября: Елизавета возвращается в Санкт-Петербург.
- Ноябрь: Во Франции новый министр иностранных дел — Рене-Луи де Вуайе, маркиз д'Аржансон.
- 5 ноября: Люберас становится русским полномочным министром в Стокгольме; ему положено годового жалованья 5000 рублей плюс 400 рублей на почтовые расходы.
- 13 ноября: Французский король и его войска возвращаются в Париж. Дальон приезжает в Санкт-Петербург и сообщает, что имеет приказание титуловать Елизавету императрицей.
- 2 декабря: Михаил Бестужев аккредитован русским посланником в Варшаве, а Кейзерлинг — русским посланником при дворе Карла VII и Регенсбургском сейме.
- 6 декабря: Фридрих в письме к Елизавете просит ее способствовать «всеобщему примирению».
- 16 декабря: Гросс, русский полномочный министр в Париже, произведен в советники с жалованьем в 1200 рублей.

1745

- 8 января: В Варшаве заключен четверной союз между Англией, Голландией, Австрией и Саксонией.
- 20 января: Смерть Карла VII.

- Начало февраля: Публикация высочайше утвержденного церемониала бракосочетания великого князя Петра Федоровича; церемониал оказывается весьма разорительным для особ первых четырех классов.
- 6 февраля: Фридрих-Август Голштинский поселяется в Петербурге.
- 15 февраля: Саксонцы вновь просят о помощи.
- 16 февраля: Дальон вручает Елизавете письмо Людовика XV, датированное 1 августа 1744 года, в котором король, в надежде на заключение оборонительного союза, титулует Елизавету императрицей.
- 16 февраля: Кейзерлинг прибывает во Франкфурт, где заседает сейм.
- 23 февраля: Саксонец Герсдорф отозван из Петербурга.
- 1 марта: Фридрих-Август II (Август III) объявлен претендентом на имперский престол; Россия не поддерживает кандидатуру саксонского курфюрста (а равно и его сына) из-за их прав на польскую корону.
- 15 марта: Нолькен, некогда ведший переговоры в Або, назначен статс-секретарем Швеции; Елизавета поздравляет его с назначением и шлет подарок стоимостью в 3000 рублей.
- 30 марта: Британским послом в Петербурге назначен Гиндфорд.
- 16 апреля: Голландским полномочным министром в Санкт-Петербурге назначен Дедье.
- 22 апреля: Фюссенский мир между Австрией и Баварией; сын Карла VII отказывается от короны императора, признает Прагматическую санкцию и обещает отдать свой голос за Франца Лотарингского.
- 11 мая: Французы разбивают англо-голландскую армию в сражении при Фонтенуа.
- 23 мая: Капитуляция Турне.
- 28 мая: Архангельский губернатор Алексей Пушкин назначен русским полномочным министром в Стокгольме вместо Любераса.
- 28 мая: Корф послан в Киль, столицу Шлезвиг-Голштейна, чтобы защитить права великого князя.

- 4 июня: Гогенфридбергское сражение; Фридрих одерживает победу над австро-саксонской армией.
- 5 июня: В ответ на просьбу русской Коллегии иностранных дел Фредрик I отрицает, что во время переговоров в Або обещал заплатить России 400 000 рублей.
- 15 июня: Новые передвижения русских войск в Прибалтике.
- 17 июня: Великий князь Петр Федорович объявлен совершеннолетним и титулован герцогом Голштинским, осуществляющим в герцогстве всю полноту власти; Фридрих-Август остается администратором Голштинии.
- 17 июня: Саксонские дипломаты Петцольд и Функ, представляющие интересы «Священной Римской империи германской нации», а также короля польского и курфюрста саксонского, обращаются к Фридриху-Августу с просьбой управлять Голштинией единолично.
- 22 июня: Елизавета напоминает Фредрику I, что вышеупомянутые 400 000 рублей были обещаны при заключении Абоского договора на защиту герцогства Шлезвиг-Голштейнского и требует от шведов уплаты обещанной суммы.
- 25 июня: Союзный договор между Россией и Швецией, подписанный Цедеркрейцем, Бестужевым и Воронцовым; новый документ продлевает на двенадцать лет действие договора 1735 года.
- 30 июня: Во время отпускной аудиенции представитель Швеции Цедеркрейц получает от Елизаветы орден св. Андрея Первозванного, 8000 рублей и табакерку, украшенную бриллиантами.
- 1 июля: Представитель Дании Карл Гольштейн во время отпускной аудиенции вручает императрице письмо Христиана VI.
- 6 июля: Елизавета предупреждает Адольфа-Фридриха о том, что ему не следует изменять шведскую конституцию и вводить

- в стране абсолютную монархию. Несмотря на трения в отношениях двух стран, она подписывает договор об оборонительном союзе между Россией и Швецией.
- 18 июля: Падение Гента, осажденного французами под командой Лёвендаля.
- 30 июля: Все декреты, подписанные Иваном VI, отменены, портреты бывшего императора и его матери изъяты из обращения.
- Начало августа: Елизавете вручают письмо Людовика XV (датированное апрелем), в котором французский король просит русскую государыню стать посредницей в европейских делах. Императрица не отвечает.
- 15 августа: Барк назначен на должность шведского чрезвычайного посланника в Санкт-Петербурге.
- 21 августа: Венчание великокняжеской четы — Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны.
- 2 сентября: Франкфуртский сейм избирает супруга Марии-Терезии императором. Кейзерлинг назначен русским посланником при сейме.
- 26 сентября: В Санкт-Петербурге отпускную аудиенцию получает австрийский посол Орсини-Розенберг; его место займет генерал Претлак, любезностью и обходительностью могущий сравняться с Ла Шетарди.
- 28 сентября: Чернышев назначен представителем великого князя и Голштинии при Франкфуртском сейме.
- 30 сентября: Победа Фридриха II в сражении на реке Соре.
- 7 октября: Франкфуртский сейм признает за Елизаветой императорский титул.
- 8 октября: Елизавета решает оказать помощь Саксонии.
- 10 октября: Люберас получает отпускную аудиенцию у Фредрика I; тем не менее он остается в Швеции в связи с переговорами о союзе между Швецией и Пруссией.

- 14 ноября: Петр Федорович предоставляет Фридриху-Августу неограниченные полномочия в управлении Голштинией; герцог-администратором становится «штатгальтером» Голштинии.
- 15 декабря: Фридрих II одерживает победу в сражении при Кессельсдорфе.
- 17 декабря: Елизавета с большим почетом встречает Претлака, нового полномочного министра Австрии в Санкт-Петербурге.
- 20 декабря: Фридрих II завоевывает Саксонию; Елизавета, опасаясь за судьбу Польши, посылает на запад корпус из 12 000 человек под командованием фельдмаршала Ласси.
- 23 декабря: Начало мирных переговоров между Фридрихом II и Фридрихом-Августом II.
- 25 декабря: Дрезденский договор о сепаратном мире между Фридрихом II и Марией-Терезией, к которому присоединится и Саксония. Австрия окончательно отказывается от Силезии, зато прусский король взамен признает Франца Лотарингского императором. Гарантами этого договора становятся Англия и германские курфюрсты.

1746

- 22 января: Корф назначен на место Любераса в Стокгольм; Алексей Пушкин становится русским полномочным министром в Копенгагене. Корфу дано задание вместе с датским, австрийским, английским и саксонским коллегами помешать франко-прусским проектам восстановления в Швеции абсолютной монархии.
- 24 января: Совещание представителей Дании и Голштинии в доме канцлера; великому князю предлагают 1 миллион рублей за его земли в Шлезвиге. Петр Федорович, несмотря на угрозу войны, отказывается.
- 28 января: Секретарь шведского посольства Лагерфлихт получает от своего короля 20 000 рублей для подкуна Бестужева и Воронцова.

- 28 января: Карл Эдуард Стюарт, претендент на английский престол, одерживает победу в сражении при Фолкерке.
- 20 февраля: В Санкт-Петербурге голландец Дедье получает отпускную аудиенцию и вручает Елизавете отзывную грамоту, датированную 5 ноября 1745 года.
- 21 февраля: Французские войска занимают Брюссель.
- 7 марта: Тело скончавшейся от родильной горячки регентши Анны Леопольдовны отправляют из Холмогор в Петербург.
- 21 марта: Торжественные похороны Анны Леопольдовны в Санкт-Петербурге.
- Конец марта— начало апреля: В Северной Италии французские и испанские армии отступают под напором австро-сардинской коалиции.
- 21 апреля: Договор между Саксонией и Францией. В инструкциях, предназначенных для французского посла в Польше дез Иссара, обозначена следующая цель его деятельности: способствовать сближению Фридриха-Августа II (Августа III) с королем Пруссии и выходу Польши из сферы русского влияния.
- 24 апреля: Чернышева отзывают из Берлина; русским посланником в Пруссии назначают Кейзерлинга. Делается это для того, чтобы ускорить отзыв Мардефельда из Санкт-Петербурга.
- 27 апреля: Карл Эдуард Стюарт, претендент на английский престол, разбит герцогом Камберлендским в битве при Каллодине. Это поражение кладет конец притязаниям Стюартов на английскую корону.
- 8 мая: Претлак получает аудиенцию у Елизаветы в качестве австрийского посла и полномочного министра.
- 15 мая—13 июня: Чоглоков отправлен в Вену в ранге посла по особым поручениям; ему выделяют 40 000 рублей на подарки особам, пользующимся влиянием при дворе.
- 22 мая: Возобновление договора об оборонительном союзе между Россией и Австрией, заключенного в 1726 году.

- 31 мая: Французы занимают Антверпен.
- 10 июня: Возобновление союзного договора 1742 года между Францией и Данией; конвенция между Данией и Россией.
- 10 июня: Петербургский договор между Россией и Данией. Елизавета становится посредницей в голштинском деле — предмете конфликта ее племянника Петра Федоровича с датчанами и шведами.
- 11 июня: Французы и испанцы разбиты в сражении при Пьяченце; они начинают отступление на север Италии.
- Июль: Воспитатель великого князя Брюммер отослан в Голштинию; этот отъезд знаменует начало распада франко-прусской партии при русском дворе.
- 10 июля: Французы занимают Монс.
- 12 июля: Корф, из всех русских дипломатов лучше всего разбирающийся в скандинавских делах, покидает Копенгаген и направляется в Швецию.
- 16 июля: Приезд в Санкт-Петербург советника Фицтума, нового польского посланника.
- 23 июля: В день своей первой аудиенции Фицтум подносит фавориту Елизаветы Разумовскому и Чоглокову орден Белого орла.
- 26 июля: Фредрик V восходит на датский престол.
- 6 августа: Генуя оккупирована австрийцами.
- 15 августа: Отпускная аудиенция Мардефельда в Санкт-Петербурге.
- 16 августа: Отзыв Щербатова из Лондона; его заменяет Чернышев, до этого представлявший Россию в Берлине.
- 23 августа: Елизавета приказывает Люберасу, русскому полномочному министру в Стокгольме, немедленно вернуться в Петербург; причина — неудача в переговорах о границах.
- 9 сентября: Отъезд Мардефельда; временным поверенным в делах назначен секретарь посольства Варендорф.
- 16 сентября: Корф назначен чрезвычайным посланником в Стокгольме с годовым жалованьем

Хронология. 1746

- в 12 000 рублей плюс 10 000 рублей на экипажи.
- 11 октября: Победа маршала Саксонского в сражении при Рокуре.
- 22 октября: Корфа назначают русским послом в Швеции.
- 13 ноября: Люберас покидает Стокгольм с подарками и вознаграждением в 1200 талеров.
- 14 ноября: Новая верительная грамота Гросса, подтверждающая, что он находится в Париже в качестве русского полномочного министра.
- 17 ноября: Опасаясь недовольства русских, саксонские дипломаты Фицум и Петцольд показывают статьи предварительного договора с Австрией только представителю Марии-Терезии.
- 17 декабря: Перемирие между Францией и Сардинией.

1747

- 10 января: Д'Аржансон впал в немилость и отставлен; в то самое время, когда в Версале принимают нового представителя Елизаветы, Гросса, управление иностранными делами переходит в руки Пюизье.
- 10 января: Бракосочетание дофина Людовика Французского с Марией-Жозефой Саксонской в Дрездене (отсутствующий дофин представлен своим доверенным лицом).
- 16 января: Объявлен указ Елизаветы о рекрутском наборе по одному рекруту со 120 душ.
- 18 января: Кейзерлинг прибывает в Берлин и ждет первой аудиенции у короля до 4 февраля.
- 30 января: Шведский наследный принц просит освободить его от необходимости в письмах к великому князю Петру Федоровичу употреблять обращение «любезный племянник».
- Февраль: Австро-сардинская коалиция пытается овладеть Провансом.

- 17 апреля: Франция объявляет войну Голландии.
- 16 мая: Михаил Бестужев получает 8 000 рублей от императрицы в благодарность за службу.
- 17 мая: В Санкт-Петербург прибывает Финкенштейн, прежде представлявший Пруссию в Стокгольме.
- 18 мая: Договор между Пруссией и Швецией, призванный укрепить положение Голштинского дома.
- Июнь: Фридрих-Август Голштинский покидает Санкт-Петербург и отправляется в Киль.
- 6 июня: Стокгольмский договор о союзе и субсидных конвенциях между Швецией и Францией.
- 8 июня: Елизавета награждает Претлака орденом св. Андрея Первозванного.
- 11 июня: Представитель «партии шведских патриотов» прибывает в Санкт-Петербург, чтобы поставить императрицу Елизавету в известность о махинациях французов, стремящихся изменить шведскую конституцию.
- 12 июня: Субсидная конвенция из четырех статей, подписанная Гиндфордом, Бестужевым и Воронцовым. Россия предоставляет 30 000 человек войска, которые по первому требованию английского короля должны начать действовать, а английский двор платит ей за союзную помощь 100 000 фунтов стерлингов.
- 2 июля: Благодаря маршалу Саксонскому французы одерживают победу при Лааффельте.
- 11 июля: В Стокгольме Корф лишается статуса посла и вновь становится чрезвычайным посланником с годовым жалованьем 6000 рублей плюс 500 рублей в месяц на хозяйственные нужды.
- 19 июля: Французские войска, пытавшиеся овладеть Пьемонтом, отброшены назад.
- 3 августа: Саксонец Фицтум просит дозволения покинуть Россию по причине болезни.
- 3 августа: Генерал Джеймс Кейт уезжает из России, чтобы вступить в прусскую службу.

- 16 сентября: Маршал Саксонский занимает Берген-оп-Зом, а затем Маастрихт.
- 29 сентября: Шведский представитель Барк во время отпускной аудиенции получает подарки стоимостью в 3000 рублей. Его заменяет чрезвычайный посланник Вульфеншерна (прибывший в Россию 9 сентября).
- 20 октября: Михаил Бестужев направлен в качестве посла по особым поручениям в Вену, где Россию представляет Лапчинский; австриец Претлак, пользующийся при русском дворе прекрасной репутацией, приезжает в Петербург в качестве чрезвычайного посланника.
- 8 ноября: Петербургская конвенция между Пруссией, Россией и Голландией о прохождении русских войск по территории Германии.
- 11 ноября: Голландец Шварц становится чрезвычайным посланником в Санкт-Петербурге.
- 19 ноября: Голландия присоединяется к предварительной конвенции, подписанной англичанами и русскими.
- Конец ноября: Опубликован декрет, лишаящий всех дипломатов, за исключением австрийцев и англичан, всех таможенных льгот.
- 4 декабря: Дальон намеревается в ходе неофициальной аудиенции вручить свою отзывную грамоту (датированную 25 октября) Бестужеву; канцлер его не принимает.
- Декабрь: Русский вспомогательный корпус подходит к литовской границе.

1748

- 2 января: Дальон покидает Санкт-Петербург, не получив официальной отпускной аудиенции.
- 13 января: Консул Сен-Совёр остается единственным представителем Франции в Санкт-Петербурге.
- 15 января: Ратификация субсидного договора между Англией и Россией.

- 1 февраля: Императрица выражает шведскому королю сожаление в связи с поведением Корфа и намекает на его скорый отзыв. Корфа переводят в Данию, а на его место направляют Никиту Панина в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра.
- 28 апреля: Приезд Панина в Стокгольм; Корф остается в шведской столице до 26 мая.
- 6 мая: В Санкт-Петербург приезжает Бернес, чтобы заменить Претлака, который возвращается на службу в австрийскую армию.
- 19 мая: Отпускная аудиенция Претлака; он получает в подарок от Елизаветы 16 000 рублей.
- 16 июня: Сен-Совёр покидает Санкт-Петербург: отношения между Людовиком XV и Елизаветой прерываются до июля 1756 года.
- 18 июня: Русский вспомогательный корпус проходит через Ольмюц, где Мария-Терезия и Франц I делают смотр войскам.
- 28 июня: Головкин назначен полномочным министром на Ахенский конгресс, однако не едет туда, поскольку Франция и Пруссия не желают иметь дела с Россией.
- Июль: Репнин становится командующим русским вспомогательным корпусом; с австрийской стороны командование осуществляет Претлак; войска идут во Франконию и там останавливаются.
- 2 августа: Конвенция между Францией, Англией и Голландией об отводе назад русских войск.
- 18 октября: Ахенский договор между Францией, Англией, Австрией и их союзниками.
- 1 ноября: Вульфеншерн отозван из Петербурга; на его место возвращается прежний шведский посланник, Хёпкен.
- 9 ноября: В Санкт-Петербурге арестован племянник Лестока А. Шанизо.
- 13 ноября: Арест Лестока и его жены; их держат в Петропавловской крепости. Бывшего лейб-медика подвергают пыткам, а затем

- ссылают в Углич (откуда переводят в Великий Устюг).
- 28 ноября: Панин получает промеморию, в которой Елизавета официально объявляет себя противницей любого изменения шведской конституции.
- Начало декабря: Значительные перемещения войск на севере России, призванные повлиять на позицию Швеции.
- 9 декабря: Гросс получает отзывную грамоту и хочет вручить ее Людовику XV перед отъездом из Парижа. Король Франции отказывает дипломату в аудиенции. Михаил Бестужев назначен послом в Вену с годовым жалованьем 15 000 рублей. Кейзерлинг, отозванный из Берлина, получает назначение в Варшаву, Гросс назначен его преемником в прусской столице с жалованьем 6000 рублей в год плюс 2000 рублей на транспортные расходы.
- 9 декабря: Фридрих II своей «Декларацией» предупреждает Панина о том, чтобы он не вмешивался во внутренние дела Швеции.
- 10 декабря: Елизавета дает последнюю аудиенцию Финкенштейну; его место занимает тайный советник Голыц, который вскоре вместе с двором переезжает в Москву.
- 14 декабря: Указ о рекрутском наборе по одному рекруту со 190 душ.
- 24 декабря: Панин получает приказание выяснить, кто из «колпаков» и «шляп» готов поддержать интересы России, а именно: выступить за сохранение конституции и — при необходимости — за изменение порядка наследования престола.
- 28 декабря: Секретарь посольства Функ становится саксонским представителем в Санкт-Петербурге вместе с Петцольдом.

1749

- 1749: Весь этот год Елизавета и ее двор проводят в Москве.
- 14 января: Публикация Ахенского договора.

- 22 января: Фридрих принимает в Берлине представителя татарского хана и таким образом ускоряет разрыв с Санкт-Петербургом.
- 14 февраля: Гросс покидает Париж и 21 февраля приезжает в Берлин.
- 4 марта: Смерть А. И. Румянцева, одного из последних членов франко-прусской партии при русском дворе.
- 10 марта: Прощальная аудиенция Петцольда, который получает в подарок от императрицы табакерку, украшенную брильянтами, и 2000 рублей.
- 16 марта: Михаил Петрович Бестужев против воли Елизаветы тайно обручается в Дрездене с графиней Гаугвиц.
- 24 марта: Панин получает промеморию, подписанную представителями дворов, выступающих против изменения шведской конституции.
- 13 апреля: После прощальной аудиенции у саксонского курфюрста Михаил Петрович Бестужев направляется в Вену.
- 23 мая: Панин получает рескрипт с предписанием ужесточить тон промемории.
- 9 июня: Шведский представитель в Санкт-Петербурге уверяет канцлера Бестужева, что никаких изменений в конституцию шведы вносить не собираются.
- 26 августа: Смерть шведского посланника Хёпкена в Москве; временным поверенным в делах становится его секретарь Сегебаден.
- 27 августа: Гиндфорд получает отзывную грамоту.
- 2 сентября: Во время отпускной аудиенции Гиндфорд получает из рук императрицы 8000 рублей и табакерку, украшенную брильянтами; императрица также вручает английскому дипломату письмо, где выражает сожаление о его отъезде.
- 14 октября: Бестужев получает от шведского канцлера Тессина письмо с извещением о приезде в Россию бывшего шведского резидента в Саксонии, Грейфенхейма.

- 25 октября: Панин получает прибавку к жалованью — 6 000 рублей на личные нужды.
- 30 октября: Бернес получает назначение на должность австрийского посла в Санкт-Петербурге.
- 4 ноября: Панин снова получает из Санкт-Петербурга приказ воспрепятствовать любым изменениям шведской конституции и в случае необходимости привлечь к решению этой задачи датского резидента.
- 22 ноября: Гай Диккенс становится преемником Гиндфорда на посту английского посла в Санкт-Петербурге.
- 20 декабря: Начало тайных переговоров в Санкт-Петербурге между Бернесом и Гаем Диккенсом; речь идет о присоединении Англии к австро-русскому союзному договору.
- 27 декабря: Грейфенхейм, новый шведский чрезвычайный посланник, приезжает в Россию.

1750

- 9 января: Претлак сменяет Бернеса в Санкт-Петербурге. Тем не менее Бернес остается в русской столице до 6 апреля и продолжает переговоры.
- 26 января: Грейфенхейм объявляет Бестужеву, что наследник шведского престола уступает свои права на Шлезвиг Дании.
- Февраль: Датский посол по особым поручениям Линар тщетно старается убедить великого князя Петра Федоровича за 1 миллион ливров отказаться от своей части Шлезвиг-Гольштейна.
- 17 февраля: Гольц, ссылаясь на нездоровье, объявляет о своем отзыве из Санкт-Петербурга.
- 24 февраля: Гольц покидает русскую столицу, получив в подарок табакерку, украшенную бриллиантами, и подарки стоимостью в 1 400 рублей. Его место занимает Варендорф.
- 19 мая: Варендорф официально объявлен полномочным министром; 27 мая он получает аудиенцию у императрицы.

Хронология. 1750

- 25 октября: Гросс получает приказ вместе со всей своей свитой покинуть Берлин.
- 30 октября: Англия присоединяется к союзному договору между Россией и Австрией, но не подписывает сепаратные статьи, направленные против Пруссии и Франции.
- 17 ноября: В Вене умирает Ланчинский.
- 21 ноября: Гросс покидает Берлин, не испросив отпускной аудиенции у Фридриха II.
- 2 декабря: Варендорф пишет Бестужеву письмо с просьбой выдать ему паспорт для отъезда в Пруссию.
- 4 декабря: Прусский посланник получает от русского двора декларацию, в которой поспешный отъезд Гросса из Берлина обосновывается в оскорбительных выражениях.
- 12 декабря: Варендорф покидает Санкт-Петербург, не испросив отпускной аудиенции; декларацию Бестужева он отправляет назад почтой 14 января 1751 года из Кенигсберга; до адресата она не доходит.
- 12 декабря: Присоединение Англии к русско-австрийскому договору ратифицировано конвенцией.
- 25 декабря: Гросс приезжает в Санкт-Петербург. Отношения между Пруссией и Россией прекращаются до 22 марта 1762 года.

Библиография

Рукописные источники

GEHEIMES STAATSARCHIV PREUSSISCHER KULTURBESITZ,
DAHLEM (anc. Dienststelle Merseburg, Abteilung II)

Série: Russie

Rep. XI, 91 Auswärtige Beziehungen, Russland: Depeschen und Berichte von A. von Mardefeld und C. W. von Finckenstein (1740–1749); 42E, 43A, 44A, 44C, 45A, 46A; 46B; 46D; 49A; 49B; 49C; 50B; 53A; 54B; 56A; 58A; 58C; A 3d; A 3h; B 1; B 2c; B 2d; C 2d; 157C.

Rep. XI, 91 Depeschen und Berichte von B. von der Goltz und C. H. Warendorff (1746–1751); 50B, 55B, 58A, 60B, B Conv. D, B Conv. 2d, C Conv. 2b, C Conv. 2g.

54E, Denkschrift Mardefelds über die Persönlichkeiten am russischen Hofe.

56B, Relation de la cour de Russie de Finckenstein.

Rep. 96, Geheimes (Zivil-)Kabinett, ältere Periode, Russland, Berichte von A. von Mardefeld und C. W. von Finckenstein (1740–1749); 55A; 55B; 55C; 55D; 55E; 55F; 55H; 55K; 55M; 55N.

Rep. 96, Geheimes (Zivil-)Kabinett, ältere Periode, Russland, Berichte von B. von der Goltz und C. H. Warendorff (1746–1751); 55C, 55M, 55N, 55H, 56A, 56B, 56C.

Rep. 81, I Gesandtschaften (Residenturen) und (General-) Konsulate: Petersburg. Papiere von A. von Mardefeld.

Série: France

Rep. XI, 89 Auswärtige Beziehungen, Frankreich: Depeschen und Berichte von Le Chambrier (1740–1751); Fasc. 130–169.

Rep. XI, 89 Allgemeine Korrespondenzen, Frankreich: Privata 2–12.

Rep. XI, 89 Frankreich: Varia 2–5.

Rep. XI, 89 Frankreich: Fasc. F, G, H, J, L, M, O.

Rep. XI, Gesandtschaften (Residenturen) und (General-) Konsulate: Paris.

Série: Autriche

Rep. I, Beziehungen zum Kaiser, Abt IV, 1 f-g: Preussische Gesandte in Wien (1738–1809); Abt V, 1 a-c: Oesterreichische Gesandte in Berlin (1740–1812).

Rep. I, Korrespondenzen mit dem kaiserlichen Hofe: 83 B3 (1742); 84 (1746); 85A (1746); 85A 1–4 Podewils Relationen und Manifeste (1746); 85C (1–2) Acta betreffend den dresdener Frieden (1746); 85D Korrespondenzen mit den kaiserlichen Hofe (1746); 88A 1–11 (1747); 88B 1–2; 90, 1–3 (1748).

Rep. XI, 186 Auswärtige Beziehungen, Oesterreich: Interzessionen, Fasc 1–3.

Rep. 81, Gesandtschaften (Residenturen) und (General-)Konsulate: Wien: , I, no 16–18a, Konzepte der Relationen Dohnas und Reskripte des Königs an denselben (1742–1744); Konzepte und Relationen des Grafen von Finckenstein an den König (1744–1746); I, 19–25, 27, 30–63, Reskripte an Podewils und Konzepte von Relationen desselben (1746–1750); II, 49 Reskripte an Podewils und Konzepte von Relationen desselben, u. a. über die Schrift *Politische Historie des Staatsfehlers* (1746).

Rep. 96, Geheimes (Zivil-)Kabinet, ältere periode, Oesterreich. Korrespondenzen mit den Ministern Podewils, Graeve u. a.; 43 L, M, N, O (1746); 43 P, Q, R, 44 A, B, C, D (1747); 82 Nn (1747); 44 E, F, G, (1748).

VARIA

Rep. 92, Nachlass Axel von Mardefeld (–1748) Kleiner diplomatischer Nachlass (Schweden Russland).

Rep. 92, Nachlass Heinrich von Preussen, politisch-militärischer Nachlass 1727–1798.

Rep. 92, Nachlass Heinrich von Podewils (–1760) Nachlass 1717–1760, autobiographische Aufzeichnungen, Kabinettsorders Friedrich des Grossen.

Rep. 92, Nachlass Graf Victor Friedrich zu Solms (–1783); Geschäftsnachlass (1751–1783); Korrespondenz mit Friedrich dem Grossen und dem Prinzen Heinrich.

ARCHIVES DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES,
QUAI D'ORSAY

Correspondance politique: Russie, vol. XXXII–L (1740–1748) et suppléments t. 6 et 7 (Correspondances et documents divers des ministres de La Chétardie et Dallion écrits dans les années 1740 à 1748).

Mémoires et documents: Russie

T. I: «Essai historique sur le gouvernement de Russie»; «Etat et intérêts politiques de la Russie»; «Extraits du journal du Sr Morambert de 1741 à 1762».

T. III: «Sur les vues de la cour de Russie en 1725 pour le mariage de la princesse Elisabeth Petrovna, fille du feu Empereur Pierre I, avec le Roi de France Louis XV, décembre 1725»; «Sur les espérances conçues à la cour de Russie en 1725 que le roi Louis XV pouvoit épouser la princesse Elisabeth, seconde fille de feu le czar Pierre Ier, par N. L. Ledran, 8 décembre 1725»; «Sur le cérémonial des lettres écrites aux Roys de France par les czars de la Grande Russie, par N. L. Ledran, 2 avril 1718»; «Sur le cérémonial observé en France à l'égard des ministres envoyés par les czars de la Grande Russie, p. N. L. Ledran, septembre 1717»; «Dissertation sur les titres donnés au czar de la Grande Russie dans les traités et autres actes, par N. L. Ledran, premier commis des affaires étrangères, 1728»; «Addition au mémoire sur les titres des czars et Czarines dans leurs traités [vers 1756]».

T. VI: «Décret de Maurice de Saxe, Duc de Courlande et de Sémigallie, Paris, 5 mai 1741»; Note sur le duc de Courlande, 8 novembre 1746.

T. IX: «Mémoire historique concernant les différends de la Russie et de la Suède depuis la conclusion du traité de la paix d'Aix-la-Chapelle jusqu'à la fin de l'année 1750 avec une explication des demandes de la maison de Holstein au Roy de Danemark» (s. d.); «Etat des revenus de l'empire de Russie pour l'année 1750»; «Etat des provinces et des villes de la Russie» (1752); «Mémoire sur la Russie» (novembre 1754).

T. XIV: «Etat des troupes de l'impératrice de Russie en 1748»; «Etat abrégé des troupes de l'impératrice de Russie en 1748»; Etat général des troupes de l'impératrice de Russie en 1748»; «Détail d'un régiment d'infanterie russe de campagne de deux bataillons en 1749»; «Etat des troupes de Russie qui sont dans les villes et les forteresses le long de la mer Baltique, lesquelles sont actuellement complètes à St-Pétersbourg, Cronstadt, Flussenbourg, Narva, Kexholm, Wibourg, Wimanstrand et Friederichsham» (1750).

T. XXX: «Mémoire remis sur la Russie remis à Mr le Ms de La Chétardie par le Sieur de Valdancourt au commencement du règne de l'impératrice Elisabeth, 1741»; «Manifeste de la czarine Elisabeth, Pétersbourg 25 septembre/1er octobre 1741»; «Relation de l'élévation de la Princesse Elisabeth au trône de Russie, Pétersbourg, 28 novembre/9 décembre 1741»; «Note sur les événements politiques en Russie» (s. d.); «Nouvelles politiques de Moscovie, juin 1742»; «Extrait du traité entre la Russie et l'Angleterre du 11 décembre 1742»; «Extrait du traité entre la Russie et l'Angleterre du 11 décembre 1742»; «Instruction au Sieur Marquis de La Chétardie, retournant de la part de Sa Majesté auprès de la czarine de Russie, septembre 1743»; «Mémoire sur M. de La Chétardie et le sieur Dupré, son secrétaire» (septembre 1743); «Sur ce qui s'est passé lorsque Monsieur Dallion, ministre plénipotentiaire du roi en Russie, fut autorisé à donner le titre d'impératrice à la czarine Elisabeth» (Dépêche du 11 septembre 1743); «Mémoire sur la question s'il a été promis de la part du Roi une somme de 12 000 roubles au Sieur Lestocq» (20 septembre 1743); «Déclaration de la Russie au Danemark sur les préparatifs contre la Suède» (octobre 1743); «Raisons pour et contre l'alliance de la France avec la Russie, extrait de la *Gazette de Berne*» (11 novembre 1743). «Déclaration faite au nom de la czarine au Ms de La Chétardie» (17 juin 1744); «Instruction du Roi au Sieur Dallion, retournant en Russie avec caractère de ministre plénipotentiaire de Sa Majesté dont il a été précédemment revêtu auprès de la czarine» (1er août 1744); «Considérations sur les dépêches du Ms de La Chétardie datées de Memel le 24 juillet 1744, par M. Ledran, premier commis des affaires

étrangères» (31 août 1744); «Projet d'une note sur la Russie, en date du 8 avril 1746»; «Extrait du traité défensif renouvelé entre la czarine et la Reine de Hongrie pour vingt-cinq ans, signé à Pétersbourg le 22 mai 17 et ratifié le 12 juillet» (1746); «Extrait du traité d'alliance défensive entre Sa Majesté impériale de toutes les Russies et Sa Majesté la Reine de Hongrie et de Bohême, conclu le 22 mai 1746 et ratifié le 2/12 juillet suivant»; «Anecdotes de la cour de Russie» (1747); «Etat présent de la cour de Russie» (1747); «Plan pour fermer le passage de l'Empire aux Russes», par M. Huwyn de Terheyden, Bruges, 14 janvier 1748; «Mémoire sur les Russes dans l'Empire» (s. d.); «Raisonnement politique sur l'état actuel de la Russie, de la Suède et de la Pologne et sur l'intérêt du roi de Prusse à diminuer la puissance de la Russie de concert avec la Suède et la Pologne, par M. de Valory, 25 janvier 1749»; «Mémoire sur la Russie, 1749» (religion, pouvoir du souverain, forces militaires, artillerie, marine, commerce, etc); «Mémoire sur la Suède et sur la Russie, par le baron de Scheffer» (6 avril 1749); «Projet de déclaration sur les affaires du Nord, 8 avril 1749»; «Le système des Russes et de leurs adhérents dévoilé, avril 1749» (par le baron de Spohn); «Mémoire sur le caractère de la czarine» (Stockholm, 23 septembre 1749); «Anecdotes de Russie» (10 novembre 1749); «Projet de déclaration sur les affaires de Suède et de la Russie» (19 février 1750); «Questions proposées à un officier général russe général russe qui a une connaissance exacte des forces, des moyens et des ressources de l'empire de Russie — Réponses de l'officier général russe aux questions proposées» (22 mai 1750); «Etat actuel du ministère de Russie, par M. De Tyro, Berlin, 1752».

T. XXXIV: «Etat présent de la Russie, son gouvernement, ses finances, les revenus de la Couronne, sa dépense, ses forces et son commerce, 1740»; «Courte relation sur la Russie envoyée de St-Pétersbourg en novembre 1741»; «Rapport sur la dernière révolution en Russie, Pétersbourg, 9 décembre 1741»; «Manifeste de la czarine Elisabeth du 28 novembre/6 décembre 1741»; «Note sur la Russie, par M. Pfeffel» (vers 1746); «Mémoire sur la Russie, ou Journal pour les années 1736 à 1745», suivi des «Mémoires du baron de Huysen sur la Russie, 1746-1747».

T. XXXIX: «Correspondance politique de Monsieur Dallion, ministre de France à la cour de Russie dans les années 1744 et 1745, écrite de sa propre main» (Conservée dans la coll. P. Dubrovskij à Pétersbourg, la copie par M. Howyn de Tranchère était conservée aux Archives de la Bastille).

HAUS- HOF UND STAATSARCHIV, WIEN

Russland I: Russica der Reichshofkanzlei, Carton 33 (1739–1745); Carton 34 (1746–1748); Carton 35 (1749–1752).

Russland II, Neuere Akten, Reichshofkanzlei, Hofkanzlei und Staatskanzlei:

Berichte

- 21) Berichte, 1740; 22) Berichte, janvier–juillet 1741; 23) Berichte, août-décembre 1741 et janvier–juin 1742; 24) Berichte, juillet–décembre 1742 et janvier–juillet 1743; 25) Berichte, août-décembre 1743 et janvier–décembre 1744; 26) Berichte, janvier–décembre 1745; 27) Berichte, janvier–décembre 1746; 28) Berichte, janvier–juin 1747;

- 29) Berichte, juillet-décembre 1747; 30) Berichte, janvier-juin 1748;
31) Berichte, juillet-décembre 1748; 32) Berichte, janvier-octobre 1749;
33) Berichte, novembre-décembre 1749 et janvier-octobre 1750;
34) novembre-décembre 1750.

Weisungen

- 141) Weisungen, janvier-juin 1740; 142) Weisungen juillet-décembre 1740; 143) Weisungen, janvier-mars 1741; 144) Weisungen, avril-mai 1741; 145) Weisungen, juin-décembre 1741; 146) Weisungen, janvier-décembre 1742; 147) Weisungen, janvier-décembre 1743 et janvier-juin 1744; 148) Weisungen, janvier-mars 1744 et janvier-février 1745; 149) mars-décembre 1745 et janvier-mai 1746; 150) juin-décembre 1746 et janvier-mars 1747; 151) avril-août 1747; 152) Weisungen, octobre-décembre 1747 et janvier-mai 1748; 153) Weisungen, juin-décembre 1748; 154) Weisungen, janvier-juillet 1749; 155) août-décembre 1749 et janvier-mars 1750; 156) Weisungen, avril-décembre 1750 et janvier-avril 1751.
- 206) Instruktionen 1721-1755.
- 209) Mémoires 1738-1805.
- 210) Hofkorrespondenz 1707-1785.
- 212) Korrespondenz zwischen Ulfeld und Bernes 1748-1749.
- 217) Botschaft Petersburg mit kaiserlichen Hofstellen 1734-1806.
- 224) Noten der russischen Gesandtschaft 1723-1779.
- 228) Notifikationen an Russland 1741-1805 / Notifikationen von Russland 1707-1799.
- 229) Kommunikationen der russischen Botschaft 1721-1782.
- 233) Kommunikate der Staatskanzlei 1749-1803 / Bilete der Staatskanzlei 1744-1782.
- 236) Varia (Fasc. II) 1741-1798.

Библиографии, словари и справочники*

Allgemeine deutsche Biographie, Leipzig, München, Hsg. von der historischen Kommission bei der bayrischen Akademie der Wissenschaften, 1855-1878, B. 1-56.

ANTOINE, Michel, *Le Gouvernement et l'administration sous Louis XV*, *Dictionnaire biographique*, Ed. du CNRS, 1978.

Neue deutsche Biographie, Berlin, Duncker & Humblot, 1953, 17 vol. publiés.

Bibliographie zur osteuropäischen Geschichte bis 1941, éd. W. Philipp et K. Meyer, Berlin, Harrassowitz, 1972 et 1983, B. 1-2.

BIL'BASSOV, Vassilij A., *Catherina II. im Urteil ihrer Zeitgenossen*, Berlin, J. Råde, 1897.

---

* У книг, изданных в Париже, место издания не указывается.

Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750–1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben, p. p. C. von Würzbach, Wien, L. C. Zamarski, 1856–1891, B. 1–60.

BITTNER, Ludwig, *Gesammtinventar des Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchivs*, Wien, Inventare österreichischer Staatlicher Archive, 1936–1940, B. 1–5.

BITTNER, Ludwig, *Chronologisches Verzeichnis der Österreichischen Staatsverträge von 1526–1763*, Wien, Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Oesterreichs 1, 1903.

British Diplomatic Instructions (1689–1789), p. p. J. F. Chance et L. G. Wickham Legg, London, Cambden Series, 1922–1928.

Catalogue de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Pétersbourg; section de Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, Saint-Pétersbourg, 1873; Amsterdam, P. Schippers, 1964, 2 vol.

CIAMPI, Sebastiano, *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altri parti settentrionali*, Florence, Allegri & Mazzoni, 1834.

CIORANESCU, Alexandre, *Bibliographie de la littérature française du XVIIIe siècle*, Ed. du CNRS, 1969, 3 vol.

CLENDENNING, Philipp, *Eighteenth Century Russia, a Select Bibliography of Works Published since 1955*, Newtonville, Oriental Research Partners, 1981.

COX, Edward G., *A Reference Guide to the Literature of Travel*, Seattle, University of Washington Press, 1935–1938, 2 vol.

CROWTHER, Peter A., *A Bibliography of Works in English on Early Russian History to 1800*, Oxford, Blackwell, 1969.

Dictionnaire de biographie française, p. p. M. Prévost, J. Roman d'Amat, Librairie Letouzey, 1933–1980, 17 vol. parus.

Dictionnaire des lettres françaises, XVIIIe siècle, p. p. Mgr G. Grente, Fayard, 1960, 2 vol.

Dictionary of National Biography, London, Smith, Elder & Co, 1908–1949, 63 vol.

Dizionario biografico degli Italiani, Roma, Istituto della Enciclopedia italiana, 1960–1993, 43 vol. parus.

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, Neufchastel, chez Faulche, 1765, t. XIV.

FIRTH, Charles H., LOMAS, Sophia C., *List of Diplomatic Representatives 1603–1789*, Oxford, Clarendon, 1906–1909.

GARNIER, E.-A., *Bibliographie de la Russie. Répertoire méthodique des ouvrages en langue française relatifs à l'Empire de toutes les Russies qui se trouvent à la Bibliothèque Nationale de Paris*, Fascicule I, Histoire, P. Rouveyre Editeur, 1892.

GMELINE, Patrick de, *Dictionnaire de la noblesse russe*, Ed. Contrepoint, 1978.

Библиография

- GUERARD, François Marie, *Liste des ambassadeurs, envoyés, ministres et autres agents politiques de la Cour de France*, Imprimerie de Pihan de La Forest, 1833.
- HARTLEY, Janet M., *Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union*, London, New York, Mansell Publishing Limited, 1987.
- HARTLEY, Janet M., *The Study of Russian History from British Archival Sources*, London, New York, Mansell Publishing Limited, 1985.
- HORN, David Bain éd., *British Diplomatic Representatives, 1689–1789*, Oxford, Camden Society, 1932.
- ISENBURG, Wilhelm Karl, *Stammtafeln zur Geschichte der Europäischen Staaten*, Marburg, Ed. F. Freytag von Loringhoven, 1953, B. 1–2.
- LESURE, Michel, *Les Sources de l'histoire de Russie aux Archives Nationales*, Mouton, 1970.
- Lexikon der Geschichte Russlands, von den Anfängen bis zur Oktober-Revolution*, p. p. H.-J. Torke, München, 1985.
- MICHAUD, Louis G., *Biographie universelle ancienne et moderne*, chez Mme C. Desplaces, 1811–1862, 85 vol.
- MINZLOFF, Rodolphe, *Pierre le Grand dans la littérature étrangère*, publiée à l'occasion de l'anniversaire deux fois séculaire de la naissance de Pierre le Grand d'après les notes de M. le comte de Korff, Pétersbourg, Glasounow, 1872.
- NERHOOD, Harry, *To Russia and Return, An Annotated Bibliography of Travelers' English Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present*, Ohio, Columbus, 1968.
- The New Guide to the Diplomatic Archives of Western Europe*, p. p. D.H. Thomas et L. M. Case, University of Pennsylvania Press, 1975.
- Repertorium der diplomatischen Vetreter aller Länder seit dem Westfälischen Friedens*, B. II, 1716–1763, p. p. Friedrich Hausmann, Zürich, Fretz & Wasmuth, 1950.
- WICHIMANN, Burchard H. von, *Chronologische Übersicht der russischen Geschichte von der Geburt Peter des Grossen bis auf die neuesten Zeiten*, Leipzig, Gleditsch, 1821.
- Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1896–1902. Т. 1–4.
- Рукописная картотека книг о России из Берлинской государственной библиотеки (серия Уе), которые в настоящее время находятся в Кракове.

Печатные источники

- ADAM, Wolf, «Die Relationen des Grafen Otto von Podewils über den Wiener Hof in den Jahren 1740–1748», *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*, № V, 1850.

AHNERT, Christian Gotthelf, *Lehrbegriff der Wissenschaften, Erfordernisse und Rechte der Gesandten*, Dresden, In der Waltherschen Hofbuchhandlung, 1784, B. 1–2.

Der allerdurchlauchtigsten [...] Elisabeth Petrowna [...], Personalia, Riga, s. éd., 1762.

Allerunthertänigster Glück-Wunsch zum Antritt der Regierung I. M. der Kayserin Elisabeth Petrowna am Gedächtniss-Fest der Geburt I. K. H. den 18. Dec. abgefasst von der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, Sankt Petersburg, 1741.

Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie, tirées de ses archives [...] publiées par un voyageur qui a séjourné treize ans en Russie, Londres, Buisson, 1792.

ARGENSON, René de Voyer de Paulmy marquis d', *Journal et mémoires du marquis d'Argenson*, p. p. J.-B. Rathéry, Renouard, 1859–1864, 9 vol., en particulier t. IV et V.

ARNDT, Johann Gottfried, *Der Liefpländischen Chronik Erster Theil von Liefland unter seinen ersten Bischöfen, welcher die alte Geschichte der Russen, Deutschen, Schweden, Dänen, Liven, Letten, Litthauer, Curen und Semgallen erleutert. Oder die Origines Livoniae Sacrae et Civilis [...]*, Halle, gedruckt bey Joh. Justinus Gebauer, 1747.

AYRER, Georg Heinrich, *Der höchsterfreuliche Geburtstag der Allerdurchlauchtigsten Kayserin von Russland soll den 29. Dec. 1751 durch eine feyerliche Rede begangen werden*, Göttingen, Schulz, 1751.

BARBIER, Edmond-Jean-François, *Chronique de la Régence et du règne de Louis XV (1718–1763), ou Journal de Barbier*, Charpentier, 1885, 7 vol.

BARBIER, Edmond-Jean-François, *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV*, p. p. A. de Villegille, Renouard, 1847–1856, 4 vol.

Bedencken über zwe Vermählungen, womit das Geschlecht der alten Grossfürsten von Russland vermehret werden wollen. Nach dem Petersburgischen Original gedruckt, Göttingen, im Verlag Victorin Bossiegels, 1754.

Begebenheiten eines Moscowiters, Frankfurt und Leipzig, Verlegt Johann Gottfried Bauer, 1752.

Beyträge zur neuesten Staatsgeschichte des russischen Reiches, in Briefen, London, auf Kosten der Gesellschaft, 1764.

BERNIS, François-Joachim de Pierre, *Cardinal de Bernis, Mémoires et Lettres*, p. p. F. Masson, Plon, 1878, 2 vol.

BIGGS, William, *The Military History of Europe; from the Commencement of the War with Spain in 1739 to the Treaty of Aix-la-Chapelle in 1748*, London, Baldwin, 1755.

BYNKERSHOEK, Cornelis van, *Traité du juge compétent des ambassadeurs, tant pour le civil que pour le criminel*, trad. J. Barbeyrac, La Haye, T. Johnson, 1723.

CALLIERES, François de, *De la manière de négocier avec les souverains. De l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyez et des qualitez nécessaires pour réussir dans ces emplois*, Paris, M. Brunet, 1716.

CATHERINE II, *Memoiren und Chroniken*, p. p. E. Böhme, Leipzig, Insel-Verlag, 1986, 2 vol.

CHAPPE D'AUTEROCHE, Jean, *Voyage en Sibérie*, Amsterdam, Rey, 1768.

CHESTERFIELD, Philip Dormer Stanhope, *Natural Reflections on the Present Conduct of his Prussian Majesty*, London, s. éd., 1744.

Chronique scandaleuse des Petersburger Hofes seit den Zeiten der Kaiserin Elisabeth; aus den Nachlasse eines alten Staatsmannes, Dresden, Furth, 1832.

CONTANT D'ORVILLE, André G., *Les Fastes de la Pologne et de la Russie*, J.-P. Costard, 1769–1770, 2 vol.

Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc. et autres documents relatifs au ministère secret [...], p. p. E. Boutaric, Plon-Nourrit, 1866, 2 vol.

Denkwürdigkeiten der Geschichte Ihro letztverblichenen Kaiserlichen Majestät Elisabetha Petrovna, Selbstherrscherin aller Reussen etc, Frankfurt und Leipzig, s. éd., 1762.

DOLGORUKOV, Pierre, *Mémoires*, Genève, Cherbuliez, 1867, 2 vol.

DUFORT DE CHEVERNEY, Jean N., *Mémoires sur les règnes de Louis XV et de Louis XVI et sur la Révolution*, p. p. R. de Crèvecœur, Plon-Nourrit, 1886, 2 vol.

DUMONT, Jean, *Corps universel diplomatique du droit des gens*, Amsterdam, P. Brunel, 1726–1731.

DUMONT, Jean, ROUSSET, Jean, *Le Cérémonial diplomatique des cours d'Europe*, Amsterdam, Janssons et Wacsberge, 1739, 5 vol. Supplément au Corps universel diplomatique du Droit des gens, t. IV–V.

EON DE BEAUMONT, Charles, *Les Loisirs du chevalier Eon de Beaumont*, Amsterdam, s. éd., 1774, t. V et VI.

EON DE BEAUMONT, Charles, *Lettres, mémoires et négociations*, Londres, Dixwell, t. I, 1764.

ESPIARD, François-Ignace, *Essai sur le génie et le caractère des nations*, Bruxelles, F. Léonard, 1743, 3 vol.

FASSMANN, David, *Gespräche in dem Reiche derer Todten*, Leipzig, W. Derr, 1718, B. XVI.

FASSMANN, David, *Besondere Nationen-Gespräche, Oder Curieuse Discurse Über die Jetzigen Conjunctionen und wichtigsten Begebenheiten [...]*, Berlin, bey Ambrosius Haude, 1730 sq.

FLAMMERMONT, Jules, *Les Correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la révolution*, 1896, Nouvelles Archives des missions scientifiques et littéraires, VIII.

FLASSAN, Gaëtan de Raxis de, *Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, depuis la fondation de la monarchie jusqu'à la fin du règne de Louis XVI*, Lenormant, 1809.

FLETCHER, Gilles, *Of the Russian Common-Wealth*, in: *Russia at the close of the sixteenth century*, New York, B. Franklin Publisher, 1976.

FONTENELLE, *Eloge à Pierre le Grand, Oeuvres complètes*, Genève, Slatkine Reprints, 1968.

Fortgesetzte Geschichte Ernst Johannis von Biron, Herzogs in Liefland, zu Curland und Semgallien, in verschiedenen Briefen entworfen, Frankfurt und Leipzig, s. éd., 1764.

FREDERIC II, *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen*, p. p. J.-G. Droysen, M. Ducker, H von Sybel, A. Naudé, K. Trensck von Buttlar, O. Hermann, G. B. Volz, Berlin, Duncker, 1879–1912, B. 1–35.

- *L'Anti-Machiavel*, éd. R. Naves, Cercle du bibliophile, 1970.
- *Briefwechsel Friedrichs des Grossen mit Voltaire*, éd. R. Koser et Hans Droysen, Leipzig, Publikationen aus den Königl. preussischen Staatsarchiven, B. LXXXI, 1908.
- *Correspondance de Frédéric Second avec le comte Algarotti*, Lettre du 17 janvier 1741, Berlin, Gropius, 1837.
- *Correspondance familière et amicale de Frédéric Second, roi de Prusse, avec U. F. de Suhm*, Bâle et Leipzig, Decker, 1787.
- *Histoire de la Guerre de Sept Ans, Oeuvres de Frédéric le Grand*, t. IV, Berlin, Decker, 1846–1857.
- *Histoire de mon temps*, éd. Max Posner, Leipzig, Publikationen aus den Königl. preussischen Staatsarchiven, t. IV, 1879.
- *Des moeurs, des coutumes, de l'industrie, des progrès de l'esprit humain dans les arts et dans les sciences, Oeuvres de Frédéric le Grand*, t. I, Berlin, R. Decker, 1846.
- *Poésies diverses*, «La guerre de 1747», Berlin, C. F. Voss, 1760.
- *Testament politique de 1752, Die politischen Testamente Friedrichs des Grossen*, Berlin, R. Hobbing, 1920.
- *Les Troubles du Nord, Oeuvres de Frédéric le Grand*, t. X, Berlin, R. Decker, 1846–1852.

Gegenwärtiger Zustand der Russischen Monarchie in Europa und Asia In welchen nicht allein eine Lebens-Beschreibung der jetztregierenden Majestät Elisabeth I. Sondern auch das remarquabelste aus der Russischen Historie, die Seltenheiten der Natur derer dortigen Länder, mit der Verfassung der Kriegs-Macht zu Wasser und Land, und andere zu der politischen Kenntniss dieses Reichs gehörenden Nachrichten zu finden sind. Erfurt, J. D. Jung, 1749.

Geschichte Ernst Johannis von Biron, Herzogs in Liefland, zu Curland und Semgallien, in verschiedenen Briefen entworfen, Frankfurt und Leipzig, s. éd., 1764.

Das glückselige Russland unter der Regierung der grossen Kayserin Anna, Erster Theil, p. p. J. Perry; Zweiter Theil, p. p. J. Wartis, Dantzig, Auf Kosten guter Freunde, 1736.

GMELIN, Johann Georg, *D. Johann Georg Gmelins der Chemie und Kräuterwissenschaft auf der hohen Schule zu Tübingen öffentlichen Lehrers Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743*, Göttingen, Vandenhoeck, 1751–1752.

GOUDAR, Ange de, *Mémoires pour servir l'histoire de Pierre III, empereur de Russie. Avec un détail historique des différends de la maison de Holstein avec la cour de Dannemarc*, Frankfurt a. M., aux Dépens de la Compagnie, 1763.

GROTIUS, Hugues [de Groot], *Le Droit de la guerre et de la paix*, trad. J. Barbeyrac, Bâle, Thourneisen, 1746, 2 vol.

GROTIUS, *Le Droit de la guerre et de la paix*, p. p. et trad. M. P. Pradier-Fodéré, Guillaumin, 1875–1867, 3 vol.

GULDENSTAEDT, J. A., *Reisen durch Russland*, Petersburg, bey der Akademie der Wissenschaften, B. 1–2.

HANWAY, Jonas, *A Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea with the Author's Journal of the Travels from England into Persia, and back through Russia, Germany and Holland*, London, Sewell, 1754, 2 vol.

HAVEN, Peter von, *Reise in Russland*, aus dem Dänischen ins Deutsche übersetzt von H. A. R., Kopenhagen, Rothe, 1744.

HELBIG, Adolf Wilhelm von, *Russische Günstlinge*, Tübingen, Cotta, 1802.

HASSEN, Martin, *Die Wahre Staats-Klugheit, In gewissen Staats-Grundsätzen [...] vorgetragen und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel des Russischen Kayzers, Peter des Grossen [...]*, Aus dem im Druck vorhandenen Lebensbeschreibungen und Geschichten durchgehends bestätigt von Martin Hassen, Leipzig, F. Lanckischens Erben, 1739.

HEMPEL, Christian Friedrich, *Merckwürdiges Leben Des Unter dem Namen des Grafen von Biron, Weltbekannten Ernst Johann Bürens, Gewesenen Regentens des Russischen Reichs, auch Herzogs, in Liefland, zu Curland, und Semgallien etc. Aus zuverlässigen, von Petersburg aus überschriebenen Nachrichten, aus öffentlichen Urkunden, umständlich, und unpartheyisch, beschrieben, und zum Druck befördert*, Bremen, Saurmann, 1742.

HERBERSTEIN, Sigmund von, *Die Moscovitische Chronica, das ist eine gründtliche Beschreibung oder Historia des grossfürsten in der Muskauw, sampt derselben Fürstenthumb und Länder, auch dess trefflichen Landts zu Reussen [...]*, éd. H. Pantaleon, Frankfurt a. M., J. Schmidt, 1563.

HERVEY, John, *Memoirs of the Reign of George the Second, from his Accession to the Death of Queen Caroline*, London, J. Murray, 1848, 2 vol.

HILDE, Friedrich Gottlieb, *Die ausnehmend herrliche Belustigung dankbegieriger Seelen wurde an dem über die erfreuliche Geburt J. K. H. des Gross-Fürsten Paulus Petrowitz Hochverordneten Dank-Fest der Wolmarschen Gemeinde fürgetragen*, Königsberg, s. éd., 1755.

HILFERDING, Peter, *An dem Nahmens-Tage der Allerdurchlauchtigsten Frauen Elisabeth Petrowna, Kayserin wolten ihre Devotion bezeigen die... Comödianten unter dem Directorio Peter Hiferdings, in Aufführung eines Vorspiels genannt: «Die Versicherte Ruhe des Vaterlandes»*, Sankt-Petersburg, s. éd., 1750.

HOTMAN, Jean, *De la charge et dignité d'ambassadeur*, Düsseldorf, Busius, 1713.

KAUNITZ, Wenzel von, «Denkschrift», p. p. Rainer Pommerin in: *Zeitschrift für historische Forschung*, Beiheft 2, 1986, S. 168–239.

KHEVENHÜLLER-METSCH, Rudolf von, *Aus der Zeit Maria Theresias, Tagebuch des Fürsten Johann Joseph von Khevenhüller-Metsch, kaiserlicher Oberhofmeister 1742–1776*, Wien, Leipzig, A. Holzhausen, 1907–1923, 7 vol.

- KORB, Johann Georg, *Diarium itineris in Moscoviam*, Wien, L. Voigt, 1700.
Krönungs-Geschichte oder umständliche Beschreibung des Einzugs und Krönung I. K. M. Elisabeth Petrowna, Nach dem russischen Original eingerichtet, Sankt-Petersburg, s. éd., 1745.
- Kurzgefasste Politische Geographie zur Erläuterung eines kleinen, in Russischer Sprache publicierten Atlantis entworfen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften*, Sankt-Petersburg, Akademie der Wissenschaften, 1745.
- LACOMBE, Jacques, *Abrégé historique de l'histoire du Nord*, Hérissant, 1762.
- LACOMBE, Jacques, *Geschichte der Staatsveränderungen des Russischen Reichs*, Halle, Kästner, 1761.
- LA MARCHE, M. C. F. S. de, *Histoire et anecdotes de la vie, du règne, du détronement et de la mort de Pierre III, dernier empereur de toutes les Russies*, etc., écrites en formes de lettres, publiées par M. C. F. S. de La Marche, London, aux Dépens de la Compagnie, 1766.
- LA MESSELIERE, Louis Alexandre Frotier de, *Voyage à Saint-Pétersbourg ou Nouveaux mémoires sur la Russie*, Panckoucke, 1803.
- LA SARRAZ DE FRANQUESNAY, J. de, *Le Ministre public dans les cours étrangères, ses fonctions, ses prérogatives*, aux Dépens de la Compagnie, 1731.
- «Lebenslauf des vormaligen Grosskanzlers Grafen Alexei Bestuschef-Riumin», *Magazin für eine neue Historie und Geographie*, Hamburg, Verl. Nicolaus Carl Buchenröders und Ritters, B. II, 1769, S. 415–432.
- LESCALOPIER DE NOURAR, Charles A., *Le Ministère du négociateur*, Amsterdam, s. éd., 1763.
- LOCATELLI, Francesco, *Lettres Moscovites*, Paris, Aux Dépens de la Compagnie, 1736.
- LOCATELLI, Francesco, *Die sogenannte Moscovitische Brieffe*, traduits et commentés par Heinrich Gross, Frankfurt et Leipzig, Montag, 1738.
- LÜNIG, Johann Christian, *Theatrum ceremoniale historico-politicum, Oder historisch- und politischer Schauplatz aller Ceremonien*, Leipzig, Weidmann, 1719–1720, 2 vol.
- LUYNES, Charles Philippe d'Albert duc de, *Mémoires du duc de Luynes sur la cour de Louis XV (1735–1758)*, p. p. L. Dussieux et E. Soulié, Firmin-Didot, 1860, 17 vol.
- MABLY, Gabriel Bonnot abbé de, *Le Droit public de l'Europe fondé sur les traités conclus jusqu'en l'année 1740*, La Haye, Van Duren, 1746.
- MABLY, Gabriel Bonnot abbé de, *Principes des négociations pour servir d'introduction au droit public de l'Europe*, La Haye, s. éd., 1757.
- MANSTEIN, Christoph Hermann von, *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1727 jusqu'à 1744*, Paris, Humblot, 1771 (рус. пер.: Перевороты и войны. М., 1997).
- MAUREPAS, Jean Frédéric Phélypeaux de, *Mémoires*, p. p. J. L. G. Soulavié, 1792, Buisson, 4 vol.
- MAUVILLON, Elzéar de, *Histoire de Pierre, surnommé le Grand, empereur de toutes les Russies, Roi de Sibérie, de Casan, d'Astracan, Grand Duc de Moscovie, etc., etc., etc.*, Amsterdam, Arkstée et Merkus, 1742.

MAUVILLON, Elzéar de, *Histoire de la vie, du règne et du détronement d'Ivan III, empereur de Russie assassiné à Schlüsselbourg dans la nuit du 15 au 16 juillet 1764*, A. Franck, 1859.

Mémoires de l'élection de l'Empereur Charles VII, La Haye, Librairies associées, 1742.

Mémoires du règne de Catherine Ière, Impératrice de toutes les Russies, Amsterdam, Arkste'e et Merkus, 1742.

Merkwürdige Geschichte Ihrer grossmächtigsten, unüberwindlichsten Majestät Elisabeth der Ersten, Kaiserin und und Selbstherrscherin aller Reussen, etc. etc. Worinne dieser itzlebenden grossen Czaarin gar seltsame und ausserordentliche Schicksale vor Ihrer Regierung, heldenmütigste Behauptung Ihrer heiligen Kronrechte, une weisesten Thaten während Ihres geführten Regiments, sowohl in Verordnungen und Verbesserungen Höchstderoselben glücklichen Staaten, als Verhalten gegen auswärtige Mächte, Verträgen, Friedensschlüssen, wie auch anderen Vorfällen und Begebenheiten mehr, bis auf gegenwärtige Zeit aus gründlichen Nachrichten gesammelt und verfasset, Nebst einer kurzen Einleitung in die Historie der Russischen Regenten von Anfang des Christenthums in diesem Nordischen Reiche, zum Vortheile derer, solcher ohndem nicht sonderlich bekannten Beschreibung, Unkundigen eingerichtet, s.l., 1759.

Merckwürdiges Leben und trauriger Fall des Weltberufenen, Russischen Staats-Ministers, Andrea Grafen von Ostermann, Ehemalich Russisch-Kayserlichen Reichs-Vice-Canzlers, und bisherigen Gros-Admirals von Russland etc, Aus sicheren Nachrichten umständlich, bis auf gegenwärtige Zeiten, beschrieben, und auf Verlangen zum Druck befördert, Bremen, Saurmann, 1742 [texte anonyme de Hempel].

MONTESQUIEU, *Réflexions sur la Monarchie universelle, Oeuvres complètes*, Seuil, 1964.

Moscovia gloriosa, Das unter Petro I höchst-glückseligst blühende Moskau, Erfurt, s. éd., 1741.

MOSER, Friedrich Karl von, *L'Ambassadrice et ses droits*, Berlin, de Bourdeaux, 1754.

MOSER, Friedrich Karl von, *Abhandlung von den Europäischen Hof- und Staatssprachen*, Frankfurt a. M., J. B. Andreae, 1750.

MOSER, Friedrich Karl, *Kleine Schriften zur Erläuterung des Staats- und Völkerrechts*, Frankfurt a. M., J. B. Andreae, 1751.

MÜLLER, Gerhard Friedrich, *Sammlung russischer Geschichte*, Sankt-Petersburg, kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1732–1764, B. 1–10.

MÜNNICH, Johán Ernst, *Die Memoires des Grafen Ernst von Münnich*, nach der deutschen Originalhandschrift herausgegeben, Stuttgart, Cotta, 1896 (рус. пер.: Перевороты и войны. М., 1997).

MÜNNICH, Johan Ernst, «Ebauche» *du gouvernement de l'Empire de Russie*, p. p. F. Ley, Droz, 1989.

«Nachricht von dem geheimen Rathe Grafen Hermann von L'Estocq», *Magazin für eine neue Historie und Geographie*, Hamburg, Verl. Nicolaus Carl Buchenröders und Ritters, B. II, 1769, S. 433–440.

NOAILLES, Adrien Maurice de, *Mémoires politiques et militaires*, pour servir l'histoire de Louis XIV et de Louis XV, 1776–1777, Moutard, 6 vol.

ODERBORN, Paul, *Wunderbare Erschreckliche Unerhörte Geschichte und warhafftige Historien; Nemlich der nechst gewesenenen Groszfürsten in der Moschkaw Joan Basilidis [...] Leben*, Görlitz, bey Johann Rhambaw Anno 1596.

OLEARIUS, Adam, *Vermehrte neue Beschreibung der muskowitischen und persischen Reise so durch Gelegenheit einer holsteinschen Gesandtschaft an den russischen Zaar und König in Persien geschehen [...]*, Schleswig, J. Holwein, 1656.

PECQUET, Antoine, *Discours sur l'art de négocier*, Nyon, 1737.

PECQUET, Antoine, *L'Art de négocier avec les souverains*, La Haye, van Duren, 1738.

PERRY, John, *Etat présent de la Grande Russie*, La Haye, Dusauzet, 1717.

PETREIUS DE ERLESUND, Peter, *Historien und Bericht Von dem Grossfürstenthumb Muschkow [...]*, Lipsiae, Officina Bavarica, sumptibus authoris, 1620.

PHLEME, Christian Friedrich [Hempel], *Leben, Thaten, Und Betrübler Fall des Weltberufenen, Russischen, Grafens, Burchards Christophs von Münnich, Gewesenen Kayserl. Premier-Ministers, und General-Feld-Marchalls, in Russland etc, Aus sicheren Nachrichten, bis auf den heutigen Tag, umständlich beschrieben*, Braunschweig, s. éd., 1742.

Preussische und oesterreichische Akten zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges, p. p. G. B. Volz und G. Kübel, Leipzig, 1899.

PRIBRAM, Alfred Francis, *Österreichische Staatsverträge. England I (1526–1748)*, Innsbruck, Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs 3, 1907.

PUFFENDORF, Samuel, *Eléments de Droit naturel*, Janet, 1820.

PUFFENDORF, Samuel, *Le Droit de la nature et des gens*, Leiden, J. de Wetstein, 1759.

Recueil des Instructions données aux Ambassadeurs et Ministres de France depuis 1648–1789, Alcan, 1884 sq.; t. I, Autriche; t. II, Suède; t. IV et V, Pologne; t. VIII et IX, Russie, t. XVI, Prusse.

REICHARD, Elias Caspar, *Die heutige Historie oder der Gegenwärtige Staat von Russland, nach dem Englischen und dem Holländischen des Herrn Salomon und Herrn Van Goch ins Deutsche übersetzt und mit verschiedenen Zusätzen und Anmerkungen vermehrt und bis auf unsere Zeiten fortgeführt [...]*, Altona und Leipzig, Korte, 1752.

RICHELIEU, Louis François Armand du Plessis de, *Mémoires authentiques du maréchal de Richelieu*, p. p. A. de Boislisle, Société de l'Histoire de France, 1918.

RONDEAU, Lady ou Mme Vigor, *Lettres d'une Dame anglaise résidente en Russie*, Rotterdam, J. Bronkhorst, 1776.

ROUSSET, Camille, *Correspondance de Louis XV et du Maréchal de Noailles*, Dupont, 1865, 2 vol.

ROUSSET DE MISSY, *Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans, suivant leurs différens caractères [...]* pour servir de supplément à l'ambassadeur et ses fonctions de Mr de Wicquefort, Amsterdam, L'Honoré et fils, 1746.

ROUSSET DE MISSY, Jean, *Recueil historique d'actes, négociations, mémoires et traités depuis la paix d'Utrecht jusqu'à présent*, La Haye, Scheurleer, 1728–1754.

ROUSSET DE MISSY, Jean [Iwan Nestesuranoi], *Mémoires du règne de Catherine, Impératrice de toutes les Russies, reine de Sibérie, de Casan, d'Astracan, grande duchesse de Moscovie etc., etc., etc.*, Amsterdam, Mortier, 1728.

RULHIÈRE, Claude Carloman, *Anecdotes sur la révolution en Russie en l'année 1762*, Chez les marchands qui vendent des nouveautés, 1797.

RULHIÈRE, Claude Carloman, *Histoire de l'Anarchie en Pologne, Oeuvres posthumes*, Ménard, 1792.

Russischer Atlas, welcher in einigen zwanzig Special-Carten das gesammte Russische Reich mit den angränzenden Ländern vorstellig macht, entworfen bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften, Sankt-Petersburg, Akademie der Wissenschaften, 1745.

SAINT-PIERRE, Jean Irénée Castel de, *Projet de traité pour rendre la paix perpétuelle entre les souverains chrétiens, pour maintenir toujours le commerce libre entre les nations, pour affermir beaucoup davantage les maisons souveraines sur le trône*, Utrecht, A. Schouten, 1717.

SAINT-PIERRE, Irénée Jean Castel de, *Projet d'une paix perpétuelle et générale entre toutes les puissances de l'Europe*, s. l., s. éd., 1747.

SAINT-SIMON, *Mémoires*, éd. A. de Boislisle et A. Régnier, Hachette, 1906, t. XIX.

SALDERN, Kaspar von, *Histoire de la vie de Pierre III, Empereur de toutes les Russies, présentant, sous un aspect important, les causes de la révolution arrivée en 1762*, Frankfurt a. M., Esslinger, 1802.

Sammlung der wichtigsten Urkunden welche auf das Staatsrecht der Herzogtümer Schleswig und Holstein Bezug haben, éd. N. Falck, Kiel, C. Schröder, 1847.

SCHLITTER, Hans, *Correspondance secrète entre le comte A. W. Kaunitz-Rietberg, ambassadeur impérial à Paris et le baron Ignatz von Koch, secrétaire de l'impératrice Marie-Thérèse, 1750–1752*, Société d'histoire diplomatique, 1899.

SCHMAUSS, Joahnn Jacob, *Einleitung zu der Staatswissenschaft, und Erläuterung des von ihm herausgegebenen Corporis Juris Gentium Academici und aller anderen seit mehr als zweyen Seculis her geschlossenen Bündnisse, Friedens und Commerciën-Tractaten*. Zweyter Theil, *Die Historie aller zwischen den Nordischen Potentzen, Dänemarck, Schweden, Russland, Polen und Preussen geschlossenen Tractaten in sich haltend*, Leipzig, J. F. Gleditsch, 1747.

SCHMIDT-PHISELDEK, Christoph von, *Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaiser Peter des Grossen*, mit Tafeln, dritter Theil, 1741–1762, Frankfurt a. M., Hartknoch, 1788.

SCHWAN, Christian-Friedrich, *Anecdotes russes ou lettres d'un gentilhomme livonien, écrites de Pétersbourg en 1762*, London, de la Marche, 1769.

SPON, Jean François, *Mémoires pour servir l'histoire de l'Europe depuis 1740 jusqu'à la paix d'Aix-la-Chapelle le 18 octobre 1748*, Amsterdam, la Compagnie, 1749.

- STÄHLIN, Jacob von, *Originalanekdoten von Peter dem Grossen*, Leipzig, G. I. Breitkopf, 1785.
- STÄHLIN, Karl, *Aus den Papieren Jacob von Stählin, ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Geschichte des 18. Jahrhunderts*, Königsberg, Osteuropa-Verlag, 1926.
- STIEVE, Gottfried, *Europäisches Hofzeremoniel, in welchem Nachricht gegeben wird, was es für eine Beschaffenheit habe mit der Praerogativa und dem aus selbiger fliessenden Ceremoniel [...]*, Leipzig, Gleditsch, 1723.
- STORCH, Heinrich, *Supplement Band zum fünften, sechsten und siebenten Theil des historisch-statistischen Gemäldes des russischen Reichs enthaltend archivalische Nachrichten und Beweisschriften zur neueren Geschichte des russischen Handels*, Leipzig, Hartknoch, 1803.
- STRAHLENBERG, Philipp Johann von, *Der Nord-Östliche Theil von Europa und Asia in so weit solche das ganze russische Reich mit Siberien und der grossen Tartarey in sich begreifet*, Stockholm, in Verlegung des Autoris, 1730.
- THIEBAULT, Dieudonné, *Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin*, Buisson, 1804, 4 vol.
- THIEBAULT DE LAVEAUX, Jean-Charles, *Histoire de Pierre III, empereur de Russie, imprimée sur un manuscrit trouvé dans les papiers de Montmorin, ancien ministre des affaires étrangères et composé par un agent de Louis XV, à la cour de Pétersbourg*, La Brieffe, 1799, 3 vol.
- TOURGUENEV, Alexandre, *La Cour de Russie il y a cent ans, 1725–1783; extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, Dentu, 1858 (рус. пер.: Русский двор сто лет тому назад: 1725–1783. По донесениям английских и французских посланников. СПб., 1907).
- TRENCK, Friedrich von der, *Merckwürdige Lebensgeschichte*, Berlin, Viehweg, 1787, B. 1–3.
- UHLICH, Jean Gottlieb, *Les Droits des Ambassadeurs et des autres ministres publics les plus éminents, avec un tableau qui représente les ministres négociants aux plusieurs cours de l'Europe dans les années 1730–1731*, Leipzig, Martini, 1731.
- VALORI, Guy Louis Henri, *Mémoires des négociations du marquis de Valori, ambassadeur de France à la cour de Berlin*, Firmin-Didot, 1820.
- VATTEL, Emer de, *La loi naturelle*, trad. P. Royer-Collard, J.-P. Aillaud, 1830.
- VILLARS, Louis Hector de, *Mémoires*, p. p. M. de Vogüé, Publ. de la Société de l'Histoire de France, 1884–1904, 6 vol.
- VOCKERODT, Johann Gotthilf, *Russland unter Peter dem Grossen*, Leipzig, Duncker & Humblot, 1872.
- VOLTAIRE, *Histoire de Charles XII, roi de Suède, Anecdotes sur le czar Pierre le Grand, Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre Ier, Précis du siècle de Louis XV et Histoire de la guerre de 1741, Oeuvres historiques*, p. p. R. Pomeau, Gallimard, «Pléiade», 1757.
- VOLZ, Gustav B., *Preussische und Oesterreichische Akten zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges*, Publikationen aus den preussischen Staatsarchiven, 74, 1899.

Von der allgemeinen Religion der Moscowiter. Das ist: Eine kurzgefasste Historie von der Russen ihren Kirchen-Gebräuchen, Sitten, Kindtauffen, Hochzeiten, Abendmahl, Fasten und deren Begräbniß. Zusammengetragen Von einem so sich lange Zeit in Moscau auf gehalten, Frankfurt, B. Diehl, 1743.

WEBER, Friedrich-Christian, *Das veränderte Russland*, Dritter Theil: *Die Regierung der Kaiserin Catharina I und des Kaisers Petri Secundi: und sonst alle vorgefallenen Merkwürdigkeiten in sich haltend*, Frankfurt a. M., Förster, 1721.

WICQUEFORT, Abraham van, *L'Ambassadeur et ses fonctions*, La Haye, J. et D. Steucker, 1680–1681, 2 vol.

WOLFF, Christian, *Briefe von Christian Wolff, 1719–1753, Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, Sankt-Petersburg, Eggers, 1860.

WOLFF, Christian, *Christian Wolffs eigene Lebensbeschreibung*, p. p. H. Wuttke, Leipzig, Weidmann, 1841.

ZINZENDORFF, Ludwig Friedrich Julius, *Mémoire sur la Russie, sur l'impératrice Elisabeth, sur sa cour et son gouvernement (juillet 1755), in Preussische und oesterreichische Acten zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges*, p. p. G. B. Volz und G. Küntzel, Leipzig, Hirzel, 1899.

Архив князя Воронцова: Бумаги государственного канцлера графа Михайла Ларионовича Воронцова. М., 1870–1895. Т. I–VII, XXXIII–XXV.

БАРСУКОВ А. П. Рассказы из русской истории XVIII века, по архивным документам. СПб., 1885.

БОЛОТОВ А. Т. Записки. СПб., 1871–1875. Т. 1–4.

ЕКАТЕРИНА II. Записки. Лондон, 1859.

МАРТЕНС Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных коссиею с иностранными державами. СПб., 1892. Т. I — Трактаты с Австриею; Т. V — Трактаты с Германиею; Т. IX (X) — Трактаты с Англиею; MARTENS, Fedor F., *Recueil des Traités et Conventions, conclus par la Russie avec les puissances étrangères*, t. I, Autriche, t. V et VI, Allemagne, t. IX, Angleterre, publié par ordre du Ministère des Affaires étrangères russe, Pétersbourg, Böhnke, 1892.

НАЩОКИН В. А. Записки (1707–1759). СПб., 1842 (то же: Империя после Петра: 1725–1762. М., 1998).

НЕПЛЮЕВ И. И. Записки. СПб., 1893 (то же: Империя после Петра: 1725–1762. М., 1998).

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851–1871. Т. 1–27.

Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830–1839. Т. 1–46 (особенно т. 11–16).

ПОРОШИН С. А. Записки // Русская старина. 1881. Т. XXXII; 1882. Т. XXXIII.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., Петроград, 1867–1916:.

- т. 6: Дипломатические документы, относящиеся к истории России XVIII столетия. Сообщено из саксонского архива Е. Германом (1742–1744);.
- т. 15: Донесения барона Мардефельда, прусского посланника при Петре Великом (1721–1730);.
- т. 85: Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе (1740–1741);.
- т. 86: Донесения маркиза де Ла Шетарди французскому правительству и ответы министерства (1738–1740);.
- т. 91: Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе (1741–1742);.
- т. 92: Донесения французского посла при русском дворе, маркиза де Ла Шетарди, и распоряжения французского правительства (1740–1741);.
- т. 96: Донесения французского посла при русском дворе, маркиза де Ла Шетарди, за вторую половину 1741 года;.
- т. 99: Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе (1742–1744);.
- т. 100: Донесения французского посла при русском дворе, маркиза де Ла Шетарди, и уполномоченного министра д'Аллиона (1742–1743);.
- т. 102: Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе (1744–1749);.
- т. 103: Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе (1746–1748);.
- т. 105: Донесения французского посла при русском дворе, маркиза де Ла Шетарди, и уполномоченного министра д'Аллиона (1743–1745);.
- т. 110: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (1746);.
- т. 148: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (1750–1753);.
- ТРУБЕЦКОЙ Н. Ю. Журнал (1717–1763) // Русская старина. 1870. Т. I. С. 34–127.
- ШАХОВСКОЙ Я. П. Записки. М., 1810 (то же: Империя после Петра: 1725–1765. М., 1998).
- ЩЕРБАТОВ М. М. О повреждении нравов в России... Факсимильное издание. М., 1983; то же: *On the Corruption of Morals in Russia*, p. p. Prof. Lentin, Cambridge University Press, 1969; *Über die Sittenverderbnis in Russland*, Berlin, Neva-Verlag, 1925.

Исследования

ALEXEEV, Nikolaj N., «Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert», *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*, № 6, 1958, S. 7–81.

ALEXINSKI, Gregoire, *La Russie et l'Europe*, Flammarion, 1917.

ALPATOV, Michel, «La Culture russe et les Lumières», *Utopie et institutions au XVIIIe siècle*, Paris, La Haye, Mouton, 1963, p. 97–112.

AMBURGER, Erich, *Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert*, Wiesbaden, Harrassowitz, 1968, Osteuropastudien des Landes Hessen, Reihe 1.

ANDERSON, Matthew Smith, *Britain's Discovery of Russia, 1553–1815*, London, Mac Millan & Co, 1958.

ANDERSON, Matthew Smith, «Europe in the Eighteenth Century (1713–1783)», *A General History of Europe*, London, Longmans, 1987.

ANTOINE, Michel, *Louis XV*, Fayard, 1991.

ANTOINE, Michel, *Le Conseil du roi sous le règne de Louis XV*, Genève, Droz, 1970.

ANTOINE, Michel, OZANAM Didier, «Le secret du roi et la Russie jusqu'à la mort de la czarine Elisabeth en 1762», *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*, Années 1954–1755, p. 69–93.

ANTON, Helmut, «Englische Russlandreisende im 18. Jahrhundert», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 1, 1936, p. 169–200.

ARNETH, Alfred von, «Johann Christoph Bartenstein und seine Zeit», *Archiv für österreichische Geschichte*, t. 46, 1871, S. 1–214.

ARNETH, Alfred von, «Biographie des Fürsten Kaunitz», *Archiv für österreichische Geschichte*, t. 88, 1900, S. 3–199.

ARNETH, Alfred von, *Maria-Theresias erste Regierungsjahre*, Wien, Braunmüller, 1863, B. 1–3.

ARETIN, Karl Otmar éd., *Der aufgeklärte Absolutismus*, Köln, Kiepenheuer und Witsch, Neue wissenschaftliche Bibliothek 67, 1974.

AUERBACH, Bertand, *La France et le Saint Empire romain germanique depuis la Paix de Westphalie jusqu'à la Révolution française*, Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes, n° 196, 1912.

AUERBACH, Betrand, *La France et le Saint Empire romain germanique depuis la paix de Westphalie jusqu'à la Révolution française*, Champion, 1912.

AUGSTEIN, Rudolf, *Preussens Friedrich und die Deutschen*, Frankfurt a. M., Fischer-Verlag, 1968.

BAILLOU, Jean, *Les Affaires étrangères et le corps diplomatique français*, t. I: *De l'Ancien Régime au Second Empire*, Ed. du CNRS, 1986.

BAIN, Robert Nisbet, *The Daughter of Peter the Great*, Westminster, Archibald Constable, 1899.

BALAZS, Eva H., «Die Königin von Ungarn», in: W. Koschatzky, *Maria Theresia und ihre Zeit*, Wien, Residenz-Verlag, 1980, S. 97–104.

- BALLANTYNE, Archibald, *Lord Carteret, A Political Biography 1690–1763*, London, Bentley, 1887.
- BARKER, Thomas M., *Army, Aristocracy and Monarchy: Essais on War, Society and Government in Austria, 1618–1780*, New York, Columbia University Press, 1982.
- BAUMGART, Peter, *Expansion und Intergration: zur Eingliederung neuge-wonnener Gebiete in den preussischen Staat*, Köln, Böhlau, 1984.
- BECKER, Reinhold, *Der Dresdener Friede und die Politik Brühls*, Leipzig, Hirzel, 1902.
- BEER, Adolf, «Holland und der österreichische Erbfolgekrieg», *Archiv für österreichische Geschichte*, t. 46, 1870, S. 297–418.
- BEER, Adolf, «Zur Geschichte des Friedens von Aachen im Jahre 1748», *Archiv für österreichische Geschichte*, t. 47, 1871, S. 3–196.
- BELY, Lucien, *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*, Fayard, 1990.
- BENEDIKT, Heinrich, «Die europäische Politik der Pforte vor Beginn und während des österreichischen Erbfolgekriegs», *Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs*, t. I, 1948, p. 137–192.
- BENICHOU, Paul, *Morales du grand Siècle*, Gallimard, 1988.
- BERKOV, Pavel N., «Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert», *Wissenschaftliche Annalen*, n° 6, Heft, 10, 1957.
- BERNEY, Arnold, *Friedrich der Grosse; Entwicklungsgeschichte eines Staatsmannes*, München, Berlin, Oldenbourg, 1927.
- BERTI, Giovanni, *Russia e stati italiani nel Risorgimento*, Torino, Einaudi, 1957.
- BITTNER, Konrad, «Die Beurteilung der russischen Politik im 18. Jahrhundert durch Johann Gottfried Herder», *Im Geiste Herders*, éd. E. Keyser, Kitzingen, 1953, S. 30–72.
- BLACK, Jeremy, *The British Foreign Policy in the Age of Walpole*, Edinburgh, J. Donald, 1985.
- BLACK, Jeremy, «British foreign policy and the war of the Austrian Succession; a research priority», *Canadian Journal of History* 21, 1986, p. 313–331.
- BLAGA, Cornelius G., *L'Evolution de la technique diplomatique au XVIIIe siècle: idéologie, mœurs et procédés*, Pedone, 1937.
- BLANC, Simone, *Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIIIe siècle, V. N. Tatichtchev (1686-1750)*, Lille, Service de reproduction des thèses, 1972, 2 vol.
- BLANC, Simone, «Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand», *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1968, IX, p. 265–293.
- BLANC, Simone, «L'Eglise russe au siècle des Lumières», *Annales*, 1965, p. 442–464.
- BOHLEN, Avis, «Changes in Russian Diplomaty under Peter the Great», *Cahiers du monde russe et soviétique*, juillet 1966, p. 341–358.
- BORKOVSKI, Ernst, *Die englische Friedensvermittlung im Jahre 1745*, ein Beitrag zur Geschichte der geheimen Diplomatie König Georgs II, Berlin, Moeser, 1884.

- BOROVICZENY, Aladar von, *Graf von Brühl: der Medici, Richelieu und Rothschild seiner Zeit*, Zürich, Amalthen, 1930.
- BRANIG, Hans, *Preussen und Russland während des ersten schlesischen Krieges*, Greifswald, Thèse dactylographiée, 1930.
- BRAUBACH, Max, *Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jahrhundert, gesammelte Abhandlungen*, Bonn, Röhrscheid, 1969.
- BRAUBACH, Max, *Versailles und Wien von Ludwig XIV bis Kaunitz. Die Vorstadien der diplomatischen Revolution im 18. Jahrhundert*, Bonn, Röhrscheid, 1952.
- BRAUER, Gert, *Die hannoversch-englischen Subsidienvverträge 1702–1748*, Aalen, Scientia Verlag, 1962.
- BRAUNGART, Georg, *Hofberedsamkeit, Studien zur Praxis höfisch-politischer Rede im deutschen Territorialabsolutismus*, Tübingen, Niemeyer, 1988.
- BRENNAN, James F., *Enlightened Despotism in Russia, The Reign of Elisabeth, 1741–1762*, New York, Bern, Peter Lang-Verlag, 1987.
- BREVERN, Georg von, *Carl von Brevern (1704–1744)*, Berlin, Puttkammer & Mühlbrecht, 1883, t. III.
- BROGLIE, Albert de, *Frédéric II et Marie-Thérèse, 1740–1742*, Calmann Lévy, 1883, 2 vol.
- BROGLIE, Albert de, *Frédéric II et Louis XV, 1742–1744*, Calmann Lévy, 1885, 2 vol.
- BROGLIE, Albert de, *Marie-Thérèse impératrice, 1744–1746*, Calmann Lévy, 1888, 2 vol.
- BROGLIE, Albert de, *Maurice de Saxe et le marquis d'Argenson, 1746–1747*, Calman Lévy, 1891, 2 vol.
- BROGLIE, Albert de, *La Paix d'Aix-la-Chapelle, 1748*, Calmann Lévy, 1891.
- BROGLIE, Albert de, «Le cardinal de Fleury et la pragmatique sanction», *Revue historique*, 20, 1882, p. 257–281.
- BROGLIE, Albert de, «Etudes diplomatiques: fin du ministère du marquis d'Argenson», *Revue des Deux Mondes*, n° 96, 1889, p. 313–349, 721–750; n° 97, 1890, p. 54–85, 770–809; n° 98, 1890, p. 313–346, p. 522–546; n° 99, 1890, p. 48–93.
- BROMLEY, J. S. éd., *The Rise of Great Britain and Russia 1688–1715*, Cambridge University Press, The New Cambridge Modern History, vol. VI, 1970.
- BROWNING, Reed, *The War of Austrian Succession*, New York, St. Martins Press, 1993.
- BROWNING, Reed, «The British orientation of Austrian foreign policy, 1749–1754», *Central European History*, n° I, 1968, p. 299–323.
- BRÜCKNER, Alexander, *Die Europäisierung Russlands*, Gotha, F. A. Perthes, 1888.
- BRÜCKNER, Alexander, *La Famille de Brunswick en Russie au XVIIIe siècle*, Pétersbourg, Schmitzdorff, 1876.
- BRUNOT, Ferdinand, *Histoire de la langue française*, t. VIII: *Le français hors de France au XVIIIe siècle*, A. Colin, 1967.

- BULCKE, Ingrid, *Christoph Hermann von Manstein (1711–1756), Sein Beitrag zur Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, München, Imprimerie Lang, 1965.
- BUTLER, Rohan, «Paradiplomaty», *Studies in Diplomatic History and Historiography in honour of G. P. Gooch*, éd. A. O. Sarkissian, New York, Barnes, 1961, p. 12–25.
- CARTER, C. H., «Wicquefort on the ambassador and his Functions», in: *Studies in History and Politics. Special Issue: Diplomatic Thought 1648–1815*, Lennoxville, 1981–1982, p. 37–59.
- CARVALHO, Romolo de, *Relações entre Portugal e a Rússia no século XVIII*, Lisboa, Sá da Costa Editora, 1979.
- CASSIRER, Ernst, *La Philosophie des Lumières*, Fayard, coll. Agora, 1966.
- CHAUNU, Pierre, *La Civilisation de l'Europe des Lumières*, Artaud, 1984.
- CIANO, Cesare, *Russia e Toscana nei secoli XVII e XVIII*, Pisa, ETS, 1980.
- CONFINO, Michael, *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle*, Institut d'Etudes slaves, 1963.
- CONFINO, Michael, *Société et mentalités collectives en Russie sous l'Ancien Régime*, Institut d'Etudes slaves, 1991.
- CRAIG, Gordon A., «The Historian and the Study of International Relations», *American Historical Review*, 88, 1983, p. 1–11.
- CROSS, Anthony G., *Russia and the West in the Eighteenth Century*, Newtonville, Oriental Research Partners, 1983.
- CROSS, Anthony G., *Anglo-Russian Relations in the XVIIIth Century*, Norwich University of East Anglia, 1977.
- CURTIN, Michael, «A question of manners: status and gender in etiquette and courtesy», *The Journal of Modern History*, 57, 1985, p. 395–423.
- CURTIS, Mina, *Anna Ivanovna and her Era, 1730–1740*, New York, Ungar Publisher, 1978.
- DANIELSON, Johann Richard, *Die Nordische Frage in den Jahren 1746–1751*, Helsingfors, Frenckell, 1888.
- DANN, Uriel, *Hannover and Great Britain 1740–1760: Diplomacy and Survival*, London, Leicester University Press, 1991.
- DASSOW, Johannes, *Friedrich II von Preussen und Peter III von Russland*, Berlin, Stolp, 1908.
- DIETRICH, Gerhard, *England und der Aufstieg Russlands, zur Frage des Zusammenhangs der europäischen Staaten und ihres Ausgreifens im 18. Jahrhunderts*, München, Oldenbourg, 1933.
- DOERRIES, Heinrich, *Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen*, Studien zur zeitgenössischen Publizistik und Staatenkunde, Königsberg-Berlin, Osteuropäische Forschungen, N. F. 26, 1939.
- DONNERT, Erich, «Zur Methodologie der Aufklärung», in: *Ost und West in der Geschichte des Denkens und in den kulturellen Beziehungen*, Festschrift für Edouard Winter, Berlin, Akademie Verlag, 1966, S. 238–242.
- DROYSEN, Johann Gustav, *Geschichte der preussischen Politik*, Theil 5, *Friedrich der Grosse*, B. II, Leipzig, Veit & Co. 1876.

DUCHARDT, Heinz, *Gleichgewicht der Kräfte; Convenance, Europäisches Konzert*, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976.

DUCHHARDT, Heinz, *Gleichgewicht der Kräfte, Friedenskongresse und Friedensschlüsse vom Zeitalter Ludwig XIV bis zum Wiener Kongress*, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976.

DUFFY, Christopher, *Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power 1700–1800*, Boston Routledge & Kegan, 1981.

EHALT, Hubert Ch., *Ausdrucksformen absolutistischer Herrschaft, der wiener Hof im 17. und 18. Jahrhundert*, München, Oldenburg Verlag, 1980.

Die Entstehung des Weltstaatsystems, p. p. W. Goetz, F. Salomon u. a., Berlin, Propyläen, s. d.

ESSEN, Leon van der, *La Diplomatie, ses origines et son organisation jusqu'à la fin de l'Ancien Régime*, Bruxelles, Ed. P. D. L., 1953.

FABRE, Jean, *Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières, étude de cosmopolitisme*, Les belles Lettres, 1952.

FERRO, Marc, «Entre Paris et Moscou: constantes et variations d'une alliance», *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1966, VII, 3, p. 359–365.

FILION, Maurice, *Maurepas: ministre de Louis XV (1715–1749)*, Montréal, Leméac, 1967.

FIRTH, Charles H., *Notes of the Diplomatic Relations of England and France (1689–1763)*, Oxford, Blackwell, 1909.

FIRTH, Charles H., *Notes of the Diplomatic Relations of England and Germany (1689–1727)*, Oxford, Blackwell, 1907.

FIRTH, Charles H., *Notes of the Diplomatic Relations of England with the North of Europe (1689–1762)*, Oxford, Blackwell, 1913.

FLEISCHHACKER, Hedwig, «Porträt Peters III», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, t. V, N. F., 1957, S. 127–189.

FLEURY, Jacques, *La Cour aux armes pendant la guerre de succession d'Autriche*, Plon, 1926.

FLEURY, Jacques, *Une grande ambassade au XVIIIe siècle. Le Secret du maréchal de Belle-Isle*, Firmin-Didot, 1934.

FLOROVSKIJ, Antonij V., «Russo-Austrian conflicts in the early 18th Century», *Slavonic and East European Review*, n° 47, 1969, p. 94–114.

FORSTREUTER, Kurt, *Preussen und Russland von den Anfängen des deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen*, Göttingen, Musterschmidt, 1955.

FORSTREUTER, Kurt, «Ein Bericht über die Reise Peters des Grossen durch Preussen im Jahre 1697», *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, N. F. 10, 1934, S. 454–462.

La France et la Russie au siècle des Lumières, catalogue de l'exposition des Galeries nationales du Grand Palais, 1986.

FRANTZIUS, Georg von, *Die Okkupation Ostpreussens durch die Russen im siebenjährigen Kriege mit besonderer Berücksichtigung der russischen Quellen*, Diss. Berlin, 1916.

Friedrich der Grosse in seiner Zeit, Neue Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte, 8, Köln, Wien, Böhlau, 1987.

- FRIGO Daniela, *Principe, ambasciatori e «jus gentium», l'amministrazione della politica estera nel Piemonte del settecento*, Roma, Bulzoni, 1991.
- GARRARD, John Gordon éd., *The Eighteenth Century in Russia*, Oxford, Clarendon Press, 1973.
- GERHARD, Dietrich, *England und der Aufstieg Russlands*, München, Berlin, R. Oldenbourg, 1933.
- GERHARD, Dietrich, «Prince Adolphe de Moscovie, Zur Entwicklung des Russlandbildes in Frankreich bis zum 19. Jahrhundert», *Romanistisches Jahrbuch*, t. 24, 1973, S. 92–120.
- GERLICH, Wilhelm, «Die Entzifferung von historischen Geheimschriften», *Mitteilungen des Oesterreichischen Staatsarchivs* 1, 1948, S. 445–469.
- GEYER, Dietrich, «Der aufgeklärte Absolutismus in Russland», in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N. F., 30, 1982, S. 176–189.
- GILLE, Bertrand, *Histoire économique et sociale de la Russie*, Payot, 1949.
- GLASENAPP, Igor von, *Staat, Gesellschaft und Opposition in Russland im Zeitalter Katharinas der Grossen*, München, Uni-Druck, 1964.
- GRILLON, Pierre, «Un incident diplomatique franco-anglais au XVIIIe siècle: l'arrestation et la détention du maréchal de Belle-Isle (1744–1745)», *Revue d'histoire diplomatique*, avril–juin 1962, p. 97–116.
- GROH, Dieter, *Russland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte*, Neuwied, Luchterhand, 1961.
- GROH, Dieter, TCHIGEVSKIJ, Dmitrij, *Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses*, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1959 [Anthologie].
- GRÜNWALD, Constantin de, *Trois siècles de diplomatie russe*, Calmann Lévy, 1945.
- GUERY, Alain, «Les comptes de la mort vague après la guerre. Pertes de guerre et conjoncture du phénomène guerre, XVIIe–XIXe siècles», *Histoire et mesure*, 1991, VI-3/4, p. 289–312.
- HAINTZ, Otto, *Peter der Grosse, Friedrich der Grosse und Voltaire. Zur Entstehungsgeschichte von Voltaires «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand»*, Mainz, Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1961.
- Handbuch der Geschichte Russlands; vom Randstaat zur Hegemonialmacht*, p. p. M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack, Stuttgart, Hiersemann, 1985, B. 1–2.
- HANSLIK, Inge, *Das Bild Russlands und Polens im Frankreich des 18. Jahrhunderts*, Berne, New York, Frankfurt a. M., Peter Lang, 1985.
- HARTMANN, Peter Claus, *Karl-Albrecht-Karl VII.: Glücklicher Kurfürst, unglücklicher Kaiser*, Regensburg, F. Pustet, 1985.
- HASSINGER, Erich, *Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland 1700–1713*, München, Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts, 1953.
- HATTON, Ragnhild, *The Anglo-Hanoverian Connection 1714–1760; The Creighton Trust Lecture*, London, University of London, 1982.
- HATTON, Ragnhild, M. S. ANDERSON, *Studies in Diplomatic History, Essays in Memory of David Bayne Horn*, Archon, London, Longmans, 1970.

- HAUMANT, Emile, *La Culture française en Russie 1700–1900*, Hachette, 1913.
- HAZARD, Paul, *La Pensée européenne au XVIIIe siècle*, Fayard, 1963.
- HEIGEL, Karl Theodor von, *Das Tagebuch Kaiser Karls des VII. aus der Zeit des oesterreichischen Erbfolgekriegs*, München, Rieger, 1883.
- HEIGEL, Karl Theodor von, *Der österreichische Erbfolgestreit und die Kaiserwahl Karls VII*, Nördlingen, Beck, 1877.
- HERRMANN, Ernst, «Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth», *Historisches Taschenbuch*, 6. Folge, 1. Jahrgang, Leipzig, 1882, S. 267–326.
- HERRMANN, Ernst, *Geschichte des russischen Staates*, B. IV–V, Hamburg, Perthes, 1849–1853.
- HERRMANN, Ernst, «Andeutungen über die russische Politik des Reichsgrafen Heinrich von Brühl», *Archiv für die Sächsische Geschichte*, neue Folge, B. II, Leipzig 1876, S. 1–60.
- HERZEN, Alexandre I., *La Russie et l'Occident*, Aux Portes de France, 1946.
- HILL, David Jayne, *A History of Diplomacy in the International Development of Europe*, London, Longmans, 1914, 3 vol. en particulier t. III, *The Diplomacy in the Age of Absolutism*.
- HINRICHS, Carl, *Friedrich der Grosse und Maria-Theresia. Diplomatische Berichte von O. C. Graf von Podewils*, Berlin, Decker, 1937.
- HOFFMANN, Peter, «Zur deutschen Russlandkunde und zum deutschen Russlandbild des 17. und 18. Jahrhunderts», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 26, 1978, S. 700–712.
- HOFFMANN, Peter, KUETTLER, Wolfgang, «Tendenzen, Probleme und Aufgaben beziehungsgeschichtlicher Forschungen. Dargestellt am Beispiel der deutsch-russischen Beziehungen des 17. und 18. Jahrhunderts», *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*, n° 28, 1984, S. 31–43.
- HORN, David Bayne, *Great Britain and Europe in the Eighteenth Century*, Oxford, Clarendon, 1967.
- HORN, David Bayne, *Frederick the Great and the Rise of Prussia*, London, English Universities Press, 1964.
- HORN, David Bayne, *The British Diplomatic Service 1689–1789*, Oxford, Clarendon, 1961.
- HORN, David Bayne, *Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy (1747–1758)*, London, Camden Society, 1930.
- HORN, David Bayne, «The cabinet controversy on subsidy treaties in time of peace, 1749–1750», *English Historical Review*, t. XLV, 1930, p. 463–466.
- HORN, David Bayne, «Saxony in the War of the Austrian Succession», *English Historical Review*, t. XLIV, 1929, p. 33–47.
- HORN, David Bayne, «Origins of the proposed election of a king of the Romans, 1748–1750», *English Historical Review*, t. XLII, 1927, p. 361–370.
- HORN, David Bayne, «An episode in Anglo-Russian relations during the war of the Austrian Succession», *Transactions of the Royal Historical Society*, 4e série, t. IX, 1926, p. 63–83.

- HÜBNER, Eckahrd, *Staatspolitik und Familieninteresse*, Neumünster, Wachholtz, 1984.
- HUDY, Curt, *Graf Victor von Solms-Sonnenwalde als Gesandter Friedrich des Grossen am Hofe Katharinas II (1762–1779)*, Greifswald, Phil. Diss., 1927.
- IMMICH, Max, *Geschichte des europäischen Staatensystems von 1660 bis 1789*, Berlin, Oldenburg, 1905.
- JANSSEN, Wilhelm, «Die Anfänge des modernen Völkerrechts und der neuzeitlichen Diplomatie», *Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, n° 38, 1964, S. 450–485, 591–638.
- JEANNIN, Pierre, *L'Europe du Nord-Ouest et du Nord aux XVIIe et XVIIIe siècles*, PUF, 1969.
- JESSEN, Hans, *Friedrich der Grosse und Maria Theresia in Augenzeugenberichten*, Düsseldorf, K. Rauch, 1965.
- JUSSERAND, J.-J., *L'Ecole des ambassadeurs*, Plon, 1934.
- KAEBER, Ernst, *Die Idee des europäischen Gleichgewichts in der publizistischen Literatur vom 16. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts*, Berlin, Duncker, 1907.
- KAHAN, Arcadius, «Continuity in economic activity and policy in Russia during the post-petrine period», *Journal of Economic History*, vol. 25, 1956, p. 61–85.
- KAHAN, Arcadius, «The costs of 'Westernization' in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century», *Slavic Review*, vol. 35, 1966, p. 40–66.
- KAHN, David, *The Codebreakers: the Story of Secret Writing*, New York, MacMillan, 1968.
- KALLBRUNNER, Joseph, BIENER, Clemens, *Kaiserin Maria Theresias politisches Testament*, Wien, Verlag für Geschichte und Politik, 1952.
- KAPLAN, Herbert H., *Russia and the Outbreak of the Seven Year's War*, Berkeley and Los Angeles, University of California, 1968.
- KARGE, Paul, *Die russisch-oesterreichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte*, Göttingen, Kästner, 1886.
- KEENS-SOPER, Maurice, «François de Callières and Diplomatic Practice», *Historical Journal* 16, 1973, p. 485–508.
- KEEP, John L., *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874*, Oxford, Clarendon Press, 1985.
- KLAITS, Joseph, *Printed Propaganda under Louis XIV, Absolute Monarchy and Public Opinion*, Princeton University Press, 1976.
- KLAVEREN, Jacob van, «Die historische Erscheinung der Korruption, in ihrem Zusammenhang mit der Staats- und Gesellschaftsstruktur betrachtet», *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, n° 45, 1958, p. 433–504 et n° 46, 1959, S. 204–231.
- KLINGENSTEIN, Grete, *Der Aufstieg des Hauses Kaunitz: Studien zur Herkunft und Bildung des Staatskanzlers Wenzel Anton*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1975.
- KLINGENSTEIN, Grete, «Institutionelle Aspekte der österreichischen Aussenpolitik im 18. Jahrhundert», in Erich Zöllner, *Diplomatie und Aussenpolitik Österreichs*, Wien, Österreichischer Bundesverlag, 1977.

KLUETING, Harm, Edeltraut, *Heinrich Graf Ostermann, von Bochum nach St. Petersburg, 1687–1747*, Bochum, Brockmeyer, 1976.

KNOPPERS, Jake V. T., «Dutch Trade with Russia from the Time of Peter I to Alexander I», *A Quantitative Study in Eighteenth Century Shipping*, Montréal, Interuniversity Centre for European Studies, 1976, 3 vol.

KÖHNE, Bernhard von, *Berlin, Moskau, St. Petersburg, 1649–1763*. Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preussen und Russland, Berlin, Schriften des Vereins für die Geschichte Berlins, Heft 20, 1882.

KOPELEW, Lew, «Unser natürlichster Verbündeter; Friedrich der Grosse und Russland», *Russen und Russland aus deutscher Sicht*, München, Fink Verlag, 1987.

KOSER, Reinhold, *König Friedrich der Grosse*, Stuttgart, Cotta, 1893–1903, 3 vol.

KOSER, Reinhold, «Preussen und Russland im Jahrzehnt vor dem Siebenjährigen Kriege», *Preussische Jahrbücher* 47, 1881, S. 285–305, 466–493.

KRAUSKE, Otto, *Die Entwicklung der ständigen Diplomatie vom 15. Jahrhundert bis zu den Beschlüssen von 1815 und 1818*, Leipzig, Ducker & Humblot, 1885.

Kriege unter der Regierung der Kaiserin-Königin Maria-Theresia: Österreichischer Erbfolgekrieg 1740–1748, éd. par la Direction du k. und k. Kriegsarchiv, Wien, Seidel & Sohn, 1896–1914, B. 1–10.

KRUMMEL, Werner, «Nikita Ivanovitch Panins aussenpolitische Tätigkeit, 1747–1758», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 5, 1940, S. 76–141.

KRUSIUS-AHRENBURG, Lolo, et alt., *Russland, Europa und der deutsche Osten*, München, Oldenbourg, 1960.

KUNISCH, Johannes éd., *Analecta Fridericiana, Zeitschrift für Historische Forschung*, Beiheft 4, Berlin, Duncker & Humblot, 1987.

KUNISCH, Johannes, *Absolutismus*, UTB, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1986.

KUNISCH, Johannes, «Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung der Successionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates», *Historische Forschungen*, B. 21, Berlin, Duncker & Humblot, 1982.

KUNISCH, Johannes, *Staatsverfassung und Mächtepolitik, zur Genese von Staatenkonflikten im Zeitalter des Absolutismus*, Berlin, Duncker & Humblot, 1979.

KUNISCH, Johannes, *Das Mirakel des Hauses Brandenburg. Studien zum Verhältnis von Kabinettspolitik und Kriegsführung im Zeitalter des siebenjährigen Krieges*, München, Wien, R. Oldenbourg, 1978.

KÜNTZEL, Georg, «Friedrich der Grosse am Ausgang des Siebenjährigen Krieges und sein Bündnis mit Russland», *Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte* 13, 1900, S. 75–122.

KÜTTLER, Walter, «Gesellschaftliche Voraussetzungen und Entwicklungstyp des Absolutismus in Russland», *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*, 13, 2, 1969, S. 71–108.

- LABROUSSE, Ernest, MOUSNIER, Roland, *Le XVIIIe siècle: révolution intellectuelle, technique et politique, 1715–1789*, PUF, 1985.
- LARAN, Michel, «L'absolutisme en Russie dans la seconde moitié du XVIIIe siècle», *L'Information historique* 28, 1966, p. 54–66.
- LAZAREVSKI, Aleksandr M., «Etude sur la petite Russie au dix-huitième siècle», *Archives russes*, 1873, p. 383 sq.
- LE DONNE, John, *Absolutism and Ruling Class, the Formation of the Russian Political Order, 1700–1825*, Oxford University Press, 1991.
- LE DONNE, John, «The evolution of the governor's office, 1727–1764», *Canadian American Slavic Studies*, vol. 12, n° 1, 1978, p. 86–115.
- LEITSCH, Walter, «The Russian Nobility in the Eighteenth Century», *East European Quarterly*, t. IX, 1977, p. 317–340.
- LEITSCH, Walter, «Der Wandel der österreichischen Russlandpolitik in den Jahren 1724–1726», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Sonderdruck aus Bd. VI, Heft 1, München, 1958, S. 33–91.
- Le ROY LADURIE, Emmanuel, *L'Ancien Régime*, Hachette, Histoire de France t. III, 1991.
- Le ROY LADURIE, Emmanuel, «Système de cour (Versailles, vers 1709)», *Le Territoire de l'historien*, Gallimard, 1978, p. 275–299.
- LEY, Francis, *Le Maréchal de Münnich (1683–1767) et la Russie au XVIIIe siècle*, Plon, 1959.
- LIECHTENHAN, Francine-Dominique, «Le Russe ennemi héréditaire de la Chrétienté?», *Revue historique*, CCLXXXV, 1, 1991, p. 77–103.
- LIECHTENHAN, Francine-Dominique, «Custine avant Custine: un jésuite en Russie», *Revue de la Bibliothèque Nationale*, 33, automne 1989, p. 37–46.
- LIECHTENHAN, Francine-Dominique, «Les espaces franco-russes de Frédéric II pendant la guerre de Succession d'Autriche. Essai d'histoire diplomatique», *Philologiques IV. Transferts culturels triangulaires*, Paris, Editions de la MSH, 1995, p. 73–92.
- LINDSAY, J. O. éd., *The Old Regime*, Cambridge University Press, The New Cambridge Modern History, vol. VII, 1957.
- LIPSKIJ, Alexander, «A reexamination of the 'Dark Era' of Anna Ioannovna», *American and East European Review*, vol. 15, n° 4, 1956, p. 477–488.
- LIPSKIJ, Alexander, «Some aspects of Russia's Westernization during the Reign of Anna Ioannovna, 1730–1740», *American and East European Review*, 18, n° 1, 1959, p. 1–44.
- LIVET, Georges, *L'Equilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle*, PUF, 1976.
- LIVET, Georges, «Les relations internationales au XVIIIe siècle. Réflexions critiques et esquisse d'une méthodologie», *XVIIIe siècle. Problèmes actuels de la recherche*, t. V, 1973, p. 97–109.
- LOCHER, Theodor J. G., «Das abendländische Russlandbild seit dem 16. Jahrhundert», *Vorträge des Instituts für europäische Geschichte*, n° 409, Wiesbaden, 1965.

- LODGE, Richard, *Studies in Eighteenth Century Diplomacy (1740–1748)*, London, J. Murray, 1930.
- LODGE, Richard, «Lord Hyndford's Embassy to Russia 1744–1749», *English Historical Review*, t. XLVI, 1931, p. 48–76, 389–422.
- LODGE, Richard, *Private Correspondence of Chesterfield and Newcastle*. London, The Royal Historical Society, 1930.
- LODGE, Richard, «Russia, Prussia and Great Britain 1742–1744», *English Historical Review*, t. XLV, 1930, p. 579–611.
- LODGE, Richard, «The first Anglo-Russian Treaty 1739–1742», *English Historical Review*, t. XLIII, 1928, p. 354–375.
- LODGE, Richard, «The treaty of Abo and the Swedish succession», *English Historical Review*, t. XLIII, 1928, p. 540–571.
- LODGE, Richard, «An episode in Anglo-Russian relations during in the war of Austrian Succession», *Transactions of the Royal Historical Society*, 4e série, n° 9, 1926, p. 63–83.
- LODGE, Richard, *Great Britain and Prussia in the XVIIIth Century*, Oxford, Clarendon Press, 1923.
- LONGWORTH, Philip, *The Three Empresses: Catherine I, Anne and Elizabeth of Russia*, London, Constable, 1973.
- LORTHOLARY, Albert, *Le Mirage russe en France au XVIIIe siècle*, Boivin, 1951.
- LÜHR, Dora, *Die Gesandten Friedrich des Grossen in Russland und England in den Jahren 1762–1772*, Hamburg, Phil. Diss., 1923.
- McKAY, Derek, SCOTT, H. M., *The Rise of the Great Powers, 1648–1815*, London, Longman, 1983.
- MADARIAGA, Isabel de, *La Russie au temps de la Grande Catherine*, Fayard, 1987.
- MAHRER, Eva, *Die englisch-russischen Beziehungen während des österreichischen Erbfolgekrieges*, Wien, Phil. Diss., 1972.
- MANDROU, Robert, *L'Europe absolutiste, Raison et Raison d'Etat, 1649–1775*, Fayard, 1977.
- MARKERT, Werner, *Osteuropa und die abendländische Welt*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1966.
- MATTHES, Eckhard, *Das veränderte Russland. Studien zum deutschen Russlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762*, Frankfurt a. M., Bern, Cirencester, U. K., P. Lang-Verlag, 1981.
- McGILL, William G., «The roots of policy: Kaunitz in Vienna and Versailles, 1749–1753», *Journal of Modern History*, n° 43, 1971, p. 228–244.
- McGILL, William G., «Wenzel Anton von Kaunitz and the congress of Aix-la-Chapelle», *Duquesne Review* n° 14, 1969, p. 154–167.
- MEDIGER, Walther, *Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrich des Grossen*, Braunschweig, Westermann, 1952.
- MEDIGER, Walther, «Friedrich der Grosse und Russland», *Friedrich der Grosse in seiner Zeit*, Neue Forschungen zur Brandenburg-preussischen Geschichte, n° 8, Köln, Böhlau, 1987, S. 109–136.

- MEEHAN-WATERS, Brenda, *Autocracy and Aristocracy: the Russian Service-Elite of 1730*, New Brunswick, N. Y., Rutgers University Press, 1982.
- MEEHAN-WATERS, Brenda, «The Moscovite noble origins of the Russians in the „Generalities“ of 1730», *Cahiers du monde russe et slave*, 1971, XII, 1–2, p. 28–75.
- MIKOLETZKY, Hanns Leo, *Österreich: das grosse Jahrhundert*, Wien, österreichischer Bundesverlag für Unterricht, Wissenschaft und Kunst, 1967.
- MOHRENSCHILD, Dimitrij von, *Russia in the Intellectual Life of Eighteenth Century France*, New York, Columbia University Press, 1936.
- MOLLOY, Fitzgerald, *The Russian Court in the Eighteenth Century*, London, Hutchinson, 1905.
- MUELLER, Erich, *Peter der Grosse und sein Hof. Biographie, Anekdoten, Dokumente*. Eine Sittengeschichte des russischen und europäischen Barock, München, Drei Eulen Verlag, 1926.
- MÜLLER, Klaus, *Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden (1648–1740)*, Bonn, 1976, Bonner Historische Forschungen, B. 42.
- MUELLER, Michael G., *Polen zwischen Preussen und Russland. Souveränitätskrise und Reformpolitik, 1736–1752*, Berlin, Colloquium Verlag, 1983.
- MUELLER, Michael G., «Russland und der Siebenjährige Krieg. Beitrag zu einer Kontroverse», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 28, 1980, S. 198–219.
- NAROTCHNITSKY, Alexej L., «Deux tendances des relations franco-russes», *Revue historique*, 237, 1967, p. 99–124.
- NEVEU, Bruno, «Histoire des relations diplomatiques en Europe au XVIIe et XVIIIe siècles», *Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Etudes*, 1976–1977, p. 813–824.
- NOËL, Jean-François, «Traditions universalistes et aspects nationaux dans la notion de Saint-Empire romain germanique au XVIIIe siècle», *Revue d'histoire diplomatique*, n° 82, 1968, p. 193–212.
- NORDMANN, Claude, *La Crise du Nord au début du XVIIIe siècle*, Librairie générale de Droit et de Jurisprudence, 1962.
- OESTERREICH, Gerhard, *Geist und Gestalt des frühmodernen Staates*, Berlin, Duncker & Humblot, 1969.
- OGLE, Arthur, *The Marquis d'Argenson: a Study in Criticism, being the Stanhope Essay*, London, Fisher Unwin, 1893.
- OLIVA, Jay L., *Misalliance: a study of French Policy in Russia During the Seven Years War*, New York University Press, 1964.
- OLIVIER, Daria, *Elisabeth de Russie*, Perrin, 1962.
- OTRUBA, Gustav, «Die Bedeutung der englischen Subsidien und Antizipationen für die Finanzen Österreichs, 1701 bis 1748», *Vierteljahresschrift für Finanz-und Wirtschaftsgeschichte*, B. 51, 1964, S. 192–234.
- PAGES, Georges, «La diplomatie secrète au XVIIIe siècle», *Revue de Synthèse historique*, juin 1911, t. XXII, p. 311–316.

- PICAVET, Camille-Georges, *La Diplomatie française au temps de Louis XIV, 1661–1715. Institutions, moeurs et coutumes*, Alcan, 1930.
- PICAVET, Camille-Georges, «Notes sur la méthode en histoire diplomatique», *Revue de l'Université de Bruxelles*, 34e année, 1928/1929, p. 459–469.
- PICAVET, Camille-Georges, «Le français et les langues diplomatiques au temps de Louis XIV», *Revue des Sciences politiques*, n° 51, 1928, p. 578–592.
- PICCIONI, Camille, *Les Premiers commis des Affaires étrangères au XVIIe et au XVIIIe siècles*, Ed. de Boccard, 1928.
- PICK, Robert, *Empress Maria-Theresia: the Earlier Years, 1717–1757*, New York, Harper & Row, 1966.
- PIERLING, père Paul, *La Russie et le Saint-Siège, Etudes diplomatiques*, Plon Nourrit, 1896–1912, 5 vol, en part. vol. 4 et 5.
- PILLORGET, René, «Le recours à l'imaginaire étranger en France au cours des décennies précédant la Révolution de 1789», *Revue d'histoire diplomatique*, 1984, p. 7–30.
- PINGAUD, Léonce, *Les Français en Russie et les Russes en France*, Perrin, 1896.
- POLL, Bernhard, «Zur Geschichte des Aachener Friedens 1748», *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*, n° 81, 1971, S. 6–142.
- POMEAU, René, *L'Europe des Lumières, Cosmopolitisme et unité européenne au XVIIIe siècle*, Paris, Genève, Slatkine, 1981.
- POTIEMKINE, Vladimir, *Histoire de la diplomatie*, Ed. politiques, économiques et sociales, Librairie de Médecis, 1946.
- PRIES, Robert, *Das geheime Regierungs-Conseil im Holstein-Gottorp, 1716–1773*, Neumünster, Wachholtz, 1955.
- PUSHKAREV, Sergej, «Russia and the West: Ideological and Personal Contacts before 1917», *Russian Review*, vol. 24, Avril, 1965, p. 138–164.
- PUTNAM, Peter, *Seven Britons in Imperial Russia (1698–1812)*, Princeton, Princeton University Press, 1952.
- RAMBAUD, Alfred, *Russes et Prussiens, guerre de Sept Ans*, Berger-Lévrault, 1895.
- RANKE, Leopold von, *Preussische Geschichte; zwölf Bücher preussischer Geschichte*, p. p. W. Andreas, München, Vollmer, s. d.
- RANUM, Orest, *National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe*, Baltimore, J. Hopkins, 1975.
- RAUCH, Georg von, *Studien über das Verhältnis Russlands zu Europa*, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964.
- RAUMER, Friedrich von, *König Friedrich II und seine Zeit, 1740–1769*, Leipzig, Brockhaus, 1836.
- REAU, Louis, *L'Europe française au Siècle des Lumières*, A. Michel, 1946.
- Reiseberichte als Quellen europäischer Kulturgeschichte; Aufgaben und Möglichkeiten der historischen Reiseforschung*, P. P. A. Maczak, H.-J. Teuteberg, Wolfenbüttel, Herzog August Bibliothek, 1982.
- Reiseberichte von Deutschen über Russland und von Russen über Deutschland*, éd. Friedhelm Berthold Kaiser et Bernhard Stasievski, Köln, Böhlau, 1980.

Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19 Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungsforchung, éd. B. J. Krasnobaev et al., Berlin, U. Camen, 1980.

RITTER, Gerhard, *Frederick the Great, a Historical Profile*, University of California Press, 1968.

ROBERTS, Henry L., «Russia and the West; a Comparison and Contrast», *American and East European Review*, march 1964, p. 1–13.

ROGGER, Hans, *National Consciousness in Eighteenth Century Russia*, Cambridge, Harvard Universty Press, 1960.

ROLOFF, Gustav, «Friedrich und das Reich während des ersten und zweiten schlesischen Krieges», *Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte*, n° 25, 1913, S. 445–459.

ROOSEN, William J., «How good were Louis XIV's Diplomats», *Studies in History and Politics, Essays in European History in honour of Ragnhild Hatton*, vol. IV, 1985, p. 89–102.

ROOSEN, William J., «Early modern diplomatic ceremonial: a systems approach», *Journal of Modern history*, a. 52, 1980, p. 452–476.

ROOSEN, William J., «A new way of looking at early modern diplomacy-quantification», *Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Western Society for French History*, Santa Barbara, California, J.D. Falk, 1978, p. 1–13.

ROOSEN, William J., *The Age of Louis XIV. The Rise of Modern Diplomacy*, Cambridge, Schenkman, 1976.

ROOSEN, William J., «The functioning of ambassadors under Louis XIV», *French Historical Studies*, vol. VI, n° 3, Spring 1970, p. 311–332.

ROYDER, Karl A., *Austria's Eastern Question 1700–1790*, Princeton University Press, 1982.

RUDDY, Franck S., *International Law in the Enlightenment. The Background of Emmerich de Vattel's «Le droit des gens»*, New York, Oceana Publications, 1975.

RUFFMANN, Karl-Heinz, «England und der russische Zaren- und Kaisertitel», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge, B. III, 1955, S. 217–224.

RUFFMANN, Karl-Heinz, «Die diplomatische Vertretung Grossbritanniens am Zarenhof im 18. Jahrhundert», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge, B. II, 1954, S. 405–421.

RUIZ, Alain, «Aux origines de la diplomatie contemporaine: de l'ambassadeur improvisé à la formation du spécialiste (d'après un manuel inédit de la fin de l'ancien régime)», *Revue d'histoire diplomatique*, LXXXVII, 1973, p. 38–95.

La Russie et l'Europe, XVIe–XXe siècles, Paris–Moscou, Ecole pratique des Hautes Etudes — Sorbonne, Institut d'histoire universelle de l'Académie des Sciences de l'URSS, 1970.

Russisch-deutsche Beziehungen von der kiever Rus' bis zur Oktoberrevolution, p. p. H. Lemke et B. Widera, Berlin, Akademie-Verlag, 1976.

Russland und Deutschland, Festgabe für Georg von Rauch, Stuttgart, Klett-Verlag, 1974.

- SAMOYAUULT, Jean-Pierre, *Les Bureaux du secrétariat d'état des Affaires étrangères sous Louis XV*, Pedone, 1971.
- SAUTAI, Maurice, *Les Débuts de la guerre de Succession d'Autriche*, Librairie militaire R. Chapelot, 1910.
- SAUTAI, Maurice, *Les Préliminaires de la guerre de Succession d'Autriche*, Librairie militaire R. Chapelot, 1907.
- SCHICK, Erich, *Grossfürstin Elisabeth von Russland. Eine Heldin in Glanz und Grauen*, Basel, H. Majer, 1948.
- SCHIEDER, Theodor, *Friedrich der Grosse, Ein Königtum der Widersprüche*, Frankfurt a. Main, Propyläen Verlag, 1983.
- SCHIEDER, Theodor, «Friedrich der Grosse und Machiavelli — das Dilemma von Machtpolitik und Aufklärung», *Historische Zeitschrift*, n° 234, 1982, S. 265–294.
- SCHLENKE, Manfred, *England und das friderizianische Preussen 1740–1763, ein Beitrag zum Verhältnis von Politik und öffentlicher Meinung im England des 18. Jahrhunderts*, Freiburg, München, Alber, 1963.
- SCHLERETH, Thomas J., *The Cosmopolitan Ideal of Enlightenment Thought. Its Form and Function in the Ideas of Franklin, Hume and Voltaire*, Notre-Dame Indiana, University of Notre Dame Press, 1977.
- SCHLÖZER, Kurd von, *Friedrich der Grosse und Katharina II*, Berlin, Besser, 1859.
- SCHMID, Alois, «Bayern und die Kaiserwahl des Jahres 1745», in *Festschrift für Andreas Kraus*, éd. P. Fried, W. Ziegler, Kallmünz, Lassleben, 1982, p. 257–276.
- SCHMIDT, S. O., «La politique intérieure du tsarisme au milieu du XVIIIe siècle», *Annales ESC*, janvier–février 1966, p. 95–110.
- SCHMITT, Richard, «Die Sendung des Herrn von Pechlin nach Petersburg im Jahre 1760», *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 6, 1891, S. 94–101.
- SCHOP SOLER, Anna Maria, *Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert*, Wiesbaden, Harassowitz, 1970.
- SCHRÖTER, Gustav Adolph, *Der Nymphenburger Vertrag vom 22. Mai 1741*, Berlin, Trenkel, 1911.
- SCHWANN, Mathieu, «Der Tod Kaiser Karls VII und seine Folgen», *Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte*, n° 13, 1900, S. 77–104.
- SCHWANN, Mathieu, «Der Wendepunkt im zweiten schlesischen Kriege», *Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte*, n° 12, 1899, S. 483–507.
- SCOTT, Hamish M., «Verteidigung und Bewahrung: Österreich und die europäischen Mächte 1740–1780», *Maria-Theresia und ihre Zeit*, éd. W. Koschatzky, Wien, Residenzverlag, 1980, S. 47–54.
- SEYDOUX, Marianne, «Les ambassadeurs russes à la cour de Louis XIV, d'après des documents des Archives du Ministère des Affaires étrangères», *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1968, IX, p. 235–244.

- SKALWEIT, Stephan, *Frankreich und Friedrich der Grosse: der Aufstieg Preussens in der öffentlichen Meinung des «Ancien Régime»*, Bonn, Röhrscheid, 1952.
- SOMMERFELD, H., *Axel von Mardefeld als Gesandter*, Phil. Diss. Greifswald, 1925.
- SPANNAGEL-HEITMAR, Auguste, *Beiträge zur Geschichte des österreichischen Erbfolgekriegs*, Wien, Phil. Diss., 1949.
- STAEHLIN, Karl, «Graf Heinrich Ostermann», *Westfälische Lebensbilder*, n° 6, 1957, S. 37–59.
- STAEHLIN, Karl, «Eine unveröffentlichte deutsch-russische Denkschrift gegen Friedrich den Grossen», *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, N.F. 1, 1925, S. 188–201.
- STAVENOW, Ludwig, *Geschichte Schwedens, 1718–1772*, Gotha, Perthes, 1908.
- STÖKL, Günther, «Die deutsch-russischen Beziehungen in der Geschichte», *Oesterreichische Osthefte* 13, 1971, S. 189–220.
- STÖKL, Günther, «Das Problem der Thronfolgeordnung in Russland», in: *Der dynastische Fürstenstaat; zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates*, Berlin, Duncker & Humblot, 1982, Historische Forschungen, B. 21, S. 273–289.
- STÖKL, Günther, *Russische Geschichte*, Stuttgart, Kröner, 1973.
- STRIBRNY, Wolfgang, *Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen im Zeichen der preussisch-russischen Allianz, 1764–1786*, Würzburg, Holzner, 1966.
- SUMNER, Benedict H., *Peter the Great and the Emergence of Russia*, New York, MacMillan, 1951.
- TALBOT RICE, Tamara, *Elizabeth Emperess of Russia*, New York Praeger Publishers, 1970.
- TAPIE, Victor-Louis, *L'Europe centrale et orientale de 1689 à 1796*, Centre de documentation universitaire, 1953, (I–III).
- TAPIE, Victor-Louis, *L'Europe de Marie-Thérèse, du baroque aux Lumières*, Fayard, 1973.
- TAPIE, Victor-Louis, «Contribution à l'étude des relations entre la France et l'Autriche avant la guerre de succession d'Autriche», *Österreich und Europa*, Festgabe für Hugo Hantsch zum 70. Geburtstag, Wien, Styria, 1965, S. 133–148.
- TEICH, Gerhard, «Die deutsche Russlandliteratur im 18. Jahrhundert. Ein bibliographischer Versuch», *Ostbrief. Monatsschrift der Ostdeutschen Akademie*, VIII, 1962, Heft 84/85, S. 276–283.
- TEICHMAN, Oskar, *Pandour Trenck: an Account of the Life of Baron Franciscus von der Trenck, 1710–1749*, London, John Murray, 1927.
- THOMSON, Mark A., *The Secretaries of State, 1681–1782*, Oxford, Clarendon, 1932.
- THOMSON, James W., PADOVER, Saul K., *Secret Diplomacy: a Record of Espionage and Double Dealing (1500–1815)*, London, Jarrolds, 1937.

- TURBA, Gustav, *Die pragmatische Sanktion. Authentische Texte samt Erläuterungen und Übersetzungen*, Wien, Kaiserlich-königlicher Schulbuchverlag, 1913.
- TURBA, Gustav, *Die Grundlagen der Pragmatischen Sanktion*, Leipzig, Wien, 1911–1912, 2 vol., Wiener staatswissenschaftliche Studien X, 2, XI, 1.
- ÜBERSBERGER, Hans, *Oesterreich und Russland*, Wien, Braunmüller, 1906.
- VANDAL, Albert, *Louis XV et Elisabeth de Russie, études sur les relations de la France et de la Russie au XVIIIe siècle*, d'après les Archives du Ministère des Affaires étrangères, Plon, 1882.
- VAUCHER, Paul, *Robert Walpole et la politique de Fleury (1731–1742)*, Paris, Plon, 1924.
- VEUCLIN, Victor-E., *L'Amitié franco-russe, ses origines. Relations politiques et commerciales entre la France & la Russie, 1689–1762*, Brionne, E. Amelot, 1894.
- VISCHER, Melchior, *Münnich. Ingenieur, Feldherr, Hochverräter*, Frankfurt a. M., Societäts-Verlag, 1938.
- VITZTHUM VON ECKSTÄDT, Carl Friedrich, *Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, Ende 1745 bis 1756. Archivarische Vorstudien für die Geschichte des Siebenjährigen Kriegs*, Stuttgart, Cotta, 1866, B. 1–2.
- VOLZ, Gustav Berthold, «Katharina II und ihr Hof 1779–1780, drei preussische Denkschriften», *Zeitschrift für europäische Geschichte*, 1933, n° 7, S. 193–229.
- WADDINGTON, Albert, *Le Grand Electeur Frédéric-Guillaume de Brandebourg, sa politique extérieure*, Plon-Nourrit, 1905–1908, 2 vol.
- WADDINGTON, Richard, *Louis XV et le renversement des alliances, 1754–1756*, Firmin-Didot, 1896.
- WAGNER, Fritz, *Kaiser Karl VII. und die grossen Mächte 1740–1745*, Stuttgart, Kohlhammer, 1938.
- WALISZEWSKI, Kasimierz, *La Dernière des Romanov, Elisabeth Ière, Impératrice de Russie, 1741–1762, d'après des documents nouveaux*, Plon-Nourrit, 1902.
- WALISZEWSKI, Kasimierz, *L'Héritage de Pierre le Grand*, Plon-Nourrit, 1900.
- WASSILTCHIKOW, Alexandre, *Les Razoumowski*, p. p. A. Brückner, Halle, Tausch und Grosse, 1893.
- WEISS, Johann Baptist von, *Maria Theresia und der österreichische Erbfolgekrieg*, Wien, Braunmüller, 1863.
- WEIGAND, Emanuela, *Die englisch-österreichischen Beziehungen im österreichischen Erbfolgekrieg*, Wien, Phil. Diss., 1953.
- WILSON, Augustine, «Notes toward a portrait of the Eighteenth Century Russian Nobility», *Canadian American Slavic Studies*, 1970, vol. 4, n° 3, p. 373–425.
- WILSON, Arthur McCandless, *French Foreign Policy during the Administration of Cardinal Fleury, 1726–1743*, Cambridge, Harvard University Press, 1936.

WITTRAM, Peter, *Peter I. Czar und Kaiser, zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1961.

ZELLER, Gaston, *Histoire des relations internationales, Les Temps modernes II, De Louis XIV à 1789*, p. p. P. Renouvin, Hachette, 1955.

ZELLER, Gaston, «Le principe d'équilibre dans la politique internationale avant 1789», *Aspects de la politique française sous l'Ancien Régime*, PUF, 1964, p. 172–184.

ZEVERT, Edgar, *Le Marquis d'Argenson et le ministère des affaires étrangères du 18 novembre 1744 au 10 janvier 1747*, Germer Ballière, 1879; Genève, Slatkine reprints, 1976.

Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964.

АЛЕКСАНДРЕНКО В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава, 1897.

АЛЕФИРЕНКО П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–60 годах XVIII века. М., 1958.

АРДАБАЦКАЯ А. Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII века // Ученые записки Саратовского университета. 1954. Т. 39. С. 138–175.

БЕНУА А. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910.

ВЕЙДЕМЕЙЕР А. И. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1832.

ВЕЙДЕМЕЙЕР А. И. Царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1835.

ВЕРЕТЕННИКОВ В. И. Из истории Тайной канцелярии, 1731–1762 гг. Очерк. Харьков, 1911.

ВЕРЕТЕННИКОВ В. И. Очерки истории Генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени. Харьков, 1915.

Документы по истории XVIII века. М., 1957.

ЕШЕВСКИЙ С. В. Очерк царствования Елизаветы Петровны // Отечественные записки. 1868. Май. С. 17–58; Июнь. С. 337–419; 1869. Июнь. С. 4–62.

КАБУЗАН В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII–первой половине XIX века. М., 1971.

КАРАБАНОВ П. Ф. Статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII века. Биографические очерки // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 443–473; 1870. Т. 3. С. 38–48; 272–282; 457–473; 1871. Т. 4. С. 59–67; 379–404.

КАРСАВИН Л. Н. Восток, Запад и Русская идея. Петроград, 1922.

КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 4.

КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.

КОРДТ В. А. Донесения посланников Республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. СПб., 1902.

КОРОБКОВ Н. М. Семилетняя война: Действия России в 1756–1762 годах. М., 1940.

КОСТОМАРОВ Н. И. Императрица Елизавета Петровна, исторический очерк // Вестник Европы. 1887. Т. 44, № 1. С. 61–104; № 2. С. 522–561; 1888. Т. 45. № 3. С. 5–57.

МИХНЕВА Р. Османская Империя в международных отношениях середины XVIII века. М., 1985.

Наталья Федоровна Лопухина, статс-дама Двора Императрицы Елизаветы Петровны, биографический очерк // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 1–43, 191–235.

НИКИФОРОВ Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII века // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 9–39.

ПЕКАРСКИЙ П. Маркиз де Ла Шетарди в России, 1740–1742. СПб., 1862.

ПЛАТОНОВ С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.

ПРЕСНЯКОВ А. Е. История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 2. Правительствующий Сенат в царствования Елизаветы Петровны и Петра Федоровича. СПб., 1911.

Присоединение Пруссии к России: Проект // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 705–713.

РАДОВСКИЙ М. И. Из истории англо-русских научных связей. М., 1961.

РОМАНОВИЧ-СЛАВАТИНСКИЙ А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1870.

Россия и Италия. М., 1968.

СЕМЕВСКИЙ М. И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол, 1709–1741, исторический очерк // Русское слово. 1859. Февраль. С. 178–209.

СЕМЕВСКИЙ М. И. Первый год царствования Елизаветы Петровны, 1741–1742, исторический очерк // Русское слово. 1859. Июнь. С. 221–326; 1859. Август. С. 277–352.

СЕМЕВСКИЙ М. И. Царствование Елизаветы Петровны, 1743, исторический очерк // Русское слово. 1860. Февраль. С. 88–118.

Славяно-германские отношения. М., 1964.

СОЛОВЬЕВ С. М. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин // Русская речь. 1861. 12 января. С. 53–60.

СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. XI–XII.

Тайная Канцелярия в 1741–1761 годах // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 523–539.

ТРОИЦКИЙ С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

ТРОИЦКИЙ С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.

ФЕОКТИСТОВ Е. Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. М., 1882.

Библиография

ФИЛИППОВ А. Н. Доклад Императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Февраль. С. 274–291.

ФИРСОВ Н. Н. Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань, 1887.

ХМЫРОВ М. Д. Граф Лесток, биографический очерк по документам // Исторические статьи М. Д. Хмырова. СПб., 1873. С. 67–240.

ЧЕРЕПНИН Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) // Документы советско-итальянской конференции историков. Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века. 1970. С. 11–60.

ЧИСТОЗВОНОВ А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.

ШМУРЛО Е. Ф. Восток и Запад в русской истории // Ученые записки Юрьевского университета. 1895. № 3. С. 1–37.

ШУБИНСКИЙ С. Н. Арест и ссылка регента Российской Империи, герцога Курляндского Бирона 1740 года. Статья по неизданным документам // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 537–561.

ЩЕПКИН Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758. СПб., 1902.

Указатель имен*

- Абеляр Пьер 280
- Август, принц — см. Фридрих-Август
- Август III — см. Фридрих-Август II
- Авренкур Луи де Карлевак, маркиз д', французский дипломат 210, 224
- Адольф, герцог Голштейн-Готторпский 184
- Адольф-Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский — последний принц, а затем король шведский под именем Адольфа I Фредрика 55, 122, 186, 189, 191, 193, 203, 208–209, 214, 224, 260, 283, 303, 310, 333, 335, 336, 329, 342, 347
- Адуевский — см. Одоевский
- Айзенберг 278
- Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 96
- Алсуфьев — см. Олсуфьев
- Альгаротти Франческо, граф, итальянский литератор 45
- Альон д' — см. Дальон
- Амело де Шайу Жан Жак, французский министр иностранных дел 32, 35–37, 42, 43, 115, 334
- Ангальт-Цербстская, княгиня — см. Иоганна-Елизавета, княгиня Ангальт-Цербстская
- Анна Ивановна, российская императрица 24, 97, 99–102, 110, 140, 150, 185, 228, 260, 262, 300, 320, 327
- Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейг-Бевернская, регентша при Иване VI 25–27, 47, 48, 97, 101–105, 120, 128–129, 158–159, 164, 177, 260, 280, 301, 327, 328, 335, 345
- Анна Петровна, дочь Петра I, в замужестве герцогиня Голштейн-Готторпская 96–98, 185–186
- Антон-Ульрих, принц Брауншвейг-Бевернский 101–105, 111, 120, 297
- Апраксин Степан Федорович, генерал-аншеф, генерал-кригс-комиссар 146, 168, 177, 276, 282, 319–320

---

* В указатель не включены имена авторов, фигурирующих в библиографических описаниях. У российских подданных и иностранцев на русской службе национальность не указана. Чины и звания указаны применительно к периоду, рассматриваемому в книге.

- Аржансон Марк-Пьер де Вуайе,
граф д', французский военный
министр 44
- Аржансон Рене-Луи де Вуайе,
маркиз д', французский
министр иностранных дел 30,
44, 45, 51, 52, 54, 55, 59, 63, 65,
67, 79, 80, 82, 142, 144, 145,
157, 216, 230, 253, 259, 340,
347
- Аслан-Гирей, крымский хан
222, 248
- Аш Федор Юрьевич фон, почт-
директор 280
- Барк Нильс, шведский
посланник в России 127, 224,
337, 343, 349
- Барш Яков Савич, вице-
адмирал 322
- Бастьен (Бастиян), егерь двора
великого князя Петра
Федоровича 166
- Белосельский-Белозерский
Михаил Андреевич, князь,
генерал-кригс-комиссар 282,
322
- Бель-Иль Луи Шарль Арман,
граф де, французский
полководец 36, 54, 328, 329
- Бенедикт XIV, папа римский
262
- Бернес Иосиф фон, посол
Австрии при прусском, а
затем при русском дворе 209,
215, 224, 226, 243, 251, 305,
350, 353
- Бернис Франсуа Жоашен де
Пьер, французский министр
и иностранных дел 260, 262
- Бернсдорф Иоганн Гартвиг,
датский министр
и иностранных дел 195, 224
- Берхгольц Фридрих Вильгельм
фон, камер-юнкер, затем обер-
камергер великого князя
Петра Федоровича 276, 331
- Бест, англичанин, легендарный
предок Бестужевых-Рюминых
136–137
- Бестужев-Рюмин Алексей
Петрович, граф, канцлер 13,
28, 33, 34, 37, 38, 47, 48, 50, 58,
61, 66, 68, 73–77, 79, 84, 86, 87,
90, 102, 106, 114–116, 119, 120,
123–132, 134–140, 142–148,
153–157, 164–165, 166–175,
178–180, 184, 187–209,
214–220, 224, 227, 229, 231,
234–242, 244, 245, 257, 262,
270, 273–285, 292–294,
296–314, 319, 325, 326, 335,
339, 342, 344, 348, 349
- Бестужев-Рюмин Андрей
Алексеевич, граф, сын
А. П. Бестужева 170, 241, 277,
302
- Бестужев-Рюмин Михаил
Петрович, граф, брат
А.П.Бестужева, обер-
гофмаршал, дипломат 115,
137–139, 199, 241–242, 249,
308, 329, 330, 337–340, 348,
349, 351, 352
- Бестужева (урожд. Беттигер)
Анна Ивановна, графиня,
жена А.П.Бестужева 142, 278
- Бестужева-Рюмина (урожд.
Головкина, в первом браке
Ягужинская) Анна
Гавриловна, графиня, первая
жена М.П.Бестужева 115, 137,
242
- Бестужева-Рюмина (урожд.
Разумовская) Евдокия
Гавриловна, графиня, жена
А. А. Бестужева 170, 241, 277,
302
- Бецкой Иван Иванович,
камергер двора великого
князя Петра Федоровича 166

- Бирон Эрнст Иоганн, герцог Курляндский 100–102, 121, 301, 327
- Бисмарк Рудольф-Август фон, генерал-майор 100, 167, 318
- Болотов Андрей Тимофеевич, писатель 17
- Ботта-Адорно Антонио, маркиз, посланник Австрии в России 102, 112, 115–119, 123, 129, 131, 134, 149, 153, 224, 242, 259, 304, 328, 334, 336
- Бракель Казимир Кристоф фон, резидент России в Берлине 330
- Браун (Броун) Георгий Георгиевич, генерал-поручик 318
- Брауншвейгское семейство 42, 48, 56 115, 120, 125, 131, 134, 137, 149, 168, 178, 185, 260, 282, 297
- Бреверн Карл Германович фон, секретарь кабинета министров, затем конференц-министр 108, 125, 330, 335
- Бредаль Петр, обер-егермейстер двора великого князя Петра Федоровича 166
- Бретлак — см. Претлак
- Брюль Генрих фон, польско-саксонский первый министр 24, 49, 77
- Брюммер (Бриммер) Отто Фридрих фон, гофмаршал великого князя Петра Федоровича 29, 105, 113, 117, 127, 134–136, 139, 155, 166, 168, 170–171, 178, 188, 244, 272, 285, 296, 331, 346
- Буасси Луи де, французский драматург 259
- Бурбон-Конде Луи-Анри, герцог де, первый министр Людовика XV в 1723–1726 гг. 228
- Бурбоны, династия 28, 33, 40, 52, 54, 64, 207, 216, 231, 234, 243, 262
- Бутурлин Александр Борисович, генерал-аншеф 146, 167, 276, 281, 314
- Бухвальд Фридрих фон, голштинский советник 333
- Валори Луи Ги Анри, маркиз де, посол Франции при прусском дворе 51, 63, 80, 87, 89, 170, 223
- Варендорф Конрад Генрих, секретарь прусского посольства, затем полномочный министр Пруссии в России 81, 82, 113, 170–173, 193, 213, 220–223, 243, 244, 248–252, 282, 346, 353, 354
- Василий Дмитриевич, великий князь 137
- Вейнгартен фон, секретарь австрийского посольства в Берлине 250
- Вейч Сирил, посол Англии при русском дворе 112, 330, 338
- Веселовский Исаак Павлович, тайный советник, член Коллегии иностранных дел 196, 233, 277, 279–281
- Веттины, саксонский графский род 123
- Викфор Абраам ван, голландский дипломат 210, 257, 259
- Вильбуа (урожд. Кошкуль), мать А. Н. Вильбуа 275
- Вильбуа Александр Никитич, камергер двора великого князя Петра Федоровича 275
- Вильбуа Никита Петрович (Франсуа Гийом де), отец А. Н. Вильбуа 275

- Вильгельм IV, штатгальтер
Нидерландов 199
- Вольтер (наст. имя и фам.
Франсуа Мари Аруэ) 23, 40,
90, 263
- Вольф Джекоб (Яков),
английский консул в
Петербурге, банкир 75, 199,
251, 276, 279
- Воронцов Михаил
Илларионович, граф, вице-
канцлер 17, 29, 48, 74, 106,
107, 114, 117, 119, 128, 130,
135, 139–142, 135, 150, 153,
164, 169, 172, 173, 175, 179,
180, 196, 215, 240, 242, 252,
272, 273, 277, 278, 280, 283,
293, 295, 301–302, 339, 340,
342, 344, 348
- Воронцова (урожд.
Скавронская) Анна Карловна,
графиня, жена
М.И.Воронцова 139–142, 273,
278
- Вульфеншерн Густав, барон,
шведский посланник в России
165, 311, 350
- Габсбурги, династия 24, 25, 28,
30, 33, 42, 44, 46, 49, 52, 88,
110, 123, 136, 198, 207, 216,
238, 243, 256, 257, 260, 262
- Гагарины, род 115
- Гай Диккенс Мельхиор, посол
Англии при шведском, а затем
при русском дворе 199, 200,
214, 224, 251, 353
- Гаугвиц (урожд. Карловиц, во
втором браке Бестужева),
вторая жена М. П. Бестужева
242, 352
- Гаугвиц Фридрих Вильгельм,
министр Марии-Терезии 263
- Гедимин, великий князь
литовский 96
- Геллерт Христлиб Эрготт,
минералог, адъюнкт
Петербургской Академии
наук 166
- Гендриковы, род 107
- Генрих IV, французский король
54
- Генъен, генерал-поручик 285
- Георг II, английский король 14,
16, 24, 31, 35, 41, 42, 46, 53–55,
56, 58, 63–65, 69, 72, 75, 77, 80,
85, 88, 91, 119, 124, 131, 149,
183, 195, 197, 199, 203, 207,
208, 212, 218, 221, 223, 226,
239, 258, 260, 261, 263, 264,
305, 329, 331, 335, 338, 340
- Герсдорф Николаус
Виллибальд, саксонский
дипломатический
представитель в России 127,
337, 341
- Гессен-Гомбургская (урожд.
княжна Трубецкая)
Анастасия Ивановна,
принцесса 166, 281
- Гессен-Гомбургский Людвиг
Иоганн Вильгельм, принц,
генерал-фельдмаршал
русской армии 108, 114
- Гиндфорд Джон Кармайкл,
граф, посол Англии при
русском дворе 145, 146, 188,
209, 215, 224, 226, 243, 251,
283, 306, 341, 348, 352
- Глюк Эрнст, уроженец
Саксонии, лютеранский
пастор 275
- Гмелин Иоганн Георг, химик,
профессор Петербургской
Академии наук 166
- Гогенцоллерны, династия 24, 28,
110, 131, 186, 260
- Гогенгольц Николаус Себастьян
Эдлер фон, посланник
Австрии в России 284

- Голицын Александр Михайлович, князь, генерал-поручик 314
- Голицын Александр Михайлович, князь, камергер двора великого князя Петра Федоровича 154, 282
- Голицын Михаил Михайлович младший, князь, генерал-адмирал, в 1745–1748 гг. посол России в Персии 107, 282, 298, 314
- Голицына Татьяна Борисовна, княгиня, вдова фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына старшего, обер-гофмейстерина 114
- Голицыны, род 100
- Головкин, граф, камергер 172
- Головкин Александр Гаврилович, граф, полномочный посол России в Нидерландах 87, 89, 199, 328, 350
- Головкин Гавриил Иванович, граф, канцлер 100
- Головкин Михаил Гаврилович, вице-канцлер 102
- Головкины, род 115
- Гольдбах Христиан, математик, статский советник 79, 280
- Гольц Балтазар фон дер, прусский посланник в России 178, 180, 193, 201, 215–216, 221, 237–243, 351, 353, 354
- Гольц Бернгард Вильгельм фон дер, прусский дипломат 253
- Гольштейн Карл, датский резидент в России 337, 338, 342
- Гомбургская, принцесса — см. Гессен-Гомбургская, принцесса
- Гохгольцер Николаус-Себастьян, фон, австрийский дипломат 127, 327
- Грапп, прусский полковник 113–114, 334
- Грейфенхейм Иоганн Август фон, шведский дипломатический представитель в Саксонии и России 352, 353
- Гросс Генрих, полномочный министр России во Франции 90, 108, 118, 235, 236, 244–252, 338, 340, 347, 351, 352, 354
- Гроций Гуго де Гроот, голландский юрист 245, 258, 259
- Дальон (д'Альон) Луи д'Юссон, граф, полномочный министр Франции в России 41, 43–46, 48, 56–60, 64–68, 72–75, 80, 81, 82, 85, 89, 115, 116, 117, 119, 122, 124–126, 130–132, 135, 138, 145, 152, 154, 156, 157, 159–161, 169–172, 175, 176, 188, 211, 225, 232–237, 253, 283, 333, 337, 340, 341, 349
- Дашкова (урожд. Воронцова) Екатерина Романовна, княгиня 17
- Девьер Антон Мануилович, граф, генерал-аншеф 150
- Дефье Даниил, голландский резидент в России 341, 345
- Делиль Жозеф Никола, астроном, академик Петербургской Академии наук 166
- Долгорукая Екатерина Алексеевна, княжна 99
- Долгорукая (урожд. Голицына) Ирина Петровна, княгиня 144
- Долгорукие, род 100, 108

- Долгорукий Василий
Владимирович, князь,
генерал-фельдмаршал,
сенатор 135, 319
- Дуллертинкер, племянник
О. Ф. фон Брюммера 166
- Дюбуа Гийом, кардинал,
министр иностранных дел,
а затем первый министр
регента Филиппа
Орлеанского 42, 228, 253
- Евдокия Федоровна (урожд.
Лопухина), царица, первая
жена Петра I 96
- Екатерина I, российская
императрица 70, 97–98, 106,
107, 109, 140, 144, 159, 185,
228, 275, 330
- Екатерина II, российская
императрица 13, 17, 97,
121–123, 128, 148, 158, 163,
192–193, 275, 296–297, 326,
337, 339, 343
- Екатерина Ивановна,
в замужестве герцогиня
Мекленбург-Шверинская 97,
105
- Елизавета Петровна,
российская императрица
13–14, 20, 25–34, 36–44,
46–48, 50–52, 55–59, 61–63,
65–67, 72–78, 80, 81, 84–87,
89–92, 95, 97–99, 102,
105–114, 116, 117, 119–133,
135–180, 186–208, 210–214,
217–220, 222–226, 228–257,
259–263, 269–276, 278–283,
290–294, 296–299, 301–306,
309–311, 312–315, 318–319,
325–326, 329–352
- Иван IV Васильевич Грозный,
русский царь 70, 221
- Иван V, русский царь 97–99,
101, 102, 228
- Иван VI, российский император
24–26, 34, 96, 97, 102,
104–105, 110, 111, 115,
120–121, 123, 131, 134, 136,
146, 148, 149, 158–160, 177,
197, 206, 228, 260, 262,
297–298, 302, 326, 327, 329,
335, 343
- Иван Антонович — см. Иван VI
- Иванов, секретарь императрицы
Елизаветы 280
- Инфанта — см. Луиза Елизавета
Французская
- Иоганна-Елизавета, княгиня
Ангальт-Цербстская, мать
Екатерины II 121–122, 128,
188, 193, 337
- Иосиф (Волчанский),
архиепископ московский 123
- Иссар Шарль Ясент Галеан де
Кастеллан, маркиз дез, посол
Франции при польско-
саксонском дворе 345
- Кайер Франсуа де, французский
литератор 257, 259
- Кантемир Антиох Дмитриевич,
князь, полномочный министр
России во Франции 333, 338
- Карл VI, император «Священ-
ной Римской империи
германской нации» 23, 24, 26,
70, 100, 184, 185, 260, 327
- Карл VII, баварский курфюрст,
император «Священной
Римской империи германской
нации» 24, 39, 44, 51, 53, 127,
139, 234, 328, 331, 337–340
- Карл XII, шведский король 25,
26, 204
- Карл Лотарингский, брат
Франца I 183
- Карл-Август, принц Голштейн-
Готторпский, епископ
Любский 98, 109, 121, 122

- Карл-Альбрехт — см. Карл VII
- Карл-Леопольд, герцог
Мекленбург-Шверинский 97
- Карл-Фридрих, герцог
Гольштейн-Готторпский 97, 98,
185–186
- Карл-Эммануил III, сардинский
король 69
- Картерет Джон, лорд Гренвил,
английский дипломат,
министр иностранных дел в
1842–1844 гг. 225, 331
- Кауниц-Ритберг Венцель Антон
фон, посол Австрии при
французском дворе, затем
канцлер 87, 216–219, 223, 225,
242, 260, 262
- Кейзер Антон Андреевич,
капитан 322
- Кейзерлинг Герман Карл фон,
граф, русский
дипломатический
представитель при саксонско-
польском и прусском дворах и
при дворе Карла VII 100, 108,
245, 330, 332, 339, 341, 343,
347, 351
- Кейт Джемс (Яков Вилимович),
генерал-фельдмаршал 167,
281, 282, 348
- Кейт Джордж, наследственный
лорд-маршал Шотландии 223
- Кеннеди Джемс, контр-адмирал
322
- Клинггреффен Иоганн
Вильгельм фон, полномочный
министр Пруссии в Лондоне
223
- Кonti Луи Франсуа де Бурбон,
французский полководец 46,
55, 229
- Корсаков — см. Римский-
Корсаков В. Я.
- Корф Иоганн Альбрехт, барон,
полномочный министр
России в Дании и Швеции
100, 108, 118, 189, 192, 204,
207, 209, 224, 238, 311, 330,
332, 336–338, 341, 344,
346–348, 350
- Кошелева Мария Родионовна,
фрейлина великой княгини
Екатерины Алексеевны 275
- Крамер, камердинер великого
князя Петра Федоровича 166
- Крузе Мария, камер-фрау
великой княгини Екатерины
Алексеевны 275
- Куракин Александр Борисович,
князь, сенатор, конференц-
министр 107, 271, 314
- Курбатов Петр Петрович,
тайный советник, член
Коллегии иностранных дел
280
- Курляндский, герцог — см. Бирон
- Кюстин Астольф, маркиз де,
французский писатель 151
- Лагерфлихт Карл Бартольд,
секретарь шведского
посольства в Петербурге 284,
344
- Ланмари, французский
дипломат 224
- Ланчинский Людовик,
полномочный министр
России в Австрии 173, 199,
330, 336, 349, 354
- Ла Порт дю Тей, французский
дипломат 44
- Ла Саль, полковник 172–173
- Ласси Петр Петрович, генерал-
фельдмаршал 281, 282, 318,
344
- Ла Шетарди Жоашен Жак
Тротти, маркиз де,
чрезвычайный посол
Франции при русском дворе

- 26, 27, 29, 31–38, 40–44, 73,
103–106, 110, 111–113,
116–119, 122, 124–136, 148,
149, 151, 152, 157, 161, 170,
188, 224, 225, 229–232, 236,
259, 272–273, 281, 283, 294,
301, 310, 328, 330, 331, 333,
334, 336–339, 343
- Левенвольде Рейнгольд-Густав,
граф, обер-гофмаршал при
Анне Ивановне 26, 100, 279
- Левенгаупт Карл Эмиль,
шведский военачальник 331
- Лёвендаль Ульрих-Фридрих-
Вольдемар фон, граф,
генерал-аншеф, с 1743 г. во
французской службе 167, 343
- Лсмер, французский дипломат
224
- Лепренс Жан, французский
художник 153
- Ле Руа Ладюри Эмманюэль,
французский историк 95, 165
- Лесток Иоганн Герман (Жан
Эрман), граф, лейб-медик
императрицы Елизаветы 29,
85, 105, 107, 113, 116, 117, 119,
122, 127, 128, 132, 134–137,
139, 142, 145, 146, 155,
168–172, 176–180, 244, 259,
272, 273, 285, 294–295,
300–301, 338, 350
- Лесток (урожд. Менгден)
Мария, графиня, жена И.-
Г. Лестока 176, 178, 350
- Ле Шамбрье Жан,
полномочный министр
Пруссии во Франции 49, 57,
62, 79, 85, 178, 211, 216, 218,
219, 222, 223, 225
- Ливен Георг-Рейнгольд (Юрий
Григорьевич), подполковник
Конногвардейского полка 146,
168, 282, 318
- Линар Мориц-Карл фон,
саксонский дипломат 104, 301
- Линар Рохус Фридрих, датский
дипломат 192, 194, 196–198,
353
- Лоизе, контр-адмирал 322
- Локателли Франческо,
итальянский литератор 246
- Лопухина (урожденная Балк)
Наталья Федоровна 145
- Лопухины, род 115, 242
- Луиза Елизавета Французская,
инфанта Пармская, дочь
Людовика XV 55
- Л'Эсток — см. Лесток
- Люберас Людвиг-Иоганн фон,
барон, генерал-аншеф,
полномочный министр
России в Швеции 282, 334,
337, 340, 343, 346, 347
- Любский, епископ — см. Карл-
Август, принц Голштейн-
Готторпский
- Людовик XIV, французский
король 54, 95, 216, 228, 262
- Людовик XV, французский
король 14, 16, 23, 24, 26, 27,
32, 33, 36, 37, 39–45, 48, 51,
52, 54, 55, 57–60, 63–67, 71,
72, 76, 78, 79, 86, 89, 91, 111,
122, 124, 127, 131, 133, 134,
141, 147, 160, 162, 172, 174,
184, 187, 192, 202, 203, 207,
208, 211, 212, 216–219,
227–230, 232, 234, 235, 237,
243, 249, 255–258, 260, 261,
263, 328–330, 339–341, 343,
350, 351
- Людовик Французский, дофин
347
- Лялин Пимен Васильевич,
фаворит Елизаветы Петровны
107, 126, 150, 272
- Максимилиан III Иосиф,
баварский курфюрст 183

- Манштейн Кристоф-Герман, полковник, адъютант Б.-К.Миниха, мемуарист 17, 102, 103, 167, 339
- Мардефельд Аксель фон, полномочный министр Пруссии в России 18–19, 26, 30, 31–34, 36, 38, 41, 43–46, 48, 49, 50, 52, 53, 56–60, 62, 65–68, 72–83, 91, 95, 103–105, 111–114, 116–121, 124, 127–132, 134–136, 138, 142–145, 154, 156, 157, 160, 162, 164, 169–170, 172, 174, 188, 225, 238, 242–244, 261, 267–286, 289, 328, 329, 335, 345, 346
- Мария Лещинская, французская королева 112 («польская принцесса»)
- Мария-Анна, саксонская принцесса 123
- Мария-Жозефа, саксонская принцесса 347
- Мария-Терезия, венгерская королева и австрийская эрцгерцогиня 14, 16, 23–24, 29, 31, 35, 36, 39, 46–49, 54, 56–57, 62–64, 69, 70, 85, 86, 85, 102, 103, 115, 116, 119, 123, 134, 149, 183, 199, 207, 208, 215–219, 221, 255, 258, 259, 261, 263, 264, 327, 329, 332–334, 336, 340, 343, 344, 347, 350
- Матвеев Андрей Артамонович, граф, дипломат 273
- Махмуд I, турецкий султан 83, 205
- Машо д'Арнувиль Жан-Батист де, французский государственный деятель, министр финансов при Людовике XV 263
- Мекленбургский, герцог — см. Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский
- Менгден Карл-Людвиг, барон фон, президент Коммерц-коллегии 100
- Менгден Юлия (Юлиана), баронесса, первая статс-фрейлина, фаворитка Анны Леопольдовны 176–177
- Меншиков Александр Данилович, светлейший князь 97–99, 280
- Меншикова Мария Александровна, княжна, дочь А.Д.Меншикова 99
- Миних Бурхард-Кристоф фон, генерал-фельдмаршал 25, 26, 100, 102–104, 131, 165, 168, 271, 282, 328
- Миних Христиан-Вильгельм фон, обер-гофмейстер 108, 168, 271
- Монтескье Шарль-Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де 292, 322
- Морепа Жан Фредерик Фелипо, граф де, морской министр при Людовике XV 35, 37, 55, 74, 126
- Мориц Саксонский, граф, маршал Франции 44, 46, 64, 332, 338, 347–349
- Мустафа-ага 222
- Надир-шах, персидский шах 312
- Нарышкин Семен Кириллович, гофмаршал двора великого князя Петра Федоровича 122, 271, 330, 331, 335
- Нарышкины, род 100
- Наталья Алексеевна, царица 96–98
- Нейгауз Иосиф Мария, барон, полномочный министр императора Карла VII в России 127, 333

- Неплюев Адриан Иванович,
резидент в Константинополе
279, 280, 334
- Неплюев Иван Иванович,
мемуарист 17
- Ноай Адриен Морис, герцог де,
французский военачальник
36, 39, 55
- Нолькен Эрик Матиас,
шведский резидент в России,
затем шведский статс-
секретарь 332, 334, 341
- Ньюкасл Томас Пэлем Холлс,
герцог, английский премьер-
министр 75
- Одоевский Иван Васильевич,
князь, сенатор 314
- Олсуфьев Адам Васильевич,
дипломат 282
- Орсиин-Розенберг — см.
Орсиин
- Остен Адольф Зигфрид фон
дер, датский подполковник
172
- Остерман Андрей Иванович,
граф, при Анне Ивановне
кабинет-министр, при Анне
Леопольдовне руководитель
внешней политики России 26,
100, 102–105, 131, 279, 280,
301, 314, 328
- Павел I, российский император
96, 193
- Панин Никита Иванович, граф,
полномочный министр в
Дании и Швеции 209, 210,
213, 214, 224, 249, 298,
350–353
- Пеке Антуан, литератор 257, 259
- Петр I, российский император
13, 17, 19, 25, 26–31, 37, 40, 42,
48, 51, 57, 58, 66, 70, 87, 89, 90,
96–99, 101, 105, 107, 109, 113,
127, 132, 136, 146, 152–154,
159, 162, 165, 184, 197, 214,
228, 235, 256, 257, 273, 280,
281, 291, 292, 310, 313, 315,
316, 318, 320, 322, 323–325
- Петр II, российский император
96–99, 101, 228, 279
- Петр III, российский император
55, 97, 109–111, 121–123, 128,
134, 159, 163, 171, 185–199,
203, 217, 220, 259–260,
274–276, 295–297, 302–303,
326, 330, 331, 333–337, 339,
341–344, 346, 347, 353
- Петр Федорович, великий
князь — см. Петр III
- Петцольд Иоганн Сигизмунд
фон, польско-саксонский
резидент в России 56, 284,
308, 331, 333, 334, 337, 342,
347, 351
- Пехлин Иоганн Фрайхер фон,
голландский министр
великого князя Петра
Федоровича 188, 194, 276
- Пифагор 95
- Подевильс Генрих фон,
прусский министр
иностраннх дел 78, 82, 87,
88, 124, 132, 173, 249, 252, 269,
290
- Прасковья Федоровна (урожд.
Салтыкова), царица 99
- Претлак Иоганн Франц фон,
австрийский дипломат и
полководец 63, 84, 152, 168,
198–200, 243, 251, 283, 304–
306, 343, 344, 348–350, 353
- Пуговичников Иван Осипович,
обер-секретарь Коллегии
иностраннх дел 196
- Пушкин Алексей Михайлович,
русский полномочный
министр в Швеции и Дании
341, 344

- Пуизьё Луи Филожен Брюлар, маркиз де, французский министр иностранных дел 82, 85, 89, 176, 178, 211, 223, 225, 253, 347
- Разумовский Алексей Григорьевич, граф, обер-егермейстер, фаворит императрицы Елизаветы 107, 139, 145–147, 150, 165, 167, 195, 241, 246, 271–272, 275, 296, 298–300, 302, 313, 314, 326, 346
- Разумовский Кирилл Григорьевич, граф, президент Петербургской Академии наук 107, 139, 167
- Регент — см. Филипп II Орлеанский
- Репнин Василий Аникитич, князь, генерал-фельдцейхмейстер, обер-гофмейстер двора великого князя Петра Федоровича 84, 146, 148, 166, 167, 232, 274, 275, 319, 336
- Римский-Корсаков Воин Яковлевич, контр-адмирал 322
- Ричковский 235
- Род Якоб Фридрих, чрезвычайный посланник Пруссии в Швеции 238
- Розенберг (Орсини-Розенберг) Филипп Иосиф, посол Австрии при русском дворе 61, 75, 131, 146, 224, 304, 340, 343
- Розенкранц, капрал 285
- Розенкранц, поручик 285
- Розенкранц, служитель Главной канцелярии 285
- Романовы, династия 52, 58, 105, 110, 149, 186, 195, 229, 233, 334
- Румянцев Александр Иванович, граф, генерал-аншеф 117, 118, 127, 135, 144, 170, 273, 281, 314, 334, 352
- Румянцева (урожд. Матвеева) Марья Андреевна, графиня, жена А. И. Румянцева 144, 273
- Румянцевы, род 143
- Рюрик 96
- Салтыков Петр Семенович, граф, генерал-поручик, генерал-аншеф с 1754 г. 107, 146, 168, 282
- Самойлов, бригадир 142
- Сант Франц Матвеевич, граф, обер-церемониймейстер 114, 280
- Сварт Марсель, голландский резидент в России 251, 284, 307
- Сегебаден, секретарь шведского посольства в России 352
- Сен-Пьер Шарль Иреней Кастель, аббат де, французский философ 259
- Сен-Северен, французский дипломат 224
- Сен-Симон Луи де Рувруа, герцог де, мемуарист 95, 253
- Сен-Совёр, консул Франции в Петербурге 85, 89, 90, 175–176, 349, 350
- Сиверс Карл Ефимович, барон, обер-гофмаршал 150, 272, 275, 334
- Симолин Иван Матвеевич, дипломат 250, 280
- Скавронские, род 107
- Соловьев Сергей Михайлович, историк 17
- София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская — см. Екатерина II

- Стюарт Карл Эдуард, внук
английского короля Якова II,
претендент на английскую
корону 345
- Стюарт Павел, генерал-майор 318
- Сумароков Александр
Петрович, адъютант А. Г. Ра-
зумовского, писатель 272
- Тамаз-Кули-хан — см. Надир-
шах
- Теплов Григорий Николаевич,
адъюнкт Петербургской
академии наук 299
- Тессин Карл Густав, шведский
канцлер 203, 213, 226, 352
- Тирконнел Ричард, посол
Франции при прусском дворе
213, 249
- Тироули, барон Джеймс О'Хара,
чрезвычайный и
полномочный посол Англии
при русском дворе 75, 119,
127, 131, 338
- Толстой Петр Андреевич, граф,
президент Коммерц-коллегии,
начальник Тайной
канцелярии, член Верховного
тайного совета 280
- Тосканский, герцог — см.
Франц I
- Тренк Фридрих фон дер,
прусский авантюрист 142,
151, 167
- Трубецкая (урожд. Хераскова)
Анна Даниловна, княгиня,
жена Н. Ю. Трубецкого 144
- Трубецкие, род 143, 314
- Трубецкой Иван Юрьевич,
князь, генерал-фельдмаршал
281, 314
- Трубецкой Никита Юрьевич,
князь, генерал-прокурор 107,
113, 116–119, 127, 128, 136,
- 138, 193, 240, 242, 252, 273,
281, 292–293, 313, 314
- Уильямс Чарлз Хенбери, сэр,
посол Англии при прусском
дворе 223, 250
- Ульрика фон Гогенцоллерн,
жена Адольфа-Фридриха
55–56, 112, 186, 203, 209, 211,
226, 283, 339
- Уолпол Роберт, граф Орфорд,
английский премьер-министр
24, 331
- Ушаков Андрей Иванович,
граф, начальник Тайной
канцелярии 117, 136, 141, 193
- Фербер, шпион 172
- Филипп V, испанский король
69
- Филипп Орлеанский, герцог,
регент Франции 228
- Финкенштейн Карл Вильгельм
Финк фон, полномочный
министр Пруссии в России
18–19, 81–85, 90, 91, 95, 132,
135, 145, 170, 171, 173–180,
211, 225, 237–239, 242–244,
269, 273, 276–279, 282, 284,
285, 289–326, 348, 351
- Финч Эдуард, посол Англии
при русском дворе 331
- Фицтум фон Экштедт Людвиг
Зигфрид фон, саксонский
посланник в России 284, 346,
347, 348
- Фланс Адам Кристоф, прусский
генерал-фельдмаршал 285
- Флери Андре Эркуль де,
кардинал 24, 27, 30, 36, 41,
229, 334
- Фокеродт Иоганн Готхильф,
секретарь прусского
посольства в Петербурге, член
Королевского совета при
Фридрихе II 88, 132, 211

- Фонтенель Бернар ле Бовье де, французский философ 17, 58
- Франц I, император «Священной Римской империи германской нации», муж Марии-Терезии 63, 183, 341, 343, 344, 350
- Франциск I, французский король 54
- Фредрик I, шведский король 186–187, 189–191, 208, 213, 224, 307, 311, 330, 332–335, 342, 343
- Фредрик IV, датский король 184
- Фредрик V, датский король 188, 190–192, 194–197, 207, 212, 220, 346
- Фридрих II, прусский король 14–16, 18–19, 23, 25, 26, 28–30, 33–42, 44–91, 102–104, 111–133, 137–143, 149, 154, 156, 163, 167, 169–180, 183, 198, 202, 203, 205, 207, 208, 210–227, 237–257, 260, 261, 269, 270, 274, 275, 281, 289, 290, 305, 309, 325–326, 327–329, 332, 334, 336, 339–340, 342–344, 351, 352, 354
- Фридрих-Август II, саксонский курфюрст и польский король (под именем Августа III) 16, 24, 36, 47, 51, 52, 56, 61–62, 72, 76, 77, 121, 123, 127, 199, 333, 334, 339, 341, 344, 345
- Фридрих-Август, голштинский герцог-администратор 55, 185, 187–188, 193, 275–276, 336, 337, 341, 342, 344, 348
- Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский 97
- Фридрих-Вильгельм I, прусский король 25, 28, 244, 261, 277, 327
- Функ Иоганн Фердинанд Август фон, саксонский резидент в России 52, 56, 199, 226, 243, 252, 277, 284, 308–309, 342, 351
- Фухс, главный дворецкий 163
- Хёпкен Густав Вильгельм фон, шведский посланник при прусском, а затем русском дворе 224, 311, 350, 352
- Хеусс Фридрих-Генрих, полномочный министр Дании в России 189, 209, 215, 224, 307
- Христиан VI, датский король 187, 188, 329, 342
- Цедеркрейц Герман, шведский дипломатический представитель на переговорах в Або 334, 339, 342
- Цербстская, княгиня — см. Иоганна-Елизавета, княгиня Ангальт-Цербстская
- Черкасов Иван Антонович, барон, кабинет-секретарь 146; 169, 194, 276, 279, 325
- Черкассский Алексей Михайлович, князь, канцлер 100, 106, 107, 112, 130, 155, 164, 328, 331
- Чернышев Андрей Гаврилович, камер-лакей 154
- Чернышев Григорий Петрович, граф, генерал-аншеф и сенатор 273, 282
- Чернышев Петр Григорьевич, граф, дипломат 118, 141, 199, 245, 330–332, 337–339, 343, 346
- Чернышева (урожд. Ржевская) Евдокия Ивановна, графиня, жена Г.П.Чернышова 273
- Чернышева (урожд. Ушакова) Екатерина Андреевна,

- графиня, жена
П. Г. Чернышова 141
- Чоглоков Николай Наумович,
камергер, обер-гофмейстер
великого князя Петра
Федоровича 141, 148, 172, 194,
272, 297, 345, 346
- Чоглокова (урожд. Гендрикова)
Мария Семеновна, статс-дама,
обер-гофмейстерица великой
княгини Екатерины
Алексеевны 141–142, 272, 273,
275, 297
- Чоглоковы, род 107
- Шапизо А., племянник и
секретарь И.Г.Лестока 350
- Шапп д'Отрош Жан,
французский астроном 153
- Шварц Иоганн Людвиг,
чрезвычайный посланник
Голландии в России 349
- Шепелев Дмитрий Андреевич,
генерал-аншеф, обер-
гофмаршал 150, 271
- Шильд — по-видимому,
Шильден Фридрих фон, швед
на русской службе,
состоявший при молодом
дворе 276
- Шметтау Карл Кристоф, граф
фон, прусский генерал-
фельдцейхмейстер 137
- Шрайбер, торговец 166
- Штелин Якоб фон (Яков
Яковлевич), член
Петербургской Академии
наук, историк, наставник,
а затем библиотекарь
великого князя Петра
Федоровича 17, 166, 285
- Шторх Генрих, немецкий
статистик 104
- Шубин Алексей Яковлевич,
фаворит Елизаветы Петровны
107, 150
- Шувалов Александр Иванович,
граф, генерал-поручик,
начальник Тайной
канцелярии 177
- Шувалов Иван Иванович, граф,
фаворит Елизаветы Петровны
143, 150, 195
- Шувалов Петр Иванович, граф,
генерал-поручик и сенатор
106–107, 193, 240, 242, 252,
281, 314
- Шувалова (урожд. Шепелева)
Мавра Егоровна, графиня,
жена П.И.Шувалова 143, 274,
281, 314
- Шуваловы, род 107, 190
- Шулин Иоганн Сигизмунд,
датский министр
иностраннных дел 191
- Щербатов Иван Андреевич,
князь, полномочный министр
в Англии, тайный советник,
сенатор 146, 314, 330, 335,
346
- Эйлер Леонард, математик
и физик, профессор
Петербургской Академии
наук 166
- Юберкампф, секретарь
А.П.Бестужева 280
- Юрьев Иван Юрьевич, тайный
советник, член Коллегии
иностраннных дел 280
- Юсупов Борис Григорьевич,
князь, президент Коммерц-
коллегии 282

Список условных сокращений

GStA — Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Далем (бывший Dienststelle Merseburg, Abteilung II).

HHStA — Haus, Hof- und Staatsarchiv (Вена).

AAE — Archives du ministère des Affaires étrangères, Quai d'Orsay.

M et D — Mémoires et documents.

CP — Correspondance politique.

PC — Politische Correspondenz.

Сб. РИО — Сборник Императорского русского исторического общества.

Художник: *С. В. Митурич*
Изготовление оригинал-макета: *Т. А. Донскова*
Производство: *А. В. Булгаков*

Объединенное гуманитарное издательство,
103001, Москва, ул. Спиридоновка 20, стр. 1.
Тел./факс: 203-50-06; e-mail: perm@zhurnal.ru
для заказов: e-mail: tirazh@zhurnal.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, код 953000

ЛР № 065416 от 22.09.97.

Сдано в набор 2.11.99. Подписано в печать 5.02.2000
Формат 60×90/16. Гарнитура Petersburg. Объем 25,5 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ № 37

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии АО «Экос»
113209, Москва, Зюзинская ул., 6, корп. 2, АО «Экос»

История России в 1740–1750 гг. глазами французских и прусских дипломатов, отношения между послами как отражение и двигатель европейской политики — вот главный сюжет книги, удостоенной в 1998 г. премии Французской Академии. В приложении опубликованы отчеты о русском дворе, написанные в 1747 и 1748 г. двумя прусскими посланниками.

